

ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

**STUDIA HISTORIAE BULGARIAE
ET EUROPAE ORIENTALIS**

К юбилею Т.В. Волокитиной

МОСКВА
2018

УДК 94(100)“19/21”
ББК 63.3(4)
С88

Редакционная коллегия:

кандидат исторических наук *Е.Л. Валева*,
кандидат исторических наук *Н.С. Гусев*,
доктор филологических наук *Н.М. Куренная*,
кандидат исторических наук *А.С. Стыкалин*,
кандидат исторических наук *М.М. Фролова*

Рецензенты:

доктор исторических наук *Н.И. Егорова* (ИВИ РАН),
кандидат филологических наук *М.Г. Смольянинова* (ИСл РАН)

С88 **Studia** historiae Bulgariae et Europae Orientalis. К юбилею
Т.В. Волокитиной. Сборник статей / Редкол.: Е.Л. Валева, Н.С. Гусев, Н.М. Куренная, А.С. Стыкалин, М.М. Фролова. — М.: Институт славяноведения РАН, 2017. — 440 с.

ISBN 978-5-7576-0407-7

Сборник посвящен известному историку-болгаристу, доктору исторических наук Татьяне Викторовне Волокитиной. Книга содержит статьи отечественных и зарубежных коллег Т.В. Волокитиной. Тематика публикуемых работ, составивших два раздела, связана с новой и новейшей историей Болгарии и ее соседей, с анализом современных политических конфликтов и ролью в них наиболее значительных политических деятелей. Сборник рассчитан на специалистов по истории Болгарии, а также всех интересующихся историей Центральной и Юго-Восточной Европы.

УДК 94(100)“19/21”
ББК 63.3(4)

ISBN 978-5-7576-0407-7

© Авторы. Текст, 2018
© Институт славяноведения РАН, 2018

К ЮБИЛЕЮ ТАТЬЯНЫ ВИКТОРОВНЫ ВОЛОКИТИНОЙ

Настоящий сборник подготовлен к знаменательной дате в жизни доктора исторических наук Т.В. Волокитиной, замечательному человеку и серьезному ученому, руководителю отдела истории Восточной Европы после Второй мировой войны. Юбилей — великолепный повод для встречи на страницах этого сборника единомышленников и друзей Татьяны Викторовны.

Несмотря на необычайную широту научных интересов Т.В. Волокитиной, все же ее имя преимущественно связывается с российской исторической болгаристикой. Окончив в 1971 г. исторический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова, выпускница кафедры истории южных и западных славян Т.В. Волокитина поступила на работу в Институт славяноведения Академии наук СССР, с которым не одно десятилетие связана ее научная и общественная жизнь. В нашем Институте она прошла путь от старшего научно-технического сотрудника до заведующей отделом, здесь защитила обе диссертации. Как вспоминала сама Татьяна Викторовна, весной 1971 г. ее научный руководитель Л.В. Горина (ныне — Почетный профессор МГУ) посоветовала своей дипломнице «попытать счастья» в Инславе, где началась подготовка фундаментальной публикации документов «Советско-болгарские отношения и связи», и требовался молодой болгарист для технической работы. И вот — «любимое шелковое платье в цветочек, трепет в душе (Институт! Академия!!!), дрожь в коленках — это я стою перед симпатичным, уютного вида особнячком: Трубниковский переулок, дом 30-а», — так описывала впоследствии Татьяна Викторовна свой первый визит в Институт, вскоре ставший для нее родным домом. Поначалу, увлеченная проблематикой болгарского национального возрождения, она не собиралась менять научных пристрастий, однако по каким-то причинам это вызвало возмущения со стороны руководства Института. И тогда заведующий сектором Л.Б. Валев предложил ей «присмотреться» к периоду народной демократии в Болгарии. Она присмотрелась, поступила в заочную аспирантуру Института... и занимается этой тематикой на протяжении вот уже многих лет.

Отдав дань традиционной в секторе проблематике национальных фронтов (Т.В. Волокитина в 1983 г. защитила кандидатскую диссертацию, посвященную формированию программы правительства Отечественного фронта и ее значения для становлении режима народной демократии в Болгарии), молодой специалист постепенно расширяла исследовательский диапазон в сравнительно-историческом ключе. В 1998 г. Т.В. Волокитина успешно защитила докторскую диссертацию на тему «Социалистические и социал-демократические партии в политической палитре Восточной Европы, 1944–1948 гг.». Обе диссертации, дополненные и переработанные с привлечением новых архивных материалов, были опубликованы в виде монографий: «Программа революции: у истоков народной демократии в Болгарии, 1944–1946» (1990 г.) и «Холодная война и социал-демократия в Восточной Европе. 1944–1948 гг.: Очерки истории» (1998 г.).

С тематикой Отечественного фронта были тесно связаны проблемы, долгие годы привлекающие внимание ученого — балканское направление Второй мировой войны, ее геополитические итоги, феномен народной демократии в Восточной Европе. Этим вопросам Т.В. Волокитина посвятила многочисленные статьи и главы в коллективных трудах. Ее научные работы опубликованы в Болгарии и Румынии.

Круг исследовательских интересов Т.В. Волокитиной постоянно расширяется. Не оставляя без научного внимания проблемы болгаристики, она добавила в сферу своей научной деятельности многообразные сюжеты: советизация Восточной Европы и становление там режимов советского типа, роль советского фактора в данном процессе; холодная война; история восточноевропейской социал-демократии; государственно-церковные отношения в православных странах региона.

В последнее время внимание Т.В. Волокитиной привлекают вопросы внутривосточной истории Болгарии в 1950–1960-е годы: общественные настроения, попытки реформирования модели социализма, положение мусульманского населения в стране.

Значительное место в научном творчестве юбиляра занимает публикация материалов из четырех федеральных российских архивов по истории Восточной Европы в 40–50-е годы XX в. В условиях «архивной революции» она активно включи-

лась в издание сборников документов, находившихся ранее на особом режиме хранения. В 2015 г. в Софии вышел первый том совместного с болгарской стороной двухтомного документального издания «Великие державы и Болгария. 1944–1947 гг.», посвященный Соглашению о перемирии с Болгарией в октябре 1944 г. К настоящему моменту завершена подготовка второго тома (в двух частях), материалы которого всесторонне освещают деятельность Союзной контрольной комиссии в стране. На долю Татьяны Викторовны в этом фундаментальном издании выпал колоссальный объем работы, поскольку от российской стороны в нем участвовала она одна — и как составитель, и как редактор, и как автор научных комментариев. Прекрасная профессиональная подготовка, полученная в молодые годы, позволила ей добиться высокого уровня мастерства в деле изучения и публикации исторических источников.

Как один из ведущих отечественных болгаристов Т.В. Волокитина выступила в качестве соавтора и члена редколлегии капитального труда «Болгария в XX веке: Очерки политической истории». Опубликованная в 2003 г. в издательстве «Наука» книга открыла цикл монографий о политической истории стран Центральной и Юго-Восточной Европы в новейшее время, подготовленных учеными Института славяноведения РАН. Труд был признан специалистами первым крупным достижением постсоветской болгаристики и получил высокую оценку научной общественности Болгарии и России.

Картина многообразной научной и общественной деятельности Т.В. Волокитиной будет, безусловно, неполной, если не сказать о ее вкладе в развитие научных контактов с зарубежными, прежде всего болгарскими и румынскими, коллегами. Особенно дорогим гостем она всегда бывает в Софии, которую часто посещает для работы в архивах и участия в различных научных форумах, где ее выступления неизменно вызывают большой интерес коллег. Со многими учеными из Института исторических исследований БАН и Софийского университета им. Климента Охридского Татьяна Викторовна поддерживает постоянные научные и дружеские связи.

Многие годы Т.В. Волокитина ведет большую научно-организационную работу в качестве ученого секретаря Комиссии историков России и Болгарии, а также члена Комиссии историков России и Румынии. Говоря о развитии болгаристики

в России, трудно переоценить роль двусторонней Комиссии историков России и Болгарии, играющей важную роль в научной интеграции ученых двух стран. За время, прошедшее со времени возобновления (после некоторого перерыва) работы Комиссии в 1995 г., утвердилась практика работы над двусторонними проектами (в основном с Институтом исторических исследований БАН), в разработке которых Волокитина неизменно принимает самое деятельное участие. В том, что десять совместных исследовательских проектов были успешно реализованы, ее немалая заслуга. Результаты работы над проектами отражены в научных публикациях, в том числе в серии «Российско-болгарские научные дискуссии». Участвуя в этих изданиях как соавтор и член редколлегии, Волокитина проявила себя и как блестящий переводчик статей болгарских историков. Легкость пера и живой стиль, присущие ее собственным работам, бесспорно, отразились и на сделанных ею переводах.

Впечатляют не только высокая квалификация Татьяны Викторовны, но и ее удивительные трудоспособность и организованность: она входила в Экспертный совет по истории Высшей аттестационной комиссии при Министерстве образования и науки РФ, а также в Экспертный совет РАН по оценке научных проектов и работ молодых ученых и студентов вузов в области истории. Много сил и времени она отдает работе в качестве председателя диссертационного совета по историческим наукам при Институте славяноведения РАН.

Всегда жизнерадостная и энергичная, неизменно преданная науке, Т.В. Волокитина создала доброжелательную творческую атмосферу в руководимом ею отделе. Свойственные Татьяне Викторовне внимательное и уважительное отношение к коллегам, равнодушное, заинтересованное внимание к научной молодежи в сочетании с высокой требовательностью к себе, притягивают и восхищают не только сотрудников нашего Института. Ее уважают и ценят коллеги и в нашей стране, и за рубежом как глубоко эрудированного исследователя и отзывчивого человека, готового прийти на помощь, щедро поделиться своими знаниями и опытом

Многая лета желают Вам, дорогая Татьяна Викторовна, Ваши друзья и коллеги, новых творческих достижений на ниве отечественной славистики!

РАЗДЕЛ I

ФРОЛОВА М.М.*

РЕЛИГИОЗНАЯ ЖИЗНЬ БОЛГАРИИ
В ВОСПРИЯТИИ ВОЕННЫХ СВЯЩЕННИКОВ,
УЧАСТНИКОВ РУССКО-ТУРЕЦКОЙ ВОЙНЫ
1877–1878 гг.

В 2017 г. отмечается 140 лет с начала русско-турецкой войны 1877–1878 гг., определившей цивилизационную судьбу народов Балканского полуострова. Ценнейшим источником, рассказывающим о событиях тех лет, являются опубликованные воспоминания, записки, письма и дневники участников — офицеров, солдат, врачей, сестер милосердия и военных священников. Правда, в значительном массиве мемуарного наследия перу военных священников принадлежит всего лишь пять публикаций, но именно они в большей степени содержат интересную и важную информацию о состоянии болгарских церквей, болгарских священниках и православной пастве. Следует сказать, что в существующей историографии подобная проблема освещена недостаточно, а деятельность военных священников во время русско-турецкой войны 1877–1878 гг. практически не исследована. В дореволюционной историографии, посвященной изучению института военного духовенства в Российской империи, был собран богатый фактологический материал, раскрывавший процесс зарождения и становления этой институции, но о деятельности военных священников во время русско-турецкой войны 1877–1878 гг. писалось лаконично¹. Понятно, что в советской исторической науке эти проблемы не считались актуальными². Исследовательский интерес возник только в конце 1990-х годов. Однако в работах современных авторов в связи с насущными потребностями российской армии XXI в. внимание в первую очередь уделялось изучению духовно-нравственного воздействия пол-

* Фролова Марина Михайловна — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института славяноведения РАН.

ковых священнослужителей, опыта их религиозно-воспитательной работы, особенно в период Первой мировой войны³. Небольшая статья С.Н. Емельянова «Особенности несения службы военным духовенством в годы русско-турецкой войны 1877–1878 гг.», в которой весьма кратко и схематично показан вклад духовенства в победу русской армии над турками, лишь подтверждает факт отсутствия в историографии конкретных изысканий по этому периоду.

В 2007 г., в связи с 130-летием памятной даты начала русско-турецкой войны 1877–1878 гг., Государственная публичная историческая библиотека России предприняла переиздание книги В.В. Гурьева «Письма священника с похода 1877–1878 гг.». Впервые опубликованные в журнале «Русский вестник» (1880), эти письма затем были изданы отдельной книгой (1883). Они стали, как подчеркивал С.Г. Рункевич (церковный писатель, историк, обер-секретарь Синода), лучшей хроникой русско-турецкой войны «по правдивости, меткости и серьезности содержания» и «произвели большое впечатление в широких кругах русского общества» конца XIX в.⁴. Достоинства «Писем...» не могли не привлечь внимание современных ученых. Л.В. Мельникова в статье «Русско-турецкая война 1877–1878 гг. глазами полкового священника Вакха Гурьева», проанализировав содержание книги, отметила некоторые стороны деятельности о. Вакха, его размышления о значении веры на войне, допущенных ошибках при подготовке дивизионного лазарета к работе на Балканах, а также личные наблюдения за жизнью болгарского населения⁵. И.И. Калиганов в статье «Освобождение Болгарии от турок в 1877–1878 гг. глазами очевидца (священника 3-й гренадерской дивизии Вакха Гурьева)»⁶ выделил многие особенности религиозной жизни болгар. Тем не менее, вовлечение в научный оборот всех публикаций военных священников, участников русско-турецкой войны 1877–1878 гг., сообщит большую полноту рассмотрению этой важной имагологической проблемы.

Для данной работы в дополнение вышеуказанных «Писем...» благочинного 3-й гренадерской дивизии и полкового священника 9-го гренадерского Сибирского его императорского высочества великого князя Николая Николаевича (старшего) полка Вакха Васильевича Гурьева (1830–1890) в качестве ис-

точника привлекались работы следующих священников: иерея 8-го гренадерского Московского полка 2-й гренадерской дивизии Антона Андреевича Лебедева, благочинного 14-й пехотной дивизии и протоиерея 56-го пехотного Житомирского полка Александра Иоанновича Цитовича, полкового священника 138-го пехотного Болховского полка Григория Петровича Лапшина (ок. 1850 г.—?), впоследствии настоятеля (с 1889–1891 гг., протоиерея в 1913–1916 гг.) церкви св. Спиридона Тримифунтского при Офицерской стрелковой школе (Ораниенбаум).

Имена указанных священников значатся в наградных списках, опубликованных в юбилейном издании «Столетие Военного министерства. 1802–1902». Самой высокой и почетной награды был удостоен А.И. Цитович «за подвиги при обороне Шипки с 9 по 14 августа 1877 г.» — Золотым наперсным крестом на Георгиевской ленте, который вручали исключительно «за отличия под огнем неприятеля», «за беспримерные личные подвиги» и который нельзя было выслужить обычным порядком. Золотой крест жаловался самим императором по согласованию с Синодом и выдавался из Кабинета его величества. Эта награда была очень редкой⁷: за время русско-турецкой войны 1877–1878 гг. ее получили 36 священнослужителей. Орденом св. Анны 2-й степени с мечами был пожалован В.В. Гурьев, орденами св. Анны 3-й степени с мечами — Г.П. Лапшин и А.А. Лебедев⁸.

В литературе содержатся весьма скудные сведения об этих людях, счастливое исключение представляет В.В. Гурьев: благодаря писательскому таланту его биографические данные попали на страницы многих дореволюционных справочных изданий, а самая полная статья с послужным списком и краткой оценкой его творчества для «Православной богословской энциклопедии» была написана С.Г. Рункевичем. Может быть, информация о других священниках также появилась бы на страницах этого замечательного издания, но, к сожалению, вышло только 12 томов, и энциклопедия была доведена соответственно только до буквы «К» (Константинополь). Кроме того, наши знания о служебной карьере Гурьева значительно пополнились благодаря изысканиям в Российском государственном историческом архиве Л.В. Мельниковой, которая изучила его пос-

лужной список, хранящийся в фонде 806 (Духовное правление при протопресвитере военного и морского духовенства Синода). Послужные списки других военных священников еще ждут своих исследователей.

Военные дороги, которыми пришлось пройти о. Александру (Цитовичу), о. Григорию (Лапшину), о. Антону (Лебедеву) и о. Вакху (Гурьеву), были разными, что придает сведениям, заключенным в их воспоминаниях, особую ценность, так как позволяет воссоздать более яркую и объемную панораму религиозной жизни болгарского населения. О. Александр вместе с 56-м пехотным Житомирским полком участвовал во многих сражениях: при переправе через Дунай 15 июня 1877 г., на Шипке, и дошел до Родосто. О. Григорий (Лапшин) находился в Рущукском отряде, и его 138-й пехотный Болховский полк принимал участие в боях у д. Езерджи, при Аясляре (с. Светлен), у д. Нисово и в ряде рекогносцировок, квартировал в Видине (с 24 марта 1878 г. по 6 октября 1878 г.), в Херманлы (до февраля 1879 г.) и был отправлен 20–21 февраля из Бургаса на пароходах в Севастополь. На долю гренадер (2-й и 3-й гренадерских дивизий, где служили о. Антон (Лебедев) и о. Вакх (Гурьев)), выпало участие в осаде Плевны (Плевен), знаменитом сражении 28 ноября 187 г. с войсками Осман-паши, в результате которого крепость пала. Перейдя через Балканы, гренадеры достигли берегов Мраморного моря.

2-я и 3-я гренадерские дивизии, переправившись через Дунай в начале октября 1877 г., шли к Плевне, через местность, по которой пронесся «разрушительный ураган войны»: стаи бездомных собак на пепелищах турецких деревень, несжатые обширные поля с кукурузой и «нескошенная травушка на степях». Уцелели одни болгарские селения. О. Антон (Лебедев), на наш взгляд, вероятно, спрашивал у болгар, кто сжег и разорил турецкие селения. Они всю вину сваливали на русские войска или на самих турок, что у священника вызывало большие сомнения. Ему рассказывали, что еще до вступления русских войск в город, оставленный турками, там появлялись болгары, ставили кресты на лучших домах и поселялись в них. О. Антон сам был свидетелем подобного факта в Плевне: «пока Плевна держалась, в ней не видно было почти ни одного болгарина; но как только неприятель вышел из города, со всех концов нахлы-

нули «братушки» и заняли лучшие турецкие дома. Однако через несколько дней вернулись хозяева, стоявшие «до этого времени обозом за городом». Захват чужих домов и переселение в другие селения о. Антон объяснял тем, что болгарские села гораздо хуже, меньше и беднее турецких. «У турка и хата большая, с садом, и содержится чисто, у болгарина небольшая халупа, слепленная из хвороста и глины с небольшим окошечком, внутри без пола; нары до половины избы, заменяющие мебель и кровать»⁹.

Гренадеров, двигавшихся от Дуная к Плевне, болгары встречали неприветливо. Причина этой неприязни, по мнению о. Вакха, заключалась в следующем: в течение нескольких месяцев через болгарские поселения проходили «чуть не ежедневно и целыми тысячами то русские, то румыны, и немилосердно» обирали болгар. «Смотреть за всем нельзя, да в походе и не церемонятся. И приходится бедным терять и те крупницы, которые уцелели от турок», — сочувствовал болгарам о. Вакх. Следует подчеркнуть, что офицерам русской армии вменялось строго спрашивать со своих солдат за мародерство, и военные священники постоянно внушали нижним чинам в проповедях, поучениях после молебнов и службы, а также в частных беседах о необходимости «жить с болгарами дружно, мирно, не обижать, за взятую вещь платить по стоимости, не пьянствовать, на постах быть зоркими, бдительными»¹⁰, — о чем сообщал о. Александр (Цитович).

Заметим, что в «Письмах» В.В. Гурьева рассказывается только об одном случае мародерства, имевшем место 18 октября 1877 г.: в болгарской деревне Овча Могила санитары насильно отняли у «одной бедной болгарки» жестяной котелок. «Вой», поднятый женщиной, был услышан начальством, произвели обыск и возвратили ей «посудину»¹¹. Позднее, размышляя над ошибками, допущенными в организации дивизионного лазарета и в самом деле оказания медицинской помощи, о. Вакх указал на недопущение в будущем укомплектовывать лазаретную прислугу (санитаров, носильщиков, обозных служителей) из состава «призывных» нижних чинов, поскольку в лазарет отправляли самых физически негодных к строевой службе, ни к чему не способных: «слепые, хромые и чающие движение

воды*». Не лучшим оказалось и «служебно-нравственное их состояние»: они были грубы, невнимательны и жестокосердны к раненым и больным, постоянно старались манкировать своими служебными обязанностями. О. Вакх указывал на отсутствие в его дивизионном лазарете строгой дисциплины — «этой души всех частей военного ведомства» — и допущение безнаказанности за явные проступки, что породило «в нижних чинах самовольство, самоуправство, даже наглость» и что также приводило к процветанию пьянства, драк, взаимного воровства и даже мародерства. «Из церковной фуры выкрали таз, коврик, чайники, циновки. Ничему не давали спуска», — констатировал о. Вакх. «Не даром же все ротные командиры, сравнивая молодых строевых солдат с “призывными”, постоянно определяли достоинство последних многозначительным прозвищем “*дрянь-людишки*”¹², — писал о. Вакх. Необходимо подчеркнуть, что в русских войсках меры предупреждения и пресечения мародерства были самые разнообразные, начиная с того, что «солдат одних в город не пускали»¹³. Генерал-адъютант И.В. Гурко, заметив, что «нестроевые чины, особенно денщики, более других склонны мародерству, пьянству и буйству, разрешил своей властью командирам частей подвергать их телесному наказанию, что сразу прекратило кой-какие шалости»¹⁴, — вспоминал В.Ф. Ореус, офицер, прикомандированный к л.-гв. Уланскому полку. Но в дивизионном лазарете 3-й гренадерской дивизии, как уже отмечалось, было допущено серьезное послабление дисциплины, и это влекло за собой столь негативные последствия.

У о. Антона составилась несколько иной взгляд на эту проблему (т.е. негостеприимство болгар) во взаимоотношениях болгар и русских. «По наружному виду болгар и обстановке их жизни, — писал священник, — можно бы заключить, что

* «Чающие движение воды» — выражение возникло из евангельской легенды о купальне Вифезда (евр. — Дом милосердия) в Иерусалиме, «при которой было пять крытых ходов. В них лежало великое множество больных, слепых, хромых, иссохших, ожидающих (чающих) движения воды <...> Ангел по временам сходил в купель и возмущал воду; и кто первый входил в нее по возмущении воды, тот выздоравливал» (Иоанн, 5, 2–4). Употребляется в значении: ожидающие каких-либо благ.

в среде их господствует крайняя бедность. Но на самом деле здесь люди вовсе не так бедны». Выяснилось, что болгары не испытывали дефицита земли: на каждую семью ее приходилось «с избытком». К тому же земля была плодородной, луга — роскошные. На них паслись «огромные стада болгарские — овец, баранов, коз и волов». Многие болгары имели «парички и златицы»*. «Но все эти богатства у болгар скрыты: живое богатство — скот — пасется в горах, металл хранится в земле. И болгарин ни за какие деньги не выдаст вам тайны своего состояния». Когда русские обращались к болгарам, чтобы купить скот, курицу или яиц, в ответ слышали неизменное: «Нема братушка... Турка забирал!» О. Антон считал, что болгарин боялся сказать, что «у него есть те или другие предметы жизненных потребностей, потому что прежний его господин своими насильственными поборами приучил болгарина к скрытности». Впрочем, когда болгары убедились, что русские «не грабители» и без денег ничего не берут, то «стали кое-что показывать нам и с жадностью бросались на наши златицы». Нередко случалось и так: если болгарин видел, что русскому покупателю та или иная вещь совершенно необходима, то он старался значительно увеличить цену и «взять с русского втридорога».

Вспомнил о. Антон и несколько случаев «хитрости» болгар. Так, 2-я гренадерская дивизия стояла бивуаком у Плевны. Командир батареи купил вола, которого привели и закололи, вскоре пришел болгарин и стал жаловаться, что этого быка у него украли и продали русским. Жалобе этой поверили и заплатили болгарину полщены. На другой день повторилась та же история, «на третий день — опять». Понятно, что многие возмущались подобными фактами и «составили о братушках слишком нехорошее мнение», — писал священник. Однако, узнав «причины таких отношений братушек» к русским, о. Антон «неволью» извинял их: «Они выросли в рабстве, подчинение из страха научило их хитрить и обманывать, а поведение самого господаря всегда служило для них живым примером нечестности. Наконец, самое положение их во время войны давало им повод хитрить и скрытничать перед русскими». Осенью 1877 г. исход войны еще был не известен, болгары не знали,

* Парички и златицы (с болг) — монеты (денежки) и золотые монеты.

останется ли у них прежний господин или будет новый. «Нисколько не удивительно, если по нашем уходе отсюда на вымогательства турка братушки будут отвечать ему: “Нема, братушка... всё Рус забирали!”»¹⁵, — замечал полковой иерей.

В своих записках о. Антон нередко сравнивал болгар с румынами, поскольку сумел познакомиться с последними во время походного марша 2-й гренадерской дивизии, которая, доехав до станции Унгены по железной дороге, двигалась к переправе через Дунай у Систова по дорогам Румынии¹⁶. Священник отмечал, что в нравственном отношении болгары стояли выше румын: «Разврата не замечается, целомудрие женщин строго охраняется». Только в Тырново проявлялись случаи разврата среди болгарок, и «виноваты в этом — “златицы”». «Кто деньгами не прельщается! Но женщин, занимающихся открытым развратом, среди болгарок не существует. Их заменяют в Болгарии румынки»¹⁷, — писал о. Антон.

Разумеется, военные священники с особым вниманием вглядывались в церковную жизнь болгар, поэтому в их воспоминаниях содержится много интересных наблюдений. О. Антон констатировал, что в Болгарии храмов было достаточно, а их «устройство совершенно сходно с румынским»; только за Балканами внешняя форма их иная: их устраивают «в простых домах, ни колоколов, ни креста не дозволялось иметь. Внутри — бедность и простота»¹⁸. В с. Трыстенике, где размещался дивизионный лазарет 3-й гренадерской дивизии, находилась полуразрушенная каменная церковь, в Горном Нетрополе, в пяти верстах от Трыстеника, где дислоцировался штаб 3-й гренадерской дивизии, стояла небольшая каменная церковь, которая не была разрушена турками, но зато дочиста ими разграблена и осквернена. Пожилой священник, наученный горьким опытом, заранее спрятал в земле все иконы и утварь, но остались иконы, написанные на стенах и в нишах алтаря, «их-то и не пощадил дикий турецкий фанатизм: у Христа Спасителя и у Божьей Матери штыками избодены* пречистые очи». Болгарский священник рассказывал, что «турки после июльских событий с каким-то диким опьянением бросились неистовствовать в болгарских селениях на этой стороне Вида

* Избодены (церковно-слав. Избодение — прокол) — выколоты.

и, между прочим, бесчинствуя и богохульствуя во святых храмах, старались обращать их в самые нечистые, непотребные места»¹⁹. О. Григорий (Лапшин) с прискорбием отзывался о болгарских храмах: «Бедны и неблаголепны, а иконопись в них в совершенно первобытном состоянии»²⁰. О. Антон (Лебедев) свидетельствовал, что у болгарских священников св. одежды были ситцевыми и шерстяными (в России верхнее облачение для богослужения изготавливалось из парчи), а св. сосуды (потир, дискос, звезда, лжица, копие, дарохранительница, сосуд для хранения св. мирра) оловянные и медные, которые в русских храмах запрещены²¹.

О. Антон отметил, что духовенство, по крайней мере, сельское, ничем не отличалось от поселянина: «Одежда одна и та же, о рясах и подрясниках и помину нет ни дома, ни в храме». В городах он иногда встречал священников «в духовной румынской форме, и непременно в черной». О. Вакх также сокрушался по поводу внешнего вида священника в Трыстенике, которого «ничем нельзя было отличить от простолюдина: такое же убогое рубище, свитка, одинаковы и шапка, и обувь»²².

Военные священники узнали, что болгарские священнослужители, не получая никакого содержания, жили пособиями от прихожан и полностью от них зависели. В народе их называли попами, по образованию большинство из них стояли «немного выше своих прихожан: умеют читать, писать и считать». Тем не менее, они пользовались «большим уважением от народа» и имели «большое влияние на него»²³.

О. Вакх рассказал о посещении убогого жилища болгарского «старика-священника» в Трыстенике — попа Стояна: «Вот нищета поразительная, душу раздирающая!». «В переднем углу землянки грыз кукурузные стебли привязанный на веревке барашек, а из глубины задней части выглядывали две бессмысленные головы белоглазых буйволов». Для о. Вакха быстро расстелили прямо на земляном полу дырявую циновку и предложили в качестве угощения горячую полужидкую мамалыгу, заправленную бараньим жиром и сильно сдобренную перцем. По просьбе гостя болгарский священник, принеся довольно еще новый «Великий Требник» московской печати, начал читать, но о. Вакх усомнился в том, что болгарский коллега «понимал» читаемый им текст. Русский протоиерей отметил, что

болгары понимали «древнеславянский язык, от которого сохранилось много слов и грамматических форм в их современном народном языке», и это обстоятельство облегчало о. Вакху, знавшему церковнославянский язык, объясняться с болгарам. При виде грязного-прегрязного свертка, бережно развернутого и оказавшегося епитрахилью хозяина дома — «священной богослужебной одеждой», у о. Вакха слезы подступили к глазам, а поп Стоян, «с грустью качая своей седой головой, пояснил: “Всичко турек забирал”». На прощанье о. Вакх подарил хозяйке серебряный рубль, а внучке священника — двухфранковую монету. Деньги болгары «стыдливо приняли» только после слов о. Вакха — «на память»²⁴.

О. Вакх также поведал о посещении другого болгарского священнослужителя и его семейства в селе Горный Нетрополь. Его жена, «женщина пожилая уже, в длинной толстой холщевой рубаше, в доморощенно-суконной короткой свитке, расшитой шнурками, с закутанным в белую чадру лицом, босая, сидела по-турецки на земле у очага, окруженная тремя босыми, полунагими ребятишками. Она жарила для них кусок баранины, держа его одной рукой над угольями и поворачивая за реберную косточку, а другою поминутно отстраняла то одного, то другого ребенка, которые с криком и жадностью порывались вырвать у нее из рук лакомый для них кусок <...> Обстановка землянки ужасна. До слез было больно смотреть на это положение истинно безотрадное, на эту нищету безвыходную»²⁵, — сокрушался о. Вакх.

Неприятно поражали военных священников многие реалии религиозной жизни болгарского населения. Так, 6 ноября 1877 г. о. Вакх после воскресного богослужения обходил со св. крестом все лазаретные шатры и землянки, где помещались больные. Он отметил благотворное влияние этих посещений на больных, которых в то время было 298 человек. «Многие со слезами радости и горячей молитвы прикладываются к кресту, слабые подползают на коленях, а к самым слабым, не могущим повернуться, сам я подползаю <...> Посмотрели бы вы, с какой невыразимой отрадой встречают меня эти недугующие, страждущие!» Но о. Вакха удручило поведение болгар: при встрече с русским священником, в полном облачении, со св. крестом в руках, с торжественным пением «Спаси, Господи, люди Твоя»,

даже старики не снимали шапок, не прикладывались ко кресту, не умели правильно перекреститься. А малые дети и подростки совсем не имели никакого понятия «даже о внешней стороне христианства». Однако и поп Стоян «не счел приличным снять с головы шапку, перекреститься, приложиться». О. Вакх заставил его и его спутников «снять шапки, перекреститься и приложиться ко кресту», и затем только пошел дальше²⁶.

В Казанльке точно в такой же ситуации, когда о. Вакх при посещении больных переходил из дома в дом, болгары, хозяева этих домов, везде выходили русскому священнику «навстречу за ворота и с видимым благоговением прикладывались ко кресту; все встречавшиеся на улице точно так же снимали шапки и с глубоким почтением подходили, крестились и прикладывались; а дети целою толпой сопровождали» процессию, слушая «стройное пение певчих». О. Вакх, отмечая этот отрадный факт, сделал вывод о том, что «здесь, в Казанльке, и вообще, как говорят, за Балканами болгары гораздо религиознее и развитее, нежели по ту сторону, около Дуная». Но может быть дано и другое объяснение: болгары Казанлька, попав в сферу действий русской армии, быстрее переняли внешние религиозные обычаи русских, чему значительно способствовали и победы русского оружия. О. Вакх также сообщил мнение о том, что «турецкое влияние гораздо сильнее отразилось на жителях по ту сторону Балкан, нежели здесь, в долинах Тунджи и Марицы, где и самое население болгарское гораздо многочисленнее»²⁷.

Известно, сколь много внимания уделялось в русской армии благоговейному, чинному совершению богослужения в полковых церквях как важнейшей форме религиозно-нравственного воспитания военнослужащих. Благолепному богослужению много способствовало церковное пение, и одна из обязанностей полкового иерея состояла не просто в управлении церковным хором, а в неустанной заботе о его развитии. В 1873 г. на страницах «Московских ведомостей» появилась статья о необходимости всенародного пения в церквях — она явилась следствием незабываемых впечатлений от всенародного пения в одной сельской церкви Венгрии при посещении ее протоиереем Кустодиевым²⁸. Воспоминания военных священников свидетельствуют о том, что во время молебнов они возносили,

прежде всего, хорошо известные солдатам молитвы, поскольку прекрасно понимали их значение на войне. Поэтому для полковых священников неожиданным открытием было то, что «у болгар по деревням при всех богослужениях не употребляется церковное пение — священник читает ектению и сам же себе отвечает на все возгласы». О. Вакх писал, что болгары поэтому просто говорили — «поп читал обедню, вечерню, молебен или какое-либо другое молитвословие», а не «служил, отправлял, совершал богослужение». Болгарские священники, по замечанию о. Вакха, сами весьма слабо понимали церковнославянский богослужебный язык. Подобная форма «читанного богослужения» «невыносимо скучною монотонностью», как и непонимание языка богослужения простыми болгарскими, не привлекают, а скорее отталкивают прихожан. Болгары, писал о. Вакх, посещали свои храмы очень редко, неохотно и на самое короткое время: поставят свечу и поскорее уходят домой. «В церкви ничто их не привлекает и не интересует»²⁹.

Но и богослужение в храмах болгарских городов, как и в сельских церквях, вызывало у русских священников критическое отношение. Так, о. Вакх пришел 1(13) января 1878 г. на литургию в Ловче (Ловеч). Служил молодой болгарский священник «и ужасно путал; между тем, в алтаре стояли, не участвуя в службе, более десяти священников». И здесь болгары и, особенно, болгарки, лишь на минуту входили в церковь, «ставили свою тоненькую желтую свечку и сейчас же удалялись из церкви». Одни только русские солдаты стояли неподвижно и чинно. О. Вакх, переговорив со священником подвижного лазарета 3-й пехотной дивизии, приказал певчим дивизионного лазарета гренадер «стать на клирос и начать пение с Херувимской песни». «Зазвенел наш Тамберлик (рядовой 11-го гренадерского Фанагорийского полка Шебелов — превосходный тенор. Прозвание Тамберлика получил от начальника дивизии)». В церкви «мгновенно водворилась тишина», и движение прекратилось: болгары и болгарки «с заметным удовольствием» вслушивались «в гармоническое пение». К концу обедни церковь была «полна до тесноты, и все стояли как вкопанные». «Что значит церковное пение! Какое оно имеет громадное значение в религиозно-народной жизни!» — восклицал русский священник.

Надо сказать, что русские с трудом воспринимали церковное пение болгар. О. Антон (Лебедев) констатировал: «Пение громогласное с различными вариациями»³⁰. О. Вакх отзывался о пении болгарских священников, слышанное им в Ловче, Габрове, Эски-Загре (Стара-Загора), как о «пренеприятном», но оказалось, что «пение греческих монахов» в г. Чорлу «положительно невыносимо. Это какой-то колоссальный диссонанс, мучительно терзающий уши и невольно возбуждающий нервное раздражение». О греческой манере петь русский священник писал: «Пение возбуждает у греков какой-то азарт, энтузиазм, каждый певец приходит в экстаз и дерет, не слушая других, не помня себя»³¹.

Но вернемся в церковь в Ловче, где в продолжение литургии 1 января о. Вакх стоял в алтаре «и смотрел на братушек во Христе, болгарских священников». Их поведение «во святом алтаре, у престола Божия, во время совершения величайшего таинства» было, по его мнению, «более нежели предосудительно». «Они бродили по алтарю, громко разговаривали, даже ссорились между собою, спорили о чем-то с видимым азартом, не обращая ни малейшего внимания на то, что в глазах их совершалось на престоле Божиим». О. Вакха и священника подвижного лазарета 3-й пехотной дивизии окончательно вывело из себя то, что один довольно уже пожилой болгарский поп «по окончании литургии, в то время как литургисавший священник потреблял на жертвенник Св. Дары, преспокойно тут же, в алтаре, надел свою баранью шапку». Русские священники «не могли не заметить ему всё неприличие его поступка». Но, как оказалось, «у болгар всё это допускается, и потому никого не возмущает»³².

Пройдя через Плевну, Ловчу, Габрово, Казанлык, Эски-Загру, Хаскиойе, лежавшие на маршевом пути гренадер, и, очутившись, наконец, «в пустынном Чорлу», о. Вакх везде с прискорбием наблюдал в церкви одну и ту же картину — необычную неряшливость, допущенную в св. алтаре болгарским и греческим духовенством. «Кучи всяческого мусора сваливаются под престол, тут и половые щетки, и тряпки, пустые бутылки, разбитые лампадки, бумажки с поминальными записями и всякий другой хлам. На горнем месте то же самое. На престол священники кладут свои ризы, когда разоблачаются после бо-

гослужения; прислужники кладут и снимают с него не только богослужебные книги: служебники, канонники или поминальные записочки, облачение, но даже и св. Крест и Евангелие; подобрав на полу какую-нибудь бумажку, мочалку и т.п., церковный прислужник преспокойно подходит к престолу, подымает одежду и бросает туда этот сор»³³. Разумеется, военные священники, получив греческую церковь в Чорлу в свое распоряжение для проведения богослужений для русских воинов, сразу ввели в ней свои порядки: «прежде всего, очистили алтарь от мусора и пыли, которая, накопившись годами, лежала на всем очень толстыми слоями». Русские через переводчика объяснили грекам, что в России «алтарь и, в особенности, св. престол почитаются величайшею святыней, что прикасаться ко престолу, кроме священника и диакона, никому не дозволяется, что класть на него книги, записочки, облачение — строжайше воспрещено»³⁴.

Порядок и благообразие не соблюдались и во время крестного хода на Иордан (Янтру) болгарского духовенства в г. Габрово в такой великий праздник как Крещение Господне. Впереди всех «выступал какой-то мальчишка в шапке» «с большою книгой в руках и выкрикивал: *“Глас Господен на водах вопиет, глаголя”*»*, за ним шли «несколько священников в крайнем беспорядке, а один из них, уже пожилой, в ризах, с Евангелием в руках, далеко отстал от прочих и шел среди толпы женщин, с которыми с видимым увлечением о чем-то разговаривал...»³⁵.

Понятно, что болгарская паства следовала примеру своих пастырей. В Ловче во время литургии некоторые из болгар стояли в турецких фесках на головах, а по окончании службы тут же, в церкви, многие надели шапки³⁶. О. Александр (Цитович) также указывал, что греки, как и болгары в церкви стояли в фесках, «но подражая русским, они теперь, входя в церковь, скидают фески и стоят с открытыми головами»³⁷. Небрежение в церкви переносилось и в дом: о. Антон (Лебедев) вспоминал, что в редком доме можно было видеть иконы, да и те содержались неаккуратно. Сама иконная живопись казалась русским странной, о. Александр (Цитович) предполагал, что иконописание у болгар «не цензурное». Он увидел в приходской церкви

* Здесь и далее курсивом отмечены выделенные в оригинале слова и выражения.

села Ашиклара «святого, изображенным с феской на голове»; феска намалевана красной краской и к ней даже приделана кисть — значит святой изображен в парадной форме турецких аскер (солдат)»³⁸. О. Антону (Лебедеву) также случилось видеть в одной деревне за Балканами в болгарском доме икону, на которой был изображен святой в красной турецкой феске³⁹.

Без сомнения, военные священники, осматривая болгарские города, заходили и в мечети. Особенно великолепна была знаменитая мечеть Селима в Адрианополе (Эдирне). Болгарские и греческие церкви, построенные во время владычества турок, по сравнению с мечетями «замечательны разве только своими очень скромными размерами и своим крайним убожеством» и порождали «гнетущее чувство»⁴⁰.

В городах, через которые прошли русские войска и где создавалась местная администрация из болгар, многие мечети передавались православным. В Эски-Загре о. Вакх зашел в такую мечеть, обращенную в церковь. Она производила странное впечатление: «В куполе и по стенам огромные турецкие надписи из Корана, а в одном углу ничем не покрытый столик и на нем христианская икона и деревянный крест с Распятием; на столике славянские богослужебные книги московской печати, по которым совершается православное богослужение». На вопрос русского священника, отчего не уничтожены турецкие надписи, болгарский священник «skonфузился, даже растерялся и нерешительно» ответил, что еще не успели сделать. Но о. Вакх понял, что «на самом деле они еще боятся турок, еще не верят в благополучный для них исход настоящей войны и оставляют турецкие надписи из опасения, что турки могут снова вернуться и тогда им, болгарам, придется жестоко поплатиться за поругание магометанской святыни...»⁴¹. Кроме того, по-видимому, болгары еще не успели забыть страшную резню и погром после отступления Передового отряда. Посетили русские гости эту мечеть-церковь «во время общего по-

* Это новомученик Георгий Янинский (1808–1838), который после истязаний был повешен турками за то, что не хотел принимать ислам, и через год (в 1839 г.) был канонизирован при Константинопольском патриархе Григории VI. Георгий Янинский является покровителем Янины, и его почитание распространено в Западной Македонии и Эпире.

миновения усопших в субботу мясопустную: толкотня страшная и беспорядок возмутительный — бабы-болгарки шумят и толпятся со своими панихидами (коливо), мальчишки в шапках бегают по церкви во время самого богослужения!»⁴².

Рассказы о. Вакха о пребывании в Чорлу, о своем общении с греческим духовенством, о церковных порядках и службах в греческой церкви убеждают в том, что болгарская церковь, которая в 1870 г. обрела самостоятельность в борьбе с Константинопольским патриархатом, во время нахождения русской армии на Балканах во многом сохраняла весь прежний строй церковной жизни. В Чорлу о. Вакх обратил внимание на то, что местные греки так же, как и болгары, редко ходят в церковь, даже в Великий четверг на торжественное богослужение Двенадцати Евангелий «явилось не более десяти-пятнадцати стариков», хотя на хорах, устроенных по восточному обычаю специально для женщин, «за густыми решетками блистали многочисленные огоньки»⁴³.

Во время долгой стоянки в Трыстенике о. Вакх с прискорбием узнал, что болгары «своих детей-девочек не крестят до 14 и 15 лет в том предположении, что девочка, достигнув совершеннолетия, может выйти замуж за турка, тогда ей не нужно будет переменять веру»⁴⁴. Любопытно, что о. Антону (Лебедеву) о подобной практике поведал бедный болгарский священник, вероятно, в одном из забалканских городов, однако из его рассказа следовало, что так поступали не болгары, а греки. Объясняя русскому священнику, почему турки не одинаково относились к болгарам и грекам, болгарский священник сообщил, что «греки жили заодно с турками». Когда приезжал в город какой-нибудь турецкий начальник, паша или офицер, «они предлагали ему и жен, и дочерей, жаловались» на болгар, клеветали на них «и, чуть придет беда, отрекались от своего православия». Болгарин утверждал также, что «*многие греки не крестили своих дочерей, чтобы выдать их за турок*, потому-то им и жилось хорошо!». Ни один болгарин «не решался на это и потому терпел»⁴⁵.

Во время своего пребывания в городах и селениях Европейской Турции русские старались не только существенно оздоровить в них санитарную обстановку, вычищая улицы от многолетних залежей мусора и навоза, но и улучшить мате-

риальное состояние православных церквей. Так, например, церковь в Горном Студене, куда переехала Главная квартира вместе с императором Александром II, «надрывала сердце» русских своей убогостью. «Снаружи он (храм.— М.Ф.) походил на какой-то большой каменный и не оштукатуренный сарай, почти без окон и с низким входом». «Внутри вместо царских врат были двери, сколоченные из двух досок; грязная, порванная ситцевая занавеска прикрывала их; лубочные образа, нарисованные на бумаге, представляли из себя иконы; окна не имели рам; за неимением колокольни и колокола жителей призывали на молитву ударами колотушки в железную доску. Священник служил без риз, и одеяние его состояло из грязной накидки, сшитой из тряпок». Сначала по приказанию генерал-майора М.П. Тучкова окна были заклеены бумагой, престол обит материей, была сшита новая завеса, повешено несколько икон. После торжественного освящения церкви император пожертвовал в храм иконостас, а свита собрала по подписке деньги, чтобы выписать из России церковную утварь, образа и другие необходимые принадлежности богослужения⁴⁶.

Подобные щедрые дары изливались и на другие церкви. С 6 ноября 1878 г. 138-й пехотный Болховский полк был расквартирован близ Херманлы, в селах Тырново-Семенли и Оваджике и в деревне Кучук-Еренджике. Одновременно с устройством помещений для офицеров и солдат начальник 35-й пехотной дивизии генерал-лейтенант Н.Е. Баранов, хотя и был лютеранского вероисповедания (принадлежал к той ветви старинного русского дворянского рода, которая, переселившись в XVI в. в Прибалтику, совершенно онемечилась), в заботе о нравственно-религиозных потребностях солдат приказал привести в приличный вид местную церковь села Семенли. В одном из полков дивизии — 139-м пехотном Моршанском — среди солдат было «много недурных иконописцев». Они написали иконы для всего иконостаса, полковые столяры сделали иконостас по рисункам Н.Е. Баранова. На пожертвования офицеров дивизии приобрели церковную утварь. И «обновленный храм производил очень приятное впечатление»⁴⁷, — констатировал о. Григорий (Лапшин).

Военные священники нередко служили вместе с болгарскими и старались научить их некоторому порядку богослуже-

ния, принятому в России. Особенно интересен рассказ о Григории (Лапшина), которому довелось участвовать 7 августа 1878 г. во встрече видинского митрополита Анфима, первого экзарха Болгарского экзархата (1872–1877). В начале апреля 1876 г. он был смещен и затем сослан Портой в Малую Азию как «ухо России», по выражению самого Анфима. После заключения Сан-Стефанского договора митрополит был амнистирован и «полуразбитый параличом» вернулся в свою епархию. Русские власти, все жители города, духовенство во главе со своим викарным епископом Парфением «с крестным ходом вышли навстречу старцу к селению Видбон, в 7 верстах от Видина». Преосвященный Парфений попросил о. Григория привести собор Видина в тот порядок, какой устраивался, когда в нем служил русский священник, так как «блаженный Анфим, уверял епископ, очень любит русские порядки в храме». О. Григорий собрал всех полковых певчих и встретил экзарха при входе в храм кратким приветствием с крестом в руках, а певчие пропели «Достойно есть» и «Многая лета». Собравшееся болгарское духовенство «нестройно и беспорядочно столпилось в одну группу для принесения Господу благодарственных молебствий». Затем русский иерей по просьбе Анфима служил молебен, после которого видинский митрополит, прозванный за свое красноречие «болгарским Златоустом», произнес речь. Со слезами на глазах старец «высказал свою радость, видя болгарский народ свободным от ига турецкого, перечислил жертвы, принесенные русским народом за болгар, и именем Божиим и слезно убеждал болгар помнить и вечно благодарить русского императора и русский народ за все эти жертвы, при этом просил всё хорошее перенимать и усвоить, учиться у старшего брата». «Вид плачущего старца, его полная убеждения и чувства речь имели поражающее впечатление: с ним плакала почти вся церковь», — вспоминал о. Григорий. Митрополит видинский сердечно поблагодарил русского священника «за великое удовольствие, доставленное ему стройным пением полковых певчих», и просил «к предстоящему воскресному служению прорепетировать с певчими архиерейское служение и указать место и долю участия каждого из болгарских священников, имеющих участвовать в служении»⁴⁸.

У о. Григория сложились добрые отношения с митрополитом Анфимом: два-три раза в неделю старец или приглашал русского священника к себе, или сам к нему приезжал, а также брал с собой кататься за город на виноградники. О. Григорий писал, что они заезжали на виноградники не только к болгарам, но и к туркам, которые принимали священнослужителей «крайне любезно и с неподдельным радушием». Анфим часто и с удовольствием «вспоминал время пребывания своего в Московской академии (духовной.— *М.Ф.*) и называл это время лучшими годами своей жизни, рассказывал о своей деятельности во время греко-болгарской распри, о своей жизни в Константинополе, о католической пропаганде и о своей жизни в ссылке, при этом очень хвалил добродушие и нравственные качества малоазиатских турок». На прощание он подарил о. Григорию «свою карточку с собственноручной надписью»⁴⁹.

А у о. Вакха с греческим протосинкелом, настоятелем монастыря в Чорлу, теплые отношения так и не сложились. Он даже не указал имени грека, а только отметил, что протосинкел — «человек еще молодой, очень красивый, статный, осанистый — настоящий кровный фанариот», «живет не в монастыре, а на частной квартире в самом городе». Объяснения с греком шли через переводчика-болгарина, который с о. Вакхом говорил по-русски, а с протосинкелом — по-турецки. Уже первый визит к греческому настоятелю выявил почву для будущей холодности в отношениях. Протосинкел принял благочинного 3-й гренадерской дивизии чрезвычайно любезно и предупредительно, по восточному обычаю угостив гостя сладостями, без всяких возражений передал в полное распоряжение русских соборную церковь монастыря на всё время поста. Но затем о. Вакха неприятно удивило то, что грек хранил в одном шкафу с посудой Евангелие — «в отличном бархатном переплете с золотом», а также шкатулочку с золотыми крестиками, в каждом из которых, по уверению грека, находились частицы св. мощей. Однако благоговение, с которым о. Вакх приложился к крестикам, тут же исчезло от замеченной на лице протосинкела «лукавой, саркастической улыбки». Настороженность, возникшая при этом у русского священника, оказалась не напрасной: хитроумный грек предложил ему купить несколько крестиков, а в России их продать с большой выго-

дой. Затем после деликатного отказа, он достал «несколько мелких камешков, величиною в горошину, завернутых в разноцветные бумажки», и заявил, что «эти камешки от гроба Господня, что он их получил в дар от самого патриарха Иерусалимского и что также в знак своего великого уважения» к о. Вакху и «ко братству во Христе он готов уступить их» ему «за самое ничтожное вознаграждение». Разумеется, «это торгашество якобы священными предметами» возмутило русского священника до глубины души.

Во время ответного визита к о. Вакху протосинкел вновь попытался заручиться поддержкой благочинного в своих коммерческих предприятиях: он предложил ему распространить среди офицеров и солдат сведения о том, что у него *«продаются по дешевым ценам разные останки церковной святыни и что желающие приобрести от него что-нибудь могут обращаться за этим непосредственно в его квартиру»*⁵⁰. Затем протосинкелу не могло понравиться то, что договор с русскими на поставку им свечей и просфор был аннулирован, поскольку они были низкого качества. Свечи изготавливались греками не из чистого пчелиного воска, а из растительного* с примесью овечьего сала, отчего такая свеча начинала в руках сразу мякнуть и расплываться. Для совершения литургии греки употребляли не пять, а одну «большую просфору с пятью на ней печатями» и изготавливали ее «из простой пшеничной муки с прибавлением к ней или ячменной, или кукурузной», поэтому греческие просфоры выходили «темные, черные и притом очень низенькие, что-то вроде двух лепешек, положенных одна на другую». Из-за этого военные священники решили всё выписывать из Константинополя или Одессы.

Благолепие службы, отправляемой русскими священниками, стройность, мелодичность и благозвучие хора полковых певчих, чинное поведение русских во время службы — всё находилось в явном контрасте с греческим ведением богослужения, с греческим «громким, резким, гнусливым завыванием», с бесцеремонностью греческой паствы в церкви. Превосходс-

*Растительный воск — добывается из растений. Многие растения обладают способностью продуцировать восковидные вещества. Воск создаёт защитную плёнку и покрывает ею различные части растений: стебли, листья, цветы, плоды.

тво русских задевало греков, которые остались явно недовольными совместным богослужением в Великий четверг вечером (на службе Двенадцати Евангелий), а «протосинкел просто был сердит и поглядывал как-то свирепо»⁵¹. Явственно обозначившиеся нелюбезность и сухость в отношениях в тот день остались такими же и в дальнейшем.

Военные священники свидетельствовали, что болгары с видимым удовольствием посещали богослужения, которые отправляли полковые иереи, перенимали некоторые формы поведения в церкви, с благодарностью воспринимали участие русских иереев в их религиозной жизни и порой предпочитали приглашать русских для совершения церковных обрядов.

Реалии церковной жизни болгарского населения, с которыми военные священники познакомились в период пребывания русской армии в Европейской Турции, воспринимались ими с заведомой критикой, но без осуждения. Все недостатки и нестроения в церковной дисциплине, как и отсутствие благолепия объяснялись тяжким многовековым иноверческим владычеством, прискорбным положением церкви и ее паствы. Военные священники были уверены, что можно будет исправить все эти недостатки и водворить в болгарских храмах необходимое благочиние после принятия коренных мер со стороны руководства болгарской церкви.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Невзоров Н.* Исторический очерк управления духовенством военного ведомства в России. СПб., 1875; *Барсов Т.* Об управлении русским военным духовенством. СПб., 1879; *Ласкеев Ф.* Историческая записка об управлении военным и морским духовенством за минувшее столетие (1800–1900 гг.). СПб., 1900; Столетие Военного министерства 1802–1902. Управление церквами и православным духовенством военного ведомства: Исторический очерк / Сост. А.А. Желобовский, Н. Каллестов, Ф. Ласкеев. СПб., 1902.

² *Баимов А.Г.* Военное духовенство в Российской империи: краткий историографический обзор // Вопросы теории и практики. Тамбов, 2015. № 7 (57): в 2-х ч. Ч. II. С. 19; *Катков К.Г.* Памятная книга русского военного и морского духовенства XIX — начала XX веков. Справочные материалы. М., 2008. С. 23.

³ *Чимаров С.Ю.* Религиозно-нравственное воспитание в русской армии: ритуалы, обряды и церемонии: Исторический очерк. СПб.,

1997; *Он же*. Во главе военно-духовного ведомства России. П.Я. Озерцовский — первый обер-священник русской армии и флота // Военно-исторический журнал. 1998. № 1. С. 76–82; *Котков В.М.* Военное духовенство России. Страницы истории: в 2-х т. СПб., 2004. Т. 1–2; *Катков К.Г.* Памятная книга российского военного и морского духовенства XIX — начала XX веков. Справочные материалы. М., 2008; *Иванов В.П.* К вопросу о методах религиозного воспитания военнослужащих русской армии и флота в XVIII веке // Вестник Екатеринбургского института. 2013. № 3 (23). С. 3–8; *Он же*. Становление института военного духовенства в русской армии в XVIII–XIX веках // Вестник Тверского государственного университета. Сер. «Педагогика и психология». 2013. Вып. 4. С. 295–302; *Поляков Г.* Военное духовенство России. М., 2002.

⁴ *Рункевич С.Г.* Гурьев Вакх Васильевич // Православная богословская энциклопедия или Богословский энциклопедический словарь: издание под ред. проф. А.П. Лопухина. СПб., 1903. Т. 4: Гаага — Донатисты. Стб. 815–816.

⁵ *Мельникова Л.В.* Русско-турецкая война 1877–1878 гг. глазами полкового священника Вакха Гурьева // Военно-исторический журнал. 2015. № 12. С. 54–58.

⁶ *Калиганов И.И.* Освобождение Болгарии от турок в 1877–1878 гг. глазами очевидца (священника 3-й гренадерской дивизии Вакха Гурьева) // Славянский мир в третьем тысячелетии: Этнические, конфессиональные, социокультурные компоненты идентичности народов Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы. М., 2017.

⁷ Золотой наперсный крест на Георгиевской ленте с 1790 г. (года учреждения) до 1917 г. был пожалован (по одному из подсчетов) только 442 военным священнослужителям.

⁸ *Желобовский А.А.* Управление церквами и православным духовенством военного ведомства // Столетие Военного министерства. 1802–1902. СПб., 1902. Т. 50. С. 86, 99, 102, 105.

⁹ *Лебедев А.* Путевые наблюдения и заметки во время последней Турецкой войны. Из походного дневника полкового священника. СПб., 1878. С. 7.

¹⁰ *Цитович А.* Из памятной книжки полкового священника. (От перехода через Дунай до пленения Шипкинской армии) // Прибавление к Калужским епархиальным ведомостям. 1878. № 8. С. 147.

¹¹ *Гурьев В.В.* Письма священника с похода 1877–1878 гг. М., 2007. С. 19.

¹² Там же. С. 261–263.

¹³ *Зноско-Боровский Н.А.* Тяжелые минуты на Балканах. (Отрывки из дневника гвардейца) // Сборник военных рассказов [составленных офицерами-участниками войны 1877–1878 гг.]. СПб., 1879. Т. 4. С. 651.

- ¹⁴ *Ореус В.Ф.* Воспоминания о походе 1877–1878 гг. // Русская старина. 1884. Т. 43. № 8. С. 420.
- ¹⁵ *Лебедев А.* Путевые наблюдения... С. 7–8.
- ¹⁶ Плевна и гренадеры. М., 1887. С. 25.
- ¹⁷ *Лебедев А.* Путевые наблюдения... С. 8.
- ¹⁸ Там же. С. 8–9.
- ¹⁹ *Гурьев В.В.* Письма... С. 38.
- ²⁰ *Латшин Г.П.* Мирная жизнь 138-го пехотного Болховского полка в Болгарии и возвращение его в Россию (Из воспоминаний священника) // Вестник военного духовенства. 1892. № 13. С. 411.
- ²¹ *Лебедев А.* Путевые наблюдения... С. 9.
- ²² *Гурьев В.В.* Письма... С. 43.
- ²³ *Лебедев А.* Путевые наблюдения... С. 8.
- ²⁴ *Гурьев В.В.* Письма... С. 43–44.
- ²⁵ Там же. С. 38.
- ²⁶ Там же. С. 42–43.
- ²⁷ Там же. С. 141.
- ²⁸ *Катков М.Н.* Имперское слово. М., 2002. С. 326.
- ²⁹ *Гурьев В.В.* Письма... С. 94.
- ³⁰ *Лебедев А.* Путевые наблюдения... С. 9.
- ³¹ *Гурьев В.В.* Письма... С. 191.
- ³² Там же. С. 104.
- ³³ Там же. С. 190.
- ³⁴ Там же. С. 190.
- ³⁵ Там же. С. 108.
- ³⁶ Там же. С. 104.
- ³⁷ *Цитович А.* Из памятной книжки... С. 151–152.
- ³⁸ Там же. С. 152.
- ³⁹ *Лебедев А.* Путевые наблюдения... С. 7.
- ⁴⁰ *Гурьев В.В.* Письма... С. 182.
- ⁴¹ Там же. С. 175–176.
- ⁴² Там же. С. 176.
- ⁴³ Там же. С. 214.
- ⁴⁴ Там же. С. 43.
- ⁴⁵ *Лебедев А.* Путевые наблюдения... С. 20.
- ⁴⁶ *Серафим (Чичагов Л.М.)* Дневник пребывания Царя-Освободителя в Дунайской армии в 1877 году. СПб., 1995. С. 266.
- ⁴⁷ *Латшин Г.П.* Мирная жизнь... С. 411.
- ⁴⁸ Там же. С. 407–408.
- ⁴⁹ Там же. С. 408.
- ⁵⁰ *Гурьев В.В.* Письма... С. 188–189.
- ⁵¹ Там же. С. 190, 214, 216.

ГУСЕВ Н.С.*

**ПАТРИАРХ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ
ВОЕННОЙ ЖУРНАЛИСТИКИ
ВАС. И. НЕМИРОВИЧ-ДАНЧЕНКО
И ЕГО КОРРЕСПОНДЕНЦИЯ
С ПЕРВОЙ БАЛКАНСКОЙ ВОЙНЫ****

Осенью 1912 г. связанные взаимными договоренностями Болгария, Сербия, Греция и Черногория объявили войну Османской империи. В России начавшаяся Балканская война вызвала значительный интерес, и периодические издания стали отправлять своих корреспондентов в воюющие страны. Газета «Русская мысль» командировала патриарха отечественной журналистики Василия Ивановича Немировича-Данченко.

Родился он 24 декабря 1848 г. (по новому стилю — 5 января 1849 г.) в Тифлисе. С 1860-х годов в «Отечественных записках», «Вестнике Европы» и других изданиях стали публиковаться его художественно-этнографические очерки. Среди них рассказы о Русском Севере, Кавказе, за границе и о многом другом. В русско-турецкую войну 1877–1878 гг. Немирович-Данченко сопровождал русскую армию в Болгарии, был награжден солдатским Георгиевским крестом, оставил воспоминания о войне¹. Впечатления от этой кампании послужили основой для его художественных произведений². Когда уже независимая Болгария объявила Османской империи войну, писатель решил, что не может упустить возможность увидеть изгнание турок из Европы силами недавно освобожденных, и в 1912 г., несмотря на солидный возраст³, отправился на Балканы. Он, как и большинство современников, считал, что «разрешится освободительная война между Адрианополем и Чаталджой»⁴, — решающие события в борьбе с Османской империей будут проходить

* Гусев Никита Сергеевич — кандидат исторических наук, научный сотрудник Института славяноведения РАН.

**Статья написана в рамках работы над проектом РГНФ/РФФИ № 31-15-01003а1.

на восточном, Фракийском, театре военных действий, а не в Македонии, потому стремился именно в Болгарию.

Однако попасть напрямую туда было сложно, и приходилось делать крюк: ехать через Будапешт и Белград. В сербской столице его принял премьер Н. Пашич, в приемной которого, как отметил Немирович-Данченко, «со стен смотрели <...> Михаил Обренович, король Милан и Петр Карагеоргиевич». Отметим, что портрет свергнутого в 1903 г. Александра Обреновича отсутствовал. «Ко мне вышел зоркий и пристальный старик, слегка сгорбившийся под игом лет и неустанного труда. Большая белая борода. Сухая, нервная рука точно ощупывает вашу. Глаза — шарят в душе: чего вы стоите, и как с вами считаться», — описал встречу Немирович-Данченко. При этом, по свидетельству писателя, когда сербский премьер вспоминал Россию, «и без того молодые глаза этого старца разгорались». Но в отношении политики официального Петербурга несколько иное проглядывало: когда он заговорил о совместном заявлении австрийского и русского посланников с требованием остановить подготовку к войне, то «чувствовалась внутренняя обида в его вздрагивавшем и прерывавшемся от волнения голосе».

Воспринимая встречу с журналистом как возможность обратиться к русскому обществу, Пашич подчеркнул, что война началась не по вине сербов, а из-за произошедшей при попустительстве турецких властей резни христианского населения в городах Штипе и Кочанах в 1911 и 1912 гг. и бездействия великих держав. Руководство балканских государств оказалось бессильно перед возмущением народа: «Попробуй правительство вернуть армию, — она сметет его, как пену, выброшенную на берег»⁵, — утверждал глава сербского правительства. Данное оправдание начала войны Пашич не единожды передавал в Петербург через посланника в Белграде Н.Г. Гартвига⁶. Буквально дословно его повторяли сербские профессора и публицисты в Петербурге⁷. России, возникшая на Балканах турбулентность, была крайне неудобна и опасна в силу неподготовленности к вероятной общеевропейской войне.

После премьеры Немировича-Данченко удостоил аудиенцией наследник престола Александр, «тонкий и стройный юноша, с горячими и нежными глазами, то вспыхивающими

одушевлением, то меркнувшими в славянской печали». Он также поинтересовался отношением русского общества к войне: «Что делается в России, как настроено ваше общество, знает ли народ о том, что бросило его южных братьев в этот крестовый поход?» — спросил он корреспондента «Русского слова»⁸.

Затем Немирович-Данченко прибыл в Болгарию. Там он был известен как «большой болгарофил», имел тесные связи с болгарской интеллигенцией, поэта и публициста Петко Славейкова называл своим другом⁹. Сотрудник местного издания «Вечерняя почта» (*«Вечерна пошта»*) писал о Немировиче-Данченко как о человеке, который «никак не чужд нам, который очень любим нами, который в свои 64 года сохраняет юношеский восторг и веру настоящего нашего брата в успех нашего оружия»¹⁰. Поэтому неудивителен факт, что перед его отъездом на родину был дан званый обед, где писателя чествовали как представителя России и русского общества. Болгарская газета «Мир» уделила этому мероприятию заметное место на своих страницах¹¹.

Вернувшись с Балкан, Немирович-Данченко опубликовал в 1913 г. двухтомную книгу впечатлений от Балканской войны «С вооруженным народом»¹². В том, что таковая книга появится, современники были уверены. 21 февраля 1913 г. софийский корреспондент газеты «Речь» В. Викторов-Топоров обратился к нему с просьбой посодействовать в издании собственного произведения «1912 год на Балканах». По его словам, Немирович-Данченко сам извлечет выгоду из ее публикации, поскольку «книга эта должна была бы заинтересовать русского читателя как дополнение к той книге, которую Вы, несомненно, выпустите о самой войне»¹³. Таким образом, в бойкости пера и стремлении Немировича-Данченко выпустить под одной обложкой разрозненные статьи, его коллеги не сомневались. Однако в силу неизвестных причин книга Викторова-Топорова не появилась. А столь чтимый и любимый в Болгарии русский писатель, предположительно, не ограничился лишь изданием собственных статей, но и стал принимать участие в различных публичных собраниях, посвященных балканским проблемам. Так, в марте 1913 г. активный участник литературной жизни столицы Ф.Ф. Фидлер устраивал у себя музыкальный вечер, на котором ждал Немировича-Данченко. В дневнике о его

присутствии он записал: «Пришел поздно с какого-то ужина и ушел часа через два: спешил в какое-то общество»¹⁴. К сожалению, ни в одном опубликованном сборнике речей с заседаний или в газетных заметках о них имени писателя найти не удалось.

Для Немировича-Данченко Балканская война имела тесную связь с русско-турецкой, и, направляясь по освобожденным землям в сторону болгаро-турецкого фронта, он вспоминал, как армия генерала И.В. Гурко шла по этим местам¹⁵, находясь в Стара Загоре, писал про подвиг командира болгарской дружины П.П. Калитина¹⁶. Одно из разоренных сел показалось ему знакомым, и он довольно много внимания уделил сравнению увиденного им в русско-турецкую и Балканскую войны¹⁷. В итоге, глядя на Чаталджинские укрепления, писатель думал о Плевне¹⁸. В болгарских солдатах он видел наследников русского воинства: «Точно в их жилы со злаками полей, с плодами садов влилась доблесть наших безвестных и безымянных героев»¹⁹. Погружение писателя в дела 35-летней давности поддерживалось и болгарскими: «Ко мне относятся здесь как к родному. Вспоминают, что я на этих полях и в Балканах переживал тридцать пять лет назад освободительную войну». «Может быть, и я не стою этих приветствий», — кокетничая, добавлял он²⁰. При чтении Немировича-Данченко, даже возникает мысль, что обильным изложением собственных воспоминаний он пытался восполнить недостаток впечатлений от Первой балканской войны, старался не оставить редакцию и читателей без строчек своих сочинений.

Подтверждает эту догадку состояние болгарской политики в области цензуры на начальном этапе войны, когда к линии фронта не подпускали никого из иностранных корреспондентов. В связи с этим Немирович-Данченко считал, что болгарские генералы оказались «близорукими и односторонними государственными людьми», «играющими на руку Австрии и Германии», поскольку они не дали иностранным журналистам возможность увидеть подвиг народа, «отняли у своего на-

* Павел Петрович Калитин — офицер русской армии, командир 3-й дружины болгарского ополчения, погиб в сражении за Эски-Загра (ныне — Стара Загора), защищая Самарское знамя, под которым сражалось болгарское ополчение.

рода счастье быть оцененным и вознесенным на невиданную высоту». При этом он указывал на то, какую роль пресса сыграла в истории Болгарии, начиная с Я. Мак-Тахана²¹, рассказавшего Европе о жестокости подавления Апрельского восстания 1876 г.

Глава болгарского парламента С. Данев просил заместителя главнокомандующего генерала М. Савова допустить к линии фронта хотя бы Немировича-Данченко как известного болгарофила, человека талантливого и проверенного, но получил ответ: «Неудобно делать исключения для кого бы то ни было. С сожалением вынужден отказать на этом основании и Немировичу-Данченко»²².

И, оставаясь вдали от боевых действий, писатель смотрел на отправлявшихся на фронт и размышлял: «В петличках у солдат цветы, брошенные им в последний раз женщинами. Может быть, такие же растут на братских могилах, куда, бодрые, смелые, юные, лягут они дорогою платою за счастье своих южных братий»²³. Энтузиазм, по его словам, был столь высок, что даже имели место несколько случаев самоубийств среди тех, кого по состоянию здоровья не приняли в армию²⁴.

Спустя некоторое время к линии фронта были допущены несколько журналистов, из которых трое представляли российские издания: штабс-капитан Н.П. Мамонтов («Утро России»), полковник В.Н. фон Дрейер («Новое время») и, «конечно, Немирович-Данченко, болгарский любимец и участник освободительной войны; с ним конкурировать невозможно», как с завистью вспоминал оставшийся при главной квартире корреспондент «Русских ведомостей» М.А. Осоргин²⁵. Благодаря такому особенному отношению со стороны властей Немирович-Данченко смог увидеть и описать то, как было принято решение о штурме Чаталджинских укреплений — последней линии обороны турок перед Константинополем. 3 ноября в распоряжение армии прибыл зам. главнокомандующего Савов*, «знакомая серая крупная фигура с грубыми чертами самоуверенного лица»²⁶. Генерал объявил: «Через четыре дня мы в Константинополе». Он был «необыкновенно торжествен», но иначе выглядел генерал Р. Димитриев, под чьим командовани-

* Вас. И. Немирович-Данченко его ошибочно назвал главнокомандующим. Эту должность занимал царь Фердинанд.

ем 1-я и 3-я армии должны были выполнять приказ,— «нервен, мрачен, недоволен». По мнению Немировича-Данченко, он лучше осознавал бессмысленность атаки турецких укреплений в тех условиях и неизбежность больших потерь среди болгарских солдат, «несравненно лучше оценивал положение и был против боевой авантюры»²⁷. В реальности ситуация была намного сложнее. Савов действительно выступал за атаку Чаталджинских укреплений, однако категорического протеста Дмитриев не выразил. На описанном Немировичем-Данченко совещании командующий группировкой армий высказался против методичной осады укреплений в связи с разбушевавшейся в войсках холерой и недостатком осадной артиллерии. Он видел два выхода из ситуации: согласие на предложенное турками перемирие либо же атака Чаталджи, «но с не столь высокими шансами на успех». Когда же Дмитриев понял, что штурм состоится, то, видимо, зная хитрость и изворотливость царя Фердинанда, попросил предоставить ему письменное распоряжение о начале атаки²⁸, а также предложил Савову взять на себя командование объединенной группировкой войск, чтобы он сам мог сосредоточиться на управлении 3-й армией. Первая его просьба была удовлетворена, во втором же было отказано²⁹. Драматизм и громкие фразы, имевшие место, согласно Немировичу-Данченко, перед безуспешной атакой на Чаталджу, Дмитриев в своих мемуарах не описал.

Надо признать, писатель явно испытывал симпатию к командующему 3-й армией. Он считал, что генерал «производит сильное впечатление своей простотой». «Болгарский Скобелев» внешне ему показался схожим с Наполеоном Бонапартом, но скромным и не стремящимся ни к какому позерству, занятым лишь текущими боевыми задачами, при этом сохраняющим спокойствие и вдумчивость. По мнению автора, «это чисто болгарский тип, демократический, как его штаб и как его офицеры и солдаты»³⁰.

Савов же у Немировича-Данченко вызывал противоположные чувства, в обоих генералах он видел лишь одно сходство: «оба — сильные». При этом Савов недоступен никаким впечатлениям, «не особенно глубоко рассчитывающий». Дмитриев же — «талант, боевое вдохновение», скромный, рассчитывающий загодя бой, берегущий солдат, переживающий за армию,

«этот умрет вместе с поражением, Савов спокойно вернется домой»³¹.

Возможно, эту предвзятость можно объяснить тем, что Димитриев считался русофилом, после участия в государственном перевороте в 1886 г. был вынужден покинуть родину и служил в русской армии, Савов же слыл русофобом. Как показало изменение отношения русской прессы к руководству Болгарии после начала Межсоюзнической войны летом 1913 г., условное разделение элиты на русофилов и русофобов³² оказывало огромное влияние на оценку военных и политических деятелей³³. С «болгарским Скобелевым» у патриарха отечественной журналистики, видимо, установились теплые отношения, как и с «настоящим» Скобелевым. Во время войны он вместе Н.П. Мамонтовым и фон Дрейером часто приглашался к ужину в штабе Димитриева³⁴. В январе 1914 г., генерал, уже став посланником в Петербурге, писал Немировичу-Данченко: «От души Вас благодарю за добрую память обо мне и за присланные Вами книги, как прежде, так и теперь». Он просил писателя позвонить ему по телефону, дабы узнать, когда его можно застать дома, поскольку хотел нанести личный визит, а «не ограничиться простым оставлением визитной карточки». Аттестовал себя в подписи Димитриев так: «Искренне Вас уважающий и преданный»³⁵. Во время Первой мировой войны он поступил на русскую службу, и Немирович-Данченко в октябре 1914 г. вновь описывал подвиги генерала, однако теперь уже не на Балканах, а в Галиции³⁶.

В целом сложно считать корреспонденцию Немировича-Данченко объективным и точным источником по истории Балканских войн. Он сам указывал, что балканским союзникам необходима помощь со стороны общественного мнения, поскольку дипломатические действия великих держав приводили к сохранению положения, невыносимого для православного населения Османской империи. На правительства «европейского концерта» требовалось оказать давление, потому «общественное мнение Европы сыграет, может быть, гораздо более важную роль, чем ее политические аптекари со своими для живых народных ран гуммоными пластырями»³⁷, а со стороны крупнейшей славянской державы «и сербам, и болгарам нужна только моральная защита России, наше твердое, реша-

ющее слово»³⁸. В конце концов, его корреспонденция, далекая от идеалов журналистской беспристрастности, даже высмеивалась в русской печати. В журнале «Сатирикон» была помещена пародия на сообщения Немировича-Данченко: «Задержаны сербами восемь товарных поездов с австрийскими иголками, которые предназначены для выкалывания глаз сербам. Отрезанными ногами гяуров засыпают горные пропасти и провозят артиллерию. У убитых турок находят комплекты “Русского слова”, переплетенные в обложки из христианской кожи»³⁹.

В журнале явно намекали на частые описания турецких зверств по отношению к мирному населению в статьях Немировича-Данченко. А обращался он к этой теме столь часто, видимо, в связи с необходимостью потрясти европейское общественное мнение, должное осознать невозможность сохранения существующего на Балканах порядка. Однако тема жестокости обращения солдат с мирным населением имела и обратную сторону — сербы и болгары не всегда выказывали идеал христианской добродетели по отношению к турецкому населению. Допущенные до линии фронта корреспонденты в статьях «не замечали» этого, и Л.Д. Троцкий, в тот момент сам бывший на полуострове в статусе корреспондента газеты «Киевская мысль», объяснял это тем, что они «не просто корреспонденты, а праведники, отмеченные перстом штаба», у которых чувство благодарности за возможность увидеть передний край войны «расслабляющим образом подействовало на их органы наблюдения»⁴⁰.

Между собой же, не для печати, журналисты обсуждали увиденное. Писатель Е.Н. Чириков застал встречу представителей русской прессы, состоявшуюся в софийском кафе «Панах» уже после провала Чаталджинского наступления. По его словам, там начали спорить о зверствах, и тут «разбиваются резко на два лагеря: один знает зверства только турецкие, другой — болгарские... Вас. И. Немирович-Данченко видел турецкие зверства своими глазами, ссылается еще на Пиленко*, который даже

* Пиленко А.А. — сотрудник «Нового времени», во время Первой балканской войны находился в Болгарии с собственным любительским фотоаппаратом. Затем свои заметки и фотографии он опубликовал (*Пиленко А.А. Около Болгарской войны. Дневник и сорок девять любительских фотографий.* СПб., 1913).

снял их фотографическим аппаратом». Его спросили, а не были ли это башибузуки. Он ответил: «Нет, один из замученных успел сказать мне, что его изувечили регулярные войска, и умер!»⁴¹. Из услышанного и увиденного Чириков сделал для себя вывод: «Эта война одна из самых жестоких и бесчеловечных, в чем повинны в одинаковой мере обе воюющие стороны»⁴². А Немирович-Данченко был вынужден противоречить сам себе: то говорил, что все слухи о казнях мирного турецкого населения «оказывались злостною и подлою выдумкой венских лгунов»⁴³, то утверждал, что жестокости никто не оправдывает, «сами болгары их знают, и лучшие их писатели, народные избранники, поэты <...> предьявят народу свои запросы о случившемся»⁴⁴.

Описывая Болгарию Немирович-Данченко, как и многие другие корреспонденты⁴⁵, был склонен идеализировать достигнутые в деле модернизации страны успехи: писал о высоком уровне грамотности населения, об обустройстве городов на современный манер и т.п. Квинтэссенцией его восприятия страны служит тост, произнесенный им на торжественном обеде перед отъездом из Болгарии. Он предложил поднять бокалы «за демократическую Болгарию, великую работницу будущего, сотрудницу в общемировом движении к вечным созвездиям человечества — свободе, красоте, знанию. Да живет она, когда цветы покроют могилы, и когда свободный, просвещенный потомок с благодарностью вспомнит пролитую за него кровь. За Болгарию ума, знания, прогресса, работы и за выразительницу этих заветов, независимую болгарскую печать»⁴⁶.

Все эти достижения наряду с демократичностью взаимоотношений между офицерами и солдатами приводили, по его мнению, к поразительным успехам на войне, поскольку способствовали развитию инициативы: «Один едет и захватывает турецкие пушки, другой снимает с позиции целые роты неприятеля, озадаченного смелым и неожиданным появлением болгарского разъезда. Третий с таким же разъездом берет город»⁴⁷. Но в условиях войны самовольство, пусть и героическое, вело к нарушению общего плана и опасности крайне серьезных последствий для всего хода боевых действий. И сам Немирович-Данченко описал, как в первые недели войны

часть войск Димитриева получила приказ остановиться на некоторое время, пока другой отряд не зайдет в тыл туркам. Но, увидев вражеский разъезд, солдаты не сдержались и поднялись в атаку. В итоге обходной маневр не успел завершиться, и писатель признавал, что в случае выполнения приказа было бы получено значительное стратегическое превосходство⁴⁸. Тем не менее, он продолжал восхищаться инициативностью войск, не воспринимая их как неповиновение приказам.

На войне Немирович-Данченко увидел и главный недостаток современных ему болгар — отсутствие сострадания к раненым: «Они выбыли из строя; сейчас, сию минуту эти вычеркнутые единицы не нужны для удара, и ничье сердце здесь не болит о них»⁴⁹. По его мнению, мало создать школу и армию, необходимо воспитать и чувство сострадания у народа, а до того «он, и грамотный, и свободный, и независимый, и победоносный, еще не достоин выйти на мировую арену одним из ее передовых действующих лиц»⁵⁰. Тем самым писатель, вновь себе противореча, косвенно признавал: образованность и просвещение, как следствие — гуманность, еще не укоренились на Балканах. Они там имели лишь свои внешние атрибуты.

Эту антиномию заметил и автор вышедшей в 1913 г. в «Вестнике Европы» рецензии на книгу Немировича-Данченко: «Кричащие краски автор кладет густо и на изнанку войны: болгарские распоряжки в тылу армии, неорганизованность помощи больным и раненым изображены столь же черными красками, сколь яркими рисуется доблесть “вооруженного народа”»⁵¹. Сам автор, ознакомившись с рецензией, в разговоре с Ф.Ф. Фидлером возмущался: «Как будто существуют достаточно густые краски для описания ужасов войны!»⁵². Однако автор рецензии В.Е. Чешихин был прав: «Мишурный блеск этой бутафорской симпатии к славянству <...> ослабляет доверие читателя к виденному и слышанному автором». И в итоге, как верно подметил критик, «книга г. Немировича-Данченка оставляет по себе ряд недоумений о действительно происходившем в Болгарии»⁵³.

Однако не только ангажированность⁵⁴ снижает значимость книги «С вооруженным народом» как источника по истории Первой балканской войны. Ее автор был склонен исказить реальную картину ради красного словца. Так, Е.Н. Чириков, удивлялся несоответствию описания Немировича-Данченко од-

ного из населенных пунктов и увиденного там собственными глазами⁵⁵. Фон Дрейер, вспоминая, что за глаза писателя называли «Немирович-Вральченко». Он описал его следующим образом: «Крепыш, библейского вида со своими седыми волосами и бородой, среднего роста, очень плотный, он целые сутки, несмотря на свои 60 лет, мог сидеть на лошади, и после этого еще строчить свои фельетоны». Патриарх русской военной журналистики «с гордостью таскал своего солдатского Георгия», но в военном деле не разбирался, а рядом с Чатаджой, панически опасаясь холеры, все обрызгивал известью⁵⁶. И не только в военном деле писатель был некомпетентен. Описывая танец солдат у костра, он называл его на сербский манер «коло», а не хор⁵⁷. В Белграде Немирович-Данченко в разговоре с посланником Гартвигом обвинял главу МИД С.Д. Сазонова в невежестве, поскольку тот считал город Пирот сербским. Дипломаты не стали развеивать иллюзий писателя, дабы тот по дороге в Софию был еще более поражен открывшимися ему неожиданными фактами. По словам секретаря дипмиссии в Сербии В.Н. Штрандтмана, «очевидно было, что Немирович-Данченко продолжал жить по тексту Сан-Стефанского договора»⁵⁸.

Тем не менее, считать корреспонденцию Немировича-Данченко с Первой балканской войны бесполезной для историка нельзя. В ней стоит искать то, что, говоря словами М. Блока, «автор дает нам понять, сам того не желая»⁵⁹. Во-первых, даже сгущая краски или приукрашивая, писатель пролил свет на некоторые вопросы, которые могли быть случайно или намеренно не замечены другими очевидцами. Во-вторых, книга Немировича-Данченко — ценный источник по *представлениям* русского общества о Балканах и Балканских войнах. Ведь автор не только создавал эти представления, но и подчинялся им, будучи вынужден встраиваться в существующую традицию восприятия полуострова и его жителей, не желая подобно Л.Д. Троцкому и Н.И. Гасфельду оказаться под шквалом критики со стороны определенных кругов общества, потерять читателей и, соответственно, гонорары. Таким образом, при известных оговорках и верном подходе корреспонденция Немировича-Данченко является весьма ценным источником по истории России и Балкан начала XX в.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Немирович-Данченко Вас. И.* Год войны 1877–1878. Дневник русского корреспондента. СПб., 1878–1879. Т. 1–3.

² Среди них «Гроза» (1880), «Плевна и Шипка» (1881), «Вперед» (1883).

³ Ему было неполных 63 года. Затем и во время Первой мировой войны он отправился на фронт. А.П. Шполянский (Дон-Аминадо) так описал его: «...Весь в папахах и в бакенбардах, невзирая на возраст, как угорелый носится, и такое пишет, что печатать неловко» (*Дон-Аминадо*. Поезд на третьем пути. Б. м., б.д. URL: http://az.lib.ru/d/donaminado/text_0010.shtml (Дата обращения: 14. 05. 2017)). Спустя 20 лет он также оставался крепок здоровьем. Историк А.А. Кизветтер, живший как и Немирович-Данченко в Праге, в письме коллеге В.А. Мякотину в 1932 г. сообщал, что «слава Богу, несокрушим Немирович-Данченко», и охарактеризовал его как «юного старца» (Письма А.А. Кизветтера Владимиру Александровичу Розенбергу и Венедикту Александровичу Мякотину / Публ. М.Г. Вандалковской // Культурное и научное наследие русской эмиграции в Чехословацкой республике: документы и материалы. М.; СПб., 2016. С. 110.)

⁴ *Немирович-Данченко Вас.И.* Собрание сочинений. СПб., 1913. Т. XIV. С. 23.

⁵ Там же. С. 26–28.

⁶ Международные отношения в эпоху империализма. Документы из архивов царского и временного правительств. 1878–1917. Сер. вторая. 1900–1913. Л., 1940. Т. 20. Ч. II. 14 августа — 17 октября 1912 г. (далее — МОЭИ). С. 183, 206, 235, 264–266.

⁷ Война на Балканах. СПб., 1912. С. 8; *Семиз Д.И.* Сербский народ накануне войны // Славянский вопрос в его современном значении. СПб., 1913. С. 67.

⁸ *Немирович-Данченко Вас. И.* Собрание сочинений. Т. XIV. С. 29.

⁹ *Немирович-Данченко Вас.И.* Собрание сочинений. СПб., 1913. Т. XV. С. 266–267.

¹⁰ Вечерна поща. 1912. 17 X.

¹¹ Мир. 1912. 21 XII.

¹² *Немирович-Данченко Вас. И.* Собрание сочинений. Т. XIV–XV.

¹³ Российский государственный архив литературы и искусства (далее — РГАЛИ). Ф. 355. Оп. 1. Ед. хр. 83. Л. 1–10б.

¹⁴ *Фидлер Ф.Ф.* Из мира литераторов: характеры и суждения. М., 2008. С. 602.

¹⁵ *Немирович-Данченко Вас. И.* Собрание сочинений. Т. XIV. С. 43.

¹⁶ Там же. С. 47.

¹⁷ Там же. С. 138–147.

¹⁸ Там же. С. 182.

¹⁹ Там же. С. 88.

²⁰ Там же. С. 41.

²¹ *Немирович-Данченко Вас. И.* Указ. соч. С. 210–211.

²² *Шипчанов И.* Вестители на бойна слава (военните кореспонденти през Балканската война от 1912–1913 г.). София, 1983. С. 57.

²³ *Немирович-Данченко Вас. И.* Собрание сочинений. Т. XIV. С. 52.

²⁴ Там же. С. 20.

²⁵ *Осоргин М.* На маленькой войне // *Осоргин М.* Заметки старого книгоеда. Воспоминания / Сост., примеч. О.Ю. Авдеевой. М., 2007. С. 525.

²⁶ *Немирович-Данченко Вас. И.* Собрание сочинений. Т. XIV. С. 243.

²⁷ Там же. С. 243–245.

²⁸ *Димитриев Р.* Трета армия в Балканската война. 1912 година. София, 1922. С. 317–319.

²⁹ *Марков Г.* България в Балканския съюз срещу Османската империя. 1911–1913. София, 2012. С. 236–237.

³⁰ *Немирович-Данченко Вас. И.* Собрание сочинений. Т. XV. С. 120.

³¹ *Немирович-Данченко Вас. И.* Собрание сочинений. Т. XIV. С. 244.

³² Об этом подробнее см.: *Косик В.И.* О феноменах русофильства и русофобства в Болгарии // *Славянский мир в третьем тысячелетии. Россия и славянские народы во времени и пространстве.* М., 2009.

³³ См.: *Гусев Н.С.* Болгарское военное руководство в оценках русских журналистов в период Балканских войн // *Российско-болгарские научные дискуссии. Российская и болгарская государственность: проблемы взаимодействия. XIX–XXI вв.* М., 2014.

³⁴ *Дрейер В.Н.* На закате империи. Мадрид, 1965. С. 127.

³⁵ РГАЛИ. Ф. 355. Оп. 1. Ед. хр. 21. Л. 1.

³⁶ Герой настоящей Великой войны Радко-Димитриев. С портретом и собственноручной подписью. Пг., 1914. С. 7–9.

³⁷ *Немирович-Данченко Вас. И.* Собрание сочинений. Т. XIV. С. 42.

³⁸ Там же. С. 5.

³⁹ Сатириконт. 1912. 19 X. Там же размещены пародии на Ф. Купчинского, Н.Н. Брешко-Брешковского и некоего «Нововременникова», являвшегося, видимо, собирательным образом газеты «Новое время», поскольку высмеивалось корыстолюбие при одновременном яром антисемитизме.

⁴⁰ *Троцкий Л.* Перед историческим рубежом. Балканы и Балканская война. СПб., 2011. С. 221.

⁴¹ *Чириков Е.Н.* Поездка на Балканы. Заметки военного корреспондента. М., 1913. С. 139.

⁴² Там же.

⁴³ *Немирович-Данченко Вас. И.* Собрание сочинений. Т. XV. С. 120.

⁴⁴ Там же. С. 114.

⁴⁵ См.: *Гусев Н.С.* Русские журналисты на Балканах в 1912–1913 гг.: в попытках разглядеть современные европейские государства // Балканский тезаурус: взгляд на Балканы извне и изнутри. Москва, 18–20 апреля 2017 года. М., 2017 (Балканские чтения 14. Тезисы и материалы).

⁴⁶ *Немирович-Данченко Вас. И.* Собрание сочинений. Т. XV. С. 269.

⁴⁷ *Немирович-Данченко Вас. И.* Собрание сочинений. Т. XIV. С. 117.

⁴⁸ Там же. С. 107–110.

⁴⁹ Там же. С. 227.

⁵⁰ Там же. С. 229.

⁵¹ Литературное обозрение // Вестник Европы. 1913. № 9. С. 382.

⁵² *Фидлер Ф.Ф.* Указ. соч. С. 622.

⁵³ Литературное обозрение // Вестник Европы. 1913. № 9. С. 381–382.

⁵⁴ Это свойство ему было присуще и в описании русско-турецкой войны. См., например: *Миловидова Н.В.* Воспоминания писателя и корреспондента В.И. Немировича-Данченко о русско-турецкой войне 1877–1878 гг. как исторический источник // Вестник КГУ им. Н.А. Некрасова. 2016. № 5.

⁵⁵ *Чириков Е.Н.* Указ. соч. С. 99.

⁵⁶ *Дрейер В.Н.* Указ. соч. С. 129–130.

⁵⁷ *Немирович-Данченко Вас. И.* Собрание сочинений. Т. XIV. С. 247.

⁵⁸ *Штрандтман В.Н.* Балканские воспоминания / Подг. текста А.Л. Шемякина. М., 2014. С. 184.

⁵⁹ *Блок М.* Апология истории или ремесло историка. М., 1973. С. 37.

КОСИК В.И.*

МЕЖДУ ПРОШЛЫМ И БУДУЩИМ...
(О РУССКОЙ ЭМИГРАЦИИ В СОФИИ)

Россия и Сан-Стефанский договор 1878 г. навечно вошли в историю Болгарии, в ее будущее, в мечты и планы. Царская Россия в 1917 г. была сожжена в революционном угаре и в пожарах Гражданской войны. Тысячи русских беженцев нашли свой второй дом в «русофильской» Болгарии.

Профессор В. Ренненкампф так вспоминал то время: «В Татьянин день, 12 января (25 января по новому стилю) праздник Московского университета, который по традиции объединяет всех учившихся в России болгар <...> я был приглашен живущими в Софии болгарами, бывшими воспитанниками русской науки, на товарищеский ужин. Вечером того дня я чувствовал себя очень уставшим и едва плелся от расположенного на краю города Военного училища по мокрым и грязным софийским улицам <...> на душе было отвратительно. Уставшее тело нуждалось в отдыхе. Но после того как я вошел в блестящий огнями зал ресторана, где был заказан ужин, меня охватило праздничное настроение, излучаемое собравшимися. Состояние души резко переменилось, усталость прошла. С разных сторон ко мне начали подходить знакомые и даже незнакомые, забытые мною лица. Эти последние, как оказалось, были когда-то моими слушателями в Новороссийском университете <...> На этом памятном вечере собралось множество болгарских интеллигентов, охваченных одинаковыми чувствами, мыслями, верованиями, надеждами, хотя и различались между собой и возрастом, общественным положением, званием, про-

* Косик Виктор Иванович — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН.

фессией. Тут были болгарский архимандрит Стефан (русский воспитанник) (будущий экзарх Болгарской православной церкви. — *В.К.*), бывший болгарский премьер-министр г. Т. Тодоров, представители профессуры и адвокатуры, военные, инженеры, политические и общественные деятели, литераторы, поэты и художники. Все слились в одном порыве — славянство, в одной мысли — Россия, с ее наукой и просвещением, университетами и академиями, с ее оригинальной и глубокой художественной литературой, с ее мистическим стремлением к высшим идеалам человеческого духа, с ее широкими полями, звонкой песней, с звучной гармонией ее стихотворения, с ее кровавым и грозным настоящим, с ее будущим возрождением и с ее будущей мощью — силой всего славянства <...> Кроме болгар говорили и русские гости, выражая признательность приютившей их стране и непоколебимо веря в возрождение России и ее тесные связи с Болгарией на благо всему славянству... Поздно ночью я покинул праздник, уставший телесно, но полный радости»¹.

Однако не для всех новая земля стала «матерью». «Признательная Болгария», как было написано на пьедестале софийского памятника Александру II, больше ценила не «русскую национальность», а талант, профессионализм.

Чрезвычайно трудно говорить о русофильстве и русофобстве уже потому, что прежней России не стало, ее вины в том, что произошло с ней, тоже не было. Строилась новая Россия уже в коммунистическом обличье. Оставалась только память, прежде всего о роли России в Освобождении Болгарии. Однако «русофильской памяти» было недостаточно для того, чтобы устроить всех русских беженцев (от десяти до тридцати тысяч). Не для всех находилась «чистая работа». Были и шахты, и опасный труд по разминированию, труд в строительстве.

В целом успешно встраивались в новую жизнь врачи, педагоги, люди искусства. Многие из них внесли громадный вклад в развитие, в культуру Болгарии. Хотя были и трудности, о чем свидетельствует пример художника Н.Б. Глинского. С одной стороны, он получал регулярные заказы из царского дворца, на протяжении долгих лет успешно работал в столичном Народном театре с болгарскими коллегами, прежде всего с Христо Поповым, получал хорошие отзывы у театрального критика

Л.М. Шишмановой. Только он и главный художник театра Асен Попов были признаны авторитетным критиком настоящими профессионалами. Но, с другой стороны, случались и неприятные «курьезы». В частности, в 1939 г. работы Глинского были лучшими на конкурсе плакатов, посвященных открытию художественно-ремесленной выставки Союза дружеств болгарских художников. Однако когда обнаружилось, что предстоящий победитель — «руснак Глинский», возникло замешательство, вызванное тем, что для болгарской выставки выбраны плакаты русского. В итоге, конкурс вообще отменили²!

В «русофильскую память» болгар вошло имя и русского художника Вадима Лазаркевича. Сказки с его иллюстрациями переиздаются, быстро расходятся и в XXI в., как например «Мыльные пузыри» (текст Светослава Минкова). Чтобы представить объем его работы, скажу, что он проиллюстрировал 36 детских периодических изданий и свыше 200 книг, в основном болгарских авторов. Его талант не был «подобен флюсу», Лазаркевич мог делать все — от иллюстрации изданного в 1930-х гг. учебника Хр. Спасовского и Т. Близнакова по религиозному обучению и воспитанию до обложки книги Л. Антонова «Лик Македонии», изданной в 1943 г. И сегодня детские руки опять перелистывают страницы сказок, украшенных волшебными рисунками «руснака» Лазаркевича.

Пожалуй, самым известным русским в болгарском театральном мире слыл Николай Осипович Массалитинов, ставший с 1925 г. главным режиссером софийского Народного театра. Перед министерством просвещения он первым условием своей работы поставил открытие драматической школы при театре, которую должны были посещать все молодые артисты и учащаяся молодежь театра³. В итоге, вместе с женой Екатериной Краснопольской и театральным критиком Петром Ярцевым он за короткое время создал необходимую школу, в которой воспитал новое театральное поколение — П. Герганова, Г. Стаматова, В. Трендафилова, М. Попову, З. Йорданову, К. Кисимова и др. Более того, эту школу, где Массалитинов вместе с женой вели занятия по актерскому мастерству и ставили «этюды» по системе Станиславского, посещали и другие актеры, как, например, известнейший Кр. Сарафов, участвовавший в «этюдах» наравне с молодежью⁴.

Всего Массалитинов поставил свыше 130 пьес, из которых 36 болгарских. Самому Массалитинову его болгарские коллеги и друзья неоднократно предлагали самому появиться на сцене, например, в «Дяде Ване», роль которого он блестяще играл еще на русской сцене. И вообще, не «тоскует» ли он по сцене? Ответ был скор и остроумен: «Чувствую себя как человек, который любит поесть, но принужден блюсти вегетарианский режим»⁵. Но все же тоска по сцене пересилила «вегетарианство». В 1928 г. Массалитинов с женой играли в пьесе Ибсена «Мастер Сольнес», шедшей на русском языке. В ней Массалитинов, по отзывам критики, блестяще сыграл главную роль. В 1930-х годах мастер стал играть и на болгарском языке, например, в 1934 г. в спектакле «Правдата е хубава, но щастиего — по хубаво» («Правда — хорошо, а счастье лучше») ⁶. Другой формой самовыражения для Массалитинова была декламация, чтение произведений русских и болгарских поэтов и писателей, а после 1944 г. — и советских.

Из тех времен о Николае Осиповиче сохранилась забавная зарисовка: он страшно не любил поэзию Маяковского, но его стихи были обязательными для репертуара артиста. Однажды он читал стихотворение «Советский паспорт» и вдохновенно произносил такие строки: «Я достаю из широких штанин дубликатом бесценного груза. Читайте, завидуйте, я — гражданин Советского Союза!» Прочитал он стихотворение великолепно, но когда зашел за кулисы, то, вытирая пот со лба, сказал: «Никогда такого дерьма еще не читал».

Может быть, другому за такие слова и влетело бы, но Николай Осипович был настолько знаменит в Болгарии, что ему прощалось все. За свое творчество он получил Димитровскую премию. Его именем был назван театр в Пловдиве⁷. В самом театральном цехе его любовно называли «дедушкой»⁸. Правда, не все было так гладко в его отношениях с новой властью, с театром. Некоторые смотрели косо: эмигрант! Так, после его ухода с поста главного режиссера у него отобрали роскошный кабинет в театре, в котором «воцарился» новый главреж. Массалитинову же предоставили каморку около туалета. Но все же ошибка ли, глупость ли, «революционная ли мера» была исправлена коммунистом Вылко Червенковым, занимавшим пост председателя Комитета по культуре Болгарии. Во время

одного из своих регулярных «обходов» театров он посетил Народный театр. Его провели по театру, показали кабинет директора, главного режиссера. После этого парадного обхода Червенков поинтересовался, где же кабинет Николая Осиповича Массалитинова. Пришлось показать ту конуру, куда втиснули «славу болгарского театра». Был большой разнос. В итоге Массалитинову вернули его привычный кабинет. Более того, Червенков предоставил ему хорошую квартиру, делал все, как говорила его дочь Таня, для отца⁹. В 1948 г. ему было присвоено звание народного артиста Народной Республики Болгарии. Сам Массалитинов продолжал трудиться: ставить пьесы, читать лекции по актерскому мастерству. И сейчас, в XXI в., его имя сохранила благодарная память болгар.

Были русские голоса, русские дирижеры, русские художники, и само собой — русские оперы, органически вошедшие в репертуар софийской оперы. Среди них можно назвать такие, как «Демон», «Евгений Онегин», «Пиковая дама», «Жизни за царя».

Именно «укорененное русофильство»¹⁰, по признанию болгарского царя Бориса, не позволяло ему в годы Второй мировой войны послать своих солдат на Восточный фронт. Тем более что «дележ» территорий был проведен, и София была довольна новыми/старыми землями. Хотя и здесь были свои правила по отношению к русским. Ярчайшим примером может служить ситуация с их мобилизацией в Русский охранный корпус. Тогда болгарские власти, пытаясь, видимо, «подсластить» свое нежелание послать своих солдат на Восточный фронт, разрешили проводить вербовку туда одним из генералов корпуса. Отказ мог послужить основанием для отправки в лагерь, на работы. Во всяком случае, именно эту причину называет С.Н. Богослова, описывая отpravку туда болгарскими властями своего отца, дробившего камень в карьере¹¹.

Было ли это проявлением русофильства или русофобства со стороны болгарских властей судить трудно, даже невозможно. Здесь важно другое — отказ идти сражаться с русскими, даже если они и носят советские гимнастерки.

Именно Красная армия в 1944 г. начала освобождение болгарской земли от немецких солдат. Этому предшествовало

объявление 5 сентября Болгарией войны Германии и Японии, в тот же день СССР — Болгарии, чтобы иметь повод для ввода войск и изгнания бывших болгарских союзников. «Софийское радио тут же прекратило все передачи и дрожащим тенорком какого-то эмигранта сообщало: “Господин, товарищ, маршал Советского Союза Толбухин, сообщите, где ваш штаб, чтобы прислать парламентариев для подписания перемирия”. После этого сообщения зазвучала музыка “Очи черные, очи жгучие <...>” Наконец через два часа перемирие было подписано»¹². И еще: после выступления Болгарии против своих бывших союзников командующий 1-й болгарской армией генерал Владимир Стойчев был единственным «иностранцем», присутствовавшим на параде Победы в 1945 г.

Наступали новые времена не только для болгарского народа, но и для русских.

В начале небольшое отступление. На обломке огромного камня, помещенного между собором св. Александра Невского и Народным собранием высечена надпись: «В период с 14 ноября 1943 г. по 17 апреля 1944 г. София была подвергнута сильным бомбардировкам, погибли 852 мирных жителя и было разрушено свыше 12 000 домов. Пусть Бог даст покой невинным жертвам и разум будущим поколениям. Мать Болгария».

Но разум во многих случаях стал классовым.

В начале о болгарском восприятии «старшего брата» с партийным билетом. Было бы глупо утверждать, что все болгарское население радостно встречало все нововведения властей, их политику, было готово воспринимать все, что идет из СССР. Только два материала:

Первый. В январе 1949 г. И.В. Сталину был отослан доклад главного военного советника в Болгарии генерал-лейтенанта А.В. Петрушевского, который на фоне доброжелательного отношения к СССР все же отметил определенные попытки «некоторых лиц» уменьшить роль СССР при освобождении Болгарии. «Эти настроения, — писал он, — идут в основном по следующим линиям:

1. Роль Советского Союза в освобождении Болгарии не велика. Болгария своими силами совершила переворот 9. 9. 1944 г., опираясь на партизанское движение и на свои подпольные организации.

2. Дальнейшая экономическая помощь Советского Союза обходится Болгарии дорого и не всегда товары, получаемые из СССР, высокого качества.

3. Особенно учиться у Советского Союза нечему.

Из этого может напрашиваться вывод о том, что Болгария, освобожденная своими силами, не особенно нуждается в помощи Советского Союза, может идти по своему «особому» пути»¹³.

Второй. Летом 1949 г. советский консул в Бургасе Симонов в донесении об итогах выборов в народные советы писал, что «внутренняя реакция» начала свою «низовую агитацию» с такими лозунгами, как «Болгарский народ будет вечным мостом большевистской России», «...Да здравствует частная собственность, да здравствует фашизм», «Народ не желает социализма»¹⁴. В примечаниях составителей отмечено, что «...Много злостных слухов и выпадов было также и по адресу Советского Союза»¹⁵.

Теперь об оставшихся русских и отношении к ним.

В сентябре 1944 г. новые власти наложили запрет на все эмигрантские организации, пронизанные «фашистской и националистической идеологией». Здесь были и Русский академический союз, Объединение русских художников, Объединение русских педагогов, Союз русских инвалидов и др. Прямого отношения к фашизму все эти общества, как написала видная исследовательница русской эмиграции Ц. Кьосева, не имели, за исключением Союза галлиполийцев и Союза русской национальной молодежи.

В воспоминаниях о том времени Иван Тинин писал, что многие эмигранты «выжили только потому, что сами болгары в это время также оказались не в лучшем положении, сочувствовали нам и относились к нам очень хорошо вопреки болгарским властям»¹⁶.

Но судьба не была благосклонна ко всем, так не бывает, особенно в моменты потрясений. Так, певец Евгений Ждановский после прихода Красной армии в Софию, был вывезен в СССР. Вся его вина, по мнению одного из его знакомых, заключалась в знакомстве с жившими в Софии братьями Солоневичами, известными антисоветскими выступлениями. Ему было разрешено жительство в г. Йошкар-Оле, где он 8 августа 1949 г. умер на сцене.

В 1946 г. только «в болгарских лагерях оказались 424 русских», обвиненных в сотрудничестве с немцами. В то же время болгарское правительство в соответствии с требованиями СКК (Союзной контрольной комиссии) выделяло с 1945 по 1948 г. 72 млн левов «на содержание бедных и больных русских беженцев». Все «несоветские» граждане автоматически попадали в поле зрения органов безопасности. Для наблюдения за высланными из Югославии в 1949–1952 гг. 777 русскими в Министерстве внутренних дел НРБ была создана специальная секция «Белогвардейцы»¹⁷.

Депортированный из Белграда Константин Михайлович Григоров, потомок древнего рода, верно и славно служившего России, отметил в воспоминаниях, что повсюду «висели транспаранты со словами благодарности русским, которых они называли “двойните освободители”» (двойные освободители). Между тем это всё носило скорее казённый характер, так как со стороны населения не чувствовалось ко всем русским ни особой теплоты ни дружеского отношения»¹⁸.

Его сын Никита Константинович писал, что «возможно, этому была причина обилие казенного любвеобилия (извините за каламбур.— В.К.) к СССР и к “братьям освободителям”, что набило оскомину, ущемляло национальную гордость болгар». В то же время Н.К. Григоров подчеркивал, что он «от пребывания в Болгарии сохранил самые лучшие воспоминания, всегда встречал хорошее отношение со стороны болгар, не чувствовал себя чужим»¹⁹. То же самое могут сказать все те, кто когда-либо бывал в Болгарии, особенно если они представляли самих себя.

Тогда, в первые годы, стремление подчеркнуть свою приверженность ко всему советскому, коммунистическому доходила до смешного. Так, в Софии «была бозаджийница “Ленин”». «Это была крошечная лавчонка, — вспоминал Н.К. Григоров, — уютившаяся в какой-то подворотне, где продавали традиционный, очень вкусный и питательный напиток — бозу»²⁰, приготовленный из проса или кукурузной муки.

Правда, для многих память родины обернулась нерадостным лицом...

Но, несмотря на «классовый разум», приобретающий иногда уродливый характер, нельзя полагать, что для русского эмиг-

ранта, да еще из «бывших» были закрыты все пути. Да, затрудняло карьеру, но профессионализм, талант, знания ценились больше.

Только одна судьба.

В интервью председателю Русского Академического союза в Болгарии С.А. Рожкову профессор Чумаченко говорил: «Над мной, и над братом висел как “дамоклов меч” эпитет “белогвардейские подонки”. Во всех документах и характеристиках, которые издавали организации Отечественного фронта или БКП, такие формулировки неизменно присутствовали. Это же “пятно” не позволило мне стать с самого начала и студентом. В 1953 г. я кандидатствовал на геологический факультет Софийского университета. Я к тому времени закончил хорошее столичное училище — им. Ивана Вазова в Павлово, у меня был довольно высокий балл после окончания школы — 5,95 (при шестибальной системе). Но на первом же экзамене — сочинении по болгарскому языку и литературе, я получил двойку и выбыл из конкурса. Это было довольно странно, т.к. сочинение я написал хорошее с точки зрения содержания, и всегда отличался довольно приличной грамотностью. Поэтому уверен, что мой “белогвардейский происход” был тому причиной <...> на следующий год я опять кандидатствовал в Софийский университет, но теперь уже как рабочий <...> и необходимая характеристика была получена от местной партийной организации. Это если не “замаскировало” мой белогвардейский происход, то немного его “сгладило” <...> В Софийский университет я поступил в 1954 году <...> и в 1959 г. становлюсь профессиональным геологом <...> Через два года <...> я поступаю в Геологический институт БАН (Болгарской Академии наук — В.К.) <...> В этом институте прошла вся моя творческая научная жизнь вплоть до пенсии... Нужно отдать должное моим коллегам, и даже и партийным работникам, которые закрывали глаза на мое “белогвардейское” прошлое. На первый план выходят качества человеческие и профессиональные <...> В 1972 г. я защитил кандидатскую, а в 1989 г.— докторскую диссертацию. У меня более 200 публикаций в самых престижных международных геологических изданиях <...> в конце 80-х годов заведующая кадрами стала перебирать досье сотрудников Геологического института БАН и попала на мои бу-

маги. Она начала расспрашивать меня, действительно ли мой отец служил в белой армии, а потом — имел ли противообщественную деятельность, тем более, что она видела, что я не из рабочей, а из буржуазной семьи — сын врача! Но поскольку в моей работе я не занимался “секретными” делами, оставили меня заниматься своей наукой, которая никому не могла мешать!»²¹.

И еще одно свидетельство о «новых русских». Н.К. Григоров писал: «Наша семья никакими привилегиями не пользовалась: комнату снимали, мама сдала экзамен на право работать учительницей русского языка. Отец пахал (в прямом и переносном смысле) землю <...> Я сдавал экзамены на аттестат зрелости и вступительный в ВУЗ на общих основаниях»²².

Из церковнослужителей упомяну протоиерея Всеволода Дмитриевича Шпиллера, человека с неординарной биографией. В декабре 1921 г. он из Галлиполи переехал в Болгарию. Работы не было: одно время зарабатывал тем, что разряжал вместе с другими русскими «охотниками» на черноморском побережье снаряды — среди местного населения таких охотников не находилось. Потом, в 1927 г., поступил на Богословский факультет Софийского университета. В 1934 г.о. Всеволод стал приходским священником церкви Успения Божией Матери в г. Пазарджике Пловдивской епархии Болгарской православной церкви. Известен тем, что отказался отслужить панихиду по немцам, погибшим в Сталинграде. Осенью 1944 г. он принял предложение министра иностранных дел и исповеданий правительства Отечественного фронта Петко Стайнова переехать в Софию и войти в министерскую комиссию по выработке проекта отделения Церкви от государства. После двухлетнего труда проект был одобрен, став основой последовавшего вскоре соответствующего закона. Вплоть до отъезда на Родину был негласным советником по представлявшим взаимный интерес церковно-государственным вопросам, касавшимся Русской православной церкви.

Собственно говоря, в сферу советских интересов входила вся Болгария, и идеология СССР активно внедрялась не только в болгарскую, но и в русскую среду. Все новые советские граждане входили в созданный в 1946 г. Союз советских граждан в Болгарии — с центром в Софии. Он прекратил деятельность

в 1963 г. после репатриации большинства советских граждан из Болгарии. Вместо него возникло Общество дружбы Болгария — СССР. Добавлю, что в Софии клуб Союза советских граждан размещался в огромном здании бывшего немецкого училища со своим бассейном и игровыми площадками.

Новые советские граждане активно включались в строительство новой Болгарии. Как и в СССР, в Болгарии были свои всенародные стройки. Например, Н.К. Григоров писал, что на стройке железной дороги Враца — Оряхово трудилась сформированная из русской/советской молодежи бригада имени героя Советского Союза Александра Матросова, а сам он работал в отряде имени адмирала Нахимова²³.

Деление на «русофилов» и «русофобов» исчезало в новых условиях, когда новой освободительницей стала опять Россия, но уже советская. Да и сама Болгария активно включилась в строительство нового общества под руководством коммунистов, точнее, Москвы. В сложившейся ситуации, многие решали вернуться на Родину. И все же было немало тех (примерно 5000 человек, по мнению Н.К. Григорова), которые оставались в ставшей родной Болгарии, в Софии. Назову здесь только два имени, прочно вошедших в историю Болгарии.

Валя (Валентина Петровна) Вербева, лауреат Димитровской премии (1952 г.), заслуженная артистка Народной Республики Болгарии (1966 г.). Искусство Терпсихоры она постигала у русских балерин Веры Лукашевич-Александровой и Анны Воробьевой-Занковой, ученицы Б. Нижинской. До начала Второй мировой войны танцевала в Русской опере у Агренева-Славянского. После освобождения Болгарии была назначена прима-балериной! Валя Вербева не только очаровала ценителей балетного искусства, но и людей, возможно, видящих балет первый раз в жизни. Она стремилась научить, вернее, вдохнуть любовь к сцене в своих учениц в государственном среднем балетном училище, где она начала преподавать в 1950-х годах. Среди ее выпускниц были Вера Лазарова Кирова, Елена Борисова Игнатова, Елисавета Симеонова Груева, Эмилия Василева Драгостинова, Павлина Костадинова Иванова, Снежана Славова Дескова, ставшая прима-балериной в Старой Загоре²⁴. В сущности, вся ее жизнь — это сплошная самоотдача!

Славист Николай Михайлович Дылевский, выпускник Крестовоздвиженской гимназии в г. Пещера. С 1928 г. он стал одним из двух русских правительственных стипендиатов, которые должны были в будущем трудиться над развитием болгаро-русских связей. После окончания Софийского университета он учительствовал три года в Неврокопе (Гоце Делчев), где преподавал болгарский язык и литературу. В 1934 г. начался отчет его преподавательской и научной деятельности в alma mater. В 1946 г. Дылевский стал одним из инициаторов создания специальности «русская филология» и, соответственно, кафедры по русскому языку. С 1951 г. по 1972 г. он возглавил кафедру русского языка. В 1955 г. был избран профессором по исторической грамматике русского языка. С 1934 г. по 1984 г. преподавал русский язык на богословском факультете в Университете, а также в Духовной академии. Его студенты стали основателями кафедр русского языка во многих высших учебных заведениях Народной Республики Болгарии — Пловдиве, Велико Тырнове, Шумене, Благоевграде. Он стал дуаиеном не только болгаристики, русистики, славистики, но и всей русской эмиграции в Болгарии.

Да, были те, кто «врос» в Болгарию, породнился с ней, стал ей служить. И сегодня в Софии еще есть русские, не забывшие, кто они и откуда их род. Случалось, что после отъезда из Софии на родину, казалось навсегда, следовало возвращение, что служит ярчайшим доказательством русофильства принявшей их страны.

Хотя были и нелегкие времена болгарской «перестройки», когда все «русское/советское» на волне антикоммунистической истерии хотели отправить на свалку истории. Началась «охота на ведьм», на памятники, борьба против пресловутого тоталитаризма, советского, коммунистического. Русофильство стало подозрительным.

Памятник маршалу Толбухину, войска которого освобождали Болгарию, был в начале 1990-х годов демонтирован и отправлен «на постоянное место жительства» в Россию. Мемориал советским воинам в Софии, связанный с освобождением Болгарии Красной армией, с борьбой болгарского народа, время от времени «украшается» граффити, на его барельефах в 2013 г. я видел «модные балаклавы».

Сегодня время массового хуления уже миновало. Так, в 2013 г. в центре Софии был торжественно открыт памятник генералу Иосифу Гурко.

Но самое страшное состояло в том, что была предпринята атака против России в душах болгарского народа! Именно русских обвиняли во всех бедах Болгарии. Рецепт спасения был, судя по всему, один — ликвидировать «дядо Ивана» в болгарской душе. И все будет тогда хорошо.

Но «блицкрига» не получилось. Тем не менее, идет тихий процесс исчезновения русского языка из числа наиболее востребованных болгарской молодежью. Разумеется, причина этого лежит в глобальном политико-экономическом процессе европеизации стран, народов, языков. Однако, оставая в стороне «глобальность», хотелось бы верить, что культура все же будет доминировать в сознании и деятельности государственных деятелей, если они хорошо учились в школе истории. Впрочем, было бы наивно полагать, что политику можно оставить в стороне и она всего лишь производная от культуры.

Только вот от какой? Западной? Восточной?

В свое время «певец британского колониализма» Редьярд Киплинг написал знаменитые строчки «О, Запад есть Запад, Восток есть Восток, и с мест они не сойдут, // Пока не предстанет Небо с Землей на Страшный Господень суд, // Но нет Востока и Запада нет, что — племя, родина, род, // Если сильный с сильным лицом к лицу у края земли встает?».

Время и сейчас все больше подтверждает эти мысли, и «солнце» для многих всходит на Западе. Но такая «аномалия» может ассоциироваться со всемирным «потопом» или, если угодно, «очищением», вследствие чего человек обретет свободу и одновременно, можно допустить, что он станет и ее рабом.

И вместо заключения. В современных условиях мы все еще держимся благодаря памяти, в том числе и о тех жертвах, принесенных в Освободительной войне, о тех солдатах, положивших сознательно, подчеркиваю, жизнь «за други своя». Они шли и воевали за освобождение болгарских братьев, а не за Проливы, и умирали они за правое дело. Можно всегда найти какие-либо спорные моменты в тех же событиях времени Освобождения, но бесспорным будет одно — подвиг России.

Заканчивая небольшой экскурс, хочу подчеркнуть, что феномены русофильства и русофобства (любви и ненависти) органичны для всего славянства, ищущего и находящего свои пути по обретению себя в будущем. Вопрос только, в каком и какова цена? Но здесь каждый решает сам или как будто сам.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Ренненкампф Вл.* Моята първата среща съ С.С. Бобчевъ и моите първи впечатления въ София // Юбилеен сборник издаден по инициативата на юридическия факултет при Софийския университет въ честь на С.С. Бобчев по случай петдесетгодишната му научна, публицистична и обществена дейност. София, 1921. С. 11; *Божинов В.* Съюзът «Българска родна защита» в светлината на националния въпрос // Военноисторически сборник. 2011. № 4. С. 12.

² *Глинский Н.* Моя жизнь — весь XX век // Волга. 1997. № 5/6. С. 194.

³ Там же. С. 193.

⁴ Цит. по: *Дертлиева А.Н.* О Масалитинов (1880–1961): «Бих искал да работя и да твори докато дишам» // Родина. 1997. № 3–4. С. 198.

⁵ Там же. С. 199.

⁶ *Тинин И.* Бытие, Исход, Второзаконие (история глазами очевидца). Династия Тининых и иже с ними. Воспоминания. Волгоград: Изво ВолГУ, 2001. С. 200–201.

⁷ Запись беседы автора с Таней Массалитиновой 1 ноября 2009 г. (Архив автора).

⁸ Там же.

⁹ *Kolanović N.K.* Zagreb — Sofia Prijateljstvo po mjeri ratnog vremena. S. 36.

¹⁰ *Богословова С.Н.* Руската следа във Варна. Варна, 2009. С. 77.

¹¹ *Тинин И.* Бытие Исход Второзаконие. С. 113–114.

¹² Советский фактор в Восточной Европе. В 2-х т. М., 2002. Т. 2. 1949–1953. Документы. С. 14.

¹³ Там же. С. 110.

¹⁴ Там же. Прим. С. 112–113.

¹⁵ *Тинин И.* Бытие Исход Второзаконие. С. 170.

¹⁶ *Кьосева Цв.* Документы о жизни русских эмигрантов в Болгарии 1945–1958 гг. // Русская газета № 52/2004 (<http://russkayagazeta.com/rg/gazeta/fullstory/emigr>); *Божинов В.* Съюзът «Българска родна защита» в светлината на националния въпрос // Военноисторически сборник. 2011. № 4. С. 130–131.

¹⁷ *Григоров К.М.* Хороша страна Болгария, а Россия лучше всех // *Григоров Н.К.* Воспоминания; сборник. Редакция 2008. Госрегистрация федерального депозитария электронных изданий № 0320801701.

¹⁸ *Григоров Н.К.* Заметки о себе и о времени. Болгария // Воспоминания.

¹⁹ Там же.

²⁰ Династии Русского зарубежья: семейство Чумаченко в Болгарии. Интервью проф. Чумаченко председателю Русского Академического союза в Болгарии С.А. Рожкову. Представлено С.А. Рожковым автору.

²¹ *Григоров Н.К.* Заметки о себе и о времени.

²² Там же.

²³ Воспоминания Е.В. Бесчастновой. Концерт на първия випуск на държавното средно училище 1957–1958 г. Народна опера, 1958, 30 мая. С. 9, 10, 12.

²⁴ *Колевски В.* В часа на синята мъгла. София, 1994. С. 18.

ПЕЙКОВСКА П.*

БОЛГАРИЯ И БОЛГАРЫ В ВЕНГЕРСКОЙ НАУКЕ (В XIX — СЕРЕДИНЕ XX в.)

Развитие болгаристики в XIX в. в Венгрии основывалось на давней традиции гуманитарных наук, уходящей корнями в предыдущие века. В настоящем обзоре представлено историческое развитие болгаристики в Венгрии до середины XX в. через ее основное направление — научно-исследовательскую деятельность.

Интерес к болгарам засвидетельствован в самых старых из сохранившихся венгерских источников. Сведения о древних связях между венграми и болгарями присутствуют в венгерских хрониках Средних веков и эпохи гуманизма — в хрониках Анонима и Я. Туроци¹. Данные о болгарском археологическом наследии и этнографии болгарских земель можно найти в записях венгерских путешественников, начиная с XVI в. В этом плане одни из самых богатых исторических источников — путевые заметки посланников трансильванских князей к Высокой порте XVII в., дневники венгерских политических эмигрантов в Турции конца XVII — начала XVIII в. из окружения графа Имре Тёкёли и графа Ференца II Ракоци².

В XVIII в. изучение болгарской истории в Венгрии было неотделимо от исследования средневековых взаимоотношений между венграми и восточноевропейскими народами. Болгарское прошлое присутствует главным образом в трудах церковных историков. Под влиянием французских болландистов³ венгерские иезуиты нашли множество до того не известных источников, Дьёрдь Прай осуществил их критическую обра-

* Пейковска Пенка — доктор исторических наук, доцент Института исторических исследований БАН.

ботку. Венгерские протестанты начали подготовку написания собственной версии венгерской церковной истории. В конце века один из них — Иоганн Кристиан (Янош Керестей) Энгель⁴, немец по происхождению, — посвятил болгарской истории отдельную книгу, в которой в духе венгерской исторической мысли того времени рассмотрел средневековую Болгарию как провинцию венгерской короны.

Во второй половине XVIII в. правление Марии Терезии и ее идеи в духе эпохи Просвещения породили в империи Габсбургов стремление к знакомству со славянскими народами монархии, включая и банатских болгар. Еще в конце XVIII в. Ласло Горове стал собирать сведения об истории банатских болгар-католиков. В 1897 г. он опубликовал обширную работу о заселении ими Баната, их демографическом состоянии и занятиях⁵.

В XIX в. в Венгрии зафиксирован первый научный интерес к болгарским землям со стороны естествоиспытателей. Он был обусловлен географической близостью Венгрии к Балканскому полуострову и тем обстоятельством, что в силу небезопасности для путешественников Европейской Турции для путешественников этот регион остался неисследованным. Развитие естественных наук в Венгрии и конкретно нужды Естественнонаучного отдела Венгерского национального музея способствовали тому, что венгерские ученые стали одними из первых европейских исследователей, занявшихся изучением флоры и фауны Балкан и, прежде всего, болгарских земель. Впервые с растительностью и животным миром внутренних районов Болгарии наука ознакомилась в 30–40-е годы XIX в. именно по публикациям венгра Имре Фривальдски⁶. В начале 1870-х годов сотрудник Ботанического отдела Венгерского национального музея Виктор Янка организовал еще две научные экспедиции в болгарские земли. Его путевые заметки были сразу же опубликованы в австрийском научном журнале «*Österreichische Botanische Zeitschrift*» («Австрийский ботанический журнал») и несколькими годами позже — в венгерском научном журнале «*Magyar növénytani lapok*» («Венгерские ботанические листы»)⁷.

Изначально исследования венгерских ученых ограничивались установлением и регистрацией видового состава болгарс-

ких флоры и фауны. Затем на накопленном богатом материале они перешли к их систематизации. Так, например, практическая работа ботаника Арпада Дегена нашла широкое отражение в научных журналах «*Österreichische Botanische Zeitschrift*» и «*Magyar botanikai lapok*». На страницах последнего на протяжении трех десятилетий Деген публиковал материалы в серии «Заметки о нескольких восточных растительных видах». Свои открытия и критические заметки в области болгарской флористики он изложил более чем в двадцати (из всех своих 111) статей, опубликованных за период с 1911 до 1934 г. Участие венгерских зоологов в описании видового состава болгарской фауны значительно скромнее. Здесь заслуживает упоминания научное творчество Гезы Хорвата, внесшего значительный вклад в описание гемиптероидной⁸ фауны Болгарии⁹.

В гуманитарных науках системный и целенаправленный интерес к болгарской проблематике возник в последней трети XIX в. В середине 1870-х годов в условиях мирового экономического кризиса Австро-Венгрия приняла новую торговую стратегию, суть которой заключалась в ускоренном проникновении на Восток¹⁰. Дополнительный импульс ему придали русско-турецкая война 1877–1878 гг. В общей имперской внешней политике у Венгрии имелись и собственные национальные цели — так называемая «венгерская линия»¹¹. В последней четверти XIX в. в венгерском обществе возникла идея, согласно которой Венгрия должна стать мостом между Западом и Востоком, поскольку она является непосредственным соседом Балкан. Родилось и понятие «восточная тропинка венгерской внешней политики», включавшее балканские земли, европейские и азиатские провинции Османской империи вместе с Египтом.

Еще первый председатель правительства Венгрии после Соглашения и общий министр иностранных дел Австро-Венгрии в 1871–1879 гг. граф Дюла Андраши, подчеркивал политическую и экономическую роль Венгерского королевства на Балканах в Средние века. Он считал, что этой традиции, прерванной османским нашествием, необходимо следовать и в новой политической обстановке 80-х годов XIX в.

Его преемник на посту министра иностранных дел Австро-Венгрии с 1879 г. до 1882 г., а после того общий министр фи-

нансов — Беньямин Калай также подчеркивал торговые интересы Венгрии на Балканах и отмечал роль культурных связей в реализации более эффективной балканской политики. Впоследствии эту концепцию развил венгерский историк Лайошем Таллоци¹². По его мнению, для успешности влияния Венгрии на Балканах необходимо изучить балканские народы и познакомить с ними венгерскую общественность. Этому Таллоци посвятил все свое научное творчество.

Способствовали развитию научного интереса к Балканам и новые тенденции в гуманитарных науках. В 1851 г. в выступлении перед Венгерской академией наук видный либеральный политик, языковед и этнограф Пал Хунфалви определил изучение истории венгерского языка как национальную миссию венгерских интеллектуалов. И, таким образом, исследование этимологии венгерского языка началось одновременно с выяснением происхождения венгров и исторических связей с народами, встретившимися на их пути из Средней Азии в Центральную Европу, поскольку тогда проблемы происхождения языка считались тождественными происхождению этноса.

В результате возникли два научных направления — славистика и тюркология, развитие которых было связано с изысканиями венгерских языковедов в области языка протоболгар и староболгарского языка VIII–X вв., выявлением заимствований в венгерском языке, среди которых определенное место занимали протоболгарские и славяно-болгарские. Интерес к болгарскому влиянию на венгерский язык был напрямую связан и с внутренним развитием венгерского языкознания, с 70-х годов XIX в. принявшего сравнительно-исторический метод младограмматической школы¹³. Значительный толчок изучению исторических (включая и языковые) связей между протоболгарами и венграми дала так называемая финно-угорская война в языкознании 80-х годов XIX в., когда столкнулись две основные точки зрения на происхождение и характер венгерского языка: алтайское и финно-угорское.

Основоположник тюркологии в Венгрии Арминий Вамбери и специалист по финно-уграм Йозеф Буденц отстаивали свои позиции, опираясь главным образом на лингвистическое родство. Вамбери признавал приоритет финно-угорских элементов в венгерском языке, но подчеркивал важную, хотя

и второстепенную, роль связей с тюрками. Согласно Буденцу, в венгерском языке есть лишь минимальное присутствие тюркских элементов, которое можно объяснить исторически, но не через теорию исторического родства. Буденц первым указал на заимствования, старочувашское происхождение тюркизмов в венгерском языке.

Тюрколог Бернат Мункачи развил его гипотезу и утверждал, что самые старые тюркские слова в венгерском языке были позаимствованы в V в. из языка протоболгар-оногур, чьим прямым наследником является чувашский. Он тщательно изучил важные для выяснения протоболгарского влияния чувашский и монгольские языки и обогатил составленный Буденцем список протоболгаризмов в венгерском языке. В конце XIX в. в спор вмешался и славист Оскар Ашбот, который оспорил точку зрения Мункачи. По его мнению, болгарское влияние на венгерский язык было оказано только в бассейне Дуная, после того как венгры «обрели родину на Дунае», а славянские элементы в нем заимствованы из языка, близкого к староболгарскому. В связи с работой по древней венгерской истории и, в частности, по исследованию языковых памятников куманов, тюрколог Геза Кун в 1896 г. и 1898 г. опубликовал два кратких сообщения о языке волжских болгар¹⁴.

В начале XX в. в Венгрии более молодое поколение тюркологов и славистов заявило о себе солидными научными трудами. Тюрколог Золтан Гомбоц изучил язык чувашей и установил, что венгерский язык позаимствовал много слов из тюркского, близкого к чувашскому. Этот язык он приписал протоболгарам. Славист Янош Мелих считал, что славянские заимствования происходят из различных языков и перешли в венгерский в разное время.

Для доказательства наличия средневековой традиции венгерско-балканских взаимоотношений, а также под влиянием позитивизма во второй половине XIX в., в венгерской исторической науке начались поиск и публикация источников по историческим связям между венграми и балканскими народами в Средние века. Первым сборником документов, посвященным болгарам, является том об Охридской и Тырновской епархиях из серии «Новых документов эпохи династии Арпадов»¹⁵, составленный по поручению Исторической комиссии

при Венгерской академии наук Густавом Венцелем. Связи между венграми и болгарами в Средние века нашли место в труде историка Дюлы Паулера «История венгерского народа во время королей из династии Арпадов», изданном в 1893 г. и получившем награду Венгерской академии наук. В конце XIX в. Таллоци написал первую обобщающую работу о болгаро-венгерских взаимоотношениях в Средние века¹⁶ и сопроводил ее новыми документами.

Особое место в специализированной литературе последней четверти XIX в. занимает история расселения банатских болгар или «южновенгерских болгар», как их называли в то время венгерские ученые. Тут, прежде всего, необходимо упомянуть классический труд монаха-францисканца, банатского болгарина Евсевия Ферменджина «*Acta Bulgáriáé ... ecclesiastica*»¹⁷. Он представил полное собрание писем и докладов в Рим болгарских католических священников Конгрегации евангелизации народов. Об источниках в этой работе Л. Таллоци писал: «Многие из них являются настоящими жемчужинами истории католицизма <...> на Балканском полуострове в XVI–XVIII в. <...> Без них мы бы не поняли общество на Балканах и в бассейне Дуная во времена османского владычества»¹⁸. Тема заселения католическими болгарами Баната была весьма подробно разработана и в нескольких значительных монографиях о заселении Южной Венгрии¹⁹.

Немаловажную роль в развитии венгерской болгаристики играли и творческие интересы самих ученых. Так, например, Йожеф Хампель изучал восточные культы эпохи римского владычества в Паннонии. В начале XX в. он интересовался памятниками религии фракийцев в болгарских землях. Результаты исследований культа так называемых дунайских всадников он опубликовал в ряде статей под заглавием «Конные божества на античных памятниках Подунавья», в которых рассмотрел и памятники римской эпохи в болгарских землях²⁰. А в 1920-е годы тема фракийского бога-всадника нашла место в научном творчестве преподавателя Сегедского университета Арпада Будая, проанализировавшего известные в то время памятники в Болгарии.

Усилению интереса венгерских ученых к болгарской народной культуре способствовало оформление в середине XIX в.

этнологии в самостоятельное научное направление. Этот интерес проявлялся в наблюдениях за болгарским фольклором, сборе сведений о нем и его популяризации через обнародование в книгах или через публикации в прессе.

Определенную этнографическую направленность имели трехтомные путевые заметки жившего в Вене венгерского географа и этнографа Ф. Каница «Дунайская Болгария и Балканы»²¹. В них он обобщил впечатления от своих многократных путешествий по Болгарии, осуществленных в 60-е и первую половину 70-х годов XIX в. Во французском издании книги Ф. Каниц в отдельной главе опубликовал специальный этнографический очерк о болгарях²². Этот значительный труд сыграл важную роль в знакомстве венгерской общественности с историческими и культурными ценностями болгарского народа²³.

Еще в начале 1870-х годов другой венгерский географ и языковед — Бела Эрёди — на страницах «*Воскресной газеты*» («*A vasárnapi újság*») впервые представил на венгерском языке болгарские народные верования, обычаи и народную поэзию²⁴. Будучи переводчиком австро-венгерской группы инженеров, занимавшейся строительством железнодорожной сети в Османской империи, он имел возможность ездить по Болгарии и собирать фольклорный материал. В 1879 г. Эрёди опубликовал в журнале «*Венок*» («*Koszorú*») исследование «Болгарская поэзия», в которое включил семь болгарских народных песен²⁵, а в 1892 г. он переиздал их вместе с песнями других балканских народов²⁶.

В результате развития этнологии в Венгрии появились и более глубокие этнографические научные разработки. В 80-е годы XIX в. они были связаны с научной работой венгерского географа и этнографа Гезы Цирбиуса, изучившего народную культуру банатских болгар. Он — автор первого научного этнографического очерка о банатских болгарях «Этнографическое описание южновенгерских болгар». 90-е годы того же столетия связаны с фольклористической деятельностью венгерского экономиста, фольклориста и дипломата Адольфа Штрауса. По время частых поездок по Болгарии он собирал народные песни, которые опубликовал в 1892 г. под заголовком «Сборник болгарской народной поэзии». В предисловии к книге известный болгарский фольклорист и литератур-

ный критик Иван Шишманов подчеркивал достоинства этого «болгаро-мадьярского сборника»²⁷, который находил «единственным в европейской литературе по роскошности издания и богатству своего содержания». В 1897 г. за «Сборником болгарской народной поэзии» последовали «Болгарские народные верования». Почти одновременно с венгерскими изданиями фольклористические труды Штрауса были опубликованы и на немецком языке, что весьма поспособствовало популяризации болгарской культуры в Австро-Венгрии и Германии²⁸.

Усиление интереса к болгарской народной культуре в Венгрии в последнее десятилетие XIX в. связано с деятельностью созданного в 1889 г. Венгерского этнографического общества, состоявшего из нескольких специализированных секций, в том числе по изучению живущих в Венгрии национальностей. Первым председателем болгарской секции избрали А. Штрауса, а в 1890 г. — Г. Цирбиуса.

В начале XX в. на венгерскую болгаристику оказали влияние как некоторые новые тенденции в гуманитарных науках, так и международная обстановка накануне Первой мировой войны, поставившая южных славян в центр интересов Австро-Венгрии. В это время Л. Таллоци подготовил специальный меморандум о действиях Венгрии в области культуры и экономической политики после наступивших на полуострове перемен. Этот меморандум знаменует поворотную точку в культурной политике Венгрии на Балканах. В документе Таллоци представил целостную программу венгерского культурного и экономического проникновения в регион. Она предусматривала участие в научно-исследовательской работе, посвященной балканским странам, не только Венгерской академии наук, но и таких специализированных институтов, как Национальная статистическая служба, Национальный музей, Этнографический музей и Геологический институт. Среди важных инициатив были подготовка Венгерской академией наук «Балканской энциклопедии» и «Сербо-болгаро-влашско-греко-албано-венгерско-немецкого словаря».

Определенная специфика болгаристической научно-исследовательской деятельности в венгерской гуманитарной науке состояла в том, что в первой половине XX в. на нее оказывала влияние выдвинутая в Венгрии туранская идея этни-

ческого родства народов, чьей прародиной является Средняя Азия (турки, татары, болгары, венгры и др.). Целью созданного в 1910 г. общества «Туран» являлось объединение в одну культурную и экономическую общность родственных венграм европейских и азиатских народов, стимулирование исследований народов туранского происхождения и их духовных и материальных достижений²⁹. В 1913 г. оно организовало экспедицию в Среднюю Азию, где венгерские ученые исследовали остатки протоболгарской столицы Болгара.

Интерес венгерских ученых к болгарской традиционной материальной культуре, засвидетельствованный в конце первого десятилетия XX в., был связан с созданием Восточного музея при Восточной торговой академии в Будапеште и с взглядами его первого смотрителя этнографа Иштвана Дёрфи. Тематикой его исследований были восточное наследие в венгерской традиционной культуре, в частности, тюркские элементы, сохранившиеся с эпохи, предшествовавшей «обретению родины на Дунае». Это определило предмет и объект его собирательской деятельности в Болгарии в 1911–1913 гг. и 1916 г. — традиционная материальная культура не только болгар, но и живущих там татар и турок.

В археологии оставила свой, хотя и небольшой след идея венского искусствоведа Йозефа Стршиговского о связи Мадарского всадника³⁰ с сасанидскими рельефами Накше-Рустама в Иране³¹. Его ученик, венгерский археолог Геза Шупка видел в рельефе непосредственно иранское влияние. Это утверждение, как мы увидим далее, оказало влияние на научное творчество Гезе Фехера в области изучения протоболгар.

Конец Первой мировой войны, распад Австро-Венгрии и Версальские соглашения создали иную общественно-политическую среду для развития болгаристики в Венгрии. Послевоенная Венгрия была разделена и оказалась в международной изоляции, которую пыталась преодолеть, наладив взаимоотношения с соседними странами в надежде на ревизию мирных договоров, что разрешило бы ее территориальные проблемы и проблемы, связанные с национальными меньшинствами.

По мнению министра религии и культуры 1920-х годов Куно Клеббельсберга³², этого можно было достичь развитием

науки в Венгрии, что соответствовало идеям Таллоци в новых политических условиях. Поскольку по результатам Нейиского мирного договора после войны Болгария находилась в такой же международной изоляции, Венгрия считала её возможным союзником, в связи с чем венгерские официальные политические круги пропагандировали туранскую идею и указывали на «мадьяро-болгарское этническое родство» как политическую предпосылку для венгерско-болгарской дружбы.

В межвоенный период в Венгрии начала развиваться византистика, протоболгары стали объектом изучения венгерских византинистов в связи с мадьяро-византийскими взаимоотношениями. Эта тематика нашла место в научном творчестве Енё Дарко, который как участник Семинара К. Крумбахера в Мюнхене рассматривал византийские хроники как источники по венгерской истории. В 1933 г. в Веймаре вышел его труд о мадьяро-византийских взаимоотношениях во второй половине XIII в.³³ Другим венгерским ученым, использовавшим византийские источники для изысканий в области истории тюркских народов и изучившим сохранившиеся в них тюркские языковые остатки, является Дюла Моравчик³⁴.

В области венгерской протоболгаристики наиболее значимо творчество Гезы Фехера. В межвоенный период он работал в Болгарии, исследуя ранние мадьяро-болгарские связи (V–XI вв.). Фехер активно участвовал в археологических раскопках, где вместе с болгарскими коллегами искал памятники культуры протоболгар, принесенной ими с их прародины, находившейся по соседству с Сасанидской Персией³⁵. Протоболгарский язык и тюркские заимствования в венгерском языке, ранние связи венгров с тюркскими народами, а также с печенегами и куманами, — основные темы Дюлы Немета.

В 1926–1927 гг. венгерский этнограф из Дебрецена Иштван Эчеди провел полевые исследования в Болгарии с целью найти сохранившиеся в болгарской народной культуре древние элементы, на основании которых можно было сделать выводы и о венгерском влиянии. Он изучил и традиционную культуру болгарских турок. В результате многолетних наблюдений и под впечатлением от работ И. Эчеди у И. Дёрфи родилась идея разработать целостную программу системных полевых исследований в Болгарии, в которую бы включились и болгар-

ские этнографы. В 1929 г. он осуществил научную командировку, чтобы выяснить, какие районы страны подходят для системного сбора материала. Дёрфи специально интересовался бытом и обычаями турок и гагаузов северо-восточной Болгарии, поскольку именно эти народы ассимилировали живших там куманов и печенегов.

Теоретические разработки композитора Белы Бартока в 30-х годах XX в. в области этномузыкологии также были созвучны общим тенденциям в венгерской гуманитарной науке: он изучал болгарские народные песни в сопоставлении с балканским и восточноевропейским песенным фольклором в целом, чтобы выявить корни венгерской народной музыки и определить в ней поздние наслоения³⁶. В 1912 г. в городе Винге Барток записал на фонограф песни банатских болгар. Эти записи являются первыми зарегистрированными болгарскими сельскими мелодиями, они были изданы в 1935 г. в небольшой книге под названием «*Musique paysanne serbe (№ 1–22) et bulgare (22–28) du Banat*».

В Венгрии научный интерес к Болгарии преломлялся и через призму других исследовательских тем, таких как, например, Кирилло-мефодиевская традиция³⁷, экономическая роль так называемых греческих (балканских) торговцев³⁸, среди которых было много болгар, пребывание в болгарских землях Л. Кошута и эмигрировавших с ним его соратников³⁹, хозяйственное значение болгарских огородников для Венгрии⁴⁰.

После Первой мировой войны полевые исследования венгерских ботаников и зоологов на Балканах были обусловлены новыми тенденциями в развитии биологии. Если в XIX — начале XX в. ученые регистрировали многообразие растительного и животного мира и сравнивали различные регионы, то в межвоенный период они начали заниматься вопросом происхождения видов и искать причины этого многообразия. Возникла необходимость обширных полевых исследований в рамках конкретного вида для изучения его популяции. Балканы предоставляли большие возможности для выяснения проблем происхождения видов, поскольку являются одним из генетических центров Средиземноморской зоны. Что касается интереса венгерских биологов к полевым исследованиям в Болгарии, необходимо подчеркнуть еще одно обстоятельство

тво — Черноморское побережье и опытная станция в Варне открывали для них отсутствующие на родине возможности для изучения морской флоры и фауны.

В 20-е годы минувшего столетия по стопам Имре Фривальдски пошли энтомолог Йенё Фодор (в высокогорных районах страны), зоологи Лайош Биро (в 1928 г. в северо-восточной и юго-западной Болгарии) и Золтан Силади (в 1928–1929 гг. Антал Пинзеш (в 1929) вместе с Андором Бартой (в 1935–1936 гг. по Витоше, Пирину и Страндже).

Проникновение болгарской тематики в венгерскую науку в XIX в. было связано с подчеркнутым вниманием ученых к историческим источникам, с возникновением византистики, тюркологии, славянского языкознания, ботаники и зоологии в Венгрии. Это стало результатом усилий венгерских ученых по открытию новых документов о связях венгров со славянскими народами (в том числе и с болгарами) в прошлом, поиску византийских источников по венгерской истории, определению тюркского и славянского наследства в венгерском языке, быте и культуре. Для ботаники и зоологии Балканы были одним из немногих остававшихся неизученными регионов Европы.

В последней четверти XIX — первой половине XX в. венгерская болгаристика развивалась в тесной взаимосвязи с болгарской наукой. Научный обмен происходил различными способами: через корреспонденцию и личные встречи на международных форумах, через труды, публикуемые на доступных западноевропейских языках, через работы венгерских ученых, изданные в Болгарии, и болгарских ученых — в Венгрии. Осуществленный научный обмен означал взаимопомощь и взаимовлияние, и, в конечном счете, совместный шаг вперед.

Вклад венгерских ученых в болгаристику состоит в популяризации болгарской культуры в Западной Европе через достижения известных венгерских ученых в области болгаристики; во всестороннем исследовании протоболгар — их истории, языка, культуры и быта; в изучении традиционной культуры банатских болгар еще в XIX в., когда в самой Болгарии к ним не проявляли особого интереса; в поисках документов по болгарской истории в венгерских архивохранилищах; в изучении и регистрации болгарской флоры и фауны.

Перевод с болгарского Гусева Н.С.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Самая древняя венгерская хроника (около 1200 г.) — хроника Анонима, который, предположительно, являлся хронистом короля Бельи III: *Anonymus P. mester. A magyarok cselekedeteiről. Gesta Hungarorum; Thuróczy J. Chronica Hungarorum.* Brünn; Augsburg, 1488.

² См.: Маджарски пътеписи за Балканите. XVI–XIX в. / Сост. П. Миятев. София, 1976.

³ Болландисты — общество ученых-иезуитов, издателей собрания житий святых «Acta Sanctorum», публикация которых ведется с XVII в. и до настоящего времени (Православная энциклопедия. Т. 5. С. 651).— *Прим. пер.*

⁴ *Engel J. Cz., von. Geschichte des Ungarischen Reiches und seiner Nebehlaender. Ester Theil. Geschichte des alten Pannoniens und der Bulgarey, nebst einer allgemeinen Einleitung in die Ungarische und Illyrische Geschichte.* Halle, 1799.

⁵ *Gorove L. A bánási bolgároknek hajdani és mostani állapotuk // Tudományos Gyűjtemény. 1837. Vol. VIII. P. 3–65; Ibidem. Vol. IX. P. 3–63.*

⁶ *Frivaldszky I. Antrag der im Jahre 1833 und 1834 in der Europäischen Turkey, namentlich in Rumelien, auf dem Balkan und Rhodope gesammelten wildwachsenden Pflanzen / Von C. Heinike und C. Monolesco // Flora. 1835. Vol. 1. P. 53–59; Közlések a Balkány vidéken tett természettudományi utazásról // Magyar Tudos Társaság Évkönyvei. 1836. II. P. 235–276; Dr Frivaldszky Imre Magyar Académiai I. tag újabb közlései az általa eszközölt Balkányi Természettudományi utazásról. Budán, 1838; Idem. Balkány vidéki természettudományi utazás. 2. közlés // Magyar Tudos Társaság évkönyvei. 1840. IV. P. 194–207.*

⁷ *Janka V. Correspondenz aus Philippopel am 5.VII.1871 // Österreichische Botanische Zeitschrift (далее — Öst. Bot. Zs). 1871. XXI. P. 215–219; Correspondenz aus Philippopel am 30.VIII.1871 und Burgas (am schwarzen Meere) am 9.IX.1871 // Öst. Bot. Zs. 1871. XXI. P. 285–288; Idem. Növénytani kirándulások Törökországban // Magyar növénytani lapok. 1878. P. 187–190; 1879, Ibidem. P. 99–102; Ibidem. 1879. P. 121–124, 131–134.*

⁸ Гемиптероидную группу отрядов (надотряд Hemipteroidea) составляют насекомые с грызуще-сосущим и колюще-сосущим ротовым аппаратом и со вторично упрощенными крыльями. К ним относятся такие отряды, как сеноеды, пухоеды, власоеды, вши, трипсы, полужесткокрылые (клопы) и равнокрылые (*Шарова И.Х.* Зоология беспозвоночных. М., 1999. С. 471–472).— *Прим. пер.*

⁹ *Horváth G. Note sur les Hémiptères du Haut-Balkan et de la Dobrudja // Annales de la Société entomologique de Belgique. 1884. XXVIII. Compt.-*

rend. P. 114–116; *Idem*. Prilog khemipterskoj fauni bugarskoj // Glasnik hrvatskoga naravoslovnoga druztva. 1890. V (Zagreb). P. 187–188.

¹⁰ *Palotás E.* Az Osztrák-Magyar monarchia balkáni politikája a Berliini kongresszus után. 1878–1881. Budapest, 1982. P. 16–17.

¹¹ *Peykovska P.* The Effect of Politics on Bulgarian-Hungarian Cultural Relations. 1880–1941 // Bulgarian Historical Review. 1994. P. 121–130.

¹² *Tömöry M.* Thallóczy Lajos és a balkán-kérdés. Kandidátusi disszertáció. Budapest, 1978. P. 285.

¹³ Младограмматики — лингвистическая школа, рассматривавшая язык в процессе его исторического развития.

¹⁴ *Kuún G.* Adalék a volgai bolgárok nyelvéhez // Ethnographia. 1896. P. 120; *Idem.* Egy újabb adalék a z-r hangcseréhez a Volga-parti régi bolgár nyelvben // Ethnographia. 1898. P. 473.

¹⁵ *Wenczel G.* Árpádkori új okmánytár. Pest, 1870. Vol. VIII. 1261–1272. Néhány adat Bulgária egykori történetéhez (Magyar történelmi emlékek. 1. oszt., Okmánytárak).

¹⁶ *Thallóczy L.* A magyar-bulgár összeköttetések történetéhez // Századok. 1898. II. füz. P. 113–123.

¹⁷ *Fermezsin E.* Acta Bulgariae ... ecclesiastica. Zagrabiae, 1887.

¹⁸ *Ll-I [Thallóczy L].* Fermezsin E., Acta Bosnae // Századok. 1893. P. 610.

¹⁹ *Böhm L.* Dél-Magyarország vagy az un. Bánság külön történelme. Pest, 1867. Vol. I–II.; *Bodor A.* Délmagyarországi telepítések története és hatása a mai közállapotokra. Budapest, 1914; *Buchmann K.* A délmagyarországi telepítések története: I. Bánát. Budapest, 1936.

²⁰ *Hampel J.* Lovas istenségek dunavidéki antik emlékeinken // Archaeológiai Értesítő. 1903. № 4. P. 305–365; 1905. № 1. P. 1–16; 1911. № 5. P. 409–425; 1912. № 4. P. 330–352.

²¹ *Kanitz F.* Donau-Bulgarien und Der Balkan. Historisch-geographisch-ethnographische Reisestudien aus der Jahren 1860–1875. Leipzig, 1875–1879. Vol. I–III.

²² *Kanitz F.* La Bulgarie Danubienne et le Balkan. Etudes de voyage (1860–1880). Paris, 1882.

²³ *Вакарелски Хр.* Интереси и заслуги на унгарските учени към българската етнография // Българо-унгарски културни взаимоотношения. София, 1980. С. 220.

²⁴ *Erődi B.* A bolgár nép babonái // Vasárnapi Újság. 1871. № 29; *Idem.* Bolgár népköltemények // Vasárnapi Újság. 1879. № 13.

²⁵ *Erődi B.* Bolgár költészet // Koszorú. 1879. Vol. II.

²⁶ *Erődi B.* A Balkánfélszigeti népek költészetéből. Budapest, 1892 (Olcsó Könyvtár).

²⁷ Сборник был издан при содействии болгарского правительства.

²⁸ *Strauss A.* Bulgarische Volksdichtungen. Wien; Leipzig, 1895; Die Bulgaren. Ethnographische Studien. Leipzig, 1898.

²⁹ Turán, 1922. P. 3; Körösi Csoma Archivum. 1940. Vol. 111/1. P. III.

³⁰ Мадарский всадник — археологический объект в северо-восточной Болгарии, рельефное изображение всадника, высеченное на отвесной скале на высоте 23 м.— *Прим. пер.*

³¹ *Strzygowsky J.* Amida. Heidelberg, 1910. P. 376.

³² Tudomány, kultúra, politika. Gr. Klebelsberg Kunó válogatott beszédei és írásai. 1917–1932 / Szerk. F. Glatz. Budapest, 1990.

³³ *Darkey J.* Byzantinisch-ungarische Beziehungen in der zweiten Hälfte des XIII. Jhs. Weimar, 1933.

³⁴ *Moravcsik Gy.* Az onogurok történetéhez. Budapest, 1930. P. 37; *Idem.* Die Nameliste der Bulgarischen Gesandten am Konsyl von J. 869–870 // Bulletin de la Société Historique à Sofia. 1933. P. 8–23; Byzantinoturcica. Vol. I–II. Budapest, 1942–1943.

³⁵ *Фехер Г.* Връзката на културата на прабългарите и на маджарите с Иран // Родина. 1940. № 3. С. 103–114.

³⁶ *Bartok B.* La musique populaire de hongroise et des peuples voisins // Archivum Europae Centro-orientalis. 1936. № 5. P. 97–244; Some Problems of Folk Music Research in Eastern Europe // *Suchov B.* Bartok Essays. London, 1976. P. 173–192.

³⁷ *Kniezsa I.* A szláv apostolok és a tótok // A Magyar Történettudományi Intézet Évkönyve. Budapest, 1942. P. 178–193; Cirill és Metód működésének kérdése a Nyitra-vidéken // Századok. 1944. P. 263–269.

³⁸ *Hodinka A.* A tokaji görög kereskedő társulat kivátságának ügye. 1725–1772. Budapest, 1912; *Hajnyczy I.* A kecskeméti görögség története. Budapest, 1939.

³⁹ A Kossuth-emigráció Törökországban / Szerk. I. Hajnal. Budapest, 1927.

⁴⁰ *Révész I.* A hazai bolgár és bulgár rendszerű kertészek statisztikai ismertetése. Budapest, 1915.

РЕВЯКИНА Л.*

СССР И ПОДПИСАНИЕ ПЕРЕМИРИЯ
МЕЖДУ СССР, ВЕЛИКОБРИТАНИЕЙ,
США И БОЛГАРИЕЙ
(ЯНВАРЬ — ОКТЯБРЬ 1944 г.)

В связи с наметившимся прекращением военных действий в Европе страны — участники антигитлеровской коалиции на Московской конференции министров иностранных дел Великобритании (Э. Иден), США (К. Хал) и СССР (В. Молотов), состоявшейся 19–30 октября 1943 г., приняли решение о создании Европейской консультативной комиссии (ЕКК). На ЕКК возлагались задачи анализа политической обстановки в мире и возможных послевоенных политических проблем, связанных с завершением военных действий в Европе; разработки для правительств союзных сил предложений в связи с подготовкой проектов решений по различным вопросам, включая капитуляцию европейских неприятельских государств и механизмы ее осуществления; выработки условий перемирия с Германией и её сателлитами.

ЕКК официально начала работу в Лондоне 14 января 1944 г. Великобританию в Комиссии представлял заведующий Центральным-Европейским департаментом в Форин Оффис Уильям Стрэнг; США — посол США в Великобритании Д. Вайнант, СССР — посол СССР в Великобритании Ф.Т. Гусев. С ноября 1944 г. в состав Комиссии входил и представитель Франции — комиссар по иностранным делам Французского комитета по делам национальностей Р. Массильи. Председателем ЕКК был избран Ф.Т. Гусев. Комиссия работала до сентября 1945 г. Решение о её роспуске, как выполнившей стоявшие перед ней задачи, было принято в августе 1945 г. на Берлинской (Потсдамской) конференции.

* Ревякина Людмила – профессор, доктор исторических наук, Институт исторических исследований БАН.

Работа по подготовке условий перемирия с Болгарией в ЕКК началась в марте 1944 г., после того, как правительство Д. Божилова после англо-американских бомбардировок Софии в феврале 1944 г. предприняло шаги по выходу страны из военного конфликта путем подписания перемирия с Союзными силами. Первые неофициальные контакты доверенные лица Д. Божилова установили с сотрудниками стратегических служб США¹. Великобритания и СССР были уведомлены США о предпринимаемых болгарским правительством шагах. Они поддержали намерение США выяснить серьезность предложения болгар и при возможности заняться решением этого вопроса. В результате переговоров между представителями американских стратегических и военных служб и уполномоченными болгарским правительством лицами была достигнута договоренность, что болгарская делегация прибудет в Каир, где встретится с представителями США, Великобритании и Советского Союза и сообщит о намерениях болгарского правительства².

В связи с этим Вайнант 26 июля 1944 г. от имени делегации США внес на обсуждение в ЕКК проект условий капитуляции Болгарии. В нем предлагалось, чтобы болгарские вооруженные силы и болгарские чиновники покинули все те районы, которые на 1 января 1940 г. не являлись территорией Болгарии, причем этот отвод должен быть произведен в порядке, установленном оккупационными войсками. Союзные правительства, подписавшие документ о капитуляции, должны были получить право оккупировать всю территорию страны или ее отдельные части и «пользоваться во всей стране законным правом оккупационной державы». Условия оккупации Болгарии (всей или ее части) должны были зависеть от задач, связанных с ведением войны. Болгария «должна будет предоставить в распоряжение оккупационных властей такие войска, военные материалы, общественные и частные архивы, а также средства связи и осведомления, транспорта и выработки энергии, которых потребуют оккупационные власти» для ведения военных действий против Германии. При этом подчеркивалось, что Болгария не может рассчитывать на получение статуса совоюющей страны. Оккупационным властям в зависимости от обстоятельств также предстояло определить степень разоружения, демобилизации и демилитаризации Болгарии³.

Болгарское правительство, указывалось в проекте, обязывается: освободить всех военнопленных Объединенных Наций, а также всех граждан, которые находятся в заключении или интернированы; выплатить репарации и помочь восстановлению государств, находящихся под ее оккупацией. В проекте было и условие, касавшееся подписания документа о перемирии: он должен быть подписан командующим военными действиями союзных сил в районе, а также командующим болгарскими вооруженными силами или его представителем и, при возможности, уполномоченным гражданским должностным лицом, представляющим болгарское правительство⁴.

В американском проекте предусматривались максимальные уступки, которые могли быть предоставлены Болгарии после подписания перемирия: 1) обеспечение независимости Болгарии после войны и сохранение ее территории в пределах границ 1939 г.; 2) гарантия того, что ни греческая, ни югославская армии не будут участвовать в оккупации Болгарии; 3) сохранение за Болгарией Южной Добруджи. Притязания Болгарии на югославскую Македонию, греческие Восточную Македонию и Западную Фракию были названы необоснованными; 4) при определении размера репараций, которые Болгария должна будет выплатить Греции и Югославии, Объединенные Нации обязуются не вводить экономических обязательств, которые «катастрофически понизили бы жизненный уровень населения или навсегда подвергли бы опасности ее экономическую независимость»⁵.

25 августа 1944 г. проект «Условий перемирия с Болгарией» внесла в ЕКК и делегация Великобритании. Согласно этому проекту, Болгария обязывалась прекратить военные действия против Объединенных Наций, разорвать все отношения с Германией и другими вражескими государствами, интернировать их вооруженные силы и подданных; установить контроль над собственностью противника. Болгарские вооруженные силы, чиновники и подданные страны должны были покинуть все оккупированные Болгарией территории, освободить военнопленных и интернированных союзных стран, арестовать и передать Объединенным Нациям указанных союзниками военных преступников, ликвидировать законодательство, устанавливающее дискриминацию, вернуть всю собственность

Объединенных Наций и возместить ущерб, причиненный в годы войны союзным странам. В проекте британской делегации указывалось, что Объединенные Нации имеют право оккупировать Болгарию и использовать болгарскую территорию, ресурсы, средства, транспорт и др. Одно из условий предусматривало и возможность разоружения болгарской армии и ее демобилизацию⁶.

Греции и Югославии как странам, понесшим потери в результате болгарской оккупации, предлагалось представить в ЕКК собственные предложения относительно условий перемирия с Болгарией⁷. 24 августа посольство Греции в Лондоне направило в ЕКК меморандум, в котором настаивало на включении в условия перемирия «некоторых дополнительных деталей» и прилагало список товаров, которые Болгария должна поставить в Грецию для «экономического восстановления оккупированных Болгарией в годы войны территорий». Список включал железнодорожные составы и оборудование (локомотивы, вагоны, рельсы, шпалы и др.), грузовые и легковые автомобили, строительные материалы, уголь, нефть, домашних животных (коров, овец, коз, лошадей, птицу), сельскохозяйственный инвентарь⁸.

29 августа 1944 г. председатель Королевского югославского правительства в эмиграции Ив. Шубашич⁹ направил в ЕКК меморандум, в котором предложил включить в условия о перемирии с Болгарией следующие положения: «немедленная и полная эвакуация всех болгарских воинских частей с югославских территорий, оккупированных Болгарией», немедленный отзыв всех военных, гражданских и других болгарских властей, в том числе церковных; официальная отмена всех законов, актов, указов и др., изданных болгарскими властями в отношении аннексированных территорий. В меморандуме указывалось на необходимость восстановления и компенсации Болгарией ущерба, причиненного общественному и частному имуществу югославских граждан, учреждениям, юридическим лицам и власти. Предлагалось также включение в условия перемирия всех требований, которые обычно включаются в подобные документы: разоружение, освобождение военнопленных, возвращение художественных ценностей и т.д.¹⁰.

К концу августа 1944 г. представители Великобритании и США оформили совместный проект Соглашения о перемирии с Болгарией, который У. Стрэнг вручил членам ЕКК 25 августа во время проводимого Комиссией совещания. 31 августа Стрэнг и Вайнант передали проект председателю ЕКК Гусеву. В нем были представлены окончательно оформившиеся к этому времени основные требования двух стран к Болгарии: прекращение военных действий против Объединенных Наций; разрыв отношений с Германией и другими враждебными союзным государствам странами; разоружение и интернирование находящихся в стране вооруженных сил и подданных противника; освобождение всех союзнических военнопленных и интернированных, а также всех политических заключенных; аннулирование дискриминационного законодательства; сотрудничество болгарских властей при задержании обвиненных в военных преступлениях лиц и судебном производстве над ними; вывод болгарских вооруженных сил, чиновников и подданных из оккупированных Болгарией территорий; осуществление мер по разоружению и демобилизации болгарских вооруженных сил, которые союзные силы сочтут необходимыми; выполнение всех требований союзников в отношении использования и осуществления ими контроля над всем болгарским транспортом; восстановление всей собственности Объединенных Наций и выплата репараций за ущерб, нанесенный их народам в годы войны; оказание помощи по восстановлению союзных государств в таких размерах, какие укажут Союзники. Союзное Верховное командование имеет право свободно вводить свои войска на болгарскую территорию, если этого потребует военная обстановка или если болгарское правительство не выполнит условий перемирия; болгарское правительство должно содержать СКК и находящиеся в стране оккупационные войска¹¹.

Гусев после ознакомления с проектом поблагодарил правительства Великобритании и США за информацию о выработанных условиях капитуляции Болгарии, и после консультации с правительством СССР заявил, что «советское правительство решило не принимать участия в обсуждении условий капитуляции Болгарии и предоставить правительствам США и Великобритании самим решить этот вопрос. Советское

правительство поступает в данном случае точно таким же образом, как правительство США, которое отказалось принять участие в обсуждении условий перемирия с Финляндией, поскольку США не находятся в состоянии войны с Финляндией». 27 августа 1944 г. ТАСС обнародовало это решение правительства СССР¹².

Указанная советским правительством причина не участвовать в обсуждении подготовленного Великобританией и США проекта условий перемирия с Болгарией была обоснованной и соответствовала клаузуле международного права. Но это не являлось единственной причиной. В конце августа 1944 г. Красная армия уже находилась на северной границе Болгарии. Не в интересах СССР было, чтобы Великобритания и США, подписав перемирие с Болгарией, усилили свои позиции на Балканах. Это помешало бы осуществлению планируемых болгарскими коммунистами радикальных действий по смене режима в стране. СССР, объявив 5 сентября 1944 г. войну Болгарии, уравнивал свой статус по отношению к Болгарии со статусом Великобритании и США — стал тоже воюющей с ней страной. Вступление 8 сентября 1944 г. советских войск на территорию Болгарии сорвало запланированное Великобританией и США подписание перемирия с болгарской делегацией, прибывшей для этого 30 августа в Каир.

Сформированное в ночь с 8 на 9 сентября 1944 г. правительство Отечественного фронта назначило делегацию, которая выехала уже 9 сентября в штаб 3-го Украинского фронта в Бухарест для выяснения вопроса об условиях перемирия с СССР. В тот же день советская сторона заявила, что после того, как 7 сентября 1944 г. Болгария разорвала отношения с Германией, а 8 сентября объявила ей войну, советское правительство сочло возможным рассмотреть просьбу болгарского правительства о перемирии. СССР направил в ЕКК свой вариант проекта о перемирии, а советский представитель в ЕКК Гусев предложил представителям Великобритании и США возобновить дискуссии по данному вопросу.

Обсуждение советского проекта о перемирии с Болгарией началось 12 сентября. В него были включены все условия перемирия, предложенные в совместном англо-американском проекте, но были и три дополнения. Первое: Болгария включится

в военные действия против Германии на стороне союзных сил, но «военные действия болгарских вооруженных сил, включая военно-морской флот и воздушный флот, против Германии будут вестись под общим руководством Союзного (Советского) Главнокомандования». Второе: «Будет учреждена Союзная контрольная комиссия, которая примет на себя регулирование и контроль за исполнением настоящих условий под общим руководством и по указаниям Союзного (Советского) Командования», действующим через Союзную контрольную комиссию. Третье дополнение содержалось в преамбуле к Соглашению о перемирии и касалось уточнения лица, которое от имени союзников подпишет Соглашение. Предложено было, что это будет представитель советского командования¹³.

Эти предложения не были чем-то новым в существовавшей практике подписания договоров о перемирии. Они содержались в Соглашении о перемирии с Румынией, подписанном 12 сентября 1944 г., и Соглашении о перемирии с Финляндией, подписанном 19 сентября 1944 г. Так, в ст. 1 Соглашения о перемирии с Румынией говорилось, что «она вступила в войну и будет вести войну на стороне союзных держав против Германии и Венгрии в целях восстановления своей независимости и суверенитета, для чего она выставляет не менее 12 пехотных дивизий. Военные действия румынских вооруженных сил, включая военно-морской и воздушный флот, против Германии и Венгрии будут вестись под общим руководством Союзного (Советского) Главнокомандования»¹⁴. Контроль за исполнением Соглашения о перемирии с Румынией возлагался на советское Главное командование, «действующее от имени союзных держав»¹⁵. Советское правительство еще в апреле 1944 г. было уполномочено «при переговорах с румынами по вопросу о капитуляции румынской армии» «действовать от имени трех союзных сил: Советского Союза, Великобритании и Соединенных Штатов»¹⁶.

В предложенном советской делегацией проекте Соглашения с Болгарией ст. 18 была сформулирована следующим образом: «Будет учреждена Союзная Контрольная Комиссия, которая будет регулировать и следить за выполнением настоящих условий под общим руководством и по указаниям Союзного (Советского) Командования»¹⁷. В данном случае отсутс-

твовало окончание фразы, которое использовалось в условиях перемирия с Румынией и Финляндией: «действующее от имени трех союзных сил: Советского Союза, Великобритании и Соединенных Штатов» (соглашение с Румынией) и «действующее от имени Союзных государств» (соглашение с Финляндией).

Представитель Великобритании в ЕКК Стрэнг, которого поддержал и американский представитель в Комиссии Вайнант, возражали против всех трех предложений, внесенных в советский проект условий перемирия с Болгарией. Территориальное положение Болгарии, ее границы с Грецией и Югославией вызывали беспокойство Великобритании и США, особенно если учитывать несогласованное с ними вступление частей Красной армии в Болгарию. Британское правительство понимало, что СССР, включая Болгарию в военные действия против Германии, намеревалось добиться для нее статуса совоюющего государства. 22 сентября 1944 г. британское правительство на имя народного комиссара иностранных дел Молотова меморандум, который 23 сентября вручил посол Великобритании в СССР А.К. Керр первому заместителю наркома иностранных дел А.Я. Вышинскому. В меморандуме указывалось, что предложение включить Болгарию в военные действия против Германии дает основание считать, что «советское правительство намерено в дальнейшем признать Болгарию совоюющей стороной». Правительство его величества имеет серьезные возражения относительно предоставления Болгарии статуса совоюющего государства. Подобный шаг в отношении Болгарии «шокировал бы общественное мнение и создал бы серьезные затруднения с греческим и югославским правительствами. Британское правительство считает неприемлемым такое положение, когда прежнее поведение Болгарии было бы поощрено признанием ее совоюющей стороной только из-за попытки в последний момент встать на сторону союзников», добиться их расположения и таким образом избежать последствий ее прежней политики. Для правительства его величества было бы предпочтительнее, чтобы от Болгарии не требовали предоставления её вооруженных сил для ведения войны. Но британское правительство, указывалось в меморандуме, не будет возражать против использования советским командованием болгарских

вооруженных сил, если оно будет на этом настаивать. Но при формулировании этого условия в соглашении о перемирии должно быть сказано, что оно — возложенное на Болгарию обязательство, «а не уступка, сделанная ей; что в соглашении будет упомянуто, что Болгария будет вести операции или будет действовать против Германии на стороне союзников; что болгарские войска не будут введены на союзную территорию как освободители, против желания союзных правительств и что, поскольку советское правительство не желает использовать все болгарские вооруженные силы, будут предприняты меры к разоружению и демобилизации остальных сил». В меморандуме предлагался и вариант формулировки этого условия: «Болгария будет сохранять и предоставит такие сухопутные, морские и воздушные вооруженные силы, которые будут необходимы для операций под Союзным (Советским) Верховным Командованием. Ни при каких обстоятельствах эти вооруженные силы не будут использованы на союзной территории без согласия заинтересованных союзных правительств». По мнению британского правительства, эта формулировка предоставила бы советскому правительству возможность использовать вооруженную помощь Болгарии и в то же время оградит союзников от неприятных последствий признания Болгарии совоюющей стороной.

Второй вопрос, стоявший при обсуждении советского проекта в ЕКК и затронутый в меморандуме британского правительства, был связан с осуществлением контроля над выполнением Соглашения о перемирии. Британское правительство настаивало, чтобы контроль осуществлялся тремя правительствами, представленными в СКК. Они должны иметь «одинаковую долю участие в практической деятельности и ответственности Комиссии». В своем меморандуме британское правительство выражало готовность согласиться с тем, чтобы советский представитель был постоянным Председателем Комиссии, «но поскольку Болгария не является ареной военных действий, оно не видит необходимости в том, чтобы Контрольная комиссия находилась непосредственно под руководством Советского Верховного Командования и вместо этого предлагает, чтобы главы Советской, Британской и Американской частей Контрольной Комиссии были бы ответственны

каждый перед своим собственным правительством¹⁸. Вышинский, защищая предложенный советским правительством вариант контроля над выполнением условий соглашения, заявил, что подобным же образом построена работа Контрольной комиссии в Италии, которая «действует под руководством командующего, подписавшего соглашение¹⁹, и что ему, а не какой-либо Коллегии, принадлежит решение вопросов, входящих в компетенцию Контрольной Комиссии». Практика в Италии показала, что такой порядок работы оправдал себя и нет никаких оснований для изменения действий в отношении СКК в Болгарии. Тем более что такой порядок принят и в отношении Румынии и Финляндии²⁰.

В советский вариант проекта условий перемирия с Болгарией не была включена клаузула о выводе болгарских войск с греческой и югославской территорий, присутствовавшая в совместном англо-американском проекте. При обсуждении условий перемирия с Болгарией в ЕКК британский представитель настаивал на включении этого условия в Соглашение. В середине сентября 1944 г. министр иностранных дел Великобритании Иден категорично заявил, что «немедленная эвакуация» болгар с греческой и югославской территорий является обязательной и должна закончиться до подписания перемирия. Советское правительство, не менее, чем Великобритания заинтересованное в усилении своих позиций в Средиземноморском регионе, пошло на компромисс и в подготовленном к 20 сентября 1944 г. и согласованном тремя правительствами проекте Соглашения о перемирии с Болгарией, согласилось на включение этого условия (ст. 2) в проект²¹. СССР, учитывая интересы Англии в Средиземноморье и конкретно в Греции, рассчитывал на уступки с ее стороны по наиболее важным для Советского Союза вопросам: безопасность в Черноморском бассейне и преимущество в Румынии и Болгарии.

Советский проект дополнялся и условием, по которому издание, ввоз и распространение в Болгарии периодической и иной литературы, постановка спектаклей в театрах и демонстрация кинофильмов, работа радиостанций, почт, телеграфов и телефонов будет происходить по соглашению с Союзным (советским) главнокомандованием²². Но на это условие при обсуждении проекта не было обращено внимание.

В ходе продолжавшегося более месяца обсуждения советского варианта условий перемирия с Болгарией союзники пришли к компромиссу и по другим спорным вопросам. Советское правительство согласилось с предложенным в меморандуме Идена вариантом формулировки условия об участии болгарской армии в военных действиях против Германии (ст. 1 буква «с»): «Правительство Болгарии обязывается содержать и предоставлять такие сухопутные, морские и воздушные силы, которые могут быть определены для службы под общим руководством Союзного (Советского) Главнокомандования». Эти силы не должны использоваться «на территории союзников, кроме как с предварительного согласия заинтересованного Союзного государства»²³.

Наиболее спорной оказалась ст. 18 советского проекта — о руководстве Союзной Контрольной Комиссией. Окончательный текст этой статьи был согласован между Иденом и Молотовым во время совещания у Молотова 14 октября 1944 г. Иден принял предложение Молотова о предоставлении СССР полного контроля над исполнением перемирия с Болгарией до капитуляции Германии в следующей формулировке: «На весь период перемирия будет учреждена Союзная Контрольная Комиссия в Болгарии, которая будет регулировать и следить за выполнением условий перемирия под председательством представителя Союзного (Советского) Главнокомандования с участием представителей Соединенного Королевства и Соединенных Штатов»²⁴.

Но такой вариант не устраивал правительство США. 22 октября 1944 г., когда болгарская делегация для подписания Соглашения о перемирии уже находилась в Москве и ожидала вручения проекта условий, американский посол в Великобритании Вайнант направил в советское посольство в Лондоне письмо. В нем он сообщал, что его правительство присоединяется к мнению СССР и Великобритании об утверждении подготовленного проекта о перемирии только из-за желания ускорить завершение работы над условиями перемирия с Болгарией. Но правительство США считает, что к ст. 18 необходимо добавить следующее предложение: «По окончании военных действий против Германии и до заключения мира с Болгарией Союзная Контрольная Комиссия будет регулировать и следить

за выполнением условий перемирия в соответствии с инструкциями Правительств Соединенных Штатов Америки, Союза Советских Социалистических Республик и Соединенного Королевства». Такое же письмо Вайнант отправил и Стрэнгу²⁵. Мнение американской стороны было учтено, но текст ст. 18 Соглашения о перемирии остался неизменным.

Отказ Великобритании от настойчивого требования США изменить статью 18 советского проекта Соглашения и зафиксировать предоставление равных прав в СКК трем союзным силам явился результатом достигнутой 9–10 октября 1944 г. договоренности между Черчиллем и Сталиным о разделении Европы на «сферы влияния», согласно которой СССР получал 90% преобладающего положения в Румынии и 75% в Болгарии²⁶.

Компромисс был достигнут и по вопросу о лицах, которые от имени союзных сил должны были подписать Соглашение о перемирии. Великобритания и США оспаривали предложение СССР, чтобы Соглашение о перемирии с Болгарией по полномочию союзных сил подписал представитель Советского главнокомандования маршал Ф.И. Толбухин²⁷, командующий 3-м Украинским фронтом, чьи войска находились в Болгарии. Они настаивали, чтобы его подписал представитель Верховного командования союзников в Средиземноморском районе генерал Д. Гаммель. В направленном 18 сентября 1944 г. Молотовым Идену меморандуме, а затем и во время встречи Вышинского с Керром советские дипломаты доказывали, что Болгария — черноморское, а не средиземноморское государство, что она занята советскими войсками и разрывает отношения с Германией в результате объявления ей войны Советским Союзом. Эти факты являются достаточным основанием, чтобы перемирие было подписано именно маршалом Толбухиным. Британское правительство после консультации с США отказалось принять советский вариант, указывая, что когда СССР объявил войну Болгарии, Великобритания и США уже вели с болгарями переговоры о перемирии²⁸. В результате СССР согласился, чтобы Соглашение, кроме маршала Толбухина, подписал и представитель Верховного командующего в Средиземноморском районе Гаммель. Западные союзники, в свою очередь, уступили настоятельному требованию совет-

ских представителей о подписании перемирия в Москве, а не в Каире или Анкаре, как они предлагали.

10 октября 1944 г. болгарское правительство обратилось к правительствам Советского Союза, Великобритании и Соединенных Штатов с просьбой о подписании перемирия. На следующий день правительства СССР, Соединенного Королевства и США уведомили письмом председателя Совета министров Болгарии К. Георгиева, что переговоры с Болгарией могут начаться, но только после того, как болгарское правительство обязуется эвакуировать все болгарские военные части и всех чиновников с греческой и югославской территорий. Эвакуация должна начаться немедленно и закончиться в течение 15 дней. Союзные правительства направят в Болгарию своих представителей в качестве Объединенной союзной военной миссии под председательством советского представителя²⁹. Георгиев в тот же день сообщил, что его правительство принимает условия союзных правительств и что эвакуация болгарской армии с греческой территории началась еще 10 октября, а эвакуация чиновников и передача административной власти местному населению уже закончена. Он заверил, что болгарские гражданские и военные власти окажут военной миссии союзных правительств полное содействие при контроле над проведением эвакуации³⁰. 15 октября 1944 г. Народный комиссариат иностранных дел СССР сообщил болгарскому правительству, что председателем Объединенной союзной военной миссии советское правительство назначает маршала Толбухина, а его заместителем генерал-полковника Бирюзова. Помощниками председателя миссии были назначены генерал-лейтенант Черепанов и полковник Плешков³¹.

Указом от 12 октября 1944 г. регенты Царства Болгария утвердили состав болгарской делегации для подписания перемирия. В нее вошли министр иностранных дел П. Стайнов — председатель делегации, министры без портфеля Д. Терпешев и Н. Петков, министр финансов П. Стоянов. 15 октября делегация прибыла в Москву. 18 октября Стайнов во время встречи с Молотовым передал ему памятную записку министра финансов Стоянова о тяжелом состоянии болгарской экономики с просьбой учесть это при определении репараций³².

Текст Соглашения о перемирии окончательно был согласован тремя Союзными правительствами 23 октября и вручен болгарской делегации 26 октября вечером. Перед вручением проекта Соглашения болгарской делегации глава делегации Стайнов зачитал декларацию, в которой заявил, что болгарская делегация принимает условия перемирия, предложенные от имени союзных правительств, и что правительство Отечественного фронта считает их исполнение своим долгом. Он подчеркнул, что подписание перемирия позволит Болгарии восстановить нормальные отношения с народами Объединенных Наций и занять свое место среди демократических народов³³.

27 октября велись переговоры между представителями СССР, Великобритании, США и болгарской делегацией, обсуждались подготовленные союзниками условия перемирия. Со стороны Советского Союза в переговорах участвовали В.М. Молотов, А.Я. Вышинский, А.А. Лаврищев, К.В. Новиков, В.А. Зорин, генерал-полковник А.С. Желтов и контр-адмирал Н.О. Абрамов. Великобритания была представлена своим послом в Москве А. Керром и представителем Верховного командования союзных сил Средиземноморского района генерал-лейтенантом Д. Гаммелем. Со стороны США участвовал управляющий посольством США в Москве Дж.Ф. Кеннан. Обсуждалась каждая статья проекта. Болгарская делегация особенно настаивала на уточнении и разъяснении содержания статей 9, 11, 14, 15 и 17, связанных с выплатой репараций и содержанием и обслуживанием Союзной Контрольной Комиссии. Министр финансов П. Стоянов заверил, что Болгария сделает все возможное, чтобы выполнить обязанности по содержанию СКК и находящихся в стране частей Советской армии, но в рамках возможностей страны.

Стоянов настаивал и на уточнении задач в связи с исполнением ст. 9 Соглашения — о возвращении собственности Объединенных Наций и их граждан, в том числе греческой и югославской, о выплате репараций за ущерб, причиненный во время болгарского управления греческой и югославской территориями. Он заявил, что Болгария обязана вернуть собственность, но уточнил, что это не должно касаться собственности, которая была уничтожена или вывезена Германией с этих территорий ещё до вступления туда болгарских войск. Это же касается

и выполнения статьи 11 Соглашения о возвращении Греции и Югославии оборудования фабрик и заводов, локомотивов, железнодорожных вагонов, тракторов и др. Болгария вернет то, что находится в стране, но не может вернуть то, чем она не располагает и к исчезновению чего не причастна. Несправедливо, подчеркнул Стоянов, чтобы Болгария отвечала за совершенное Германией, тем более что сама Германия не заплатила Болгарии за материалы на сумму 75 млрд левов³⁴.

Соглашение о перемирии между Болгарией и Союзными силами было подписано 28 октября 1944 г. С болгарской стороны его подписали члены болгарской делегации — П. Стайнов, Д. Терпешев, Н. Петков и П. Стоянов, с советской — маршал Толбухин, со стороны Великобритании и США — представитель Верховного командования союзников в Средиземноморском районе генерал Гаммель. Решения, принятые по поставленным болгарской делегацией вопросам в ходе обсуждения Соглашения, были внесены в отдельный Протокол, приложенный к Соглашению и подписанный лицами, уполномоченными своими правительствами: Ф.И. Толбухиным (СССР), А. Керром (Великобритания) и Дж. Кеннаном (США)³⁵.

Соглашение о перемирии вступило в силу в день его подписания — 28 октября 1944 г. Оно узаконило присутствие советских войск на территории Болгарии, поставило болгарские вооруженные силы под руководство советского Главного командования, а Болгарию — под контроль СКК, руководимой представителем советского Главного командования маршалом Толбухиным. Соглашение о перемирии действовало до подписания 10 февраля 1947 г. в Париже мирного договора между государствами антигитлеровской коалиции и Болгарией. После вступления его в силу 15 сентября 1947 г. и окончательного прекращения работы Союзной Контрольной Комиссии советские военные части в течение последующих трех месяцев³⁶ покинули территорию Болгарии. Западные союзники после ликвидации СКК лишились возможности оказывать на болгарское правительство непосредственное давление. Болгарская рабочая партия (коммунисты), которая благодаря советскому председательству в СКК и присутствию частей Советской армии в Болгарии за годы перемирия укрепились у власти, взяла курс на установление в Болгарии режима советского образца.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Первоначально болгарские предложения поступили к агенту руководителя американского Управления стратегических служб при Объединенном комитете начальников штабов генералу У. Доновану в Анкаре.

² *Тошкова В.* Примирието с България — 28 октомври 1944 г. // Известия на държавните архиви. Кн. 68. София, 1994. С. 44.

³ Великие силы и Болгария. 1944–1947. София, 2014. Т. I. Примирието между СССР, Великобритания, САЩ и България (януари–октомври 1944 г.). Документи. С. 96–98 (док. № 20).

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Там же. С. 104–105 (док. № 27).

⁷ Архив внешней политики Российской Федерации (АВПРФ). Ф. 06. Оп. 6. Пап. 63. Д. 842. Л. 15–21.

⁸ Там же.

⁹ Возглавлял югославское эмигрантское правительство с 8 июля 1944 г. по 30 января 1945 г.

¹⁰ Великите сили и България 1944–1947. Т. I. Примирието... С. 114–115 (док. № 33).

¹¹ Там же. С. 105–108 (док. № 28).

¹² Там же. С. 111–112 (док. № 31).

¹³ Там же. С. 222–224 (док. № 102).

¹⁴ Там же. Приложения. С. 386.

¹⁵ Там же. С. 389.

¹⁶ Советско-американские отношения во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Документы и материалы в двух томах. М., 1984. Т. 2. 1944–1945. С. 78–79.

¹⁷ Великите сили и България. Т. I. Примирието... С. 224 (док. № 102).

¹⁸ Там же. С. 232–233.

¹⁹ Соглашение с Италией подписал британский фельдмаршал Х. Александер, который с июля 1943 г. руководил Сицилийской операцией и Итальянской кампанией.

²⁰ Великите сили и България 1944–1947. Т. I. Примирието... С. 230 (док. № 105).

²¹ Там же. С. 222 (док. № 102).

²² Там же. С. 223.

²³ Там же. Приложения. С. 392.

²⁴ Там же. Приложения. С. 394.

²⁵ Там же. С. 343 (док. № 158).

²⁶ См. *Черчил У.* Мемоари. София, 1995. Т. 6 — Триумф и трагедия. С. 219; *Тошкова В.* САЩ и България. 1919–1989. Политически отноше-

ния. София, 2007. С. 222–223; *Цанев Ст.* Български хроники. София, 2009 С. 117–118.

²⁷ Звание маршала Ф.И. Толбухин получил 12 сентября 1944 г.

²⁸ АВПРФ. Ф. 074. Оп. 33. Пап. 113. Д. 3. Л. 10.

²⁹ Великите сили и България. 1944–1947. Т.І. Примирието... С. 280 (док. № 126).

³⁰ Там же. С. 281 (док. № 127).

³¹ Там же. С. 304 (док. № 141).

³² Там же. С. 316 (док. № 145).

³³ Там же. С. 353 (док. № 166).

³⁴ Там же. С. 354–355 (док. № 168).

³⁵ Там же. С. 370–371 (док. № 175).

³⁶ Согласно ст. 20 мирного договора с Болгарией, «Все вооруженные силы Союзных и соединенных держав будут выведены из Болгарии в возможно короткий срок и, во всяком случае, не более чем в 90 дней со дня вступления в силу настоящего договора» (Советско-болгарские отношения. 1944–1948 гг. Документы и материалы. М., 1969. С. 284 (док. № 23)).

МАРЧЕВА И.*

**БОЛГАРСКОЕ ОБЩЕСТВО
В 60-е ГОДЫ XX ВЕКА
И ОСОБЕННОСТИ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ
МОДЕЛИ ПОТРЕБЛЕНИЯ**

В 60-х годах XX в. болгарское общество переживало период реформ, переводивших его, по существу, на советскую модель развития, что вело и к переменам в условиях жизни людей. Эти процессы затронули не только болгарское общество, но и всю Восточную Европу, в том числе и СССР, поскольку были связаны с процессами десталинизации и либерализации внутренней политики Восточного блока. Реформы в социально-экономической сфере были вызваны тем, что факторы экстенсивного экономического роста исчерпали себя. Замедление среднегодовых темпов роста чистого производства наблюдалось с 1956 г. во всех странах Восточной Европы. Падение темпов в 1961–1965 гг. по сравнению с 1951–1955 гг. было особенно заметным. Так, если в первой половине 50-х годов в Болгарии ежегодный прирост чистой продукции составлял в среднем 12,2%, в Польше — 8,6, Румынии — 14,2, а в СССР — 11,3, то в период 1961–1965 гг. тот же показатель составлял 6,6% для Болгарии, 6,2 — для Польши, 9,1 — для Румынии, 5,7 — для СССР¹. В связи с этим в 1960-е годы во всех этих странах стали проводиться реформы, включавшие в себя запуск рыночных механизмов стимулирования интенсивности труда как фактора повышения объемов производства.

Одним из результатов попытки модернизировать экономику, в ходе которой поощрялось применение материальных

* Марчева Илияна — доктор истории, профессор Института исторических исследований БАН.

стимулов, стало формирование социалистической модели потребления. Для нее характерно то, что она ориентировалась на тогдашний уровень жизни не только в Восточном блоке, но и в Западном, в связи с политикой их мирного сосуществования. Особенности потребления были связаны как с прежними его стандартами, заложенными в аскетической сталинской модели с приматом производства над потреблением, так и с новыми, возникшими в результате либерализации экономической и общественно-политической жизни. То, как эти особенности проявлялись в Болгарии в 1960-е годы, и является предметом настоящей статьи. В ее основе лежат разнообразные материалы, раскрывающие как официальную политику, так и ее восприятие западными экспертами. Данная работа базируется также на исследованиях, позволяющих сопоставить динамику потребления в Болгарии, других государствах Восточной Европы и во Франции, которая приводится для наглядности как страна, входящая в развитое ядро Западной Европы.

В начале проведения экономической реформы в 1963 г. болгарский партийный лидер и глава правительства Т. Живков оценил как ошибочное то значение, которое придавалось ранее фондам общественного потребления, «которые народ не видит и говорит так: “Это положено по закону, а вы должны нам дать даже больше”»². Он предложил 90% фонда потребления направлять на личное потребление, т.е. повышать зарплаты и уменьшать государственные дотации на образование, культуру и здравоохранение. Шагом в этом направлении стало Постановление Совета министров № 53 от 13 декабря 1965 г., согласно которому повышались зарплаты рабочим и служащим. Но в 1967 г. такая политика показала, что оплата труда превышает запланированную в пятилетке оплату в 112% в сфере материального и в 121,4% — в сфере нематериального производства. Ощутимо увеличивались и доходы крестьян-кооператоров как из-за повышения закупочных цен, так и за счет прибыли от подсобных хозяйств. Если в 1957 г. среднегодовой доход одного кооператора составлял 404 левов (лв.), в 1965 г. — 792 лв., то в 1967 г. — 915 лв.³.

Выросшие доходы повысили покупательную способность населения, о чем свидетельствует рост розничного товарообо-

рота: с 1965 по 1967 г. он вырос на 20%, в то время как цены на товары сохранились на прежнем уровне или слегка понизились⁴. Это произошло за счет государственного бюджета, на который легли расходы по компенсации выросшей вследствие увеличенных закупочных цен на сельскохозяйственное сырье себестоимости ряда товаров легкой промышленности. Подскочили лишь цены на ведомственное жилье, которое тогда массово предлагалось выкупать за 20–30 лет⁵.

Однако что же можно было купить на эти повысившиеся доходы? Представление об этом дает документ под названием «Условия жизни в Болгарии», написанный в конце 1966 г. британским экспертом из Международной организации труда и предназначенный для других западных экспертов, которым предстояло работать в 1967–1970 гг. в Центре управления руководящими кадрами в Софии. Согласно британскому эксперту, доходы находились на низком уровне, а жизненный стандарт составлял 1/5 от этого показателя в США и 1/3 — в Западной Европе. Низкие доходы уравнивались «субсидированными ценами на аренду жилья, еду, отдых и другие основные нужды». Овощи и фрукты были очень дешевы: килограмм лука стоил 0,15 лв., помидоров — 0,15 лв., яблок — 0,22 лв., винограда — 0,50 лв. Продуктов в магазинах было умеренное количество, и они являлись сезонными: «зимой пища однообразна из-за отсутствия свежих овощей и фруктов, но многие из них можно найти в консервированном виде». По сравнению с развитыми западными странами, где уже круглогодично предлагались свежие овощи и фрукты, болгары даже в столице сохраняли привычки, связанные с питанием в традиционном обществе. Этому способствовала и сеть магазинов. Отсутствовали большие супермаркеты⁶, не существовало даже слова, их обозначающего, и потому переводчик «Условий» использовал полукальку «суперрынок». Организация торговли находилась все еще на уровне мелких магазинов. Походы по государственным магазинам с одинаковыми ценами отнимали время болгарских домохозяек.

Дешевыми, доступными и высокого качества были вина: «Вина высочайшего качества продаются по 1,5 лв. за бутылку». Дорогими и дефицитными являлись предметы роскоши, такие как «импортные ликеры, сигареты, духи, некоторые автомоби-

ли и электрические приборы», растворимый кофе. Эти товары найти было нелегко, требовалось предварительно заказать их и ждать в «Корекоме», а покупать за американские доллары. Но слабая индустрия быта вела к тому, что западному эксперту в Софии не хватало и таких предметов, как резиновые перчатки, туалетная бумага, губки для мытья посуды, дезинфицирующие средства, бинты, инструменты, крем и щётки для обуви и др. Трудно было найти и электрические приборы. Британский эксперт констатировал, что на рынке не предлагаются электрические чайники, скороварки, тостеры — все те предметы, что символизировали модернизацию быта. Она явно еще не охватила столицу Болгарии и, очевидно, не затронула и всю страну.

Стоит иметь в виду, что в то время в Западной Европе качество жилья и современная бытовая техника, называемая в болгарской статистике «предметами длительного пользования», являлись символом повышающегося уровня жизни. Тон здесь задавали США. Достижения техники, облегчавшей труд домохозяйек, были продемонстрированы Восточному блоку во время американской выставки в Москве в 1959 г., вызвавшей 24 июля известные «кухонные дебаты» между главой советского правительства и партийным лидером Н.С. Хрущевым и Р. Никсоном, занимавшим тогда пост вице-президента. Достижениям в бытовой технике, которые демонстрировали американцы, чтобы доказать, что их система обеспечивает настоящее освобождение женщины, Хрущев мог противопоставить лишь сарказм, спросив, есть ли такая машина, которая бы клала еду в рот и проталкивала ее. Он резко сказал, что это «просто предметы», которые интересны, но не являются насущной необходимостью⁷. «Кухонные дебаты» продемонстрировали отсталость СССР в стандартах уровня жизни. Болгария также не могла похвастать достижениями в создании современного быта. Так, на 100 домохозяйств в 1965 г. приходилось лишь 23 электрические стиральные машины, в 1970 г. — 50, в то время как, например, во Франции этот показатель вырос с 7,5% в 1954 г. до 72% в 1975 г.⁸. Схожей ситуация была и с бытовыми холодильниками. В Болгарии в 1970 г. на 100 домохозяйств приходилось 29, а в 1975–59 холодильников. Во Франции в 1975 г. уже 91% домохозяйств владели

домашним холодильником против 7,5% в 1954 г.⁹. У болгар были проблемы и со снабжением пылесосами. Поэт Любомир Левчев вспоминал, что когда он возвращался поездом из командировки в Москву, то оказалось, что все четыре болгарина в его купе купили по поручению своих семейств по пылесосу. «Предпочитаемыми» болгарями 1960-х годов были «торговые трофеи» из СССР в виде «швейных машинок, охотничьих ружей и... пылесосов. На свою беду точно такое поручение получил и я от своей разволновавшейся семьи — пылесос! Двое наших детей должны расти в чистоте, а не глотать пыль от веника», — с известной иронией и стеснением рассказал об этом случае Левчев¹⁰.

Данный штрих к картине отсталого быта дополняют и наблюдения британского эксперта относительно плохого качества услуг химчисток и мелкого ремонта. Старый жилищный фонд также не отвечал европейским требованиям, поскольку отсутствовали ванны, а мебель была старой. Качество новых построек находилось на высоком уровне, особенно удостаивалось похвал центральное отопление в них, но они были недоступны для всех желающих. Транспорт тоже подвергся критике эксперта — сеть трамваев, автобусов и троллейбусов охватывала все районы Софии, но в часы пик общественный транспорт был «крайне переполнен». Зато, отметил эксперт, «цены на проезд крайне низки, обычно — 2 или 4 стотинки в зависимости от расстояния». На англичанина произвели впечатление очень хорошие условия для пользования автомобилем в Болгарии. «Бензин найти легко, стоит он 25 стотинки за литр (АИ-95). Моторное масло доступно». К тому же «в Болгарии хорошая сеть дорог, и все отдельные дороги асфальтированы или уложены каменной брусчаткой. Много дорожных знаков внутри и за пределами столицы, стандарт вождения в целом высокий, автомобилисты оказывают помощь друг другу»¹¹.

Описанную картину дорожной сети Болгарии конца 1960-х годов можно объяснить небольшим количеством первоклассных дорог в стране и низкой степенью автомобилизации по сравнению с Западной Европой, не говоря уже о США. Личных автомобилей было мало. В 1965 г. на 100 домохозяйств приходились две машины, в 1970 г. — шесть¹². Таким образом, по

распространенности личных автомобилей Болгария 1960-х годов напоминала Францию 1950-х годов, когда личный автомобиль, пусть и французского производства («Рено 4» начали производить в 1946 г.¹³, а «Ситроен» — в 1948 г.¹⁴), являлся предметом роскоши. В 1954 г. лишь 21% французских домохозяйств располагали собственным автомобилем. Но в 1960-е годы автомобиль уже стал доступным и для рабочего класса¹⁵. В Болгарии тогда же организовали сборку личных автомобилей, чтобы сократить отставание. Помимо производства 5175 штук трех моделей «Булгаррено» и 758 «Фиатов», неофициально называвшихся «Пирин-Фиат», до 1990 г. в стране собирался советский легковой автомобиль «Москвич-408». Первый автомобиль этой модели сошел с конвейера 4 ноября 1966 г. В 1967 г. собрали 564, в 1968 г.— 2500, а в 1972 г.— 8000 «Москвичей»¹⁶. Несмотря на эти усилия, до конца периода социализма ощущалась нехватка личных автомобилей (в 1989 г. на 100 домохозяйств приходились 42 автомобиля), что вызвало недовольство среди обеспеченных слоев населения.

Это обстоятельство не позволяет оценить развитие общественного транспорта¹⁷ в интересующие нас годы, поскольку именно личный автомобиль являлся символом модернизации и наступающей мобильности, как и «эры развлечений» — другого названия повышения уровня жизни, в то время более очевидного на Западе. Его показателем были поездки в отпуск, ставшие массовой практикой. Если в 1950-е годы во Франции пять из семи французов все еще не отправлялись в путешествие во время отпуска или не уезжали дальше, чем на 250 км, от своего дома, то в 1981 г. больше половины французов совершали поездки, 17% из которых — за рубеж¹⁸. В Болгарии в 1960-е годы также увеличивалось число организованных и индивидуальных экскурсий за границу, осуществлявшихся в том числе и на личных автомобилях. 3 июля 1957 г. был основан «Болгарский автомобильный и туристический клуб», который, помимо обучения вождению автомобиля, оказывал своим членам помощь при частных поездках за рубеж.

В таблице указано количество болгар, посещавших по личным причинам другие страны. Заметно, что оно непрерывно росло в эти годы. Основными направлениями являлись СССР, Чехословакия и Югославия¹⁹.

Табл. № 1. Болгары, посетившие другие страны.

	1963	1965	1970	1980	1985	1989
Всего:	23253	207912	305809	756631	533367	921987
С личными целями	87661	157257	207201	537807	334788	712322
Со служебными целями	35592	50655	98608	218824	198579	209665

Источник: НРБългария '89. Кратък статистически справочник. София, 1990. С. 61.

В 1960-е годы западный эксперт отметил богатую и очень доступную культурную жизнь Софии. «Цены на билеты на все представления весьма умеренны. Билеты первого класса на концерт симфонического оркестра на самые лучшие места стоят 1,2 лв.»²⁰. На британца произвела впечатление элитарная культура, поскольку он писал и о балетных постановках, об операх и песенных фестивалях, которые он посетил в болгарской столице.

Тут необходимо упомянуть, что с начала 1960-х годов в западном мире стала развиваться так называемая массовая культура. Ее символом являлось телевидение, навязывавшее культуру образа, целью которой была унификация социокультурных стереотипов. Так, если в 1957 г. во Франции, отставшей от других западных стран в распространении телевидения, лишь 6,7% домохозяйств имели телевизор, то в 1967 г. этот показатель уже составлял 57%, в 1972 г.— 77%, а в 1982 г.— 91%. С 1965 г. по 1972 г. во Франции вещали два государственных канала, количество которых затем увеличилось. Телевидение стало массовым. Оно внесло большой вклад в превращение элитарного знания в массовую форму информации, увеличило возможности навязывания культуры развлечений²¹.

В Болгарии наблюдались те же процессы, но протекали они медленнее. В 1950-е годы в Машинно-электротехническом институте болгарские ученые разрабатывали системы телевидения и проводили экспериментальные трансляции, впервые же

они осуществили прямую трансляцию 7 ноября 1954 г. Официальное открытие Болгарского национального телевидения состоялось 23 декабря 1959 г. До 24 мая 1975 г. работал только один, первый канал, а по пятницам транслировалось советское телевидение²². Одновременно с этим были разработаны и запущены в производство первые болгарские телевизионные аппараты. Первый болгарский телевизор «Опера» экспериментально производился в 1955–1958 гг. на Слаботоковом заводе им. К.Е. Ворошилова в Софии, но для массового производства болгарским инженерам требовалось пройти обучение в ГДР, Чехословакии и СССР. Из СССР ввозилась аппаратура для настройки телевизоров, и массовое производство началось в 1960 г., когда были изготовлены первые 400 штук, продававшихся по цене 450 лв. В следующем году телевизоров «Опера» выпустили уже 4600 штук, в 1970 г.— рекордные 192 900 штук. В середине 1960-х годов их продавали на Кубу и в Пакистан. Вторая марка называлась «Кристалл», и вышла она на рынок в 1963 г. Это был широкоэкранный телевизор с кинескопом, произведенным в ГДР. В 1965–1966 гг. делали и приемник «Пирин». Цены оставались высокими: в 1971 г. телевизор «Плиска» стоил в розницу 315 лв.²³

Потому, вопреки всем этим успехам, степень удовлетворения потребности населения в телевизорах не была высокой. Так, на 100 домохозяйств в 1965 г. приходилось восемь телевизоров, в 1970 г.— 42, а в 1980 г.— 75. Только в 1989 г. было достигнуто полное удовлетворение потребности в телевизорах: на каждые 100 домохозяйств приходился 101 телевизор. Но спрос был уже на цветные приемники. Они являлись дефицитными до конца 1989 г.²⁴

Пока в Болгарии осваивали черно-белое телевидение, в 1953 г. в США пустили в продажу первый цветной телевизор, а первая экспериментальная цветная трансляция состоялась в 1954 г. Из-за высокой цены на комплектующие цветных телевизоров массово цветное телевидение в США началось с середины 1960-х годов. В Европе цветное телевидение стало транслироваться с 1967 г., а с 1979 г. стало массовым для всех европейских стран. Во Франции в 1970-е годы увеличивалось распространение и цветных телевизоров: в 1976 г. 20% домохозяйств имели такой аппарат, а в 1982 г.— уже 56%²⁵.

Болгария пыталась догнать другие страны в распространении этого нового предмета роскоши, но не столь успешно, как в случае с освоением производства аппаратов для черно-белого телевидения. С 1972 г. в Болгарии начало вещание и цветное телевидение, а с 1975 г. — заработал и второй государственный цветной телеканал «Эфир 2». Но первый цветной телевизор «Колорстарт», появившийся во второй половине 70-х годов и собранный в основном из бельгийских деталей, продавался за границу, а в стране с начала 1980-х годов началось производство и продажа цветного «София-81». Особым качеством отличались аппараты «Велико Тырново» из японских запчастей: на их покупку составлялись списки, и люди выстраивались в ночные очереди в ЦУМ²⁶.

Из примера с телевидением видно, что в Болгарии в 50-е и 60-е годы разрабатывались современные технологии в сфере развлечения и потребления. Но пока наверстывалось упущенное в освоении производства черно-белых телевизоров, развитые страны массово переходили к цветным, которые обеспечивали намного более качественную передачу образов и приятное времяпрепровождение. В связи с догоняющим характером модернизации страны, в Болгарии предметы роскоши медленно превращались в товары широкого потребления, что лежит в основе «потребительства»²⁷, включая и социалистическое.

Руководство страны отдавало отчет в том, что существует хронический дефицит новых товаров, в том числе и предметов роскоши, а также недостаток в более развитых формах торговли. На пленуме ЦК БКП в декабре 1967 г. было признано, что изменилась структура потребностей болгарского общества — предпочтение отдается более качественным товарам и товарам длительного пользования, которые являются дефицитными. Поэтому у населения накопилось больше денежных средств, чем имеющийся объем товаров может удовлетворить²⁸. Вот почему власти восстановили равновесие между денежными доходами трудящихся (включая и их вклады) и объемом товаров и услуг для населения. Постановление Совета министров № 63 от 28 декабря 1967 г. повысило с 1 января 1968 г. цены на основные товары и услуги, а также увеличило пенсионный возраст на пять лет²⁹. Цель этого заключалась в том, чтобы розничные цены покрывали и превосходили се-

бестоимость товаров, и разницу не приходилось бы компенсировать за счет бюджета, как это было ранее (см. табл. № 2). Это власти уже оценивали как абсурд: чем больше сельскохозяйственной продукции потреблялось на внутреннем рынке, тем больше государство тратило на дотации³⁰.

Табл. № 2. Реформа цен 1968 г.

Продукт	Себестоимость (в болгарских левых)	Розничная цена до реформы (в болгарских левых)	Розничная цена после реформы (в болгарских левых)
Брынза 1 кг.	1,39	1,40	1,80
Сыр «Витосша» 1 кг.	2,40	2,10	2,80
Говядина 1 кг.	2,29	1,90	2,80
Свинина 1 кг.	2,01	1,70	2,40

Источник: ЦДА. Ф. 1Б. Оп. 34. А. е. 89. Л. 20.

Повысились цены на молоко, сыр, мясо, сливочное и оливковое масло, а также на свежие фрукты и овощи, осенний картофель, зрелую фасоль, фруктовые и овощные консервы. Понизились цены на рис, сахар, рыбу и рыбные консервы, сахарные изделия и тропические фрукты. Поднялись розничные цены на текстиль и готовую одежду, на большинство изделий легкой промышленности: фарфор, мебель, твердые виды топлива, легковые автомобили, издательскую продукцию. Уменьшились цены на грампластинки, лекарства, электросчетчики, часы, швейные машинки, счетчики воды. Подорожали услуги портных и парикмахеров, ремонт электротехники. Поднялись цены на аренду жилья в городах, включая и ведомственную аренду, а также цены на услуги транспорта в Софии. Стоимость трамвайных билетов повысилась с 2 до 4 ст., а троллейбусных — с 3 до 6 ст.³¹.

Ради того, чтобы смягчить для населения это кардинальное и всеохватывающее повышение цен, не осуществлявшееся с начала 1950-х гг., для большинства товаров предусматрива-

лась компенсационная надбавка в пять левов в среднем ежемесячно. Низкие зарплаты компенсировались больше, высокие зарплаты — меньше. Потому самые низкие зарплаты в 57 лв. компенсировались на 9%, в то время как для получающих зарплаты выше 250 лв. и пенсии выше 200 лв. компенсации не предполагались³².

Эти непопулярные меры были приняты одновременно с решением о начале постепенного перехода на 5-дневную рабочую неделю. Поощрялась и рождаемость. Вводились единые доплаты за детей в соответствии с их количеством, а не как прежде — в зависимости от доходов семьи. Резко, с 5 до 10%, вырос налог на бездетность. Предусматривались и меры для облегчения труда и занятости матерей³³.

Начавшееся в Болгарии в 1960-е годы время более обеспеченного существования населения повторяло, хотя медленнее и слабее, тенденцию, наблюдавшуюся тогда в развитых индустриальных странах Европы. Она заключалась в повышении уровня жизни и определялась как «превращение роскоши в массовое потребление»³⁴. Проблема состояла в том, что руководство Болгарии не могло поддержать эту тенденцию ни экономически, ни социально. По этой причине одновременно с организацией производства предметов роскоши, характеризовавших модернизацию быта, одновременно с повышением цен на товары повседневного потребления, руководство страны повело идеологическую борьбу против установки на приобретение материальных предметов роскоши, входившей в противоречие с официально пропагандируемой аскетической моралью. Отрицательные явления в повседневной жизни, связанные с использованием связей, влияния, служебного положения, «ходатайствами» для удовлетворения возросших потребностей людей, называли «маленькой правдой», ведущей к «буржуазному либерализму и радикализму». Негативные подробности, по мнению властей, не должны отвлекать общественное внимание от «большой правды» коммунистического идеала. А сопутствующей ему в жизни «маленькой правде» необходимо давать отпор, «поскольку она не определяет облика нашего общества и постепенно исчезает вместе с его усовершенствованием»³⁵. Эти заклинания были вызваны как привлечением основных капиталовложений в индустриализацию,

так и неоднозначными результатами экономической реформы. Борьба с «маленькой правдой» уже указывала на проблемы, с которыми в будущем предстояло столкнуться правящей коммунистической партии при набирающей скорость модернизации общества — ее неспособностью удовлетворить запросы «социалистического потребления».

В 1960-е годы под воздействием замены моральных стимулов эффективности производства материальными изменились и приоритеты болгарского общества. Оно стремилось улучшить свой быт при помощи продукции, являющейся символом догоняющей Запад модернизации, которую проводила власть: жилищ, личных автомобилей, телевизоров, бытовой техники. Власти попытались организовать их производство в Болгарии, но оказались неспособны удовлетворить растущий потребительский спрос. Это объясняется тем, что потребности росли быстрее производства материальных благ, организованного государством. Потому власти применили шоковую терапию цен в 1968 г, чтобы погасить недовольство сформировавшимся дефицитом подобных товаров. Коммунистическое руководство прибегало и к пропагандистским методам. Но начавшееся в 1960-е годы социалистическое потребление разрасталось и послужило стимулом для реформирования модели экономического и социального развития Болгарии, что привело к коллапсу этой модели в конце 1980-х годов.

Перевод с болгарского Гусева Н.С.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Таблица «Среднегодовые темпы прироста чистой продукции в СССР и ЦВЕ» // Центрально-восточная Европа во второй половине XX века. М., 2000. Том 1: Становление «реального социализма» 1945–1965. С. 345.

² Централен държавен архив (далее — ЦДА). Ф. 1Б. Оп. 34. А.е. 21. Л. 107.

³ Стопанска история 681–1981 / Под ред. Н. Тодорова. София, 1981. С. 541.

⁴ ЦДА. Ф. 1Б. Оп. 34. А.е. 89. Л. 11, 12.

⁵ Там же. Оп. 34. А.е. 21. Л. 112, 113.

⁶ Первый супермаркет на Балканах был открыт в 1958 г. в Белграде после выставки американской холодильной техники в Загребе

в 1957 г. В Болгарии до этого существовало два больших магазина: в 1953 г. открылся специализированный магазин детской одежды «Детмаг», а в 1957 г. отворил двери первый торговый центр — Центральный универсальный магазин (ЦУМ).

⁷ URL: http://astro.temple.edu/~rimmerma/Khrushchev_Nixon_debate.htm (Дата обращения: 4.04.2015).

⁸ НРБългария'89. Кратък статистически сборник. Централно статистическо управление. София, 1990. С. 68; *Сиринели Ж.-Ф., Ванденбуш Р., Деперие-Вавасьор Ж.* История на съвременна Франция. София, 2006. С. 281.

⁹ Статистически годишник на НРБ, 1983 г. Комитет по единна система за социална информация при МС. София, 1983. С. 92; *Сиринели Ж.-Ф., Ванденбуш Р., Деперие-Вавасьор Ж.* История на съвременна Франция. С. 281.

¹⁰ *Левчев Л.* Ти си следващият. Роман от спомени. София, 1998. С. 151.

¹¹ *Марчева Ил.* Социо-културни аспекти от живота в България през погледа на един западен експерт в края на 60-те години на XX век // България, Балканите и Русия XVIII—XXI век. Българо-руски научни дискусии. София, 2011. С. 251–255.

¹² Статистически годишник на НРБ, 1981. С. 97.

¹³ Автор ошибается. Производство «Рено 4» началось в 1961 г. Видимо, имеется в виду «Рено 4 CV», представленная на автосалоне в 1946 г., и запущенная на конвейер в 1947 г.— *Прим. пер.*

¹⁴ «Ситроен 2 CV» был представлен на автосалоне в 1948 г., производство началось в 1949 г.— *Прим. пер.*

¹⁵ *Сиринели Ж.-Ф., Ванденбуш Р., Деперие-Вавасьор Ж.* История на съвременна Франция. С. 281.

¹⁶ *Чернев П.* От «Булгаппено» до Great Wall URL: http://econ.bg/%D0%9E%D1%82%D0%91%D1%83%D0%BB%D0%B3%D0%B0%D1%80%D1%80%D0%B5%D0%BD%D0%BE-%D0%B4%D0%BE-Great-Wall_.la_i.376774_at.18.html (Дата обращения: 24.04.2017).

¹⁷ В 1952 г. был перевезен 381 млн человек, в 1960 г.— 871 млн в 1970 г.— 1928 млн в 1980 г.— 2610, а в 1989 г.— 2934 млн человек. Увеличивалось в эти годы и количество городов, в которых существовал автобусный транспорт: с 31 в 1952 г. их число возросло до 68 в 1960 г., 94 — в 1970 г., 137 — в 1980 г. и 158 — в 1989 г.

Долгое время, с 1960 до 1988 гг., лишь в двух городах имелся троллейбусный транспорт, в то же время в 1989 г. таковых стало 12. Развивался также железнодорожный, воздушный, речной и морской транспорт (НРБългария'89. Кратък статистически сборник. С. 48, 52, 68).

¹⁸ *Сиринели Ж.-Ф., Ванденбуш Р., Деперие-Вавасьор Ж.* История на съвременна Франция. С. 282.

¹⁹ НРБългария'89. Кратък статистически справочник. С. 61.

²⁰ *Марчева Ил.* Социо-културни аспекти от живота. С. 264.

²¹ *Сиринели Ж-Ф, Ванденбуи Р, Деперие-Вавасьор Ж.* История на съвременна Франция. С. 285, 361.

²² URL: <http://www.predavatel.com/bg/tv/bnt>. (Дата обращения: 2.02.2015).

²³ *Оруш А.* Първите български телевизори зад граница URL: http://nauka.offnews.bg/news/%D0%A2%D0%B5%D1%85%D0%BD%D0%BE%D0%BB%D0%BE%D0%B3%D0%B8%D0%B8_7/%D0%9F%D1%8A%D1%80%D0%B2%D0%B8%D1%82%D0%B5-%D0%B1%D1%8A%D0%BB%D0%B3%D0%B0%D1%80%D1%81%D0%BA%D0%B8-%D1%82%D0%B5%D0%BB%D0%B5%D0%B2%D0%B8%D0%B7%D0%BE%D1%80%D0%B8-%D0%B7%D0%B0%D0%B4-%D0%B3%D1%80%D0%B0%D0%BD%D0%B8%D1%86%D0%B0_4716.html. (Дата обращения: 3.03.2015).

²⁴ НРБългария'89. Кратък статистически сборник. С. 68.

²⁵ *Сиринели Ж-Ф, Ванденбуи Р, Деперие-Вавасьор Ж.* История на съвременна Франция. С. 285, 361.

²⁶ *Оруш А.* Първите български телевизори зад граница; *Костов Ал.* От противници в Студената война до партньори в Европейския съюз. Българо-белгийски отношения от Втората световна война до наши дни. София, 2007. С. 39.

²⁷ Потребителство — совокупность регулятивных идей, ожиданий и настроений, ориентирующих поведение, стиль жизни и отношений, где ведущей установкой деятельности выступает стремление к престижному потреблению, к получению максимума наслаждений и развлечений (Словарь по этике / Под ред. И. Кона. М., 1981).— *Прим. пер.*

²⁸ ЦДА. Ф. 1Б. Оп. 34. А.е. 89. Л. 15.

²⁹ Стопанска история. С. 42; ЦДА. Ф. 1Б. Оп. 34. А.е. 89. Л. 16.

³⁰ Об этом рассказал Т. Живков 27 сентября 1970 г. на пленуме, посвященном сельскому хозяйству. (*Живков Т.* Някои съображения по развитието на селското стопанство върху промишлена основа. Встъпително слово пред пленум на ЦК на БКП, 27 април 1970 // *Живков Т.* Аграрната политика на Българската комунистическа партия. София, 1986. Т. 2. С. 198).

³¹ ЦДА. Ф. 1Б. Оп. 34. А.е. 89. Л. 20–21.

³² Там же. Л. 106–105.

³³ Там же. Л. 140–142.

³⁴ *Сиринели Ж-Ф, Ванденбуи Р, Деперие-Вавасьор Ж.* История на съвременна Франция. С. 280.

³⁵ *Живков Т.* За литературата, изкуството и културата. София, 1972. С. 286–391; *Зидарова Л.* Митът за голяма и малка правда // История и митове. София, 1999. С. 125–131.

КАЛИНОВА Е.*

МОСКВА

И БОЛГАРО-ТУРЕЦКИЙ КРИЗИС ЛЕТА 1989 г.

Тема миграции в современном мире неизбежно порождает проблемы в отношениях между затрагиваемыми сторонами. С этой точки зрения вызывает интерес массовое переселение болгарских турок летом 1989 г. В течение трех месяцев в соседнюю Турцию переселились более 300 000 человек. Эмиграция была связана с «возродительным процессом», который происходил в Болгарии с конца 1984 — начала 1985 г.¹. Она привела к резкому обострению отношений между Болгарией и Турцией. Кризис вышел за рамки двустороннего измерения миграционной проблемы и привел к попыткам третьих стран выступить в роли посредника для его преодоления. В болгарской историографии пока нет исследований международных аспектов кризиса в болгаро-турецких отношениях. В данной статье делается попытка на основе архивных документов проследить действия, предпринятые Советским Союзом для преодоления кризиса путем диалога между Анкарой и Софией.

Переселение болгарских турок летом 1989 г. отличается от всех предыдущих² тем, что в начале 1989 г. был принят новый закон о загранпаспортах, позволяющий поездки за границу без предварительного разрешения властей³, что совпало с ростом напряженности среди болгарских турок, привело к массовым демонстрациям, столкновениям с полицией и даже жертвам. 29 мая Т. Живков сделал заявление по радио и телевидению, сообщив, что Болгария приняла законы, позволяющие каждому болгарскому гражданину выезжать, куда он пожелает,

* Калинова Евгения — доктор истории, профессор исторического факультета Софийского университета им. Климента Охридского.

и призвал Турцию открыть границу болгарским мусульманам. Для Анкары, которая всегда заявляла, что готова принять всех болгарских турок, не оказалось иной альтернативы, кроме как отменить въездные визы и разрешить свободный въезд в страну. Таким образом, с начала июня по 22 августа, когда Турция вновь закрыла границу, 320 000 человек двинулись из Болгарии в этом направлении. Массовое переселение, цинично названное «Большой экскурсией», поставило Болгарию в сложную ситуацию.

В этот момент для болгарских правящих кругов особо важной являлась позиция Москвы. Живков добивался встречи с советским лидером М.С. Горбачевым, и тот, хотя и неохотно, согласился. Встреча состоялась 23 июня 1989 г., глава болгарского государства признал, что самой серьезной проблемой является «мусульманская», так как число мусульман быстро растет, и «если так будет продолжаться, то через двадцать лет Болгария практически станет вторым Кипром»⁴. Горбачев оказался подготовлен к поднятому вопросу. Впервые он взял на себя посредническую миссию, которую предложила турецкая сторона. За два дня до встречи с Живковым советский посол в Анкаре А. Чернышев прибыл в Москву с посланием Тургута Озала к Горбачеву, в котором турецкий премьер-министр просил его в разговоре с Живковым убедить Болгарию пойти на переговоры с Турцией. Передавая Живкову это предложение, Горбачев добавил: «Я не знаю, следует ли идти на такие переговоры». Желание Анкары заключалось в том, чтобы переселение регулировалось подписанием соответствующего эмиграционного соглашения, которое Болгария считала излишним в условиях свободного передвижения, созданных новым законом о международных паспортах. Живков сказал: «Ответьте им, что болгарская сторона согласна на встречу, но без предварительных условий и без предварительной повестки дня»⁵.

Горбачев напомнил слова Озала о том, что он готов принимать ежегодно по 30 000 человек. Живков с уверенностью ответил: «Мы можем согласиться с этим предложением, но мы решим это после встречи. Однако, повторяю, без предварительных условий, без предварительной повестки дня». Он заявил: в болгарскую политику будут внесены коррективы, но «мы не согласны, чтобы каждый мусульманин рассматривался

как турок. Полагаю, и Вы того же мнения». Горбачев согласился и впервые дал оценку болгарским действиям: «Вы действительно заняли гибкую позицию и осуществляете гибкий подход. И это очень хорошо»⁶. Эти слова выражали одобрение планируемой коррекции политики в отношении болгарских турок, но отнюдь не самого «возродительного процесса». Горбачев уклонился от рекомендаций. Несколько раз он подчеркнул, что с точки зрения СССР «ответственность за то, что происходит в каждой стране, является делом этой страны. Каждая партия, каждый народ могут поступать так, как считают нужным»⁷.

Проблема отношений с Турцией была настолько важна для Живкова, что он снова поднял ее во время официального обеда. На его патетическое заявление, что «теперь решается вопрос, быть или не быть Болгарии», Горбачев ответил, что «возможно, было бы целесообразно в некоторых случаях подобным образом действовать и в Советском Союзе. Можно также открыто поставить вопрос: быть или не быть Советскому Союзу»⁸. Последнее предложение в контексте официальных переговоров до обеда, когда Горбачев жаловался на попытки прибалтийских республик получить больше независимости и на обострение национального вопроса в СССР, вполне может быть истолковано как желание столь же категорично поставить вопрос о единстве СССР, а не как одобрение политики Живкова в отношении болгарских турок. В конце беседы Живков вернулся к посреднической роли Горбачева, пояснив ему, что «есть фитиль, один конец которого находится в Анкаре, а другой — в Софии, и каждая сторона по-своему пытается его поджечь». Поэтому советский лидер должен передать Озалу, что «этот фитиль надо ликвидировать. Мы готовы к любым переговорам, но без предварительной повестки дня и без предварительных условий. Мы готовы развивать и трехсторонние отношения между Болгарией, Турцией и СССР»⁹.

По предложению Горбачева разговор по вопросу о Турции должен был остаться конфиденциальным, но уже 26 июня 1989 г. агентство Рейтер сообщило, что, «по-видимому, Москва убеждает Софию обсудить с Анкарой бедственное положение этнических турок»¹⁰. СМИ Западной Европы описывали миссию Чернышева, который после поездок в Москву и Софию вручил Озалу послание Живкова. Приводились слова диплома-

та о том, что конфликт должен быть решен дипломатическим путем, и следует найти компромисс, а Москва искренне этого желает. Чернышев добавил: «Болгария — союзник СССР, но мы хотим улучшить отношения и с другим нашим соседом и другим, каковым является Турция»¹¹.

Турция усилила давление на СССР. Показательным является трехчасовой «Митинг осуждения Болгарии» на площади Таксим в Стамбуле 24 июня — на следующий день после встречи Живкова с Горбачевым¹². Министр культуры Н. Кемаль Зейбек с трибуны обратился к советскому лидеру с призывом остановить «антигуманные действия в Болгарии». Турецкий политик даже выступил с угрозами («Если Горбачев не поможет страдающим людям, которых выгоняют из их домов и родных мест <...>, то он больше не сможет оставаться любимцем гласности. Приметное пятно у него на лбу может за короткое время превратиться в черное пятно позора»)¹³. Министр назвал и цель, которую должно преследовать советское вмешательство — заключение эмиграционного соглашения, по которому Турция будет принимать «своих братьев, желающих приехать на родину».

Москва с осторожностью говорила о той роли, которую она взяла на себя. В газете «Московские новости» 4 июля 1989 г. в комментарии представителя Министерства иностранных дел СССР отмечалось: «Ситуация вызывает озабоченность. Москва исходит из того, что Народная Республика Болгария — братская, дружественная страна. В то же время СССР стремится развивать хорошие отношения с Турецкой Республикой. Роль Советского Союза, на наш взгляд, заключается в содействии установлению конструктивного диалога между сторонами. С этой целью посол СССР в Турции Чернышев посетил Софию, поддерживает контакты с турецкими властями, но выбор путей и способов разрешения конфликта, естественно, принадлежит Софии и Анкаре. Москва надеется, что обе стороны воспользуются механизмом взаимного урегулирования проблемы, выработанным болгарской и турецкой сторонами во время встречи в Белграде»¹⁴. В отличие от США, поддерживающих Турцию в усилиях добиться согласия болгарской стороны на заключение переселенческого соглашения и на признание турецкого национального меньшинства в качестве условия для нормализации отношений, Москва стремилась привести обе стороны

к прямым переговорам без предварительных условий, что соответствует и болгарской позиции.

22 августа Турция закрыла границу и прекратила прием переселенцев¹⁵. Сильное международное давление, с которым столкнулась Болгария, заставило Москву более открыто поддерживать своего союзника. 1 сентября 1989 г. представитель министерства иностранных дел СССР Вадим Перфильев заявил на пресс-конференции, что обострение отношений между Болгарией и Турцией вызывает «серьезную озабоченность», и СССР считает, что попытки «интернационализировать» проблему мусульман в Болгарии и поставить ее на повестку дня международных встреч с целью оказания давления на Болгарию могут только помешать найти приемлемое решение. Перфильев подчеркнул, что «Болгария заявила о своей готовности начать диалог с Турцией для нормализации и развития двусторонних отношений, и Советский Союз полностью поддерживает предложения Софии»¹⁶.

Москва продолжила попытки посредничества, воспользовавшись 44-й сессией Генеральной Ассамблеи (ГА) Организации Объединенных Наций, проходившей в Нью-Йорке осенью 1989 г. Болгарские архивы свидетельствуют о роли посла СССР в Турции Чернышева. 11 сентября он прибыл в Софию. В разговоре с ним министр иностранных дел П. Младенов дал понять, что болгарская сторона готова проявить больше гибкости в возможном диалоге с Турцией¹⁷. 17 сентября 1989 г. Чернышев встретился с министром иностранных дел Турции М. Йылмазом. Советский дипломат сообщил ему, что Младенов проявляет готовность к контактам и интересуется, не могли бы оба министра иностранных дел встретиться в Нью-Йорке на сессии ГА ООН. Чернышев сказал, что может организовать такую встречу. По его словам, Йылмаз воспринял идею «позитивно»¹⁸.

Чернышев вернулся в Софию, где 18 сентября встретился с начальником Третьего департамента Министерства иностранных дел Болгарии С. Стайковым и передал ему содержание беседы с Йылмазом. Чернышев объяснил, что в ходе беседы Йылмаз постепенно сформулировал идею сценария, по которому можно «достичь нормального результата». Его предложение сводилось к тому, чтобы в Нью-Йорке Младенов включил в свою речь заявления, которые свидетельствовали бы о готов-

ности к взаимопониманию (например, что болгарская сторона сделает шаги в области уважения прав человека, не будет возражать против воссоединения разделенных семей и готова обсудить «меры, связанные с выездом в будущем из Болгарии в Турцию лиц, которые того пожелают»). Если эти моменты найдут отражение в речи Младенова, то турецкая сторона отреагирует «самым положительным образом» уже в речи Йылмаза, который по программе должен был выступать через четыре часа после Младенова. Для того, чтобы «сориентировать друг друга», Йылмаз предложил обеим сторонам предварительно обменяться соответствующими текстами. Последовало еще более серьезное предложение: после выступлений Младенова и Йылмаз должны встретиться в Нью-Йорке, после чего будет опубликовано совместное заявление¹⁹. По мнению Чернышева, «Йылмаз ясно дал понять: что касается прав этнических турок и болгарских мусульман — это чисто болгарское дело <...> Как их называть — этнические турки или болгарские мусульмане — это им (Турции.— *Прим. пер.*) безразлично, они не будут вступать в полемику»²⁰. Йылмаз подчеркнул, что это предложение следует рассматривать не в качестве предварительного условия или давления, а как «разумный взгляд на вещи», и Анкара ждет от болгар «жеста, на который они (турки.— *Прим. пер.*) готовы ответить добром».

Оценка турецкого предложения, которую Чернышев представил болгарским дипломатам, весьма оптимистична. По его словам, оно учитывает болгарскую позицию, поскольку не поднимает вопросов ни о соглашении, ни об этнических турках. По его мнению, Болгария ничем не рискует, а такая встреча в Нью-Йорке позволила бы трансформировать двустороннюю проблему в неконфронтационную. Однако Стайков отреагировал сдержанно и поставил целый ряд уточняющих вопросов, касающихся предлагаемой процедуры и потенциальных опасностей. Ответы Чернышева прозвучали успокаивающе, а на прямой вопрос, как он оценивает инициативу, дипломат сказал: «Давление ничего не дало, возможно, диалог будет успешным. Турки хотят умыть лицо перед своим народом <...> Если болгары дадут положительный сигнал, те будут готовы начать серьезные переговоры <...>. Болгария ничего не теряет, а волна критики спадет. Вы можете выиграть»²¹. Резонно прозвучал вопрос

Стайкова, было ли предложение Йылмаза было согласовано с Озалом. Ответ Чернышева не представляется убедительным. Он признал, что не может с уверенностью сказать о наличии такой согласованности, но ему кажется, что «это просто так не может быть придумано», и что Йылмаз говорил искренне. Чернышев пытался внушить, что это предложение турок серьезно и болгарская сторона могла бы его принять²².

Но в Нью-Йорке разыграли другой сценарий. 1 октября после полуночи П. Младенова посетил Ю.К. Алексеев, член советской делегации на сессии ГА ООН. Он сообщил ему, что министр иностранных дел СССР Э.А. Шеварднадзе предложил Йылмазу встретиться с Младеновым, как договорился Чернышев, но Йылмаз ответил, что он согласен, только если на встрече речь пойдет о правах «турецкого национального меньшинства в Болгарии». Младенов просил Алексеева передать Йылмазу, что он согласен на встречу, но без каких-либо предварительных условий. В тот же день в 14.30 Алексеев снова посетил Младенова со следующей информацией. Только что Шеварднадзе встречался с Йылмазом и выразил позицию Советского Союза, что не следует идти на конфронтацию между Турцией и Болгарией. Интернационализация вопроса не приведет ни к чему хорошему, и решение необходимо искать в рамках двустороннего диалога²³. На предложение советского министра о встрече Младенова с Йылмазом, предваренной обменом текстами их выступлений перед ГА ООН, Йылмаз ответил, что такой договоренности нет. Алексеев сказал Младенову, что Йылмаз был очень сдержан и фактически отклонил предложение Шеварднадзе, поскольку настаивал на том, что встреча возможна только при предварительном условии, а именно — Младенов должен включить в выступление на Генеральной Ассамблее слова «о признании прав турецкого мусульманского меньшинства в Болгарии»²⁴. Тогда Младенов заявил, что двусторонней встречи не будет. 3 октября 1989 г. утром он выступил на Генеральной Ассамблее ООН, подчеркнув готовность болгарской стороны к прямым переговорам с Турцией «на любом уровне»²⁵, но они стали невозможны, особенно после выступления Йылмаза перед Генеральной Ассамблеей ООН во время послеобеденного заседания в тот же день. В нем содержались выпады против Болгарии, призывы

оказать давление на Болгарию, «ставились предварительные условия для проведения эвентуальной встречи (восстановить «узурпированные права человека и нацменьшинств в отношении болгарских граждан турецкого происхождения» и заключить «всеобъемлющее соглашение об эмиграции»)»²⁶.

Так советское посредничество в болгаро-турецком диалоге закончилось неудачей. Можно предположить, что идея, которую Йылмаз высказал Чернышеву, являлась импровизацией и не была согласована с Озалом. Такое мнение высказал Алексеев Младенову во время их беседы в Нью-Йорке. Он даже утверждал, что Озал запретил своему министру иностранных дел предпринимать подобные шаги. Он добавил, что накануне предстоящих выборов в Турции и при сложившихся общественных настроениях любая попытка улучшить отношения с Болгарией означала бы поражение, и это также удерживало Озала от возможной встречи²⁷. Нельзя исключить и другие объяснения: предложение было направлено на проверку болгарской готовности к уступкам и на отказ от него повлияло стремление Турции использовать международный форум для того, чтобы убедить исламские государства направить в Третий комитет ГА ООН (занимающийся правами человека) резолюцию против Болгарии²⁸. Анкара ожидала, что при таком давлении София уступит и примет турецкие условия. Такой результат позволил бы Озалу извлечь дивиденды и во внутренней политике, учитывая предстоящие выборы в Турции. Более точное представление о намерениях Москвы и Анкары при попытках посредничества могут дать только их архивы. Тем не менее, производит впечатление несколько небрежный подход советской стороны к этой проблеме, проявленный как бы для того, чтобы продемонстрировать роль СССР как важного «игрока» на международной арене, но без какого-либо реального «козыря» для воздействия. Однако неудача не отменяет того факта, что Москва пыталась защитить своего союзника и не поддалась давлению Анкары, стремившейся заставить Болгарию согласиться с турецкими условиями. Советы такого рода не были адресованы Софии. Скорее, советская позиция совпала с болгарской в том, что касалось предотвращения интернационализации спора и поисков его решения в ходе равноправного диалога без предварительных условий.

25 октября 1989 г., незадолго до свержения, Живков дал оценку поведения Кремля, выступая перед политбюро ЦК Болгарской компартии: «Советский Союз поддержал нас, но он поддержал нас в рамках своей глобальной стратегии. И возможно, он действует правильно. Он не отказывается от своих отношений с Турцией. И они, вероятно, правы. У нас нет поддержки. Нас никто не поддерживает. Мы сами должны себя поддерживать. Мы остались одни»²⁹. Правоту этих слов трудно оспорить. Можно добавить, что советская дипломатическая поддержка, понимаемая как открытая защита болгарской позиции, в том числе на международных форумах, отсутствовала и по другим вопросам, имевшим первостепенную важность для Болгарии, — «македонскому вопросу» и «болгарскому следу» в покушении на жизнь папы Иоанна Павла II³⁰. Москва взвешивала свою позицию на весах собственных интересов, даже если речь шла о стране, воспринимаемой как самый верный советский сателлит. В еще большей степени это почувствовалось в связи с «возродительным процессом», который СССР как многонациональное государство не одобрил. Предотвращение многосторонних инициатив, направленных против Болгарии, и посредничество (оказавшееся безуспешным) в целях проведения прямого болгаро-турецкого диалога во время острого кризиса лета–осени 1989 г. — это максимум советской защиты Болгарии. Болгарские правящие круги отдавали отчет в том, что они не могут рассчитывать на большее в условиях «перестройки» Горбачева и при все более негативном его отношении к Живкову. Поэтому они искали поддержки и в других странах, а также пересмотрели некоторые крайние позиции в политике по отношению к болгарским туркам. Эти процессы были ускорены отстранением Живкова от власти 10 ноября 1989 г. и переходом к новой политической и экономической системе и новой внешнеполитической ориентации.

Перевод с болгарского Валевоу Е.Л.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Этим термином коммунистический режим назвал попытку ассимиляции болгарских турок, начавшуюся с принудительной смены их имен. См.: *Калинова Е., Баева И.* «Възродителният процес» — върхът на

айсберга. Българската държава и турската етническа общност в страната (средата на 30-те — началото на 90-те години на XX век) // «Възродителният процес». Сб. документи / Съст. И. Баева, Е. Калинова. София, 2009. Том I. С. 5–42; *Калинова Е.* Насилствената смяна на имената на българските турци и отражението ѝ върху българо-турските отношения (декември 1984 — март 1985 г.) // България и Балканите в сферата на европейските влияния през XIX–XXI век. Велико Търново, 2012. С. 316–326.

² Массовые переселения на основе эмиграционной конвенции проходили во второй половине 1930-х годов, в период 1949–1951 гг., а также между 1969 г. и 1979 г. См.: *Калинова Е.* Изселнически практики и политиката на България (края на XIX — края на XX век) // Миграциите: Европа между историческия опит и страховете на съвременността. София, 2016. С. 111–136.

³ Централен държавен архив на Република България (ЦДА). Ф. 136. Оп. 82. А.е. 165. Л. 1–11.

⁴ ЦДА. Ф. 1Б. Оп. 68. А.е. 3698. Л. 64.

⁵ Там же. Л. 65–66.

⁶ Там же. Л. 67.

⁷ ЦДА. Ф. 1Б. Оп. 68. А.е. 3698. Л. 58.

⁸ Там же. Л. 100–101.

⁹ ЦДА. Ф. 1Б. Оп. 68. А.е. 3698. Л. 101.

¹⁰ «Възродителният процес». Т. II. С. 702.

¹¹ Архив на Министерството на външните работи (АМВНР). Оп. 46–17. А.е. 599. Л. 48, л. 30; А.е. 295. Л. 61; А.е. 181-Б. Л. 18.

¹² «Възродителният процес». Т. II. С. 685.

¹³ Там же. С. 689–695.

¹⁴ АМВНР. Оп. 46–17. А.е. 511. Л. 72.

¹⁵ Архив на Министерството на вътрешните работи (АМВР). Ф. 1. Оп. 12. А.е. 942. Л. 215.

¹⁶ АМВНР. Оп. 46–17. А.е. 684. Л. 183–184; А.е. 178. Л. 53–54.

¹⁷ ЦДА. Ф. 1Б. Оп. 63. А.е. 184. Л. 10–11.

¹⁸ Там же. А.е. 185. Л. 1–2.

¹⁹ *Гарвалов И.* Средището на възможните мисии. ООН в спомените на един български дипломат. София, 2005. С. 252.

²⁰ ЦДА. Ф. 1Б. Оп. 63. А.е. 185. Л. 3–4.

²¹ Там же. Л. 7–8.

²² В мемуарах Ив. Гарвалов утвърждава, че идея за срещи с Младенова и Йылмаза в Ню-Йорк в присъствието на Шеваднадзе принадлежи на съветскому министру иностранных дел, а Чернышев должен был ее организовать. См.: *Гарвалов И.* Средището... С. 252–253.

²³ Там же. С. 253.

²⁴ ЦДА. Ф. 1Б. Оп. 63. А.е. 188. Л. 2–5.

²⁵ *Гарвалов И.* Отношенията между България и Турция в ООН и ОССЕ в периода 1984–1989 г. През погледа на един български дипломат. София, 2014. С. 74–75.

²⁶ Там же. С. 76–79, 82–83; *Гарвалов И.* Средището... С. 255.

²⁷ ЦДА. Ф. 1Б. Оп. 63. А.е. 188. Л. 7.

²⁸ *Гарвалов И.* Средището..., С. 252.

²⁹ «Възродителният процес»... Т. I. С. 645.

³⁰ *Калинова Е.* Българо-югославските отношения 1963–1967 — опроверганите надежди // Призвание и всеотдайност. София, 2011. С. 125–141; *Калинова Е.* «Българската следа» в атентата срещу Йоан Павел Втори // *Баева И., Калинова Е.* Социализмът в огледалото на прехода. София, 2011, с. 295–348.

ВАЛЕВА Е.Л.*

ЖЕЛЮ ЖЕЛЕВ:

ФИЛОСОФ, ДИССИДЕНТ, ПРЕЗИДЕНТ

Доктор Желю Желев — знаковая фигура в истории Болгарии, человек, узаконивший демократические перемены в стране после окончания холодной войны. Лидер антикоммунистической оппозиции в конце 1980-х годов, Желев возглавил страну в трудный переходный период с 1 августа 1990 г. по 22 января 1997 г. Его активное и яркое присутствие в политической жизни страны в динамичные 1980–1990 годы, деятельность как в оппозиции, так и на высшем государственном посту привлекают к нему внимание политиков, социологов, историков и просто соотечественников-современников. Достаточно трудно ориентироваться в многообразии интервью, мемуаров и переписанных биографий. И понятно, что единомышленники и друзья всегда больше его превозносят, а политические противники приумножают минусы. Сегодня вполне отчетливо вырисовываются две прямо противоположные тенденции в отношении авторов к личности и деятельности Желева. Первая, интерпретируя поступки Желева как оппозиционера и как главы Республики Болгария, оценивает их исключительно позитивно, одобряет и до некоторой степени даже идеализирует все, им совершенное. Другая линия выражает преимущественно неодобрение и подвергает критике как личные качества, так и свойства Желева — государственного деятеля¹. Позиция автора данной статьи: несмотря на многообразие сегодняшних точек зрения на события и личности 1990-х годов, а также на их метаморфозы, многие факты остаются неоспоримыми и свидетельствуют о том, что Желев име-

* Валева Елена Любомировна — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института славяноведения РАН.

ет большие заслуги в развитии демократического процесса в Болгарии и в сохранении гражданского мира в стране в исключительно трудных и опасных условиях.

Будущий диссидент и президент родился 3 марта 1935 г. в бедной крестьянской семье в селе Веселиново Шуменской области. Закончил философский факультет Софийского государственного университета в 1958 г., в 1961–1964 гг. учился в очной аспирантуре на кафедре диалектического и исторического материализма. Некоторое время работал учителем в провинции, где вступил в 1960 г. в ряды Болгарской коммунистической партии (БКП). Будучи гимназистом и студентом, Желев с энтузиазмом воспринимал коммунистические идеи. Но вопиющее несоответствие между словами и делами, между повседневной реальностью и идеологическими миражами рождало сомнения в официальной идеологии. Его первый крупный конфликт с властями начался с абстрактного философского вопроса.

В подготовленной Желевым диссертации «Философское определение материи и современное естествознание», а также в ряде сданных в печать статей молодой ученый подверг критике марксистско-ленинскую теорию, призвав к «полному и окончательному разгрому догматизированного марксизма-ленинизма и его институтов»². Отпечатав свой диссертационный труд в 200 экз. на ротапринтере, он распространял его в кругах научной и художественной интеллигенции, за что в 1965 г. был исключен из БКП как «антимарксист и антиматериалист», а позже уволен из университета и лишен временной прописки в Софии. Диссертацию к защите не допустили. Желев поселился в селе Грозден Бургасского округа, откуда родом была его жена Мария. Над ним висел запрет на профессию и право публикаций. Такая научная изоляция продолжалась восемь лет. Все же философ остался непреклонным и оказался в числе тех немногих представителей болгарской интеллигенции, которые не пошли на компромисс с совестью.

Некоторая либерализация режима позволила Желеву вернуться в Софию в 1972 г. и получить работу специалиста-социолога в Центре художественной самодеятельности. В 1974 г. он успешно защитил кандидатскую диссертацию на тему «Возможность, действительность, необходимость», и с 1975 г. работал научным сотрудником, а с 1979 г. старшим научным со-

трудником в Научно-исследовательском институте культуры. В 1988 г. защитил докторскую диссертацию на тему «Реляционная теория личности» в Институте философии БАН.

Десятилетие 1972–1982 гг. прошло для Желева относительно спокойно. В этот период (называемый эпохой «застоя») ученый пытался издать законченный им еще в 1967 г. в селе Грозден научный труд «Фашизм», который в то время носил название «Тоталитарное государство». В нем автор подверг тщательному анализу фашистские режимы в Германии, Италии и Испании и описал их основные поведенческие принципы. Книга сразу же получила небывалый резонанс в болгарском обществе, а также за рубежом. Хотя в работе не было ни строчки против коммунизма, читателю становилось очевидным сходство характеристик обоих режимов и используемых ими методов. Красноречивы уже сами названия глав, наводившие читателя на серьезные размышления: «Сращивание государственного аппарата с партией», «Всеобщий охват населения основными организациями», «Авторитарное мышление с культом национального лидера» и т.д. «Не то же ли самое и у нас?» — такова была типичная реакция болгар, читавших книгу. Подкупал их и социальный оптимизм автора, убежденного в неизбежности распада тоталитарных систем и перехода к многопартийной либеральной демократии.

Понятно, что в условиях авторитарного режима с изданием книги возникли колоссальные трудности. На протяжении почти 15 лет Желев неоднократно предлагал свою рукопись софийским издательствам, но ее всегда возвращали под предлогом перегруженности издательских планов или из-за пресловутого отсутствия бумаги. Тем временем его работа распространялась «самиздатовским» способом, как в столице, так и в провинции. Ее первым читателем и распространителем был известный поэт-сатирик Радой Ралин. Наконец, в 1982 г. рукопись рискнуло опубликовать 10-тысячным тиражом издательство «Народна младеж»³, но... спустя три недели книга была запрещена и исчезла с полок книжных магазинов и библиотек, а изъятые экземпляры уничтожены. Правда, большая часть (около 6 тыс. экз.) уже находилась на руках у читателей. Кстати, имелась она и в советских библиотеках, в частности, в Библиотеке иностранной литературы, причем в открытом доступе.

По реакции в обществе, по эмоциональному подъему, охватившему часть интеллигенции, болгарские власти поняли, что на открытое обсуждение поставлены самые болезненные вопросы, в том числе о судьбе «социалистического строя». Последовали репрессии в отношении тех, кто был связан с изданием книги: уволили трех редакторов, строгие партийные взыскания получили рецензенты — профессора К. Василев и Н. Генчев (последнего заставили также подать в отставку и с поста декана исторического факультета Софийского университета).

Разумеется, наказанию подлежал и автор книги, но так как он был уже давно исключен из партии, оставались только административные санкции: Желева сняли с должности заведующего сектором в Институте культуры и вывели из состава Ученого совета института. Соответствующие отделы ЦК БКП организовали написание разгромной рецензии на книгу «Фашизм», которая вышла в журнале «Философская мысль» (*«Философска мисъл»*) (№ 12 за 1982 г.) под характерным названием «За научный, марксистско-ленинский анализ фашизма». Помимо обвинения, что книга написана не с марксистско-ленинских позиций, автора обвинили еще и в плагиате. Желев направил открытое письмо в редакцию, в котором требовал или извинений, или доказательств. В этот трудный момент поддержку Желеву оказали некоторые видные представители болгарской интеллигенции, при этом активные члены компартии. Они обратились к главному редактору «Философской мысли» с письмами в защиту ученого.

Интерес к книге был уже настолько велик, что действия властей лишь подливали масло в огонь. Даже никогда не читавшие политической литературы люди бросились искать работу Желева у знакомых. Книга превратилась в заметное политическое событие. Возникло спонтанное движение в защиту пострадавших редакторов и рецензентов. Книга «Фашизм» породила настоящий политический фольклор, множились слухи, сочинялись легенды, ставшие основой для политических анекдотов. В предисловии ко второму изданию своей книги (1989)⁴ Желев приводит несколько таких анекдотов. В одном из них, например, сравнивались явно несопоставимые вещи. «Что сделали народы Восточной Европы после Второй мировой войны?» — вопрошал рассказчик и сам отвечал: «Венгры в 1956 г.

подняли восстание, чехи в 1968 г. начали Пражскую весну, поляки в 1980 г. создали «Солидарность», болгары в 1982 г. издали «Фашизм»...». Разумеется, сравнение выхода книги с массовым народным восстанием или организационным оформлением диссидентских проявлений безосновательно, но показательно как своеобразный индикатор умонастроений болгарского общества.

Книга сделала Желева ярким выразителем оппозиционных взглядов, личностью, известной всей Болгарии. Неслучайно именно он возглавил зарождавшееся в стране в конце 1980-х годов диссидентское движение.

Организованное проявление недовольства социалистическим режимом, которое принято называть диссидентским движением, появилось в Болгарии лишь в конце 1980-х годов, что дало историкам основание назвать его «запоздалым»⁵. Не существовало структур идейных противников социализма — в отличие от стран Центральной Европы и СССР, отсутствовали диссидентские организации, подобные «Хартии 77» в Чехословакии, «КОС-КОР» и «Солидарности» в Польше или группам, работавшим в середине 1980-х годов над программой преобразования социалистических порядков в Венгрии. Болгарское общество не выдвинуло из своей среды организаторов борьбы с коммунистическим режимом, соответствующих духовных лидеров, не знало своего В. Гавела или Л. Валенсу, не говоря о таких масштабных фигурах, как А.Д. Сахаров или А.И. Солженицын. В стране не получили сколько-нибудь заметного распространения русофобия, антисоветизм, нередко, как это видно на примере некоторых других стран, срачивавшихся с антикоммунизмом. Не пользовалась влиянием и церковь, которая не могла претендовать на роль кристаллизующего ядра альтернативной политической субкультуры, подобно польскому Костелу. Болгарские диссиденты в большинстве своем — атеисты и люди, которым именно коммунистическая власть помогла реализоваться, подняться над их средой. Бунт диссидента в Болгарии чаще всего был результатом личного разочарования или в вождях коммунистической верхушки, или в коммунистической идеологии, или и в том и другом одновременно.

В силу своей специфики болгарское диссидентство до сих пор вызывает неоднозначные оценки, как среди болгарских, так

и зарубежных исследователей (многие авторы даже берут это слово в кавычки)⁶. Одни убеждены, что в Болгарии, в отличие от других стран Восточной Европы и СССР, диссидентства вообще не существовало или что оно возникло едва ли не после отстранения от власти Т. Живкова в 1989 г.⁷, другие называют диссидентством любое выражение недовольства режимом, будь то в форме анекдотов или «разговоров на кухне». Нам представляется справедливой позиция самого Желева: если под диссидентами понимать людей, которые не согласны с политическим режимом и открыто, публично выражают свое несогласие, тогда в Болгарии существовало диссидентство⁸. Тем не менее, до ноября 1989 г. оппозиция как реальная политическая сила в Болгарии отсутствовала. В то же время заслугой болгарских диссидентов является то, что за недолгий период своей деятельности они сумели подготовить общество к переменам, показали, что и в Болгарии ведется борьба за демократию и права человека.

Катализатором оформления диссидентского движения стали экологические проблемы: сигналы об экологической катастрофе, нависшей над пограничным дунайским городом Русе в виде хлорных выбросов химических заводов румынского города Джурджу. Общественный комитет по экологической защите города Русе (или Русенский комитет), созданный 8 марта 1988 г., считается первой неформальной протестной организацией⁹. Позже, в апреле 1989 г., как продолжение Русенского комитета, было создано Независимое общество «Экогласность», положившее начало движению «зеленых» в Болгарии. Желев принимал самое активное участие в его становлении. На собраниях, состоявшихся в Институтах философии и социологии БАН, он разъяснял цели и задачи общества, агитировал за привлечение в его ряды коллективных и индивидуальных членов. По его мнению, цель «Экогласности» состояла в том, чтобы «научить людей демократии, побудить их выходить на открытые собрания и митинги, активизировать их политическое мышление».

Создание Русенского комитета стало кульминационным моментом пробуждения в Болгарии будущего гражданского общества: впервые после 1944 г. часть интеллектуальной элиты посмела нарушить негласно заключенный с властями договор о лояльности в обмен на стабильность и обеспеченное существование. Правда, принятая в 1988 г. Июльская концеп-

ция БКП разрешила гражданам создавать неформальные организации — дискуссионные клубы и проч., но это не означало, что было безопасно поставить свою подпись под документом об образовании Русенского комитета. Тревожный для властных структур сигнал был ими услышан: уже спустя два дня после образования Русенского комитета заработал штаб в составе ответственных партийных работников для изучения фактов, связанных с созданием комитета. После того, как суд отказался зарегистрировать комитет под предлогом, что уже создан аналогичный орган (официальный, казенный) с теми же целями, структуры БКП и силы госбезопасности заставили учредителей Русенского комитета отказаться от дальнейших действий.

Первой чисто политической организацией, которая уже не скрывалась за той или иной неполитической проблемой, а открыто ставила наболевшие вопросы и призывала общество включиться в их обсуждение, стал Клуб в поддержку гласности и перестройки (впоследствии он трансформировался в Федерацию клубов в поддержку гласности и демократии). Его учредительное собрание прошло 3 ноября 1988 г. в Софийском университете, превратившемся к тому времени в центр инакомыслия.

Среди учредителей и активистов Клуба были виднейшие болгарские интеллектуалы, причем как члены БКП (профессор К. Василев, поэт Хр. Радевски), так и беспартийные, уже известные в качестве оппонентов коммунистического режима — Ж. Желев, поэтесса Б. Димитрова, писатель Р. Ралин. Председателем был избран писатель П. Симеонов. Желев был одним из основных инициаторов и организаторов Клуба, членом его оперативного бюро. Он развил большую активность, разрабатывая и распространяя основополагающие документы и материалы и привлекая новых членов. С целью защиты Клуба от репрессий со стороны властей в его руководство было включено много представительных и уважаемых фигур, академиков и профессоров, а также так называемых активных борцов против капитализма и фашизма¹⁰. Позже Желев признавал, что «активные борцы» были выведены на передовую вполне сознательно: «Я хотел, чтобы мы создали оппозиционную организацию, с которой режим не мог бы справиться и которая стала бы прикрытием для других организаций <...> Для этого была

необходима широкая политическая спина “активных борцов”, против которых режим не имел ни морального, ни политического права действовать»¹¹.

Документы БКП, в которых анализируется сам факт создания Клуба и его деятельность, демонстрируют беспомощность и озлобление властей. Так, в справке Софийского комитета БКП от 28 февраля 1988 г. говорилось, что позиция Клуба находится «в грубом противоречии с партийным пониманием социалистического плюрализма», что в ходе проводимой партией перестройки нашлись люди, «превратно понимающие созданные условия для демократизации нашего общества, стремящиеся занять позиции в обществе, руководствуясь своими личными корыстными интересами»¹². Однако властям не удалось задуть Клуб в поддержку гласности и перестройки в зародыше, как это было сделано с Русенским комитетом.

Исследователь болгарского диссидентства проф. И. Баева полагает, что создание Клуба в поддержку гласности и перестройки знаменует собой новый этап в разделении болгарского общества накануне переходного периода. Если до 1988 г. можно было говорить лишь о молчаливом, пассивном или индивидуальном несогласии с властями, то с возникновением Клуба оформилась группа критиков режима, публично выражавших свои позиции¹³. Клуб подготовил почву для общественного противостояния режиму Живкова, которого открыто называли помехой на пути демократизации.

Клуб в защиту гласности и перестройки, остро реагировавший на все, что происходило в зарождавшемся оппозиционном движении, стремился стать объединительным центром ранее существовавших и новых диссидентских организаций. В сентябре состоялась встреча представителей Клуба, Независимого профсоюза «Подкрепа» («Поддержка»), «Экогласности», Союза репрессированных, Независимого общества в защиту прав человека, показавшая, что болгарские диссиденты уже осознавали необходимость совместных действий. В начале ноября 1989 г. на собрании Клуба Желев открыто выдвинул идею объединения всех неформальных структур в общий фронт борьбы за демократию¹⁴.

Во время проходившего с 16 октября по 3 ноября 1989 г. в Софии международного Экофорума «неформалы» органи-

зовали в центре Софии сбор подписей против одного из правительственных проектов и были жестоко избиты милицией на глазах у иностранных журналистов. 3 ноября 1989 г. состоялась первая за 45 лет болгарского социализма массовая демонстрация протеста, участники которой (около 4 тыс. чел.) впервые скандировали слова «Демократия» и «Гласность»¹⁵. Буквально через неделю, 10 ноября, Живков был отстранен от власти на пленуме ЦК БКП.

Во время проведения Экофорума Желев особенно активизировал свою деятельность. Он установил и поддерживал тесные контакты с руководителями всех неформальных структур, которые согласовывали с ним свои намерения и действия, присутствовал на большинстве их мероприятий. Понятно, что Желев и руководимый им Клуб находились в центре внимания западных радиостанций. В интервью радиостанциям «Дойче велле» («Немецкая волна»), «Свободная Европа», «Би Би Си» и «Голос Америки», а также на встречах с иностранными дипломатами Желев открыто заявлял, что он убежден в крахе социализма как системы и что необходимо создать в стране «многопартийность и вернуть частную собственность», так как существующее государство предоставляет «экономическую основу для бесконтрольной власти партии». Еще в мае 1989 г. в интервью корреспонденту «Свободной Европы» Желев зачитал «Декларацию об основных принципах гласности и перестройки в Народной Республике Болгария», содержащую требования правового государства, политического плюрализма, свободы слова и информации, свободы объединений, равноправия национальных меньшинств. 12 мая Клуб внес эту декларацию, которую подписало более 120 человек, в парламент страны¹⁶.

Понятно, что подобная активность и огромная популярность Желева не могли не привлечь внимания болгарских спецслужб. Еще в октябре 1983 г. органы госбезопасности Болгарии начали его оперативную разработку под кодовым названием «Философ». Весной 1989 г. Шестое управление Комитета государственной безопасности при Министерстве внутренних дел НРБ (внутренняя безопасность и политический сыск) предложило Главному следственному управлению начать против Желева предварительное следствие по ст. 273 Уголовного кодекса — антигосударственная деятельность. Только ускоривши-

еся перемены в Советском Союзе, в Центральной Европе и в самой Болгарии сорвали намечавшийся судебный процесс...

По требованию Политбюро ЦК БКП Комитет госбезопасности Болгарии подготовил 4 ноября 1989 г. подробную справку о Желеве. В ней отмечалось, что «в разговорах со своими близкими и знакомыми Желев развивал чуждые марксизму-ленинизму идеи и взгляды по поводу научного, культурного и социально-экономического развития страны. Злословил, что существуют два типа социализма — научный и реальный, причем научный не является реальным, а реальный не является научным. Социализм в нашей стране имел, якобы, два этапа: первый — ошибки роста и второй — рост ошибок, на котором мы в настоящее время и находимся»¹⁷. В справке констатировалось, что в условиях происходящей в Болгарии перестройки Желев по различным поводам и в разных кругах неоднократно выражал негативное отношение к социалистической действительности. Считал, что в Болгарии «перестройка — это перепечатка» и существуют «гласность и властность». Заявлял, что право голоса завоевывается в борьбе и что он «всегда готов на свой страх и риск выступить с декларацией, “письмом”»¹⁸.

После пленума ЦК БКП 10 ноября 1989 г. в Болгарии в считанные месяцы сформировалась мощная оппозиция, для которой отставка Живкова была лишь первым шагом к более глубокой трансформации политической системы. Об этом свидетельствовал первый митинг «неформальных организаций» во главе с Клубом в поддержку гласности и перестройки, Конфедерацией труда «Подкрепа» и «Экогласностью», проведенный 18 ноября 1989 г. в центре Софии и собравший около 100 тыс. человек. Главными ораторами на нем были Ж. Желев, П. Симеонов, Б. Димитрова, Р. Ралин и другие диссиденты.

1–2 декабря того же года Клуб в поддержку гласности и перестройки провел общее собрание уже в новых условиях. В докладе его неформального лидера впервые открыто говорилось о чисто политическом характере этой организации, о её будущем в качестве «политического движения болгарской интеллигенции за демократию и демократическую перестройку современной Болгарии». В принятой резолюции четко просматривалось намерение руководства Клуба разработать общую программу для всех диссидентских организаций, кото-

рые уже вели конкретные переговоры об объединении¹⁹. Фактически, идеи Клуба, его деятельность были нацелены на формирование реальной политической альтернативы БКП.

Тем не менее, до создания объединенной оппозиции ни одно из новых общественно-политических формирований не могло составить самостоятельную конкуренцию БКП, насчитывавшей более 980 тыс. членов и имевшей разветвленную сеть местных организаций²⁰. Появлением на политической сцене действительно влиятельной антикоммунистической оппозиции в Болгарии считается создание 7 декабря 1989 г. коалиционного Союза демократических сил (СДС). Председателем Национального координационного совета СДС был избран Ж. Желев. В Учредительной декларации СДС не ограничивался общими требованиями политического плюрализма, правового государства, рыночной экономики (надо заметить, что такие же термины вскоре стали широко использоваться и в новых документах БКП). В Декларации провозглашались и более конкретные цели: равноправие всех форм собственности перед законом; новое трудовое законодательство и создание независимых профсоюзов; принятие новой демократической конституции; проведение демократических выборов в Народное собрание; полная, без каких-либо ограничений, свобода слова, печати, собраний и объединений и др.²¹.

Роль СДС в развитии политических процессов в Болгарии неуклонно возрастала. Итогом нескольких бурных недель ежедневных митингов, шествий и демонстраций стали созыв национального «круглого стола» (НКС) для диалога между властью (в феврале 1990 г. образовалось однопартийное коммунистическое правительство) и оппозиционным СДС, отмена первого параграфа конституции, закреплявшего руководящую роль БКП в обществе, восстановление гражданских свобод и свободы печати, подготовка первых свободных парламентских выборов. Начавшийся с конца 1989 г. бурный процесс политизации и поляризации болгарского общества привел к тому, что за короткое время в стране сформировалась двухполюсная политическая система из противостоявших друг другу БКП/БСП²² и оппозиционного союза — СДС.

Декларация о роли и статусе НКС провозглашала целью «круглого стола» «осуществление мирного перехода от тоталитаризма к демократии».

литарного к демократическому общественному устройству»²³, то есть трансформацию политической системы. Заседания НКС проходили в январе–мае 1990 г. в обстановке острого противоборства по всем обсуждавшимся вопросам. Делегацию оппозиции возглавлял Ж. Желев, БКП — новый лидер партии А. Лилев. После долгих дебатов были оформлены договоренности о мирном переходе к демократии и плюралистической политической системе, о введении института президентства, о роспуске партийных организаций по месту работы и деполитизации армии, МВД, органов госбезопасности, суда, прокуратуры, МИД, о порядке созыва Великого народного собрания для принятия новой Конституции, о порядке проведения свободных демократических выборов. Однако несмотря на то, что стороны достигли принципиальных договоренностей по фундаментальным идеологическим вопросам, не были разработаны механизмы по их реализации, что обусловило сохранение противостояния основных политических сил.

Позже Желева обвиняли, что его слова о двух сторонах «круглого стола» способствовали поляризации общества и рождению двухполюсной политической модели. Во вступлении к публикации стенографических протоколов заседаний НКС Желев так ответил на эти обвинения: «НКС по необходимости был вынужден иметь две стороны (правящие и оппозиция), поскольку при иной конфигурации состава участников он превратился бы в говорильню и никогда не проделал бы той огромной работы по разрушению тоталитарной системы, которую он реально осуществил <...> Лучше, когда проблемы решаются за круглым столом, а не гражданской войной»²⁴.

В политической автобиографии Желев писал, что «круглый стол», на котором были намечены параметры мирного перехода к демократии, представлял собой самое большое достижение в новейшей истории Болгарии²⁵. Но у Желева был и личный повод для гордости: наконец-то власть не только выслушала его, но и признала его право на инакомыслие. Путь диссидента закончился. Начался путь политика и президента.

НКС положил начало фактическому перераспределению власти между БСП и оппозицией. Уже во время заседаний НКС оппозиция остро критиковала всевластие коммунистов во всех сферах экономики и политики. Положение СДС в обще-

стве как главной антикоммунистической политической силы значительно укрепилось. Число его сторонников молниеносно выросло, особенно среди молодежи. Надо при этом отметить, что в СДС приходили люди, несогласные с прошлым, но не обладавшие необходимыми политическими качествами и навыками. Фактически в СДС сразу же стали формироваться три группировки: умеренно-центристская, склонная к диалогу с БСП для обеспечения мирного перехода к новым порядкам; правоцентристская, стремившаяся противостоять БСП; радикально-экстремистская.

10 и 17 июня 1990 г. в Болгарии состоялись первые за послевоенное время свободные и демократические выборы в Великое народное собрание (ВНС). Фактически они приобрели характер референдума «за» или «против» существующей системы. В выборах участвовали 40 партий, коалиций, движений. Победу одержала БСП, получившая абсолютное большинство — 211 депутатских мандатов из 400. СДС досталось 144 мандата. Председателем парламентской группы СДС стал Желев. Голосование показало, что БСП продолжает пользоваться немалым авторитетом, особенно в провинции и в селах. Сравнительно низкий результат СДС был для многих разочарованием, он контрастировал с убедительной победой антикоммунистических сил в Центральной и Юго-Восточной Европе. Такие результаты были связаны с тем, что оппозиции не хватило времени для формирования электората, достаточного для противостояния БСП, а также общей неготовностью болгарского общества к переменам: в сознании болгар среднего поколения еще присутствовали воспоминания, связанные с завоеваниями «реального социализма». Выполнив свою главную задачу — принятие новой, демократической конституции, ВНС приняло 2 октября 1991 г. решение о самороспуске.

Бесспорная роль Ж. Желева не только в формировании болгарской оппозиции, в разработке ее стратегии и тактики на первых свободных выборах, но и в определении вектора переходного периода в Болгарии принесла ему известность и признание.

1 августа 1990 г. новый парламент избрал его президентом страны. Парадоксально, но противник коммунизма стал главой государства, где коммунисты все еще располагали большинс-

твом в парламенте: между БСП и СДС был достигнут исторический компромисс. Для демократов Желев являлся несомненным моральным авторитетом, носителем перемен и свобод. Коммунисты же видели в нем человека, обязанного им своим профессиональным ростом, с которым можно договориться о сохранении своей власти. БСП поддержала Желева в противовес кандидатуре Петра Дертлиева, председателя влиятельной социал-демократической партии — БСДП (слившейся под нажимом коммунистов с компартией в 1948 г. и возродившейся теперь как оппозиционная). У Дертлиева был немалый организационный опыт и авторитет, поэтому БКП сочла его потенциально более опасным оппонентом, чем Желева, который воспринимался как беспартийный и «мыслящий глобальными категориями»²⁶. Впоследствии это обстоятельство послужило поводом к обвинению Желева в сговоре с БСП и в предательстве.

Президент Желю Желев останется в истории как самый атакуемый «своими» же, вчерашними союзниками. Во-первых, он занял пост в наиболее бурные годы переходного периода. Свобода вроде бы пришла, но правительство вновь составили коммунисты. Параграф первый Конституции о руководящей роли БКП отпал, но крупные структуры и институты бывшей власти сохранились. Вся собственность оставалась государственной и с небольшими исключениями контролировалась прежней партийно-государственной элитой. Во-вторых, мандат Желева совпал по времени с восходом и расцветом экстремизма в СДС, когда начались раздоры в самой «синей» коалиции (синий — цвет СДС, оппозиции).

С начала 1990-х годов Болгария переживала системную трансформацию, охватившую все сферы: политическое и экономическое устройство, внешнеполитическую ориентацию, культурную политику, социальные отношения. Отметим, что с 1990 по 2014 год в постсоциалистической Болгарии девять раз проводились парламентские выборы, из них пять раз досрочно. Было сформировано 16 составов правительства, общей чертой которых являлось более или менее выраженное стремление к либеральным методам руководства. Однако ни наследница компартии БСП, ни СДС, чередовавшиеся у руля правления, так и не сумели разработать четкой стратегии для решения серьезных национальных проблем.

На первых прямых президентских выборах (согласно новой Конституции) в январе 1992 г. за Желева проголосовало более двух с половиной миллионов болгар (44,66% голосов в первом туре и 52,85% во втором); шесть месяцев спустя партия, которую он основал, изгнала его из своих рядов, организовывала митинги, требуя отставки.

Его конфликт с СДС начался после того, как 30 августа 1992 г. во время пресс-конференции, запомнившейся под названием «Боянские ливады» по месту ее проведения (на поляне в президентской резиденции «Бояна»), Желев остро раскритиковал правительство Ф. Димитрова (первый кабинет без коммунистов), чья бескомпромиссность при проведении рыночных реформ осложнила его отношения с общественностью, президентом, профсоюзами, парламентариями. В обстановке растущего политического напряжения в конце октября 1992 г. Димитров был вынужден подать в отставку. Термин «Боянские ливады» стал нарицательным для обозначения конфликта между президентом и правительством, приведшего к провалу первого кабинета СДС и положившего начало тяжелому политическому кризису.

То, что Желев способствовал падению кабинета своей собственной партии, вызвало мощную волну недовольства в руководстве СДС (к тому времени в Союз пробралось много карьеристов, экстремистов, агентов госбезопасности). Желев не был рьяным антикоммунистом, он был истинным демократом, и в этом причина его столкновения с правым руководством Союза. Он оказался «белой вороной» в СДС, одним из немногих его членов, которые понимали, что БКП/БСП не представляет собой монолитную массу, видели человека за партийным билетом. Президента Желева обвиняли в том, что он предпринял коварный, предательский шаг против своих единомышленников, поскольку-де не мог больше управлять СДС закулисно, а его прежняя зависимость (от БКП) становилась все более явной. Началась кампания СДС по очернительству Желева. Его называли ставленником БКП и предателем²⁷. Он обвинялся в том, что своими действиями или бездействием направил переходный процесс в нужное коммунистам русло, чтобы они смогли трансформировать свою политическую власть в экономическую. В результате массивной пропаганды ру-

ководства СДС Желеву стали инкриминировать и то, что он признал «фальсифицированные» результаты выборов в ВНС 1990 г., не дал провести люстрацию, начал нескончаемый «круглый стол», позволивший коммунистам сохранить свои позиции²⁸. (Кстати, под конец жизни сам Желев считал, что в первые годы демократизации нужно было действовать более решительно). Критики настаивали, что нужен был не мирный переход, за который ратовал Желев, а решительные действия против БКП, чтобы покончить с ней раз и навсегда. Заметим, что подобные настроения сохраняются у части болгарского населения и поныне.

Столкновение с СДС в 1992 г. отразилось на Желеве крайне негативно: его энергия и оптимизм уступили место усталости и скептицизму. С целью отстранения Желева от власти в ходе подготовки к очередным президентским выборам в 1996 г. правые политические силы организовали предварительные выборы («праймериз»). Ставший одновременно подозрительным и податливым внушениям, президент позволил загнать себя в эту ловушку и с треском проиграл малоизвестному тогда адвокату и бывшему заместителю министра П. Стоянову. После провала Желев снял свою кандидатуру. 3 ноября 1996 г. президентом Болгарии был избран П. Стоянов. В очередной раз подтвердилась историческая истина, что «революция пожирает своих детей».

Не желая быть рядовым членом СДС, Желев создал партию Либеральная альтернатива, но она не прошла в парламент на выборах в апреле 1997 г. С тех пор он не принимал активного участия в болгарской политике. С 1993 г. являлся патроном Либерального интернационала. Два срока занимал пост президента Балканского политического клуба, основанного 26 мая 2001 г. по его инициативе. В учредительном собрании под лозунгом «Европеизируем Балканы» тогда приняли участие президенты И. Илиеску, С. Демирель, Э. Константинеску, К. Глигоров, а также политические лидеры Боснии и Герцеговины, Греции, Албании, Республики Македония, Турции. В январе 1997 г. Желев создал и возглавил фонд «Д-р Желю Желев». Одним из приоритетов деятельности фонда являются поиски, систематизация и публикация аутентичных документальных материалов, связанных с предысторией и началом демокра-

тического процесса в Болгарии. Деятельность фонд осуществляет через долгосрочную программу «Президентская библиотека», выпустившей уже девять книг (в настоящее время фонд возглавляет старшая дочь Желева Станка).

Д-р Желю Желев награжден самой высокой государственной наградой Болгарии — Орденом «Стара планина» I степени, а также множеством академических и государственных наград как в своей стране, так и за рубежом.

30 января 2015 г., за месяц до своего 80-летия Желю Желев внезапно скончался и был единодушно провозглашен болгарской политической элитой истинным объединителем нации, на редкость скромным политиком, сторонником компромисса и консенсуса. Был объявлен день национального траура. В письме близким Желева с выражением соболезнования тогдашний президент Болгарии Р. Плевнелиев написал, что первый демократически избранный президент является «символом мирного перехода, толерантности и поисков национального согласия».

* * *

Желю Желев — противоречивая личность, как противоречив и болгарский переход от тоталитаризма к демократии. Как уже отмечалось, разноречивы и оценки президента Желева. Для одних он — герой, для других — предатель демократии. Одни считают его мягким, уступчивым, склонным к диалогу, скромным и равнодушным к благам власти, другие — мягкотелым, завистливым, трусливым и властолюбивым. Многие заблуждались в отношении Желева — политика и человека. Часто он казался нерешительным и колеблющимся — значит, считали его критики, подвержен влияниям; неопытным — следовательно, склонен к ошибкам. Многие современники явно недооценивали личность и поступки Желева. Но близкое окружение понимало сложность его характера и неоднозначность действий. «Он кажется уступчивым, но у него есть позиции, от которых он никогда не отступит, и хотя он отказывается мягко, но с непреклонностью», — подчеркнула одна его сотрудница²⁹.

Болгарский историк И. Баева считает, что главная заслуга Желева состоит в утверждении в Болгарии политического

плюрализма. Как человека и президента Желева характеризовало уважение к людям, к разнообразию их мнений, к плюрализму идей. Другое его качество — последовательность и убежденность в своих действиях. Последовательность не агрессивная, не обязательно сопровождающаяся борьбой, а спокойное, твердое отстаивание своих позиций. Это был самородный болгарский политик, по внешнему виду, по манере говорить, по поведению — скорее человек из народа, чем представитель политической элиты³⁰.

Положение Желева при вступлении на пост президента оказалось весьма деликатным — ему предстояло стать президентом всех болгар, не раздражая социалистов, но и не предавая оппозицию; ослабить коммунизм и укреплять страну в то время, когда они еще были объединены в партию-государство. И все это при наличии враждебного парламентского большинства. В отличие от Младенова, Луканова и других своих оппонентов-социалистов, опытных игроков в политике, Желю Желеву пришлось выйти на сцену политического театра без единой репетиции. Поэтому ошибки были неизбежны, однако ни одна из них не оказалась фатальной, что бы там ни говорили социалисты. В некоторых же случаях он проявил исключительное политическое чутье. Его молниеносная реакция на московский путч в августе 1991 г. повысила международный авторитет Болгарии — он единственный из глав государств, прорвав информационную блокаду, сразу же позвонил Б.Н. Ельцину с выражением своей поддержки³¹. По его настоянию Болгария первой признала Республику Македония, оказала ей моральную поддержку при интеграции в Европейский союз. За это Желев был награжден высокой македонской наградой — орденом «8 сентября».

Для нации Желев часто выступал на начальном этапе своего президентства не только как политическая, но и как моральная инстанция. Он, не колеблясь, защитил Великое народное собрание, когда в связи с принятием новой Конституции «синие» заклеили его как коммунистическое. Отказался утвердить закон о скандально высоких пенсиях депутатов парламента, поддержанный, естественно, всеми парламентскими фракциями. В отличие от многих представителей новой политической элиты не соблазнился благами, которые сулила власть: долгое

время продолжал жить в съемной двухкомнатной квартире и, к ужасу охраны, нередко ходил на работу пешком. Но уже вскоре после победы на президентских выборах в 1992 г. Желеву пришлось шаг за шагом идти на уступки парламентскому большинству. Законы, которые он отклонял, всегда можно было вновь поставить на голосование. Его заставили сменить команду, он не сумел отстоять своих старых соратников. Он боролся, но Конституция страны осудила его на проигрыш при любом противостоянии с Народным собранием (Болгария — парламентская республика). «Я не хочу быть президентом-марионеткой», — сказал как-то Желев. Политика, однако, является искусством возможного, а возможности часто расходятся с пожеланиями даже президентов. Политик рано или поздно должен выбирать между верностью принципам и властью. Желев же долго питал иллюзию, что существует четкое разграничение между принципиальными и тактическими, временными, компромиссами. Власть все больше «приручала» его с помощью аргументов в пользу «целесообразности» и «политической конъюнктуры»³².

В журналистике нередко проводится параллель между В. Гавелом и Ж. Желевым, порой его даже называли «болгарским Гавелом», впрочем, с акцентом на слове «болгарский». Вероятно, тем самым признается, что Гавел все же стоит значительно выше болгарского диссидента и как гражданин, и как писатель, и как мыслитель, и как международный авторитет³³. Желев, например, избежал тюремного заключения, в отличие от Гавела или многих диссидентов в Чехословакии, Польше, Румынии, Венгрии («живковизм» ограничивался «мягкими» мерами — выговорами по партийной линии, увольнением с работы, высыланием из столицы). И в сегодняшней Болгарии немало таких, кто сокрушается: нет у нас таких личностей, как Гавел! Есть крестьяне-марксисты, перестройщики...

Тем не менее, эта параллель имеет некоторые основания. В Болгарии антикоммунистическое сопротивление началось в рядах интеллигенции, как и в Чехословакии, а не среди рабочих, как в Польше. Поэтому вполне естественно, что падение социалистического режима выдвинуло на первый план лидеров-интеллигентов, а не профсоюзных деятелей. Лозунг «Из диссидентов — в президенты!» звучал почти одновременно на

митингах в ноябре 1989 г. в Праге и в Софии. Однако на последнем этапе пути диссидентов-президентов Гавела и Желева, до поры до времени схожие, окончательно разошлись. Гавел предпочел свободу критического наблюдателя перед принуждением поступать так, как он не желает.

Желю Желев — философ, который стал политиком по стечению обстоятельств. В период его президентства Болгария переживала трудные времена: небывалый расцвет коррупции, появление преступных группировок, пробуксовка реформ, разграбление государственной собственности бывшей коммунистической номенклатурой, гиперинфляция и тяжелый экономический кризис зимой 1996/1997 г. при правительстве социалиста Ж. Виденова... В последней своей книге «Мифы и легенды о болгарском переходном периоде» Желев писал, что «ни у кого не было иллюзий, что переход от коммунизма к демократическому обществу с правовым государством и рыночной экономикой будет легким и безмятежным, но едва ли кто-нибудь предполагал, что он будет таким трудным и мучительным»³⁴. Автор анализирует свои отношения с другими знаковыми фигурами периода трансформации, а также обвинения в их адрес, но заканчивает оптимистично: «Так или иначе, но мы, совершившие нежные революции мирным и бескровным путем, оказались счастливым поколением политиков. Когда я говорю “мы”, я имею в виду Валенсу, Гавела, Арпада Генца, Шушкевича, Акаева, собственную милость и других политических лидеров»³⁵.

Переход из диссидентов в оппозицию, а затем — в управляющие оказался серьезным испытанием для болгарских «неформалов». Диссидент, выдержавший проверку властью, всегда заслуживает уважение. Желев пришел во власть, потому что стремился к ней — как и всякий политик. Но не с целью обогащения, а чтобы использовать ее рычаги для изменения государства и общества, чтобы реализовать свою главную цель — обеспечить ненасильственный переход от коммунистического режима к демократической многопартийной системе. Можно спорить о том, как выполнил Желю Желев свою задачу — лучше или хуже, какие пережил драматические столкновения со своими и чужими, на какие непростые компромиссы пошел, какие опасные повороты на скользком поли-

тическом льду Болгарии преодолел. Но сегодня большинство политиков и простых болгар сходятся во мнении, что в истории Болгарии доктор Желев останется одним из тех, благодаря кому при всех неудачах и ошибках на трудном пути трансформации страна ни разу не свернула с дороги демократии и гражданского мира.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: В света на огледалата. Сборник материали «за» и «против» д-р Желю Желев от вестници, списания и книги. Фондация «Д-р Желю Желева». София, 2007.

² Подробен см.: *Симеонов П.* Голямата промяна. 10 XI 1989–10 VI 1990. Опит за документ. София, 1996.

³ *Желев Ж.* Фашизмът. София, 1982.

⁴ В 2012 г. увидело свет третъе издание книги под названием «Тоталитарные близнецы: “Фашизм” тридцать лет спустя».

⁵ *Калинова Е., Баева И.* Българските преходи 1939–2005. София, 2006. С. 231.

⁶ См., например: *Христова Н.* Историографски интерпретации на проблема «българско дисидентство» // Предизвикателствата на промяната. Национална научна конференция. София, 10–11 ноември 2004 г. София, 2006. С. 324–330.

⁷ На пленуме ЦК БКП 10 ноября 1989 г. часть партийной номенклатуры во главе с А. Лукановым и П. Младеновым отстранила Живкова от власти, надеясь укрепить позиции компартии и свои личные, воспользовавшись славой реформаторов. В отличие от других стран Центральной и Юго-Восточной Европы, болгарский переходный период начался как внутривластный переворот, сыгравший роль катализатора назревавших в стране событий.

⁸ *Иванова Е.* Българското дисидентство. 1988–1989. София, 1997. Част 1. С. 36.

⁹ Русенският комитет. Документален сборник с материали от Централен държавен архив и архива на Общественият комитет за екологична защита на град Русе. София, 2002.

¹⁰ Привилегированная прослойка в болгарском обществе времен социализма, аналогичная «старым большевикам» в СССР.

¹¹ Цит. по: *Иванова Е.* Българското дисидентство. С. 59.

¹² Шесто управление срещу неформалните организации в България 1988–1989 г. София, 1999. С. 116–117.

¹³ *Баева И.* Създаване на Клуба за подкрепа на гласността и преустройството и ролята му за началото на прехода — 1988–1989 г. // Известия на държавните архиви. София, 2004. Т. 87. С. 3–32.

¹⁴ *Симеонов П.* Голямата промяна. 10 11 1989–10 06 1990 (опит за документ). София, 1996. С. 626.

¹⁵ Независимо сдружение Екогласност 1989 г. / Съставители Л. Александриева, А. Каракачанов. София, 2009. С. 167–168.

¹⁶ Подробен см.: *Валева Е.Л.* Инакомыслие и оппозиция в Болгарии в 1980-е годы // *Славяноведение*. 2012. № 5; *Она же*. Клуб в поддержку гласности и перестройки в Болгарии // *Славянский мир в третьем тысячелетии*. Сб. статей. М., 2013. Книга 2. С. 19–31.

¹⁷ *Анатомия конфликтов: Центральная и Юго-Восточная Европа: Документы и материалы последней трети XX века*. СПб., 2013. Т. II: Вторая половина 1980-х — начало 1990-х годов. С. 180–184.

¹⁸ *Симеонов П.* Голямата промяна. С. 622–626.

¹⁹ *Баева И.* Създаване на Клуба за подкрепа на гласността и преустройството. С. 18.

²⁰ Работническо дело. 1990. 31 януари.

²¹ Демокрация. 1990. 9–10 февруари.

²² На прошедшем в апреле 1990 г. референдуме было принято решение переименовать БКП в социалистическую партию — БСП.

²³ *Кръглата маса: Стенографски протоколи* (3 януари — 15 май 1990). София, 1990.

²⁴ Там же. С. 11.

²⁵ *Желев Ж.* Въпреки всичко. Моята политическа биография. София, 2005.

²⁶ <http://www.temanews.com/index.php?p=tema&iid=849&aid=19150>

²⁷ Несколько месяцев спустя, в 1993 г. дочь Желева Йорданка покончила с собой. Желев считал, что одним из мотивов самоубийства стала его травля после «Боянских ливад», поскольку девушка была очень чувствительной.

²⁸ <http://www.faktor.bg/politika/na-vseki-kilometar/31198-29-oktomvri-sds-obyavyava-zhelyu-zhelev-za-predatel.html%7D29>
<http://krumblagov.com/portraits/jelev.php>

³⁰ <http://focus-news.net/opinion/2015/02/01/31674/prof-iskra-baeva-d-r-zhelyu-zhelev-e-povratna-lichnost-za-istoriyata-na-balgariya-chovekat-koyto-legitimira-parvite-demokratichni-promeni-v-balgariya-sled-kraya-na-studenata-voyna.html>

³¹ <http://www.temanews.com/index.php?p=tema&iid=849&aid=19150>

³² <http://krumblagov.com/portraits/jelev.php>

³³ Там же.

³⁴ *Желев Ж.* Митове и легенди за български преход. София, 2014.

³⁵ Там же. С. 201.

БАЕВА И.*

**БОЛГАРИЯ В 1985–1991 гг. –
ОТ САМОГО ВЕРНОГО СОВЕТСКОГО
САТЕЛЛИТА ПРИ ТОДОРЕ ЖИВКОВЕ
К ПОВОРОТУ НА ЗАПАД
И НАЧАЛУ ДЕМОКРАТИИ**

На протяжении всего послевоенного периода Болгария занимала целиком просоветские позиции в сформированном по воле СССР Восточном блоке. Эта политическая линия Болгарской компартии (БКП) была традиционной, она опиралась на широко распространенное в болгарском обществе русофильство (несмотря на то, что в официальной Болгарии имелась и сильная русофобская группа, которая привела страну к участию в двух мировых войнах в составе коалиций, воевавших против России/СССР). Еще при Г. Димитрове (возглавлявшем страну до 1949 г.), болгарском коммунисте с наибольшим влиянием в международном коммунистическом движении, Болгария занимала позиции, близкие советским, но во время управления Т. Живкова (1956–1989 гг.) была разработана целостная стратегия, направленная на то, чтобы социалистическая Болгария стала самым близким и верным советским сателлитом¹. Она последовательно проводилась в жизнь с начала 1960-х до середины 1980-х годов и обеспечивала значительные финансовые и экономические преимущества Болгарии в рамках Восточного блока — щедрые кредиты, более крупные советские поставки сырья и энергоносителей, субсидированные цены на экспортируемую в Советский Союз сельскохозяйственную продукцию и др.².

Ситуация начала меняться уже в первой половине 1980-х годов, когда после смерти Л.И. Брежнева на короткий период

* Баева Искра — доктор истории, профессор исторического факультета Софийского университета им. Климента Охридского.

КПСС возглавил Ю.В. Андропов, который попытался навести дисциплину во взаимоотношениях внутри блока и прекратить финансовые и экономические «подарки» для таких стран, как Болгария. Этот период длился относительно недолго, процесс приостановился при К.У. Черненко, но с избранием в марте 1985 г. относительно молодого и амбициозного М.С. Горбачева (воспринимавшегося как политик из окружения Андропова) на пост Генерального секретаря ЦК КПСС поворот в советской политике по отношению к Болгарии остался незабываемым. С этими внешнеполитическими рамками Болгарии пришлось сообразовываться в последние годы существования Восточного блока в Европе и советской модели в Болгарии.

Экономическая ситуация, в которой Болгария находилась в начале 1980-х годов, была трудной. С начала 1970-х годов страна начала поворачиваться лицом к Западу. Прежде всего, в сфере культуры³, но истинная цель открытия Западу — экономический поворот ради модернизации предприятий⁴, построенных в годы индустриализации и имеющих устаревшие советские технологии, а также закупки современных западных лицензий для того, чтобы сделать болгарское производство конкурентоспособным⁵. В этот момент Болгария столкнулась и с негативными последствиями роли ближайшего союзника СССР. На Западе ее включили во все ограничительные списки типа КОКОМ, а также в текст поправки Джексона–Вэника, принятой Конгрессом США, которая ставила расширение экономических отношений США с другими странами в зависимость от политических условий⁶. И если в предыдущий период ограничения Запада не имели особого значения для болгарской экономики, поскольку более чем на 80% она ориентировалась на СССР и СЭВ, то в 70-е и 80-е годы XX в. при попытках болгарских властей повернуть болгарскую экономику лицом к западным технологиям и рынкам эти ограничения начали сказываться все более остро и болезненно. Видимым выражением трудностей стал растущий внешний долг Болгарии, который в конце 1970-х годов достиг 4,5 млрд долларов. Данная тенденция не являлась болгарской спецификой, это было характерно для всех стран Восточной Европы, попавших в так называемый долговой капкан. Более того, на фоне польской и венгерской внешней задолженности болгарский долг вроде бы не вызывал тревоги, но

для Болгарии он оказался особенно тяжел, поскольку ее экономика имела более слабые связи с Западом и с большим трудом приобретала валютные средства.

В качестве первой реакции на экономические трудности 1980-х годов болгарское политическое руководство попросило СССР сократить определенную для Болгарии долю импорта советского военного производства. В октябре 1983 г. министр обороны Болгарии Д. Джуров в письме к министру обороны СССР Д.Ф. Устинову обосновал просьбу об отказе от импорта части военной продукции тяжелой экономической ситуацией в Болгарии: «Создалось такое положение, при котором НРБ не знает, как выполнить план на данный год, каковы будут конкретные результаты наших экономических взаимоотношений»⁷. В конце концов Болгария не отказалась от импорта советской военной техники, но получила возможность сделать это за счет советского кредита, выплата которого откладывалась до 1991 г.⁸. В апреле 1984 г. министр иностранных дел Петр Младенов принял участие в заседании Комитета министров иностранных дел стран Варшавского договора в Будапеште, где он поддержал советское желание «зеркального» ответа на размещение американских ракет в Западной Европе, то есть развертывания советских ракет с ядерными боеголовками в Восточной Европе⁹. Только румынский представитель имел иную позицию как по развертыванию ракет, так и по польскому предложению продлить срок действия Варшавского договора. Болгарская делегация действовала синхронно с советской и в ходе дискуссий на Стокгольмской конференции по мерам укрепления доверия и безопасности и разоружению в Европе, которая состоялась в 1984 г.¹⁰.

Очередное заседание Политического консультативного комитета Варшавского договора состоялось в Софии 22–23 октября 1985 г. Это происходило в изменившейся обстановке, благодаря Горбачеву, который выступал за улучшение отношений с Западом. Это видно также из названия принятого Заявления «За устранение ядерной угрозы и поворот к лучшему в европейских и мировых делах»¹¹. На софийском заседании Живков выступил со следующей инициативой: Болгария вместе с Румынией предложит сделать Балканы зоной, свободной от химического оружия¹², в развитие предыдущей идеи превращения

региона в безъядерную зону¹³. Но в то же время Живков выступил против румынского предложения заморозить военные расходы и численность армий с их последующим сокращением с 10 до 15%¹⁴. Обращает на себя внимание, что в начале 1980-х годов Болгария сама просила разрешения у Советского Союза сократить свои военные расходы, но отвергла подобное предложение, когда в 1985 г. его сделала Румыния. Тем самым Болгария в очередной раз продемонстрировала свою позицию сателлита несмотря на отсутствие советских войск на ее территории.

В 1986 г. болгарская позиция по разоружению начала меняться. Заместитель министра иностранных дел Болгарии Л. Гоцев на совещании в Москве 27 августа 1986 г. выступил со следующим предложением: «Обдумать идею выступления от имени одного или нескольких социалистических государств с призывом к странам всего мира предоставить свою территорию для установления аппаратуры для наблюдения и контроля над будущим запрещением ядерных испытаний»¹⁵. После встречи президента США Р. Рейгана и генерального секретаря ЦК КПСС Горбачева в октябре 1986 г. в Рейкьявике Болгария поддержала идею о сокращении ядерного оружия, каковой она не обладала, но прежде всего идею сокращения военных бюджетов, что совпадало с ее усилиями уменьшить свой внешний долг. На заседании Комитета министров иностранных дел стран Варшавского договора, которое состоялось 24 и 25 марта 1987 г. в Москве, Горбачев предложил реструктуризацию организации, с которой Болгария согласилась¹⁶. С углублением различий между странами Варшавского договора (в основном между Венгрией и Польшей, с одной стороны, и Румынией и ГДР, с другой), представители Болгарии все более четко выражали свою озабоченность. Так, 7 января 1989 г. в отчете руководству БКП о работе Венской встречи общеевропейского процесса, министр иностранных дел Болгарии П. Младенов заявил: «Проявилась тенденция отстаивать национальные интересы таким образом, что наносит вред позициям, согласованным в рамках Организации Варшавского договора. Это отрицательно сказывается на единстве действий делегаций социалистических стран, снижает эффективность их влияния на общий ход встречи»¹⁷. Иными словами, Болгария снова оказалась в положении защитника единства блока.

Благодаря принятым мерам внешний долг Болгарии к середине 1980-х годов действительно уменьшился с 4,5 млрд до минимальных 700 млн долларов. В то же время Болгария получала такое большое количество советской нефти для своей нефтеперерабатывающей промышленности, что могла себе позволить часть ее реэкспортировать. Выгода от этих операций, о которых в Советском Союзе знали, но закрывали глаза на действия своего ближайшего союзника, выразилась в сумме 2,2 млрд долларов, влившихся в болгарскую экономику только в период 1981–1983 гг.¹⁸

Однако после 1985 г. Болгария и весь Восточный блок оказались ошеломленными очередной, оказавшейся последней, попыткой реформирования системы государственного социализма советского типа. Горбачев был избран главой КПСС в надежде, что он приведет к возрождению могущества Советского Союза, но не за счет централизации, а путем экономических и политических реформ, направленных на децентрализацию и внедрение рыночных механизмов с целью сделать экономику эффективной. Что это означало для Болгарии, которая до того времени всегда пользовалась политическим подходом советского руководства при распределении ресурсов между странами Восточного блока? Попытка Горбачева поставить отношения с восточноевропейскими союзниками на экономическую основу, выразившаяся в предложении об эквивалентном обмене и даже о долларизации торговли в СЭВ, имела катастрофические последствия для Болгарии. С момента создания СЭВ болгарские представители в организации последовательно боролись против введения мировых цен и даже тогда, когда это случилось, сумели получить от СССР финансовую компенсацию за сельскохозяйственные поставки в Советский Союз¹⁹.

Неприятные последствия для Болгарии в результате первых действий Горбачева усугубились тем, что всего за несколько месяцев до старта перемен в Советском Союзе Живков начал труднообъяснимую кампанию — были принудительно заменены традиционные исламские имена более 800 тысяч болгарских граждан турецкого происхождения²⁰. Это грубое нарушение гражданских прав, получившее двусмысленное название «возродительный процесс», было задумано и реализовано в последние месяцы правления тяжело больного Черненко,

но вступило в острое противоречие со стремлением Горбачева адаптировать Советский Союз к стандартам Запада. Вот почему Горбачев обошел молчанием попытку Живкова найти поддержку «возродительного процесса» во время их первой встречи 24 октября 1985 г.²¹ Возникла совершенно новая ситуация в болгаро-советских отношениях — Живков потерял поддержку Москвы, и несмотря на то, что он приложил много усилий (письма и личные встречи), чтобы остановить эрозию двусторонних отношений, это ему не удалось. Советский Союз перестал быть щедрым и надежным донором сырья, энергоносителей и кредитов для Болгарии.

Как отразилась на Болгарии утраченная в середине 1980-х годов безоговорочная поддержка Советского Союза? Несомненно, тяжело, но неоднозначно. Политические и экономические трудности, к которым следует также прибавить впервые открыто выраженное общественное недовольство (в начале 1988 г. в Болгарии появляется диссидентское движение), подтолкнули режим к более глубоким и серьезным переменам. Предложенная Живковым в середине 1987 г. экономическая реформа, названная «Июльской концепцией», продолжила направление реформ 1960-х годов — стремление введения рыночных механизмов. Попытки реализации Июльской концепции заняли два года, которые еще оставались режиму, но они столкнулись с нежеланием или неспособностью политических и экономических кадров приспособиться к рыночным принципам, которые ставили под вопрос существование многих неэффективных производств и предприятий. Поэтому реформы внесли скорее проблемы и хаос, чем желаемую финансовую эффективность. Данные красноречивы: только в период с 1986 г. по 30 сентября 1989 г. внешний долг быстро рос и достиг 9,8 млрд долларов (при депозитах за границей в 1,2 млрд долларов). Это означает, что болгарский внешний долг в четыре раза превысил поступления от внешней торговли, а на душу населения составлял 1200 долларов. К этим данным следует прибавить и внутренний бюджетный дефицит в 26 млрд левов (официальный курс лева к доллару в это время был паритетным, хотя неофициально доллар продавался за 4 лева). Иными словами, болгарская задолженность осенью 1989 г. в два раза превышала годовой бюджет²².

Появившееся весной 1988 г. диссидентство сыграло особую роль в болгарском обществе. В отличие от других европейских социалистических стран в Болгарии на протяжении десятилетий после Второй мировой войны недовольство навязыванием советской системы проявлялось лишь в среде социальных групп, потерявших свои позиции 9 сентября 1944 г., а также у части интеллигенции, но никогда не превращалось в видимый общественный фактор. Причин этой болгарской специфики много. Их можно найти в традиции государственного централизма (Византия, Османская империя), в незрелом капитализме, который сделал промышленно-финансовые группы зависимыми от государственного финансирования²³, в доминирующих пророссийских общественных настроениях, в относительно сильных позициях коммунистического движения в Болгарии межвоенного периода и др. Так или иначе, во второй половине 1980-х годов государственному руководству и, прежде всего, Живкову удалось подавить общественное недовольство в зародыше при помощи умелого проведения политики кнута и пряника. Госбезопасность внимательно следила и карала любое видимое проявление недовольства, а Живков подкупал интеллигенцию с помощью сложной системы материальных и моральных поощрений и при этом периодически с нею «заигрывал». Эта болгарская традиция делает появление первых болгарских диссидентских организаций столь важным.

8 марта 1988 г. после премьеры документального фильма «Дыши!», посвященного загрязнению болгарского дунайского города Русе хлорными выбросами химического завода румынского города Джурджу, было объявлено о создании Общественного комитета по экологической защите г. Русе (Русенского комитета). Эта организация появилась в результате спонтанного русенского и общенационального возмущения пренебрежением к здоровью граждан и экологическим проблемам города. Тревожные публикации о воздухе Русе появились даже в центральных газетах «Работническо дело», «Литературен фронт», «ABC», но никакой официальной реакции не последовало. Публичное учреждение Русенского комитета в Доме кино в Софии стало возможным после того, как ЦК БКП объявил в Июльской концепции 1987 г. также о реформах

и в общественной сфере (говорилось о праве граждан создавать «самодеятельные организации»²⁴). Учредители Русенского комитета, многие из которых являлись членами коммунистической партии (20 из 33), также рассчитывали на начавшиеся перемены и попытались представить свой проект как часть новых свобод, а не как акт, враждебный власти. Об этом свидетельствует и зачитанный при учреждении текст устава. Параграф 1 объявлял Комитет «добровольным самодеятельным обществом, объединяющим болгарских граждан, которые желают содействовать улучшению серьезной экологической ситуации в районе города Русе. Он работает в условиях полной гласности и демократизма, соблюдая Конституцию НРБ и законы страны»²⁵.

Как видно из документов, создание Русенского комитета могло бы начать либерализацию политической системы, и мы не стали бы определять его как начало диссидентского движения в Болгарии. Но вместо того, чтобы интерпретировать его как гражданскую инициативу, болгарские власти встретили Русенский комитет с удивлением и возмущением. И немедленно приняли меры по его уничтожению. Позиция Секретариата ЦК БКП, поддержанная Политбюро, такова: «Правильным будет потребовать ликвидировать и распустить этот комитет <...> Следует привлечь к партийной и служебной ответственности»²⁶. Давление на инициаторов Русенского комитета имело обратный результат — они подтвердили свои позиции и начали открыто критиковать власть. Так они стали первыми организованными и открытыми противниками власти, иными словами, диссидентами.

Как появление диссидентского движения повлияло на болгарское общество, и, соответственно, на действия властей? Первым следствием было то, что Русенский комитет показал болгарам, что они могут противостоять власти без последующей судебной расправы, а лишь получив партийное взыскание или увольнение с работы. В Русенский комитет вошли известные в стране личности: писатель Г. Мишев, актер П. Слабаков, историк Н. Генчев, депутаты парламента С. Русев (художник) и Н. Робева (тренер «золотых девушек» — сборной НРБ по художественной гимнастике). Их пример оказался заразительным, и все больше людей стали открыто выражать свое недо-

вольство системой. О том факте, что речь идет о первом и при этом не очень большом шаге, свидетельствует чисто экологический характер Русенского комитета. Инициаторы ограничивались экологическими целями, используя их как форму самозащиты, поскольку проблемы окружающей среды казались достаточно далекими от политики.

Вскоре за первым шагом инакомыслящих последовал второй — 3 ноября 1988 г. в одной из самых больших аудиторий Софийского университета им. Св. Климента Охридского была создана и первая политическая диссидентская организация — Клуб в поддержку гласности и перестройки. В его создании участвовали почти те же самые люди, которые организовали и Русенский комитет, что демонстрирует формирование общего движения противников системы, которые испробовали различные возможности выразить свое несогласие и попытаться воздействовать на общество. Инакомыслящие, объединившиеся вокруг философа, воспитанника философского факультета Софийского университета, доктора Ж. Желева, который пытался оспорить теорию Ленина, за что на несколько лет был выселен из Софии в провинцию, воспользовались публичной лекцией о социалистической рыночной экономике, чтобы объявить о создании своей политической организации. В духе начавшихся преобразований ее назвали Клубом в поддержку гласности и перестройки, но на первом плане стояло не болгарское «переустройство», а советская гласность. По всему видно, что болгарские диссиденты находились под влиянием процессов в Советском Союзе. Более того, при обсуждении идеи о создании новой политической организации диссиденты даже колебались, не назвать ли клуб «Горбачев», но отказались от этой мысли²⁷.

При учреждении Клуба были зачитаны программная декларация и список членов-учредителей клуба, большинство из которых отсутствовали. И на этот раз в самом начале списка учредителей стояли имена членов БКП с многолетним стажем, некоторые из которых являлись также «активными борцами против фашизма и капитализма» (партизаны и участники антифашистского сопротивления в годы Второй мировой войны). По словам Желева, они были согласны принять на себя ожидаемый удар со стороны органов государственной безопаснос-

ти²⁸. Программная декларация Клуба пыталась балансировать на грани дозволенного, поскольку еще в самом начале ее авторы ссылались на «процессы демократизации и переустройства» и на «усилия интеллигенции по расширению гласности и созданию неформальных групп». Те же самые положения составляли и часть объявленного Живковым «переустройства». Клуб позиционировал себя как место для дискуссий, где могут обсуждаться «публично, в условиях полной открытости, самые актуальные вопросы и наболевшие проблемы нашего общества <...> экономическое состояние страны и уровень жизни населения, сложные и все более усложняющиеся демографические проблемы, вопросы о правах человека в стране, экологическая обстановка <...> фактический уровень гласности»²⁹.

Амбиции, выраженные неформальным лидером Клуба Желевым, заключались в том, чтобы новая организация занималась решением всех острых социальных проблем, превратившись, таким образом, в центр альтернативной политики. Деятельность Клуба, по мысли его организаторов, включала «проведение собраний, организацию дискуссий и встреч с видными специалистами, способными компетентно разъяснить проблемы, с видными представителями интеллигенции, общественными деятелями, ответственными политическими лицами из государственного и партийного аппарата, участвующими в разрешении интересующих нас проблем»³⁰. Ничто из провозглашенного не выходило за рамки официально дозволенного, указывая на то, что для болгарских диссидентов ведущей тактикой стала возможность заявить об альтернативе, не вступая в конфликт с властями. Об этом говорит и текст декларации, где подчеркивалось, что Клуб «будет работать исключительно на основе Конституции НРБ и в ее рамках, на базе действующего в стране законодательства и при полной поддержке решений июльского (1987 г.) Пленума ЦК БКП, решительно выступая за их практическое осуществление». Такова специфика болгарского инакомыслия: оно было запоздалым, поскольку появилось только в 1988 г. под влиянием процессов в Советском Союзе, и очень несмелым — пыталось бросить вызов системе, но в соответствии с ее правилами.

Несмотря на все меры предосторожности, реакция властей оказалась крайне негативной. Они попытались закрыть

Клуб с помощью партийных и полицейских мер³¹. Однако активисты Клуба намеревались продолжить деятельность, несмотря на постоянное наблюдение за ними и партийные санкции (большинство были исключены из БКП), так как в 1989 г. политическая обстановка в Восточной Европе изменилась. В начале февраля в Польше начал работу «круглый стол» между правительством и оппозиционной «Солидарностью»³², а в Болгарии диссидентские организации стали действовать и в провинции³³. Это придало уверенности болгарским диссидентам, которые начали провозглашать декларации и делать политические заявления. Большое значение болгарского инакомыслия заключается в том, что оно показало болгарам: открытое противостояние возможно³⁴. Подобное же мнение о происходящем в Болгарии имели и советские наблюдатели. Они информировали советское руководство: «Неформальные организации подавляются силой, но они не теряют своей привлекательности в обществе»³⁵. Диссидентские организации помогали канализировать накопившееся недовольство в борьбу за экологические, профсоюзные, религиозные и политические свободы. Государственной безопасности становилось все труднее контролировать общество, поскольку недовольство охватило широкие общественные группы — в первую очередь, переименованных болгарских турок и интеллигенцию. Советская перестройка оказала воздействие даже на кадры госбезопасности, некоторые из которых начали переориентироваться на реформаторов.

В 1988 г. под давлением открыто выраженного общественного недовольства болгарское политическое руководство стало искать выход в переориентации на Запад. Министр внешнеэкономических связей НРБ А. Луканов совершил большую поездку по Соединенным Штатам Америки, во время которой прилагал усилия по восстановлению отношений с этой страной после их резкого ухудшения в начале 1980-х годов³⁶. 9 августа 1988 г. были установлены дипломатические отношения между Болгарией и Европейским экономическим сообществом³⁷, начались и переговоры по расширению торговли с ее членами, а также о членстве Болгарии в ГАТТ³⁸, шли первые переговоры о восстановлении прерванных в 1967 г. отношений с Израилем, в ходе которых подчеркивались заслуги ком-

мунистов в спасении болгарских евреев в 1943 г.³⁹. Однако для решительного внешнеполитического поворота Болгарии время было потеряно.

Настоящие проблемы для болгарских властей начались в мае 1989 г., когда демонстрации турок с требованием вернуть им имена переросли в столкновения с властями. Не случайно, что сопротивление турок активизировалось лишь на пятый год «возродительного процесса» — это было связано с общим оживлением в обществе, вызванным внутривнутриполитическими уступками властей в результате Хельсинкского процесса и деятельности первых диссидентских организаций. В начале мая 1989 г. диссиденты впервые обратили внимание на положение болгарских турок и пришли к зданию парламента с декларацией, которая была внесена 9 мая с подписями 130 человек. В ней говорилось: «Признать право вернуть свои родные имена болгарских граждан, которые этого хотят. Освободить всех задержанных <...>. Прекратить насильственное изгнание из страны болгарских граждан»⁴⁰. Эта декларация стала катализатором недовольства среди турецкого населения, и в конце мая большие группы болгарских турок, в основном из северо-восточной Болгарии, вышли на демонстрации с требованием вернуть им имена⁴¹. Протесты были подавлены силами госбезопасности, при этом девять протестовавших были убиты⁴².

В этой новой ситуации 29 мая 1989 г. Живков обратился по радио и телевидению к населению с речью, в которой объявил, что болгарским туркам будет разрешено поехать «на экскурсию»⁴³ — это выражение дало позже основание журналистам назвать массовое переселение «большой экскурсией». Обращение Живкова знаменует резкий поворот в политике по отношению к туркам, поскольку главный тезис «возродительного процесса» состоял в том, что они были болгарскими, а разрешение на выезд стало молчаливым признанием того, что они все же турки. Еще в июне 1989 г. болгарские турки стали получать паспорта и массово уезжать в Турцию, что обострило отношения между двумя странами.

То, что произошло летом 1989 г., вызвало удивление болгарских властей. Они надеялись, что в Турцию отправится небольшая часть болгарских турок, а остальные примирятся со своими новыми именами. Вместо этого обезлюдили целые

регионы, что поставило под угрозу сбор урожая и работу многих промышленных предприятий. И когда 21 августа 1989 г. Турция закрыла свою границу, из Болгарии к тому моменту уже эмигрировали 344 тыс. болгарских турок. «Большая экскурсия» потрясла болгарское общество⁴⁴ и обострила этнические и политические отношения. Внутренний кризис отодвинул на задний план сложные внешнеполитические маневры Живкова — как в отношении Советского Союза, так и Запада (в первую очередь, Греции и ФРГ). В сентябре 1986 г. во время визита премьер-министра Греции А. Папандреу в Софии была подписана двусторонняя декларация «о добрососедстве и дружбе», часто называемая «договором о ненападении». Она имела очень важное значение для обеих стран из-за ухудшения их отношений с Турцией⁴⁵. В 1987 г. Живков нанес официальный визит в Бонн, где встретился с канцлером Г. Колем и президентом Р. фон Вайцзеккером. Цель визита заключалась, прежде всего, в укреплении двусторонних экономических связей, в частности, с фирмой «Фольксваген»⁴⁶. Особенно тесные личные контакты Живков установил с канцлером Баварии Ф.-Й Штраусом, у которого сумел получить финансовые кредиты для переживавшей трудности болгарской экономики⁴⁷.

В то время как в Болгарии развивался социальный, политический и экономический кризис, в Восточном блоке существенно менялись отношения между центром и периферией. Об этом свидетельствовало заседание Политбюро ЦК КПСС 6 октября 1988 г., на котором обсуждались такие вопросы: «Теперь стоит призадуматься, как мы будем действовать, если одна или сразу несколько [социалистических] стран окажутся банкротами? <...>. Есть ли у нас концепция на случай кризиса, который может охватить одновременно весь или часть социалистического мира?»⁴⁸. Эти вопросы остались без ответов, которые, по мнению советского руководства, предстояло искать на общей встрече руководителей социалистических стран в Праге в феврале 1989 г.

В 1989 г. события в Восточной Европе и в Болгарии вызвали тревогу у советского руководства. Еще в начале года советское посольство в Софии направило критические материалы о растущих экономических и политических проблемах в стране. С позиций советской перестройки критиковалось

ее болгарское копирование — «переустройство», выраженное в Июльской концепции. По мнению А.В. Щелкунова, «попытки ЦК БКП перестроить идеологию не имеют глубокого характера и показывают противоречие между попытками руководства приспособить старые методы к современной перестройке без критического осознания всего негативного, накопившегося в обществе». Критичность стала результатом обострившихся личных отношений между Живковым и Горбачевым, которые проявились во время визита первого в Москву в октябре 1987 г. Тогда Горбачев резко раскритиковал Живкова, но не за то, что он медлит с реформами, а за то, что пытается разрушить социалистическую систему⁴⁹.

В 1989 г. советская критика шла уже в противоположном направлении — Живков обвинялся в том, что провозглашает реформы с целью сохранения своей власти. Советское посольство в Софии обращало особое внимание на недовольство представителей болгарской интеллигенции, которые «больше не хотят, чтобы ими “управляли по-старому”» и открыто выступают «против непопулярной линии нынешнего руководства страны на ограниченную перестройку»⁵⁰. Вывод, сделанный С.В. Васильковым в справке «Об активизации роли интеллигенции в перестройке духовной сферы НРБ» от 21 апреля 1989 г., таков: «Впервые за весь 30-летний период пребывания Т. Живкова у власти болгарское руководство, всегда опиравшееся на интеллигенцию при реализации партийных установок, сегодня увидело в ней не традиционного сотрудника и опору, а опасность создания в стране интеллектуальной оппозиции»⁵¹.

Назревание кризиса чувствовалось во время последней встречи Живкова с Горбачевым, состоявшейся в Москве 23 июня 1989 г. Добиться ее было трудно, поскольку Горбачев не желал принимать Живкова. Болгарский лидер вел себя очень осторожно, он в очередной раз подчеркнул верность Болгарии Советскому Союзу («Мы единственная республика, которая вам не создавала, не создает и не создаст никаких трудностей»), чтобы попросить советской поддержки в споре с Турцией и увеличения поставок сырья. В то же время, впервые Живков позволил себе выступить с критикой происходящего в СССР: «То, что происходит у вас, беспокоит меня в том плане, что преобразование политической системы резко опережает реорга-

низацию производительных сил <...>. Едва ли мы должны действовать так, как вы». Причиной этой необычной критичности Живкова являлось то, что он уже почувствовал подготовку к замене его новым, более молодым лидером. Таким кандидатом был родившийся в Москве многолетний представитель Болгарии в СЭВ А. Луканов, но советские зондажи настроений в БКП показали его непопулярность. Поэтому Москва остановилась на министре иностранных дел П. Младенове, близком друге Луканова, также получившем высшее образование в Советском Союзе. Поэтому во время встречи Живков настойчиво спрашивал Горбачева: «Есть ли у вас какие-либо претензии к нам, к Болгарии, ко мне?», а Горбачев его успокаивал: «У нас полное доверие, исключительное доверие лично к Вам и к вашему руководству». Единственное, о чем Горбачев его предупреждал, это: «И у вас, и у нас есть “горячие головы”, которые смотрят только на Запад. Мы убеждены, что любое нарушение наших взаимоотношений почти губительно»⁵². Эта встреча оказалась последней, потому что через четыре месяца Живкова отстранили от власти, а Горбачев увяз в проблемах Советского Союза и потерял интерес к Восточной Европе⁵³.

Сразу же после встречи Живкова с Горбачевым в Москве критический тон высказываний советского посольства относительно происходившего в Болгарии усилился. 30 июня 1989 г. в докладе С. Васнецова и А. Соколова давались следующие оценки: «Основной характеристикой болгарского переустройства является декларативность, половинчатость и противоречивость преобразований», «невосприимчивость нынешним руководством советских идей о развитии процессов гласности, приверженность к преодолению возникающих в обществе проблем путем административно-волевого нажима вызывает на практике их углубление и осложнение». Остро критиковался посольством и «возродительный процесс»: «Эта проблема, казалось бы внутреннего плана, сейчас весьма отрицательно сказывается на болгаро-турецких отношениях и негативно влияет на начавшийся процесс сближения на Балканах»⁵⁴. Критическое отношение Москвы к «возродительному процессу» оставалось неизвестным Живкову, поскольку Горбачев взял на себя роль посредника в переговорах между Болгарией и Турцией, и только в воспоминаниях, опубликованных

в середине 1990-х годов, он выразил свое негативное отношение⁵⁵.

В 1989 г. советское влияние в Болгарии уже не было однонаправленным — не только в поддержку правящей БКП, но благодаря «перестройке» Горбачева оно связывалось также и с болгарским диссидентским движением. В Болгарии советская «перестройка» противопоставлялась «переустройству» Живкова и, как и в других странах Восточной Европы, популярность Горбачева использовалась для мобилизации настроений против власти. Так, впервые в послевоенной истории Болгарии советский фактор использовался против БКП.

Советский след имеется и в отстранении Живкова. Разоблачения во причастности советской разведки к подготовке свержения Живкова сделал в 1998 г. болгарский журналист-международник Т. Томов. В газете «Труд» (София) он опубликовал часть воспоминаний бывшего советского дипломата в Болгарии В. Терехова, друга Луканова. В них он рассказал, как советские дипломаты и представители КГБ в Софии координировали действия Луканова и Младенова по отстранению Живкова от власти⁵⁶. Советский посол Виктор Шарапов во время приема в советском посольстве 7 ноября 1989 г. советовал Живкову подать в отставку, в то время как другие дипломаты помогали Луканову и Младенову готовить внутрипартийный переворот. В итоге, на заседании Политбюро ЦК БКП 9 ноября 1989 г. Живков был вынужден уйти в отставку, которая на следующий день была одобрена пленумом.

О советском отношении к смене Живкова свидетельствуют оценки посольством в Софии нового руководства БКП: «Следует отметить, что ядро нынешнего руководства — убежденные сторонники реальных общественных преобразований в Болгарии, разделяющие подходы КПСС к перестройке, выступающие за использование ее опыта и уроков применительно к условиям НРБ. Они без оговорок выступают за укрепление взаимодействия БКП и КПСС, НРБ и СССР во всех сферах сотрудничества. Соответственно появляются необходимые предпосылки для установления между КПСС и БКП действительно доверительного сотрудничества»⁵⁷. Эта точка зрения косвенно подтверждает как содействие посольства замене Живкова, так и советские надежды на то, что новое руководство преодоле-

ет охлаждение в двусторонних отношениях и Болгария вновь станет самым близким Советскому Союзу социалистическим государством.

Отстранение Живкова произошло на следующий день после падения Берлинской стены, но перемены в Болгарии начались совсем по-другому. Они проходили в узком кругу партийного руководства без участия диссидентов и общества. Однако смена Живкова дала возможность диссидентскому движению оформиться в оппозицию, что стало фактом 7 декабря в результате создания коалиционного Союза демократических сил (СДС)⁵⁸. Так уже через месяц после свержения Живкова в Болгарии возродился политический плюрализм.

Еще в первые месяцы трансформации стала очевидной большая проблема болгарского переходного периода — его инициировала консервативная и неготовая к радикальным переменам БКП, в то время как новые силы из СДС не имели никакого политического опыта. Они должны были найти свою идентификацию и стали искать ее в антикоммунизме во внутренней политике и в переориентации на Запад — во внешней. Таким образом, иностранные союзники превратились в одну из важных разграничительных линий между двумя борющимися политическими силами.

Большую роль в начавшемся противостоянии играло отношение к Советскому Союзу. Просоветские настроения диссидентов 1989 г. испарились в 1990 г., когда Соединенные Штаты попытались взять Болгарию под свой контроль. Болгарские политики стали часто посещать посла США С. Полански, а госсекретарь Дж. Бейкер давал лидерам СДС советы, когда и как проводить выборы. Его совет провести выборы как можно раньше (в июне 1990 г.) оказался неудачным, поскольку СДС получил лишь 36% голосов, а бывшие коммунисты, переименовавшиеся в апреле 1990 г. в социалистов, завоевали абсолютное большинство — 52,75%⁵⁹. Это стало первым случаем в трансформирующейся Восточной Европе, когда бывшие коммунисты выиграли первые свободные выборы, но затем их успех повторили и другие балканские страны. Просто западные советники и наблюдатели не понимали ситуацию в Болгарии.

Значение Запада возрастало и из-за финансовых проблем Болгарии, которые заставили правительство Луканова в марте

1990 г. объявить мораторий на внешние платежи (дефолт). Это решение было вызвано внешней задолженностью Болгарии Западу, достигшей почти 10 млрд долларов, которые на этот раз не могли быть выплачены с помощью Советского Союза, как это происходило раньше. В отношении СССР Болгария не имела долга благодаря заключенным в 1986 и 1988 г. болгаро-советским соглашениям об участии Болгарии в двух крупных советских проектах — разработке Ямбургского газового месторождения и железорудного бассейна в Кривом Роге⁶⁰.

Коммунисты-социалисты также попытались переориентироваться с Востока на Запад. С одной стороны, премьер-министр Луканов и новый президент Младенов хотели сохранить отношения с Советским Союзом. Они обращались за помощью к своим советским коллегам на заседании Варшавского договора в Москве 4–5 декабря 1989 г. и во время телефонного разговора Младенова с Горбачевым 4 мая того же года. Однако, с другой стороны, Луканов поддерживал постоянные контакты с послом США в Софии. Но свой политический выбор Запад уже сделал в пользу СДС.

Несмотря на победу на выборах, БСП не могла и не хотела управлять в одиночку и стремилась к сотрудничеству с СДС, но идея о коалиционном кабинете была категорически отвергнута. Нежелание БСП править в одиночку, а СДС — взаимодействовать с бывшими коммунистами привело к углублению политического и экономического кризиса в 1990 г., что вынудило БСП отказаться от власти — один за другим подали в отставку президент Младенов и премьер Луканов, в то время как представители СДС занимали все больше позиций. 1 августа 1990 г. парламент, где большинство принадлежало БСП, избрал президентом лидера СДС Ж. Желева. В конце года было утверждено правительство беспартийного юриста Д. Попова, в котором участвовали представители СДС и БСП.

Несмотря на желание новых болгарских властей переориентировать страну на Запад, она по-прежнему зависела от Советского Союза. Характерным для болгарской двойственности является поведение нового президента Болгарии Желева и премьер-министра в отставке Луканова во время их встречи с Горбачевым 20 ноября 1990 г. в Париже на заседании Конференции по безопасности и сотрудничеству в Европе. В ходе

этой беседы президент Желев прежде всего заявил: «Болгария настолько тесно связана с СССР, что ход событий у вас непременно отражается на положении в нашей стране»⁶¹. В конце разговора, однако, стало ясно, какова зависимость Болгарии от СССР. Президент Желев обратился к Горбачеву с просьбой: «Все та же большая тема — вопрос о ресурсах». Луканов выразился более конкретно: «Мы просим минимум, чтобы обеспечить более или менее нормальную жизнь в течение года или двух. При этом на значительно более низком уровне, чем прежде <...>. До прошлого года мы получали 11 млн тонн нефти. А теперь просим — хотя бы 7. Когда нам сказали 3,5, я сначала подумал, что речь идет о сокращении настолько. Оказалось, что это все. Для нас это буквально гибель»⁶². Но Горбачев теперь стал гораздо сдержаннее в своих обещаниях, чем раньше, и объяснил, что поставки зависят не от него, а от Верховного Совета СССР.

В 1991 г. отношения между Болгарией, где БСП лишились власти, и Советским Союзом, в котором продолжается перестройка, эволюционировали. Это стало ясно в ходе визита нового премьер-министра Болгарии Д. Попова в Москву, где 17 мая 1991 г. у него состоялась беседа с Горбачевым. Премьер-министр Попов поставил вопрос о том, «чтобы преодолеть как можно скорее упадок и застой в двусторонних отношениях»⁶³. Под этим он подразумевал экономические отношения (поставки советских энергоносителей). Но советский лидер был сдержан: «Когда мы начали перемены в Восточной Европе, мы встретили много критики в отношении Советского Союза. Тогда я пришел к выводу: наверно, мы раздражаем наших друзей. Пусть они сами разберутся — что им делать с отношениями с СССР в экономике, в политике, в международных отношениях, куда они пойдут»⁶⁴. Напомнив, какими глубокими были их дружеские связи в прошлом, Горбачев сделал единственное предложение — перевести новые экономические отношения на основу конвертируемых валют⁶⁵.

Проблема отношений с Советским Союзом вновь актуализировалась в середине 1991 г. в связи с болгаро-советским договором о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи. Он был подписан в 1948 г., возобновлен в 1967 г. и мог быть автоматически продлен еще на пять лет, если бы за год до истечения срока его действия (4 августа 1992 г.) его не денонсирова-

ли. Истекавший срок договора возродил политический спор о болгаро-советских отношениях. Проблема усугубилась самороспуском Совета экономической взаимопомощи и Организации Варшавского договора, что создало вакуум в экономических связях и безопасности Болгарии. Реакция внешних факторов свидетельствовала о незаинтересованности советских представителей и активности западных: вице-президент США Д. Куэйл нанес визит в Болгарию 7 июня 1991 г., а генеральный секретарь НАТО М. Вернер — 12–13 июня того же года, причем оба пообещали оказать Болгарии помощь.

Президент Желев выступил против предложения БСП подписать новый договор с СССР по образцу двустороннего советско-румынского договора. По мнению Желева, во внешней политике Болгария должна была следовать примеру Польши, Венгрии и Чехословакии. 21 июня 1991 г. советское посольство в Софии отметило изменение отношения к СССР, сообщив, что новые политические силы выдвинули тезис об «угрозе имперских амбиций Советского Союза»⁶⁶. Более того, хотя полгода тому назад президент Желев говорил Горбачеву, что «в нашей стране не будет антирусских настроений»⁶⁷, теперь он уже официально заявил, что «старый договор исчерпал свои возможности и не должен автоматически обновляться»⁶⁸. Итогом общественных дебатов, повышения активности западных факторов и пассивности советских стало прекращение действия болгаро-советского договора 1 августа 1991 г. Одобрение парламентом (160 голосов против 90) произошло при поддержке депутатов также и от БСП, располагавшей в Народном собрании большинством. Денонсация договора не имела прямых последствий для Болгарии, поскольку 19 августа 1991 г. в Москве была предпринята попытка консервативного переворота, провал которого привел к самоликвидации Советского Союза⁶⁹.

В такой обстановке вполне ожидаемо произошла переориентация Болгарии с Востока на Запад. Уже 22 декабря 1990 г. Великое Народное собрание решило обратиться к Европейским сообществам с просьбой о членстве. 1 октября 1991 г. Европейский совет уполномочил Европейскую комиссию начать предварительные переговоры о присоединении Болгарии. Путь оказался гораздо более долгим, чем ожидали новые болгарские политики, поскольку лишь в апреле 2004 г. Бол-

гария стала членом Североатлантического альянса, а 1 января 2007 г.— и Европейского союза. Болгарский путь с Востока на Запад, пройденный в последнем десятилетии XX в. и первом десятилетии XXI в., не имел альтернативы, так как Восток в лице Советского Союза распался, равно как и созданные им коллективные структуры. Наследие послевоенного сотрудничества осталось, поскольку и в середине второго десятилетия XXI в. болгарское общество по-прежнему связано с Россией, но уже скорее благодаря более глубоким культурным и эмоциональным историческим традициям. Остается и энергетическая зависимость, которая, однако, вызывает острые политические дебаты между возродившимися русофильством и русофобством в плюралистическом болгарском обществе.

Перевод с болгарского Валевой Е.Л.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Эту стратегию в современной Болгарии называют «Болгария — 16-я советская республика»; ее много комментируют, но почти всегда в политических целях.

² Об экономической пользе этой политики см.: *Baeva I. Bulgarisch-sowietische Wirtschaftsbeziehungen nach dem Zweiten Weltkrieg // Stalins Wirtschaftspolitik an der sowjetischen Peripherie / Walter M. Iber, Peter Ruggenthaler. Innsbruck, Wien, Bozen. 2011. S. 153–174.*

³ Заслуга в «культурном открытии» Болгарии миру принадлежит дочери Т. Живкова — Людмиле Живковой, сделавшей быструю карьеру и занимавшей пост министра культуры с 1975 г. до смерти в 1981 г. См.: *Калинова Е. Политиката на Людмила Живкова за «културно отваряне на България към света» — предпоставки и специфика // Културното отваряне на България към света / Съст. И. Баева. София, 2013. С. 30–47.*

⁴ В 1965 г. руководство БКП обсуждало и одобрило «новую систему планирования и руководства народным хозяйством». Ее основной целью было сделать болгарскую промышленную продукцию конкурентоспособной на мировом рынке. Этого следовало добиться прежде всего с помощью введения рыночных механизмов, а также путем борьбы за западные рынки. (Централен държавен архив (ЦДА). Ф. 1Б. Оп. 34. А.е. 16. Л. 5–6, 60–79).

⁵ Об этом Т. Живков говорил открыто во время встречи с западными промышленниками 28 марта 1980 г. (ЦДА. Ф. 1Б. Оп. 60. А.е. 262. Л. 1–5).

⁶ Политические трудности в экономических отношениях с США упоминаются в обобщенном докладе о двусторонних отношениях, подготовленном в 1988 г. (Държавен архив на Министерство на външните работи (ДА на МВНР). Оп. 45–4. А.е. 75. Л. 23–25).

⁷ ЦДА. Ф. 1Б. Оп. 67. А.е. 917–83. Л. 5–11.

⁸ Там же. А.е. 817–83. Л. 7–11.

⁹ Эта позиция отражена в решении Политбюро ЦК БКП — Решение № 312 от 25 апреля 1984 (Там же. А.е. 3031. Л. 88).

¹⁰ Там же. Л. 93.

¹¹ Там же. Оп. 68. А.е. 1025. Л. 19–38.

¹² Там же. Л. 52.

¹³ Там же. Оп. 60. А.е. 318. Л. 27.

¹⁴ Там же. Оп. 68. А.е. 1025. Л. 52.

¹⁵ Там же. Оп. 101. А.е. 1489. Л. 13.

¹⁶ Там же. А.е. 1726. Л. 1–16.

¹⁷ Там же. А.е. 1999. Л. 5.

¹⁸ Болгарская экономическая стабильность времен Брежнева объясняется экономическим советником Живкова следующим образом: «Болгарские привилегии достигли таких крайних форм, что вагоны с советскими поставками даже не разгружались в Болгарии. От восточной болгарской границы они направлялись к западной, лишь сменив экспедиторские документы. В качестве иллюстрации хочу привести только одну цифру — от реэкспорта советских нефтепродуктов болгарский химический комплекс достиг экспортной суммы в 800 миллионов долларов (для сравнения: весь болгарский экспорт составляет в настоящее время около 1800 миллионов долларов)» (Чакъров К. Втория етаж. София, 1990. С. 124). Данные о болгарской прибыли в 2,2 млрд долларов от реэкспорта рафинированной советской нефти взяты из «Financial Times», 7 September 1984.

¹⁹ Ежегодная субсидия для болгарской сельскохозяйственной продукции составляла 400 млн рублей и была отменена Горбачевым (Горбачев М.С. Жизнь и реформы. Москва, 1995. Кн. 2. С. 368).

²⁰ О так называемом возродительном процессе уже имеется много исследований, а также большой массив опубликованных архивных документов: «Възродителният процес». Българската държава и българските турци / Съст. И. Баева, Е. Калинова. София, 2009. Т. I. Международни измерения (1984–1989); Том II. Архивите говорят; Борба без оръжие. Турско националноосвободително движение в България (1985–1986). Документи / София, 2009; Секретно! Протестните акции на турците в България (януари–май 1989 г.). Документи / Съст. В. Ангелов. София, 2009.

²¹ Стенограмма встречи опубликована в журнале «Ново време». 1995. № 6. С. 80–90; 1996. № 1. С. 79–92.

²² Един нереализиран проект за реформа на прехода. Кратка оценка на състоянието и причините, довели до икономическата криза // Ново време. 2000. Кн. 1–2. С. 130–131.

²³ Экономист Румен Аврамов пришел к этому выводу на основании исследования, посвященного межвоенному периоду. В нем он пишет: «В 1944 г. Болгария во многих отношениях была беременна социализмом. Естественно, не из-за схоластических несоответствий между производительными силами и производственными отношениями, а по причине глубоко укоренившихся эгалитарных и коммунальных хозяйственных традиций и из-за органичного неприятия принципов капиталистического рационализма» (*Бочев С.* Капитализмът в България. София, 1998. С. 23).

²⁴ Под термином «самодетельная организация» скрывалось право граждан объединяться, создавать свои организации в стороне от контролируемых властями общественных объединений. Формально это право было закреплено в конституции НРБ, но в действительности оно могло реализоваться лишь в ходе болгарского «переустройства», которое следовало духу советской «перестройки». При этом право на самоорганизацию ограничивалось тем, что деятельность новых объединений должна была координироваться самой массовой (казенной) общественной организацией Отечественный фронт (История на Отечества фронт/съюз в България. София, 2012. С. 336–340).

²⁵ Протокол № 41 заседания Политбюро ЦК БКП от 1988 г. // ЦДА. Ф. 1Б. Оп. 68. А.е. 3394а. Л. 45.

²⁶ Протокол заседания Секретариата ЦК БКП от 10 марта 1988 г. // Там же. Оп. 36. А.е. 118–88. Л. 8.

²⁷ Об этом впоследствии рассказывал Ж. Желев. (*Иванова Е.* Болгарского дисидентство 1988–1989. София, 1997. Ч. I. С. 56–57).

²⁸ «Активными борцами» являлись объявленный председателем Клуба поэт Христо Радевски, а также профессора Кирилл Василев, Иван Марев, Иван Джаджев, Иван Николов, акад. Алексей Шелудко, Невена Стефанова, Бойко Кофарджиев, Дучо Мундров, Искра Панова, Борис Спасов, Чавдар Кюранов (Там же. С. 58).

²⁹ Там же. С. 62–64.

³⁰ Там же. С. 62.

³¹ По словам Т. Живкова, сказанным на заседании с местным партийным руководством 17 февраля 1989 г.: «Если вы прочитали материал о встрече с представителями духовной сферы, то там ясно и категорично сказано, что мы желаем, чтобы создавались клубы, и надо, чтобы они создавались и вырастали, как грибы, но мы не допустим создания ни одной такой группы по наущению извне. С учетом этого, нам нужно взять курс на их решительный и полный разгром и закрыть им рты» (Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ). Ф. 5. Оп. 102. А.е. 745. Л. 2).

³² Переговоры, которые привели к «круглому столу», очень интересно представлены одним из их участников (*Garlicki A. Karuzela. Rzecz o Okrągłym Stole. Warszawa, 2004*).

³³ *Иванов Д.* Политическото противопоставяне в България 1856–1989 г. София, 1994. С. 124–139.

³⁴ Подробное о деятельности Клуба в поддержку гласности и перестройки см.: *Баева И.* Създаване на Клуба за подкрепа на гласността и преустройството и ролята му за началото на прехода — 1988–1989 г. // Известия на държавните архиви. София, 2004. Т. 87. С. 3–32.

³⁵ Такова оценка советского посольства в Софии от 4 января 1989 г. в информации «Об идеологической обстановке в Болгарии» (РГАНИ. Ф. 5. Оп. 102. А.е. 745. Л. 4).

³⁶ България занимала незавидное 64-е место в торговом обмене США, ее относительная доля составляла 0,04%, а самым большим препятствием для торговых отношений являлись высокие пошлины, налагаемые на болгарские товары — от 30 до 90% их стоимости. Доклад А. Луканова, а также идеи об улучшении отношений с США обсуждались на заседании Политбюро ЦК БКП 27 июня 1988 г. (ЦДА. Ф. 1Б. Оп. 68. А. е. 3475а. Л. 288–310; ДА на МВнР. Оп. 45–4. А.е. 112. Л. 32–43; А.е. 114. Л. 2–11).

³⁷ ЦДА. Ф. 1Б. Оп. 68. А. е. 3435. Л. 4–6; Оп. 101. А. е. 2106. Л. 2–7.

³⁸ Усилия болгарских властей по присоединению Болгарии к Всемирной торговой организации ГАТТ начались еще в 1987 г. и продолжались с еще большей интенсивностью в 1988 г. (ДА на МВнР. Оп. 44–12. А.е. 92 Б. Л. 3–4; Оп. 44–13. А.е. 40. Л. 4–17, 36–43).

³⁹ Новый этап в болгаро-израильских отношениях обсуждался в ходе неофициального визита министра торговли и промышленности Израиля А. Шарона в Болгарию 5–8 октября 1988 г. (ЦДА. Ф. 1Б. Оп. 68. А.е. 3542. Л. 2–5).

⁴⁰ *Иванова Е.* Българското дисидентство. С. 202–205.

⁴¹ Сведения о демонстрации можно найти в Архиве министерства внутренних дел и в передачах западных радиостанций («Възродителният процес». Българската държава и българските турци (средата на 30-те — началото на 90-те години на ХХ век) / Съст. И. Баева и Е. Калинова. София, 2009. Т. 1. С. 513–517.

⁴² Там же. С. 712–713.

⁴³ *Живков Т.* Единството на българския народ е грижа и съдба на всеки гражданин на нашето мило отечество. Изявление на председателя на Държавния съвет на НРБ Т. Живков по Българската телевизия и Българското радио, 29 май 1989 г. // Международни отношения. 1989. № 5. С. 3–7.

⁴⁴ Подробное о социально-экономических последствиях переселения см.: *Баева И.* Социалноикономически предпоставки за и последици от «възродителния процес» // Евразийски хоризонти: минало

и настояще. Сборник в чест на проф. д.и.н. Валери Стоянов. София, 2011. С. 154–170.

⁴⁵ Да на МВнР. Оп. 44–4. Информация о кризисе между Грецией и Турцией в Эгейском море, апрель 1987 г.; А.е. 71. Л. 5; Оп. 44–3. А.е. 80. Л. 3. Информация из греческих средств массовой информации о посещении А. Папандреу в НРБ, 23 июля 1987 г.

⁴⁶ ЦДА. Ф. 1Б. Оп. 101. А.е. 1581. Л. 1–3. Письмо Т. Живкова г-ну Хану. Бонн, 19 августа 1987 г.

⁴⁷ Более близкие отношения устанавливаются в 1985 г. (Да на МВнР. Оп. 43–4. А.е. 1013. Л. 1).

⁴⁸ Архив Горбачев-Фонда (АГФ). Ф. 5. Док. 10780.

⁴⁹ На этой встрече, состоявшейся 16 октября 1987 г., генеральный секретарь КПСС М.С. Горбачев сделал Т. Живкову три критических замечания. Первое касалось скорости перемен, начатых Живковым с целью демократизации Болгарии. Горбачев сказал: «Мы можем одним махом сломать все старое. Но одним махом нельзя создать новое. При таком подходе образуется вакуум, возникают большие трудности, особенно в экономике <...>. Если мы решим ликвидировать все, можем полностью дезорганизовать управление». Второе замечание отражает самое большое опасение Горбачева, связанное с «партией» и тезисом Живкова о том, что она больше не будет «главным субъектом власти». Горбачев признал: «У нас вызывает тревогу призыв отнять власть у правящей партии, изменить принципиальные положения о руководящей роли партии». Третье критическое замечание Горбачева продемонстрировало принцип субординации в Восточном блоке. Он предупредил: «Но до нас дошла информация, что в окружении тов. Т. Живкова есть люди, выступающие за превращение Болгарии в “мини-ФРГ”, в “мини-Японию”. Подбрасываются такие разговоры. Эти разговоры нас беспокоят. Около Вас имеются люди с прозападной ориентацией. Вы должны это знать. В Вашем окружении есть люди, полагающие, что надо брать технологии у ФРГ, у Запада. Такие разговоры, такая ориентация нас тревожат. И если рядом с Вами имеются люди, которые даже только подумывают о “мини-ФРГ” и о “мини-Японии”, то Вы не должны их больше держать в своем окружении. Потому что все ответы на Ваши вопросы, все решения поставленных задач следует искать не в другом месте, а в социализме, в его динамичном развитии. Это путь к их верному решению» (ЦДА. Ф. 1Б. Оп. 68. А.е. 3272. Л. 34–38).

⁵⁰ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 102. А.е. 745. Л. 39.

⁵¹ Там же. Л. 41.

⁵² Стенограмма этой последней встречи Живкова с Горбачевым опубликована в журнале «Ново време». Ноябрь 2007. № 11. С. 104–112.

⁵³ Когда в это время Живков искал поддержки Москвы, он получил лобезный, но твердый отказ. Горбачев вспоминал: «Мы отвели просьбу

Живкова прибыть в Москву под предлогом посоветоваться» (*Горбачев М.С. Жизнь и реформы. Кн. 2. С. 372*).

⁵⁴ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 102. А.е. 745. Л. 108, 111.

⁵⁵ Тогда он писал: «Для нас были неприемлемы любые нарушения прав человека, и мы не хотели вмешиваться во внутренние дела Болгарии. Вместе с тем нельзя было просто устраниваться, сделать вид, будто нас все это не волнует. Поэтому мы довели до руководства НРБ и лично до Живкова свое мнение, что его позиция в отношении тюркоязычного меньшинства по крайней мере несправедлива» (*Горбачев М.С. Жизнь и реформы. Т. 2. С. 369*). Проблема состоит в том, что подобного утверждения не удастся найти нигде в болгарских архивных документах. Возможно, это было сказано устно, но Живков никогда и нигде об этом не вспоминает.

⁵⁶ *Томов Т. Превратът // Труд. 1998. 10–17 ноември.*

⁵⁷ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 102. А.е. 743. Л. 144.

⁵⁸ *Спасов М. Създаването на СДС. 1988–1991. София, 2001.*

⁵⁹ Избори 1990 г. Национален център за изучаване на общественото мнение. София, 1991.

⁶⁰ http://www.ach.gov.ru/userfiles/bulletins/04-buletен_doc_files-fl-1533.pdf, 15 януари 2011.

⁶¹ РГАНИ. Ф. 121. Оп. 5. А.е. 368. Л. 46.

⁶² Там же. Л. 49.

⁶³ Там же. Л. 90.

⁶⁴ Там же.

⁶⁵ Там же. Л. 92.

⁶⁶ Доклад «О политической обстановке в Болгарии и возможностях ее развития» (РГАНИ. Ф. 121. Оп. 104. А.е. 451. Л. 158).

⁶⁷ Там же. Ф. 121. Оп. 5. А.е. 368. Л. 49.

⁶⁸ Там же. Оп. 104. А.е. 451. Л. 158.

⁶⁹ *Баева И. България и Съветския съюз/Руската федерация пред предизвикателствата на новия световен ред след 1989 г. // България и Русия между признателността и прагматизма. Форум «България-Русия», ИИ — БАН, Институт по славяноведение — РАН. София, 2008. С. 722–732.*

РАЗДЕЛ II

НОСКОВА А. Ф.*

СТАЛИН — СИКОРСКИЙ:
ОТ ВОССТАНОВЛЕНИЯ К РАЗРЫВУ
ДИПЛОМАТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ
(ЛЕТО 1941 — ВЕСНА 1943 г.)

22 июня 1941 г. Германия напала на СССР, который стал участником вооруженного противостояния Германии и ее сателлитам. Немедленно последовало коренное изменение сил в мире. США и Великобритания развернулись «лицом» к Москве. В тот же день, выступая по радио, английский премьер-министр У. Черчилль, «не давши никому опомниться <...> поставил вопрос о продолжении войны до конца и о максимальной помощи СССР»¹.

23–24 июня «последовала аналогичная, хотя и более сдержанная реакция Вашингтона». Президент Ф.Д. Рузвельт считал восточный фронт «нечто большим, чем отвлечение» сил вермахта с западного фронта, что может привести к «освобождению Европы от нацистского господства». 24 июня он заявил о необходимости предоставить России «всю ту помощь, какую мы сможем»².

Так делались первые шаги к возникновению «Большой тройки» — Сталин, Черчилль, Рузвельт.

Польская реакция на 22 июня 1941 г. последовала 23 июля. На заседании правительства, располагавшегося с лета 1940 г. в Лондоне, было принято решение подождать советской инициативы на польском направлении. Однако глава кабинета Вл. Сикорский, будучи дальновидным политиком, уловил коренные перемены, которые внесли в расстановку международных сил нападение Германии на СССР и решительность выступления У. Черчилля. Генерал не мог не обратить внимания

* Носкова Альбина Федоровна — доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института славяноведения РАН.

и на то, что в речи премьера не было ни слова о вступлении Красной армии в восточные воеводства Польши 17 сентября 1939 г. и де-факто о прекращении тогда сторонами польско-советских отношений без объявления войны³.

23 июня Сикорский, не без воздействия Черчилля, выступил с речью по радио. Признав, что начало войны с СССР диктует «нам принципиальное переосмысление и проработку основ нашей политики», он выразил уверенность, что «Россия поглотит немецкие силы, даже при военном успехе, который не столь надежен, как кажется советникам Гитлера». Была высказана надежда, что СССР признает недействующим пакт с Гитлером и возвратится к принципам Рижского договора 1921 г., по которому Советская Россия, потерпев поражение в войне с Польшей, уступила ей западные районы Российской империи и признала польской территорией земли Восточной Галиции⁴.

На речь Сикорского 23 июня, где прозвучало фактическое приглашение СССР к диалогу, советское руководство отреагировало 3 июля 1941 г. инструкцией послу И.М. Майскому: «Мы стоим за создание независимого польского государства в границах национальной Польши, включая некоторые города и области, недавно отошедшие к СССР, причем вопрос о характере государственного режима Польши советское правительство считает внутренним делом самих поляков». Это означало готовность Москвы отказаться от договоренностей с Германией, однако, при сохранении основных советских территориальных приобретений в 1939 г. Одновременно Майский был уведомлен о возможности иной политики на польском направлении. Имелась в виду возможность на территории СССР «создать национальные комитеты и национальные части и оказать полякам, чехам и югославам помощь в деле вооружения и обмундирования этих национальных частей»⁵.

Это были советские условия договоренностей с правительством Вл. Сикорского. Их принципиальные положения обсуждались в Москве в ходе беседы И.В. Сталина и наркома иностранных дел В.М. Молотова с английским послом в СССР С. Крипсом. Сталин давал согласие освободить всех польских граждан, арестованных и депортированных в 1940–1941 гг. из Западной Украины и Западной Белоруссии⁶, уточнял условия создания польской армии в СССР.

Отсутствие советского отклика на речь беспокоило Сикорского и после встречи 4 июля с английским министром иностранных дел А. Иденом он просил правительство дать ему полномочия начать переговоры с советским послом в Великобритании Майским⁷.

5 июля в Лондоне, несмотря на существенные несовпадения в позициях сторон, начались переговоры Майского и Сикорского. Находясь под давлением членов кабинета, требовавших от генерала ни на йоту не отступать от восточной довоенной границы Польши, Сикорский постоянно вносил поправки в текст будущего соглашения, затягивая его подписание. В итоге «Москва не выдержала и заявила: если поляки не примут уже согласованных ранее формулировок, то могут отправляться на все четыре стороны». Угроза возымела действие и «Сикорский сразу же снял свои поправки»⁸.

Немалую роль в изменении позиции Сикорского сыграл Иден, который пообещал Сикорскому заявить о «непризнании территориальных перемен в Польше, происшедших во время войны». Но 30 июля, в день подписания советско-польского Соглашения о восстановлении отношений и создании польской армии в СССР, выступая перед парламентом, министр отказался гарантировать довоенную границу Польши с СССР.

Прозвучала рекомендация не поддерживать претензии «малых» стран на восстановление их довоенных границ и из Вашингтона⁹. Советская сторона могла быть этим довольна.

В ст. 1 Соглашения, подписанного Майским и Сикорским, признавались «утратившими силу» договоры с Германией касательно «территориальных перемен в Польше», хотя, какие перемены имелись в виду, не уточнялось. Отсутствовало и советское признание довоенной границы с Польшей, что в Москве посчитали достаточным на то время. Однако Сикорский воспринимал ст. 1 как советское молчаливое согласие на признание довоенной границы, «увидел» в этом «зацепку» для дальнейших переговоров и главное — отсутствие трудностей для военного сотрудничества. В Соглашении фиксировалось согласие СССР на создание польской армии «под командованием, назначенным польским правительством с согласия советского правительства», которое «будет действовать в оперативном отношении под руководством Верховного коман-

дования СССР». Командующим польской армией был назначен генерал В. Андерс. 19 августа была подписана специальная Военная конвенция о формировании «в кратчайший срок» сухопутных частей польской армии из находившихся в советском плену или интернированных польских военнослужащих рядового и офицерского состава. С этой целью специальным протоколом к Соглашению от 30 июля предусматривалась амнистия всем польским гражданам, находившимся в заключении¹⁰.

Казалось, складывались благоприятные условия для взаимодействия двух стран. Однако правительство Сикорского было коалиционным, и ряд важных постов занимали служители довоенного режима, сторонники Ю. Пилсудского и радикалы из рядов польских националистов (эндеков). Против Соглашения с СССР до и после его подписания выступали пилсудчики: президент Вл. Рачкевич, министр иностранных дел А. Залеский, генерал К. Соснковский, эндеки Т. Белецкий и М. Сейда. Они считали, что Сикорский преступно уступил по вопросу о границе. Поддерживали премьер-министра представители довоенной демократической оппозиции: члены крестьянской партии (Стронництва Людового — СЛ) Ст. Миколайчик, С. Кот, Польской Социалистической партии (ППС) Я. Станьчик, деятели близкого Сикорскому Стронництва Працы (СП) К. Попель, генерал Ю. Галлер. Они исходили из того, что граница будет восстановлена по итогам победы в войне западных союзников, в заслугу генерала выдвигали освобождение поляков из лагерей и создание польской армии. Сторонниками Сикорского были многие политики и офицеры, находившиеся на территории СССР. Согласно с намерениями генерала было командование будущей Армии крайовой и большинство подпольного партийно-политического руководства в Варшаве¹¹.

В итоге правительственный кризис, продолжавшийся несколько месяцев, завершился победой генерала. Из правительства ушли правые эндеки и пилсудчики. Их заменили представители ППС, СЛ, СП и отколовшаяся от ППС группа левых — «Польские социалисты», сторонники курса Сикорского на сотрудничество с СССР. Генерал К. Соснковский потерял свой пост куратора подполья в оккупированной гитлеровцами стране в пользу лидера СЛ Ст. Миколайчика. Послом в Москву отправился людовец С. Кот¹².

Однако все польские политики, включая Сикорского, отстаивали законность довоенной восточной границы Польши, которую СССР перестал признавать осенью 1939 г. В этом состояло генеральное противоречие между польским и советским правительствами. Западные державы де-юре продолжали признавать довоенную границу Польши, но не гарантировали полякам ее восстановление после войны. Все, вместе взятое, придавало территориальному спору двух стран устойчивый характер и предопределяло скорое возникновение трудностей при реализации документов, подписанных Майским и Сикорским в июле 1941 г.

Спор о государственной принадлежности территории порождал спор о гражданстве жителей территорий Польши, отторгнутых в 1939 г. в пользу СССР. Обнажилось различное понимание сторонами национального состава польской армии и ее предназначения. Сталин вовсе не ограничивался прагматичным подходом к использованию ее на советско-германском фронте как дополнительной военной силы. Москва была заинтересована в изменении всего климата текущих и послевоенных отношений с Польшей, чему могло способствовать участие поляков в боях вместе с советскими войсками. Неоднократно подчеркивалось, что СССР не покушается на государственность и вмешательство во внутренние дела невраждебной Москве Польши.

В намерениях Сикорского, несомненно, было использование армии, сформированной в СССР, для освобождения страны, возможного и с запада и с востока. При множестве морально-политических препятствий, отягощающих отношения двух правительств, польская армия в СССР могла стать важнейшим инструментом политики генерала на советском направлении, причем, со знаками как плюс, так и минус. Факт ее существования мог укрепить позиции Сикорского в «глазах» Москвы, усиливал положение премьера в коалиционном правительстве, расширял его возможности на международной арене, где Польша претендовала на свою зону оккупации Германии в будущем и на статус, близкий статусу ее западных союзников. Не могло не быть понимания того, что за участием польской армии в боях на восточном фронте последует ее участие вместе с Красной армией в освобождении страны, повышалась

вероятность возвращения правительства из эмиграции и сохранения власти довоенным политическим классом. Для выполнения такой программы, по признанию Сикорского в начале 1942 г., надо постараться, чтобы польская армия пришла в Польшу, что возможно лишь в случае сохранения дружеских отношений с СССР¹³.

Общая заинтересованность в разгроме Германии способствовала сотрудничеству, которое начиналось довольно успешно. К концу сентября в районы дислокации польской армии в Чкаловской и Саратовской областях прибыли около 40 тыс. поляков. К середине октября в армию было зачислено свыше 25 тыс. человек, включая 2 тыс. офицеров. По объективным причинам (нехватка вооружения для действующей Красной армии) советская сторона экипировала и вооружила две польские дивизии, но предупредила поляков о дефиците вооружения для самой Красной армии. Помимо проблем с вооружением и продовольственным снабжением польской армии, проявилась нехватка кадров, особенно офицерских. Москва 1 декабря разрешила возвращение из советского гражданства, полученного в 1939 г., в польское гражданство и призыв в армию поляков из западных районов Украины и Белоруссии¹⁴.

На многие вопросы можно было найти ответы во время визита Сикорского в Москву, куда он прибыл 2 декабря 1941 г. 3 декабря состоялась встреча генерала со Сталиным, который предложил для обсуждения широкий круг проблем, включая вопрос о границе Польши и СССР. Советский руководитель позитивно отреагировал на просьбу улучшить положение польского населения и увеличить число представительств польского правительства в местах проживания поляков¹⁵.

Намного сложнее оказалось обсуждение вопроса о польской армии. Еще в сентябре 1941 г. Москве стало известно, что Сикорский по настоянию У. Черчилля и, руководствуясь желанием уберечь поляков от участия в кровопролитных боях на восточном фронте, признал наиболее приемлемым использование польской армии там, где военные действия не велись. Речь шла о «районе Кавказа и Ирана, где поляки смогут подать руку нашим союзникам и российским тоже», и «будут сражаться рядом с советскими вооруженными силами»¹⁶. В октябре 1941 г. генерал уведомил Сталина о своем согласии с планом

Черчилля передислоцировать «возможно большее число» польских войск в Иран, где они получают английское вооружение и пройдут обучение¹⁷.

Во время переговоров в Москве генерал сообщил о намерении переправить из СССР на Ближний Восток всю польскую армию и весь призывной контингент, который будет зачислен в ее ряды в дальнейшем. Премьер оговорился, что после вооружения и обмундирования эта армия может и возвратиться на советско-германский фронт. Учитывая расположенность Сикорского и настойчивость Черчилля видеть ее на западном фронте, это было маловероятным. Реакция Сталина на это известие была отрицательной. Он считал, что вывод армии из СССР нарушает Военную конвенцию, подписанную сторонами, и нанесет вред общему делу борьбы против Германии¹⁸.

Сикорский, чтобы не заблокировать мобилизацию поляков на территории СССР, снял с обсуждения вопрос о непрерывном пополнении польской армии. Сталин, со своей стороны, дал согласие увеличить ее состав до 96 тыс. человек, передислоцировать в южные районы СССР и предоставить на нужды армии кредит в 300 млн рублей. По словам А.Я. Вышинского, «драматический момент» получил «благополучное разрешение», оказавшееся вскоре лишь временным¹⁹.

В ходе переговоров затрагивались и другие вопросы, в том числе и судьба польских офицеров, взятых в советский плен в 1939 г. Обсуждение вопроса, на который у советского руководства не было вразумительного ответа, а англичане и американцы не рекомендовали Сикорскому «давить» на Москву, не состоялось.

Атмосфера переговоров в декабре 1941 г. была в целом благожелательной. Сталин предлагал развить Соглашение 30 июля 1941 г. до уровня союзного договора об отношениях во время и после войны, изложил свой вариант концепции компенсации территориальных потерь Польши на востоке приращением земель на западе и расширением польского присутствия на Балтике. Он был конкретен и говорил о польской границе на р. Одер и принадлежности Восточной Пруссии Польше, допускал корректировку советско-польской границы 1941 г., в частности возвращение Львова полякам. Однако Сикорский не принял предложение Сталина обсудить

вопрос будущей советско-польской границы и некоторые иные послевоенные проблемы. Вплоть до конца 1942 г. генерал надеялся, что «может быть, польское правительство при поддержке Великобритании и Соединенных штатов, в конце концов, принудит советское правительство признать наши права на востоке»²⁰.

Польский премьер покидал СССР тогда, когда Красная армия практически остановила наступление вермахта под Москвой. 15 декабря он поздравил Сталина с победами Красной армии: «Выражаю Вам, вождю, создателю этой армии, мой восторг ее действиями в борьбе за общее дело, дело свободы народов»²¹. Генерал с большим боевым опытом реально оценивал успехи советских войск и с осторожностью их возможные политические последствия. Так, 8 января 1942 г. в специальном документе «Оценка ситуации на Восточном фронте», направленном в правительство Великобритании он писал: «Мой визит в Москву состоялся в ключевой момент восточной компании в 1941 г. К этому моменту сражения за Москву и Ростов, за стратегические ворота на Кавказ, достигли решающей стадии. Вне всякого сомнения, эти битвы останутся в военной истории примерами решительности и умелого сопротивления в условиях кризиса». Вместе с тем, имея в виду особый интерес в открытии западного фронта, где будет-де воевать армия под командованием генерала Андерса, премьер выказал обеспокоенность этими успехами, отметив, что «наиболее целесообразным будет обратить самое серьезное внимание вопросу организации второго фронта в Европе. Союзники, в первую очередь Великобритания и Америка, должны сделать свой шаг весной этого года, когда Гитлер, скорее всего, начнет новое наступление на Советский Союз»²².

Таким образом, позиции советского и польского правительств по межгосударственной границе и использованию польской армии не претерпели к концу 1941 г. существенных изменений. Правда, если Сталин говорил об уступках польской стороне по Львову²³, то Сикорский, отчитываясь в правительстве 15 января 1942 г. о поездке в Москву, был непреклонен и настаивал на том, что восточная польская «граница западно-христианской цивилизации» станет препятствием для проникновения большевиков в Европу. Вместе с тем, отметив,

что Сталин впервые «признал принцип невмешательства во внутренние дела суверенных государств», генерал высказывал непривычные для польских политиков суждения о необходимости прекратить традицию лавирования между Германией и СССР, заключить союз с Россией на антигерманской основе и «прокладывать дорогу в будущее, сглаживая отношения между нами»²⁴.

Обозначившаяся в позиции Сикорского тенденция на продолжение контактов с Москвой была развита в беседе с Иденом 3 марта 1942 г. Генерал, имея ввиду предложенную Сталиным концепцию расширения Польши на запад и северо-восток, заявил, что «если Польша получит Восточную Пруссию, вполне возможно, что Польша сможет сделать уступки советскому правительству в отношении польской восточной границы. Но никаких уступок не может быть сделано по вопросам Вильно и Львова»²⁵.

Настойчивая постановка Сикорским вопроса об открытии второго фронта и «прямой помощи Советской армии посредством значительного наращивания операций [союзных] ВМС и ВВС на континенте» содержится в письме А. Идену 9 марта и в меморандуме 13 апреля 1942 г. начальнику штаба армии США генералу Дж. Маршаллу. Причем, допуская возможное развитие ситуации на восточном фронте в 1942 г. в пользу германской армии, генерал считал открытие второго фронта «единственной реальной и эффективной мерой нашего содействия русским»²⁶.

Отмечая интерес Сикорского к открытию второго фронта, следует согласиться с мнением российских историков, что «идеи Сикорского в пользу скорейшего открытия англо-американцами второго фронта были тесно связаны с представлениями генерала о путях освобождения Польши». Добавим: освобождения с запада и Балкан исключительно силами англо-американских и польских войск при поддержке восставших поляков в центральной Польше и военными выступлениями в Вильно и Львове, чтобы «продемонстрировать антинемецкой вооруженной борьбой польские права на Восточные креслы»²⁷.

Вопреки, казалось бы, успешным переговорам в Москве, когда стороны, обойдя неразрешимые пока проблемы, сохра-

нили курс на военно-политическое взаимодействие в войне с Германией, 1942 год, самый тяжелый для СССР, прошел под знаком обострения советско-польских отношений. Несмотря на попытки советского руководства идти навстречу нуждам польского населения и просьбам командования польской армии, нарастала напряженность на разных уровнях контактов, ширились негативные настроения среди поляков. Наибольшие разногласия вызвал вопрос о судьбе армии. К 1 марта 1942 г. советская сторона выполнила договоренности с Сикорским о численном развертывании армии, которая насчитывала 60 тыс. человек и 3090 офицеров, и перебазировании ее в южные районы СССР. Хуже обстояли дела с участием поляков в боях рядом с Красной армией. Сроки отправки на фронт обсуждались, но постоянно не выполнялись польским командованием, которое, сославшись на недостаточное продовольственное снабжение армии (оно, действительно, было снижено в соответствии с постановлением ГКО, так как поляки не участвовали в боевых действиях) потребовало эвакуации до 40 тыс. поляков в Иран. На сей раз согласие было дано, и в марте–апреле, затем в августе 1942 г. через Красноводск в иранский порт Пехлеви выехали 75 491 военнослужащих и 37 756 членов их семей²⁸.

Среди аргументов за вывод армии значилась военно-стратегическая цель: сосредоточив все вооруженные силы на западе, заблаговременно занять место рядом с западными союзниками и англо-американскими войсками и вместе с ними прийти в Польшу. Такие настроения среди польского командования и распространенная надежда на предельное истощение сил Германии и СССР — двух врагов Польши, открывающие возможность воссоздать государство за счет территории Германии и при сохранении восточных кресел, оказывали сдерживающее влияние на политику генерала, который считал Красную армию способной «выстоять до полной победы». Но на него воздействовали укоренившиеся антисоветские настроения генералитета и офицерства, распространенная тогда уверенность в неспособности советских войск выдержать натиск вермахта.

Особую роль в польском решении о выводе армии и советском согласии на это сыграл Черчилль. В качестве фактора

давления, как на Сикорского (желание эвакуировать армию), так и на Сталина (отпустить поляков в Иран, отдать их Великобритании), использовался советско-польский спор о границе. При этом первом Черчилль не давал гарантии возвратить после войны довоенную границу с СССР, второму неоднократно говорил о признании границы 1941 г., но не соглашался зафиксировать ее документально и огласить публично. Столь же «сдержанную» позицию занимал и президент США Рузвельт, который, по словам Идена, был «готов на 100% облегчить» Москве ее получение, «но после войны». Такая позиция союзников позволяла Сикорскому, отчитываясь 14 апреля перед правительством о визите в марте 1942 г. в США, оценить настроения Рузвельта, слишком оптимистично: «Имея полную поддержку правительства США, <...> мы можем с полным доверием смотреть в будущее»²⁹.

В Москве, несомненно, учитывали кратно проявившуюся ненадежность договоренностей с командованием польской армии и влияние Черчилля на Сикорского. Тем не менее, Сталин, идя навстречу генералу, избегал осложнений с английским ходатаем за польское правительство. Приоритетными для Москвы были советские интересы, а именно открытие второго фронта в 1942 г. Решение же на этот счет было в руках Черчилля и Рузвельта. Соглашаясь на вывод польской армии, Сталин вовсе не проигрывал, получая другие «выгоды». Уступая Черчиллю, он рассчитывал (раньше или позже) на «компенсацию» в виде признания Великобританией западной границы СССР по состоянию на 1941 г. Уход польской армии из СССР открывал для Москвы и перспективу внешнеполитической «свободы рук» на польском направлении вплоть до выбора нового польского партнера вместо правительства в Лондоне.

Таким образом, эвакуация польской армии состоялась по разным причинам и с разными целями трех сторон. Больше всех выиграл Черчилль, который получил польскую армию, не поссорившись со Сталиным. Генерал Сикорский лично допустил крупнейшую военно-стратегическую и геополитическую ошибку. Он выпустил из рук важнейший инструмент не только военно-оперативного сотрудничества (Красная армия, в способности которой выстоять он был убежден, сражалась на кратчайшем пути к польским границам), но и геополити-

ческого взаимодействия с СССР при послевоенном урегулировании, роль которого уже можно было предвидеть. Польское правительство потерпело отложенное во времени поражение с далеко идущими последствиями. Оно утратило «важнейший козырь в шедшей и далеко незавершившейся партии со Сталиным», что упростило для Сталина ускоренный переход к «собственному варианту» решения польского вопроса³⁰.

С выводом армии польская сторона задала направление эволюции советско-польских отношений в сторону нарастающего обострения. Была утрачена возможность оперативно влиять на советскую политику в отношении польского населения в СССР, продолжать там мобилизацию в польскую армию. Это продемонстрировал В.М. Молотов на встрече 10 июня 1942 г. в Лондоне с Сикорским и министром иностранных дел Польши Э. Рачинским. Нарком отказал в просьбе эвакуировать польских детей из СССР и возобновить призыв поляков в польскую армию: она не воюет, нет необходимости ее разворачивать и «проводить эвакуацию за эвакуацией». Не помогло и заступничество Черчилля. Вместе с тем, Молотов положительно отреагировал на намерение генерала приехать в СССР в августе, чтобы «в личной беседе со Сталиным и с Молотовым поставить и решить ряд наиболее трудных вопросов»³¹.

На рубеже 1942–1943 гг. Сикорский совершил весьма продолжительный (4 декабря 1942 г.— 10 января 1943 г.) визит в США. Генерал представил президенту Рузвельту польский план создания конфедеративного союза «малых» государств, расположенных вдоль западных советских границ, для защиты от внешней угрозы с запада и востока и превращения Польши, союзной западным державам, в регионального лидера с соответствующим международным статусом. К этому переустройству на границах СССР без участия СССР Рузвельт не проявил особого интереса, но обратил внимание на польские претензии на восточные провинции Германии. Судя по переписке глав великих держав, вопросы послевоенного территориального урегулирования уже находились в компетенции «Большой тройки». Поэтому Сикорскому было рекомендовано согласовывать свои представления о территории послевоенной Польши не только с Черчиллем, но и со Сталиным, пойти с ним на компромисс. Сикорский внял совету Рузвельта и на

заседании правительства в Лондоне заявил о готовности нанести визит в Москву в случае полной поддержки Великобританией и США³².

Однако визит генерала в СССР не состоялся. Противоречия и уровень взаимного недоверия в советско-польских отношениях нарастали. Польская сторона продолжала настаивать на непрерывной эвакуации в Иран всех поляков, годных призыву в армию. В такой ситуации советское руководство Указом Верховного Совета СССР 16 января 1943 г. объявило гражданами СССР этнических поляков, подлежавших теперь призыву в Красную армию. Это решение стало поводом для оформления «широкого фронта польской эмиграции в Великобритании и США» против Сикорского. На отставке правительства и премьера настаивали правые радикалы среди эндеков (президент Рачкевич) и наиболее резко выступавший против Сикорского генералитет, в первую очередь министр обороны М. Кукель, генералы Соснковский и командовавший польской армией на Ближнем Востоке Андерс. От Сикорского требовали отставки с поста главы кабинета для демонстрации протеста против польской политики великих держав. Как писал Андерс президенту, «правительство должно с грохотом уйти и этим облегчить работу другим людям». Претендентом на пост премьера соглашался быть Соснковский³³.

Под давлением пилсудчиков, отвергавших любой компромисс с СССР, премьер-министр отказался от намерения совершить визит в СССР и ограничился 9 февраля 1943 г. личным посланием Сталину. Сикорский выражал ему «самые сердечные поздравления» с победой под Сталинградом, убеждал в поддержке сближения и сотрудничества двух стран, просил принять посла Ромера, но давал понять, что ни на какую ревизию довоенной границы он не пойдет. Под давлением оппозиции 25 февраля 1943 г., когда Ромера принимал нарком Молотов, правительство сделало специальное Заявление о нерушимости довоенных границ Польши с СССР³⁴.

Однако в Москве, отложив на время ответ на Заявление, отнеслись позитивно к просьбе Сикорского и в ночь с 26 на 27 февраля 1943 г. состоялась беседа Ромера со Сталиным. Обсуждался широкий круг вопросов. Из советской записи беседы следует, что польская сторона стремилась восстановить

сотрудничество, к чему Москва уже не имела прежнего ни военного, ни политического интереса. Поэтому Сталин «не услышал» предложение возвратить на советско-германский фронт вывезенные из СССР польские части. На вопрос Ромера о возобновлении призыва в польскую армию последовал ответ: при условии создания дивизии из добровольцев в составе Красной армии, что не устраивало посла³⁵.

Под влиянием положения на восточном фронте посол попытался привлечь интерес СССР к подчиненным правительствам в Лондоне подпольным военно-политическим организациям. В помощь Красной армии предлагалась диверсионная деятельность Армии крайовой (АК). Сталин «снизил» уровень предложения посла до установления контакта «между русско-украинскими и польскими партизанами», говорил о готовности в таком случае помогать отрядам АК оружием, боеприпасами, продовольствием. Посла такое предложение не устроило³⁶.

Хотя стороны задавали пределы компромисса (граница до 1 сентября — для Польши; граница на июнь 1941 г.— для СССР), они обозначали «точки» взаимодействия, а не обострения. Москва не закрывала возможности диалога, согласившись на продолжение переговоров на уровне посольств. В докладе правительству о встрече со Сталиным, Ромер отметил, что Сталин и Молотов «не сторонятся от бесед с нами, разрыва не хотят, на него не рассчитывают и хотели бы договоренностей без посредников»³⁷.

Сикорский, не сомневаясь в позиции Сталина о границе, направил к нему Ромера, чтобы поддержать в двусторонних отношениях поиск компромиссных решений ценой небольших уступок. Генерал рассчитывал, что, в конечном счете, «определять условия перемирия и послевоенных отношений в мире будут англосаксы» и «недооценил нарастания в перспективе силы и значения Советского Союза», упустил возможности диалога с СССР³⁸.

Сикорский ошибался в главном — в устойчивости поддержки западными союзниками его представлений о границах послевоенной Польши. Это показали состоявшиеся в марте 1943 г. встречи посла Майского с Иденом, беседы Идена с Рузвельтом и итоги его визита в Вашингтон (12–30 марта 1943 г.). Советская граница с Польшей («линия Керзона») с оговорка-

ми по Львову, принималась Иденом и Рузвельтом на условиях компенсации за счет Германии. Союзники соглашались, что «в вопросе о Польше должно быть достигнуто соглашение с СССР», и, по словам Рузвельта, «великие державы будут решать, что получит Польша». Такое согласие означало: Великобритания и США признают участие СССР в качестве одной из них «на правах абсолютного равенства в разрешении всех послевоенных проблем»³⁹.

15 апреля 1943 г. Черчилль уведомил генерала о происходящих переменах в политике западных союзников на польском направлении. Однако Сикорский, как политик и премьер-министр польского правительства, вероятно, не мог принять того, что разрешение польско-советских противоречий переходило с двустороннего польско-советского уровня в «ведение» трех великих держав, ведь это означало ущемление самостоятельности польского правительства как субъекта международных отношений. Он продолжал (или хотел) верить, что Великобритания и США будут принимать решение о послевоенном мироустройстве и не допустят советской экспансии в Европе. В этом был просчет генерала.

Информация, полученная Майским и послом СССР в Вашингтоне М.М. Литвиновым от Идена, убеждала советское руководство в отсутствии необходимости заинтересованности в прямых договоренностях с правительством Сикорского. Сама собой «снялась» для советской стороны и проблема польского подполья и АК в качестве ее партнеров. Разразившийся крупнейший международный скандал, вызванный сообщением немецкого радио 13 апреля об обнаружении под Смоленском останков 10 тыс. польских офицеров, расстрелянных весной 1940 г. по решению советского руководства⁴⁰ и реакция польского правительства на эту информацию создали условия для прекращения отношений СССР с правительством Сикорского.

События стали разворачиваться так, что из-за слишком поспешных польских «шагов», продиктованных стремлением нанести жесткий удар по имиджу и позиции СССР в «большой тройке», польское правительство вызвало продуманные ответные действия советской стороны⁴¹.

Некоторое время в Москве анализировали текст Коммюнике генерала Кукеля и Заявление польского правительства, по-

лученные от А.Н. Богомолова, посла в Лондоне при правительствах ряда «малых» стран. Не было ясности, почему Заявление сделано от имени лишь министров и какова позиция Сикорского. Выдвигалось предположение, что в польском правительстве «верх взял Соснковский и его клика»⁴².

На заседании польского правительства 18 апреля при участии Сикорского было принято решение о направлении ноты советской стороне. Вечером в Москву поступила важная телеграмма от Богомолова: «По информации т. Майского, у Черчилля, Идена и Рузвельта слагается мнение, что польское правительство не вернется в свою страну, но что Сикорского надо бы сохранить и добиться его возвращения в Польшу». Отвечая на «немой» вопрос Москвы о Сикорском, посол отметил, что «ненависть к нам <...> одинаковы и у Сикорского и у Соснковского и у военного министра Кукеля <...> конфликта между Сикорским и Соснковским уже нет». И далее: «Сикорский предпочел уклониться от прямого участия в этом деле»⁴³.

20 апреля 1943 г. ТАСС заявил, что польским правительством «делаются новые шаги к ухудшению отношений между Польшей и СССР». В этот день министр иностранных дел Э. Рачиньский подал Богомолову личную ноту с требованием «подробной и точной информации о судьбе военнопленных»⁴⁴. 21 апреля 1943 г. в 22 ч. 00 м. польская нота, где просматривалось доверие поляков к немецкой версии их гибели, была отправлена в Москву с рекомендацией Богомолова: «Считаю целесообразным вернуть полякам эту ноту без ответа»⁴⁵.

Предложение Богомолова опоздало. 21 апреля Сталин посланием Черчиллю уже отреагировал на ожесточенную антисоветскую атаку польской прессы и «совершенно ненормальное» поведение польского правительства еще до обращения в Москву⁴⁶. Он утверждал, что польское руководство «даже не сочло нужным обратиться к советскому правительству с какими-либо вопросами или за разъяснениями» (что было правдой.— АН). Оно, «скатившись на путь сговора с гитлеровским правительством»⁴⁷, прекратило на деле союзные отношения с СССР (что было неправдой.— АН), и стало на позицию враждебных отношений к Советскому Союзу». Сталин уведомил Черчилля о «необходимости прервать отношения» с правительством Сикорского⁴⁸.

22 апреля 1943 г., Майскому и Богомолу последовало указание: «немедленно прекратить какие бы то ни было отношения с правительством Сикорского». Оговорку: «Это нужно сделать, не порывая формально отношений с поляками и не делая никому никаких заявлений», — можно считать ожиданием реакции Черчилль⁴⁹.

Западные партнеры Сталина, прежде всего Черчилль, оказались в безвыходной ситуации. Они фактически не сопротивлялись, поступившись выяснением истины и интересами своей польской союзницы, включая её территориальные претензии. Черчилль, из-за приоритетного интереса продолжить эвакуацию поляков из СССР, стремился не допустить кризиса в советско-польских отношениях. Уже к 20 апреля было подготовлено его послание Сталину, где осуждалась «вредная и нелепая» идея обращения поляков в МККК, отрицалась причастность Сикорского к сговору с немцами, говорилось о немецкой информации как о «чрезвычайно эффективной пропаганде», хотя, по словам Майского, у Черчилля не было «стопроцентной уверенности в нашей невиновности»⁵⁰.

Английский премьер пытался удержать Сталина от разрыва отношений с правительством Сикорского, и, получив вечером 23 апреля послание из Москвы, отправил ответ уже 24 апреля. Он писал о том, что Иден «сегодня вечером встречается с Сикорским и будет с возможно большей настойчивостью просить его отказаться от поддержки какого-либо расследования под покровительством нацистов», предупреждал, что Сикорский «находится под угрозой свержения его поляками, которые считают, что он недостаточно защищал свой народ от Советов. Если он уйдет, мы получим кого-либо похуже». Далее следовала просьба не прерывать отношения с правительством Сикорского и «разрешить выехать в Иран дополнительному количеству поляков»⁵¹.

В тот же день, 24 апреля, состоялась встреча Идена с Сикорским, который был ознакомлен с посланием Сталина Черчиллю от 21 апреля, где говорилось о советском намерении прервать отношения с польским правительством. Иден оказал беспрецедентное давление на генерала, настаивал на публичном признании немецкой информации провокацией и убеждал Сикорского в том, что действия его правительства ведут

Польшу «к полному проигрышу с Россией», предрекал, что «Россия перебросит на вас всю ответственность за разрыв отношений». Иден пытался «во имя общих интересов» склонить премьера, который взял на себя ответственность за обращение в МККК, отозвать это обращение. Как следует из записи беседы, генерал отверг все обвинения в совместных действиях с немцами⁵², «решительно» отказывался от публичных признаний немецкой вины в гибели офицеров в Катыни и отзыва польского обращения в МККК. Усилия Идена были почти безуспешными. Сикорский выступил за договоренности с СССР, но без принципиальных уступок. Он соглашался лишь не оказывать давления на МККК при условии разрешения советской стороны на выезд около 100 тыс. поляков из СССР. Черчилль в послании, отправленном 25 апреля, ссылаясь на Идена, известил Сталина, что «Сикорский обязался не настаивать на просьбе о расследовании Красным Крестом», о чем обещал уведомить МККК в Берне⁵³.

Жесткое завершение советско-польского конфликта было крайне нежелательно для западных лидеров. Разными словами, но они предлагали Сталину считать его намерение не разрывом, а «последним предупреждением» полякам, «временным прекращением переговоров» Москвы с правительством Сикорского⁵⁴. Черчилль и Рузвельт понимали губительные последствия намерения Сталина для польского правительства и в первую очередь для генерала Сикорского, человека, которому они доверяли. Неизбежное в таком случае отстранение его с поста премьера означало конец политической карьеры генерала и могло привести в правительство крайне правых, неудержимо антисоветских, националистических деятелей эмиграции, мало управляемых союзниками. Могли исчезнуть всякие надежды на компромисс по территориальному спору Польши с СССР.

Между тем, в Москве вопрос о прекращении отношений с правительством Сикорского был «уже делом решенным», о чем 25 апреля Сталин уведомил Черчилля. В ночь с 25 на 26 апреля послу Польши Ромеру была зачитана соответствующая нота, текст которой вечером 26 апреля 1943 г. появился не в центральной печати, а в «Вечерней Москве», что было своеобразным учетом мнения Черчилля действовать «с осто-

рожностью». В связи с публикацией советской ноты Майский 27 апреля сделал вывод: СССР не будет возвращаться к отношениям с этим составом польского кабинета⁵⁵.

В создавшейся ситуации положение генерала Сикорского было весьма сложным. Правая оппозиция в правительстве, генералитет и часть сторонников премьера, на которых он просил английскую сторону не давить, обещая самостоятельно с ней справиться, не допускали даже малейших уступок «советам». Оппозиция требовала добиться эвакуации всех польских резервистов и их семей, восстановления деятельности благотворительных организаций, работавших в контакте с польским посольством на территории СССР. Такие требования разделял и Сикорский, что определяло его неготовность к смячению позиции и компромиссу на советском направлении⁵⁶.

На состоявшемся 27 апреля заседании польского правительства с участием президента Рачкевича после того как генерал изложил содержание беседы с Иденом 24 апреля, был предложен проект Заявления в ответ на советскую ноту о разрыве отношений. Сикорский предостерег кабинет от оптимистической оценки шансов англо-американского посредничества и подчеркнул необходимость осмотрительности, поскольку «Советы уверенно держат в резерве возможность создания своего польского правительства и формирования польских частей в составе Красной армии». К 3 час. дня текст Заявления был принят «с условием публичного оглашения сразу после представления его премьер-министру Черчиллю и министру Идену, а также послу [США] Биддлу»⁵⁷.

Английский премьер 27 и 28 апреля приложил все силы, чтобы не допустить публикации полученного текста, означавшего «объявление войны [Москве] не на жизнь, а на смерть»⁵⁸.

Во избежание обострения ситуации Черчилль «будто бы <...> крепко ругал поляков за их поведение», он и Иден «сдерживали» поляков, которые «петушились». Англичане оказывали беспрецедентное давление на Сикорского, понуждая ответить на советскую ноту осторожно, уступить, ради сохранения правительства и поста премьера, отозвать польское обращение в МККК. К вечеру 28 апреля «появилось, наконец, столь долгожданное и несколько раз откладывавшееся польское коммю-

нике», над созданием которого «сильно попотели» английские руководители, дважды возвращая текст документа польскому правительству для переделки. Документ, по словам Майского, «оказался хуже, чем можно было предполагать. Поляки стояли на своем». Стремясь несколько смягчить резкие оценки польского Заявления советским послом, Черчилль и Иден сообщили, что принимаются меры для того, «чтобы привести поль[скую] прессу в надлежащий вид»⁵⁹.

Тем временем МККК, со своей стороны и не без влияния Великобритании, уже отказался отправить специальную делегацию под Смоленск, сославшись на отсутствие соответствующей советской просьбы, что делало упорство поляков, казалось бы, лишённым какого-либо смысла. Но Обращение поляков в МККК оставалось вовсе не дезавуированным польским Заявлением от 28 апреля 1943 г.

Этот польский документ получил негативные оценки в английской печати. Так, редакция газеты «The Evening Standard», имея в виду обращение поляков в МККК, с сожалением констатировала: «В заявлении не говорится о непосредственной причине конфликта. Следовательно, его нельзя рассматривать, как шаг в сторону разрешения этого конфликта <...> [в нём] явно видна тенденция отыскать новые поводы для ссоры». Журналисты иных изданий пришли к выводу, что польское правительство «фактически принимает разрыв» отношений с Москвой, считали необходимым новое польское заявление. В лондонской печати многих стран Заявление польского правительства посчитали «ужасным документом»⁶⁰.

Газеты задавали правительству Великобритании важный вопрос, согласовывалось ли польское заявление с руководством страны и в какой мере она «несет ответственность за него». Правительство Черчилля пыталось оправдываться, сообщив корреспонденту ТАСС: «Мы не несем никакой ответственности» за польский документ. Лондон заявлял о незнании намерения «поляков обратиться к Международному Красному Кресту»⁶¹. Иден 29 апреля заверил Майского, что «позиция брит[анского] прав[ительства] в вопросе о польских границах ни на йоту не изменилась <...> [и] брит[анское] прав[ительство] по-прежнему ни в коей мере не гарантирует польских границ 1939 г.»⁶².

Вероятно, Черчилль и Иден вновь надавили на поляков, и 30 апреля Польское телеграфное агентство опубликовало краткий текст, где, сославшись на отсутствие в Заявлении от 28 апреля упоминания о польском обращении в МККК и на извещение польской стороны Красным Крестом о трудностях при выполнении польской просьбы, делался вывод: «Польское правительство считает, что его обращение взято обратно»⁶³.

После состоявшегося разрыва отношений с правительством Сикорского заверения Идена и пожелания Черчилля Майскому 30 апреля 1943 г. («Надо же все-таки поискать путей для урегулирования возникшего конфликта!») не встретили позитивной реакции с советской стороны, о чем свидетельствовал ответ Майского Черчиллю: «С нынешним польским правительством мы восстанавливать отношения не будем <...>. Что касается лично Сикорского, то он мне кажется человеком, понимающим важность добрых отношений с СССР, но, к сожалению, слишком слабым». В послании Рузвельту 4 мая 1943 г. Сталин был не столь категоричен и лишь высказал сомнение в возможности восстановления отношений с этим польским правительством: «Несмотря на Ваше сообщение о готовности польского правительства лояльно работать с Советским правительством, я сомневаюсь, чтобы оно могло сдержать свое слово <...> Сикорский до того беспомощен, <...> что нет никакой уверенности, что Сикорский сумеет сохранить лояльность в отношениях с Советским Союзом»⁶⁴.

Для Сталина значительно важнее был другой результат разрыва отношений с правительством Сикорского. Политическое поведение западных лидеров в ходе конфликта, в частности упорное принуждение поляков к уступкам, признанию их реакции на информацию немцев «тяжелой ошибкой», убеждало Москву, что сохранение взаимодействия с СССР для Черчилля и Рузвельта много существенней отношений с Сикорским, включая вопрос о восточной границе Польши. Партнеры Сталина отчетливо показали, что Польша еще до конфликта утратила свою позицию и до этого весьма скромного «скромного» во многом зависимого от Лондона субъекта антигитлеровской коалиции. Теперь её правительство, независимо от состава кабинета, не являлось партнером в треугольнике: западные державы — СССР — Польша, оно

становилось объектом согласованной или «индивидуальной» политики главных союзников по коалиции, в первую очередь СССР. Таким образом, усилия польской стороны использовать немецкую информацию, чтобы политически и морально «обезоружить» Сталина перед союзниками, были контрпродуктивными. Они сказались на судьбе правительства Сикорского и в целом польской эмиграции.

Ситуация СССР выглядела по-иному. Отношения с Польшей возвращались на исходные рубежи лета 1941 г. СССР, однако, имел теперь возможность, не оглядываясь на миротворческие усилия союзников, ждать появления нового по составу польского политического партнера, или создать его. Не исключалось ни то, ни другое. Такой партнер должен был бы покончить с враждебностью к СССР и принять советский вариант урегулирования территориального спора.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Документы внешней политики СССР. М., 2000. Т. 24. С. 5; Научное наследие. Иван Михайлович Майский. Дневник дипломата. М., 2009. Кн. 2. Ч. 2. С. 7, 336–337.

² Цит. по: *Печатнов В.О., Магадеев И.Э.* Переписка Сталина с Рузвельтом и Черчиллем в годы Великой Отечественной войны. Документальное исследование. М., 2015. Т. 1. С. 26.

³ См.: Польша в XX веке. Очерки политической истории. М., 2012. С. 261–285.

⁴ Там же. С. 123–133.

⁵ Документы и материалы по истории советско-польских отношений. М., 1973. Т. VII. С. 198.

⁶ На август 1940 г. было выселено 292 513 человек. См. подр.: Депортации польских граждан из Западной Украины и Западной Белоруссии в 1940 г.— *Deportacje obywateli polskich z Zachodniej Ukrainy i Zachodniej Białorusi w 1940 roku.* Warszawa. 2003. С. 26–28, 566, 678–685, 704–706, 713–718.

⁷ *Duraczyński E.* Kontrowersje i konflikty. 1939–1941. Warszawa, 1979. S. 360–362; *Ibidem.* Polska. 1939–1945. Dzieje polityczne. Warszawa, 1999. S. 189.

⁸ Научное наследие. Иван Михайлович Майский. С. 25, 27–28.

⁹ *Duraczyński E.* Polska. 1939–1945. S. 192; *Tebinka J.* Polityka brytyjska wobec problemu granicy polsko-radzieckiej. 1939–1945. Warszawa, 1998. S. 153–155, 157.

¹⁰ По данным НКВД на июнь 1941 г. таковых было 493 310 человек, включая интернированных и военнопленных. Из них почти 85 тыс. военнослужащих уже были освобождены или переданы Германии (Государственный архив Российской Федерации. Далее: ГА РФ. Ф. 9401. Оп. 2. Д. 105. Л. 19).

¹¹ *Duraczyński E.* Kontrowersje i konflikty. S. 363–383, 394–399, 401–402.

¹² *Ibid.* S. 403–404.

¹³ Документы внешней политики СССР. С. 420; *Armia Krajowa w dokumentach.* London, 1973. Т. 2. S. 203.

¹⁴ Документы и материалы по истории советско-польских отношений (Далее: ДМИСПО). Т. 7. М., 1973. С. 255–256. См. подр.: Польша в XX веке. С. 261–285.

¹⁵ См. подр.: ДМИСПО. М., 1973. Т. 7. С. 271–273; Сталин — Сикорский — Андерс (Из внешнеполитических документов 1941 г.) // Международная жизнь. 1990. № 12. С. 124–140.

¹⁶ Имелась в виду группа советских оккупационных войск, которые в 1941 г. по соглашению с Великобританией занимали северную часть территории Ирана.

¹⁷ Цит. по: *Duraczyński E.* Polska. S. 197–198.

¹⁸ Документы внешней политики СССР. Т. 24. С. 236; ДМИСПО. Т. 7. С. 258.

¹⁹ Русский архив. Великая Отечественная. М., 1994. Т. 14. 3(1). СССР и Польша. 1941–1945. К истории формирования военно-политического союза. С. 51–53, 56–58.

²⁰ Цит. по: *Парсаданова В.С.* Советско-польские отношения в годы Великой отечественной войны. 1941–1945 гг. М., 1982. С. 66.

²¹ Документы и материалы по истории советско-польских отношений. С. 266.

²² С доводом Сикорского о втором фронте английское руководство не согласилось. Опасения генерала вскоре подтвердил начальник II отдела (разведка и контрразведка) Главного штаба верховного главнокомандующего Польскими вооруженными силами полковник Л. Миткевич: «Если прошлой осенью Сикорский невысоко оценил потенциал Советской армии, то теперь, напротив, он опасается, что [войскам союзников] не получится ее сдержать до того момента, как Польшу присоединят к территории СССР» (Путь к Великой Победе. СССР в войне глазами западных современников. Документы и материалы М., 2015. С. 158–159, 162, 170).

²³ Вслед за Сикорским, в середине декабря, в Москве побывал Иден. Советский лидер заявил о готовности поддержать претензии польского правительства на часть территории Германии при условии сохранения за СССР почти всего того, что было им приобретено

осенью 1939 г. на востоке Польши. На сей раз, как и в 1939 г., он не получил английского согласия на такие перемены. *Ржешевский О.А.* Сталин и Черчилль. Встречи. Беседы. Дискуссии. М., 2004. С. 44, 50, 54.

²⁴ *Dzieje Najnowsze.* 1994. N. 4. S. 114–123.

²⁵ Путь к Великой Победе. СССР в войне глазами западных современников. С. 189.

²⁶ Там же. С. 191, 210.

²⁷ Там же. С. 212; Польша в XX веке. С. 331; *Armia Krajowa w dokumentach.* Т. 2. S. 328–329.

²⁸ См.: Документы и материалы по истории советско-польских отношений. С. 302–305, 312–316.

²⁹ Цит. по: *Duraczyński E.* Polska. 1939–1945. S. 217–219, 213; Научное наследие. Иван Михайлович Майский. С. 104, 108–109, 115.

³⁰ *Duraczyński E.* Sprawy polskie minionego wieku. Kraków, 2011. S. 432.

³¹ *Ржешевский О.А.* Сталин и Черчилль. С. 211–213, 245, 329–333, 148; Документы и материалы по истории советско-польских отношений. С. 312–316.

³² *Duraczyński E.* Rząd polski na uchodźstwie. 1939–1945. Warszawa, 1993. S. 212–215; *Duraczyński E., Turkowski R.* O Polsce na uchodźstwie. 1939–1945. Warszawa, 1999. S. 129.

³³ Цит. по: *Duraczyński E.* Polska. 1939–1945. S. 229.

³⁴ Документ вызвал советскую отповедь 2 марта 1943 г. (ДМИСПО. С. 349–351). 4 марта 1943 г. на непримиримую позицию польского правительства отреагировал в дневнике Майский: «Странная нация поляки! На протяжении всей своей истории она с необыкновенной ясностью выявила абсолютное отсутствие таланта к серьезному государственному строительству <...>. В области внешнеполитической Польша не раз ставила себе такие задачи, которые явно превосходили ее реальные экономические, политические и военные возможности <...>. Результатом были тяжелые крахи и поражения» (Научное наследие. Иван Михайлович Майский. С. 233).

³⁵ Сталин и Польша. 1943–1944. Из рассекреченных документов российских архивов // Новая и новейшая история. 2008. № 3. С. 110–124, 117–118.

³⁶ На вопрос Ромера о будущей власти в Польше прозвучал ответ: «советские войска <...> дойдут до Польши, освободят Польшу от немцев и отдадут ее польскому правительству» (Там же. С. 111–113).

³⁷ Там же. С. 119, 122; Цит. по: *Duraczyński E.* Rząd polski na uchodźstwie. S. 219.

³⁸ *Duraczyński E.* Rząd polski na uchodźstwie. S. 231.

³⁹ Научное наследие. Иван Михайлович Майский. С. 237–238, 247; Советско-английские отношения во время Великой Отечественной

войны. 1941–1945. М., 1983. Т. 1. С. 350–351, 367–370; *Duraczyński E.* Polska. 1939–1945. S. 230.

⁴⁰ См. подр.: Катинь: пленники необъявленной войны. М., 1997; Катинь. Март 1940 г.— сентябрь 2000 г. Расстрел. Судьбы живых. Эхо Катини: Документы. М., 2001 и др.

⁴¹ Речь идет о Коммюнике 16 апреля министра обороны Кукеля, который от имени правительства обратился в Международный Комитет Красного Креста «с просьбой направить свою делегацию на место, где, как заявляется, были убиты польские военнопленные» и Заявлении в отсутствие Сикорского польского правительства от 17 апреля о том, что правительство 15 апреля поручило своему представителю в Швейцарии обратиться в МККК, что и было сделано (Документы внешней политики СССР. 2 января — 31 августа 1943 г. Майкоп, 2016. С. 309); *Матерский В.* Катинская трагедия и разрыв польско-советских отношений // Великая Отечественная война. 1943 год. М., 2013. С. 57–58.

⁴² Архив Президента РФ. Ф. 3. Д. 25. Л. 58.

⁴³ Документы внешней политики СССР. 2 января — 31 августа 1943 г. С. 307–309; 310–311.

⁴⁴ *Матерский В.* Катинская трагедия... С. 59.

⁴⁵ Архив Президента РФ. Ф. 3. Д. 25. Л. 71. Опубл.: Документы внешней политики СССР. 2 января — 31 августа 1943 г. С. 325–328.

⁴⁶ Аналогичный текст направлялся и Рузвельту.

⁴⁷ Имеется в виду почти одновременное обращение в МСККК и поляков и немцев.

⁴⁸ Там же. С. 322–323, 325–328. Из дневника Майского известно, что послание Сталина пришло в посольство 23 апреля «к ленчу» и вечером было вручено Черчиллю (Научное наследие. Иван Михайлович Майский. С. 263).

⁴⁹ *Печатнов В.О., Магадеев И.Э.* Переписка Сталина с Рузвельгом и Черчиллем... С. 432; Документы внешней политики СССР. 2 января — 31 августа 1943 г. С. 331.

⁵⁰ *Печатнов В.О., Магадеев И.Э.* Переписка Сталина с Рузвельгом и Черчиллем... С. 432–433.

⁵¹ Там же. С. 435.

⁵² Командование Армии крайовой разделяло антигерманский курс правительства. Тем не менее, 29 апреля 1943 г. генерал С. Ровецкий доносил из Варшавы: «Используя наш нынешний конфликт с Россией, я ограничил военные акции против Вермахта, в особенности на коммуникациях, ведущих на восток. Зато я активизировал террористические акты против гестапо, полиции и нем[ецкой] администрации. Такую тактику я намерен усилить последующими военными акциями». Тактику Ровецкого следует признать немешающей действи-

ям вермахта против Красной армии, а значит антисоветской (Armia Krajowa w dokumentach. 1939–1945. Wrocław, Warszawa, Kraków, 1991. Т. III. Kwiecień 1943 — lipiec 1944. S. 1).

⁵³ Protokoły z posiedzeń Rady Ministrów Rzeczypospolitej Polskiej / Red. naukowa Marian Zgórnjak. Kraków, 1994–2008. Т. 1–8. Kraków, 2001. Т.V. Aneks № 170А. S. 408–415; *Печатнов В.О. Магадеев И.Э.* Переписка Сталина с Рузвельтом и Черчиллем... С. 437–438.

⁵⁴ *Печатнов В.О., Магадеев И.Э.* Переписка Сталина с Рузвельтом и Черчиллем... С. 435, 439.

⁵⁵ ДМИСПО. С. 356–357; В этот день он записал в дневнике: «Мне кажется, что нашей целью является взорвать правительство Сикорского и очистить путь для создания более демократического и дружественного поль[ского] пра[вительства] к моменту или в момент, когда Красная армия окажется на польской территории. Такая линия правильна: <...> лондонская эмиграция, включая поль[ское] пра[вительство] Сикорского, совершенно безнадёжна» (Научное наследие. Иван Михайлович Майский. С. 272–273).

⁵⁶ Свое влияние на генерала оказывала резко обострившаяся ситуация в польских частях, эвакуированных из СССР и находившихся на территории советской зоны оккупации Ирана. В итальянской и немецкой печати 27 и 28 апреля 1943 г. прошла информация о том, что «среди польских солдат усиливается волнение в связи с боязнью того, что большевистские вожди в один прекрасный день могут уготовить им такую же судьбу», что «негодование польских солдат приняло резкие формы вплоть до перестрелки с советскими отрядами, которым поручено наблюдать за ними. Насчитывается несколько раненых с обеих сторон». Сообщалось, что «английское военное командование издало распоряжение об удалении из Ирана всех, находящихся там польских военных во избежание их соприкосновения с советскими войсками» (ГАРФ. Ф. Р-4559. Оп. 27. Д. 1908. Л. 22).

⁵⁷ Polski Instytut Sikorskiego Muzeum. Prezydium Rady Ministrów. K. 102/57d, k. 65–67.

⁵⁸ Цит. по: *Печатнов В.О. Магадеев И.Э.* Переписка Сталина с Рузвельтом и Черчиллем... С. 435–436.

⁵⁹ Научное наследие. Иван Михайлович Майский. С. 273–274.

⁶⁰ ГАРФ. Ф. Р-4459. Оп. 27. Д. 2010. Л. 22.

⁶¹ ГАРФ. Ф. Р-4459. Оп. 27. Д. 1266. Л. 34–35; АВП РФ. Ф. 06. Оп. 5. П. 27. Д. 312. Л. 15–17.

⁶² Научное наследие. Иван Михайлович Майский. С. 276.

⁶³ ГАРФ. Ф. Р-4459. Оп. 27. Д. 2090. Л. 184.

⁶⁴ Научное наследие. С. 277, 279; *Печатнов В.О., Магадеев И.Э.* Переписка Сталина с Рузвельтом и Черчиллем... С. 449.

ПОКИВАЙЛОВА Т.А.*

ИЗ ИСТОРИИ СОВЕТСКО-РУМЫНСКИХ
ОТНОШЕНИЙ 1943–1944 гг.:
РУМЫНСКИЙ КОРОЛЬ МИХАЙ
И СОВЕТСКОЕ РУКОВОДСТВО

Проблема, касающаяся отношения советского руководства к румынскому королю Михаю на завершающем этапе Второй мировой войны долгое время оставалась малоизученной в российской историографии, прежде всего из-за ограниченности источниковой базы. Введение в последние годы в научный оборот новых документов из российских архивов, в частности, из Архива внешней политики Российской Федерации (АВП РФ) и Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ), позволяет рассмотреть некоторые ее аспекты, которые не получили отражения в исследованиях, в том числе и зарубежных авторов.

Время правления румынского короля Михайя I было весьма сложным, наполненным драматическими событиями с негативными последствиями как для самого монарха, так и для всего румынского общества. Михай I вступил на престол 6 сентября 1940 г. в возрасте 18 лет в условиях глубокого политического кризиса в результате отстранения от престола его отца Кароля II военной хунтой во главе с генералом И. Антонеску**. Последний возглавил легионерское правительство, а после подавления фашистского мятежа

* Покивайлова Татьяна Андреевна — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института славяноведения РАН.

** Недовольство в обществе политикой Кароля II было связано с территориальными потерями Румынии в 1940 г., прежде всего Северной Трансильвании, которая по Второму Венскому арбитражу 30 августа 1940 г. отошла к Венгрии.

в январе 1941 г. стал единоличным правителем (кондукэторулом) румынского государства. Михай, по сути, был лишен реальной власти в стране.

В 1943–1944 гг., когда исход войны был предreshен победами Красной армии на Восточном фронте, перед советским руководством встал вопрос о будущем послевоенном государственном устройстве Румынии. В тот период уже было ясно, что Румыния войдет в сферу влияния и особых интересов Советского Союза в восточноевропейском регионе¹.

Вопрос о судьбе монархии в послевоенной Румынии активно обсуждался в Москве еще в конце 1943 — середине 1944 г. В октябре 1943 г. в Комиссии НКВД СССР по подготовке проектов мирных договоров и послевоенного устройства во главе с заместителем наркома иностранных дел СССР М.М. Литвиновым была составлена справка под названием «О будущем Румынии». Ее подписали заведующий IV Европейского отдела Наркомата иностранных дел СССР (НКВД) В.А. Зорин и старший референт отдела Н.Т. Федоров. В этой справке среди прочих поднимался вопрос о будущем политическом устройстве Румынии. Со ссылкой на позиции румынских эмигрантских кругов, находившихся в Великобритании и США, а также представителей правительств этих стран, авторы обосновывали целесообразность сохранения в Румынии конституционной монархии².

Такой подход НКВД соответствовал общей концепции советского руководства в тот период: вопрос о пролетарских революциях и изменении государственного устройства в странах Центральной и Юго-Восточной Европы на ближайшую перспективу не ставился. В противном случае это неизбежно ухудшило бы отношения с СССР с Соединенными Штатами и Великобританией, а такой сценарий развития ситуации в условиях продолжающейся войны и сотрудничества с западными странами против гитлеровской Германии не устраивал советское правительство.

Что же касается кандидатуры будущего монарха, то в этом плане, как представляется, не было выраженных предпочтений. Рассматривались варианты сохранения находившегося на троне в период войны короля Михая I или замены его Каролем II.

Авторы справки отметили, что среди румынской эмиграции «по вопросу о кандидатуре короля будущей Румынии имеются различные мнения. Румынский национальный комитет в Лондоне под руководством бывшего румынского посланника в Англии В. Тили выступал за то, чтобы на троне» был оставлен нынешний король Михай. «Позиция Англии в печати высказана не была <...> Ясно только, что Англия выступает против бывшего короля Кароля», — читаем далее. «О планах США в отношении Румынии ничего определенного сказать нельзя»³.

В документе акцентировалось внимание и на других точках зрения. Приводилось, например, заявление бывшего коммерческого атташе Румынии в Лондоне Д. Матееску, который считал, что король Михай должен нести ответственность за участие страны в войне против союзников. Комитет свободной Румынии, находившийся в США возглавляемый Л. Фишером, выступал «за возведение на престол короля Кароля». Союз защиты демократии под руководством К. Давилы, сподвижника бывшего министра иностранных дел Румынии Н. Титулеску, воспротивился возвращению этой кандидатуры на трон⁴. В справке особое внимание уделялось высказыванию руководителя Торгового отдела МИД Румынии Г. Никулеску-Будешть, который на переговорах в Стокгольме при подписании шведско-румынского торгового договора в августе 1943 г. заявил: «Слухи о том, что бывший король Кароль II может вернуться в Румынию, не обоснованы. Что касается короля Михая, то он не участвовал активно в войне, он только один раз неофициально посетил румынские войска, находившиеся на русском фронте <...>. Румыны, разумеется, — продолжил Никулеску-Будешть, — не думают продолжать войну до бесконечности»⁵.

Что касается позиции самого короля Михая, то как следует из переписки располагавшего подобной информацией английского посла в Москве А.К. Керра с министром иностранных дел СССР В.М. Молотовым, Михай I в условиях поражения Германии на восточном фронте, якобы, был готов покинуть Румынию и создать в нейтральной стране или на территории союзников «свободное румынское правительство», поддерживающее антигитлеровскую коалицию. Одна-

ко и советская, и английская стороны в этом вопросе придерживались единой точки зрения о нецелесообразности подобной акции в виду ее бесполезности⁶. Основываясь на документальных источниках, в связи с этим следует отметить, что тогда ни король Михай, ни особенно его мать, греческая принцесса Елена, симпатии которой были на стороне Греции, не были активными сторонниками нацистской Германии, более того, летом 1944 г. Михай последовал совету западных держав, которые по просьбе Сталина рекомендовали ему пойти на сотрудничество с социал-демократами и коммунистами⁷. С этого момента за спиной коммунистов всегда маячила тень Сталина. Оценивая роль коммунистов в последующих событиях 23 августа 1944 г., первый секретарь советского посольства в Бухаресте С. Дангулов писал в январе 1947 г.: «Что же касается участия в государственном перевороте коммунистов, то вернее будет сказать, что король привлек коммунистов к участию в государственном перевороте, нежели коммунисты привлекли короля»⁸.

Тем не менее, советское руководство, как свидетельствуют документы, не исключало возможность возвращения на трон и бывшего румынского короля Кароля II. Это также подтверждается и донесением наркома внутренних дел СССР Л.П. Берии лично И.В. Сталину о содержании беседы, состоявшейся 22 мая с узниками советских лагерей для военнопленных — румынскими генералами Н. Мазарини, Л. Ласкиром, Думитриу «об их отношении к находившемуся в эмиграции бывшему румынскому королю Каролю и восприятию его со стороны различных политических кругов страны». Так, со слов Берии, генералы Мазарини и Думитриу особо подчеркнули, что они будут сотрудничать с королем Каролем, но «только в том случае, если его будет поддерживать правительство Союза ССР, и что они отказываются действовать с ним, если короля будут поддерживать только Англия и США». В то же время генерал Мазарини сказал, что возвращение короля Кароля в страну маловероятно, и вообще его поведение в личной жизни (имеется в виду развод с королевой Еленой и любовная связь с еврейкой Еленой Лупеску), а также «его тенденции к диктатуре не дают мне возможности сохранить по отношению к нему искренние чувства».

Кроме того, генералы опасались, что возникнет конфликт между отцом и сыном, но особенно между Каролом II и его бывшей женой королевой Еленой. По мнению же генерала Димитриу, король Михай в Румынии не имеет веса. «Это — ребенок без всякой власти. Михаилу придется покинуть страну, так как все политические партии, народ и армия поддерживать его не будут».

Однако государственный переворот 23 августа 1944 г., главным действующим лицом которого стал Михай I, на короткий послевоенный период повлиял на судьбу как самого короля, так и монархии в целом.

Ранее, немногим более чем за два месяца до этого события, 14 июня 1944 г., во дворце состоялось секретное совещание, в котором участвовали представители королевского дворца — генералы К. Санатеску, Г. Михаил, а также приближенные к королю Михаю И. Стырча, М. Ионицою, Н. Никулеску-Будешть, а также полковник М. Дэмечану. От коммунистов на этом совещании присутствовали Э. Боднэраш и Л. Патрашкану. Совещание приняло план действий по выходу из войны на стороне гитлеровской Германии и переходу ее на сторону антигитлеровской коалиции. Был создан военный комитет, который должен был стать организатором разрыва с гитлеровской Германией и выхода Румынии из войны. О плане действий было сообщено румынским представителям в Анкаре и Каире. 23 августа 1944 г. по личному приказу Михая в его дворце были арестованы И. Антонеску и министр иностранных дел М. Антонеску. Румыния порвала с гитлеровской Германией и перешла на сторону антигитлеровской коалиции. События развивались в условиях полного разгрома германских и румынских войск Красной армией в ходе Яско-Кишиневской операции и продвижения советских войск вглубь территории Румынии. Сложившаяся ситуация показывала, что иного выхода, чем тот, который Михай I избрал, у него не было. 26 августа 1944 г., по информации советского посла в Турции С.А. Виноградова, король заявил английскому офицеру де Шастелену, находившемуся до 23 августа в румынском плену, что «намерением его страны является установление прочных дружественных отношений в первую очередь с Советским Союзом, без всякого посредничества прямо через Москву»⁹.

За мужественный акт решительного поворота Румынии в сторону разрыва с гитлеровской Германией и перехода на сторону союза с Объединенными нациями, румынский король Михай был награжден высшим советским военным орденом Победы. Как отмечал позднее советский дипломат Дангулов, «роль восставших масс в осуществлении свержения режима Антонеску была преувеличена. Уже после того, как произошел переворот, — пишет С. Дангулов в справке в Москву, датированной 7 января 1947 г., — в некоторых кругах, близких к левым партиям, делались попытки представить дело так, будто бы переворот был совершен чуть ли не под напором народных масс. Причем дело представлялось так, что в восстании участвовали многие тысячи рабочих. Но неоспоримые факты свидетельствуют о том, что такого рода утверждения лишены оснований <...>. Следует, однако, признать, что в момент, когда переворот был уже осуществлен, в этих операциях, и в частности, в районах Бухареста и Плоешти в их освобождении принимало участие несколько рабочих дружин, но они не сыграли сколько-нибудь значительной роли в разгроме немцев, так как на столицу уже шли мощные советские армии»¹⁰. 31 августа 1944 г. части Красной армии вошли в Бухарест. По мнению советского дипломата, «августовский переворот являлся одной из разновидностей государственного переворота»¹¹.

В соответствии с восстановленным королевским декретом от 31 августа 1944 г. действием Конституций 1866 г. и 1923 г. Румыния оставалась монархией. Однако она находилась в специфических условиях присутствия на ее территории частей Красной армии, а также функционирования Союзной Контрольной Комиссии (СКК). За королем сохранялось право формировать правительство и подписывать декреты. Именно вокруг комплектования состава будущих правительств Румынии и назначения их премьер-министров развернулась впоследствии острая политическая борьба. Она достигла кульминации при отставке главы третьего по счету после 23 августа правительства генерала Н. Радеску и формирования в марте 1945 г. нового, прокоммунистического правительства во главе с лидером крестьянской организации «Фронт земледельцев» П. Грозой.

Москва в качестве рычага давления на короля и политические партии использовала также нерешенность трансильванского вопроса. Советское руководство завершило Грозу, что в случае прихода к власти правительства Национально-демократического фронта, в котором, как предполагалось, основные силовые министерства будут принадлежать коммунистам, способным в силу этого контролировать и само правительство, в Трансильвании будет установлена румынская администрация. Этот аргумент, в свою очередь, Петру Гроза использовал с целью убедить короля сформировать предложенное им правительство. Король маневрировал, затягивал решение вопроса, предлагал свои варианты, однако прямое вмешательство советских представителей и лично прибывшего в конце февраля 1945 г. в Бухарест заместителя наркома иностранных дел СССР А.Я. Вышинского заставило Михая I 6 марта 1945 г. признать правительство, предложенное Грозой, легитимным. В нем представители компартии возглавили силовые министерства, а влиятельные Национал-царанистская (НЦП) и Национал-либеральная (НЛП) партии (до этого составлявшие большинство в предыдущих правительствах) были, по сути, оттеснены от власти. Король, таким образом, оказался вынужден уступить давлению советского руководства. Дело дошло до того, что в ответ «на просьбу» короля решением Политбюро ЦК ВКП(б) по личному указанию Сталина к Михаяу были «прикомандированы» два офицера связи, «хорошо подготовленные и знающие французский язык», с целью «поддерживать непосредственный и постоянный контакт с СКК»¹².

В то же время документы российских архивов показывают, что практически все политические деятели антикоммунистической оппозиции, в том числе король и его окружение, не только находились в прямом и непосредственном контакте с советскими представителями, но и всячески подчеркивали свою лояльность советскому руководству, добивались его благосклонности и поддержки, что, впрочем, не мешало им сохранять связи с англичанами и американцами. В то же время у значительной части населения Румынии присутствовала определенная эйфория по поводу СССР как державы-победительницы во Второй мировой войне.

Сам же король Михай пытался взять на себя роль объединяющего нацию фактора, что в условиях острейшего политического противостояния не всегда удавалось.

Существенную роль в политической жизни страны играл субъективный фактор. Король был молод, увлекался спортом, опыта государственной деятельности у него практически не было; королевское окружение было неоднородным — с разными политическими пристрастиями, хотя его влияние на начинающего монарха было весьма существенным. Свое влияние на Михая пытались использовать и лидеры отколовшихся от «исторических» партий (вышеупомянутых НЦП и НЛП) политических формирований, прежде всего вошедший в состав правительства Грозы в качестве министра иностранных дел Г. Татареску, и другие политики.

20 мая 1945 г. заместитель председателя СКК И.З. Сусайков в справке о политическом положении в Румынии писал в Москву: «Ввиду того, что мы не работаем с королем, положение на этом участке борьбы в Румынии было не в нашу пользу, особенно тогда, когда англичане и американцы начали забрасывать его подарками, среди которых две автомашины (одна «Виллис») и другие. Сейчас нам удастся в некоторой степени влиять на короля путем личных встреч <...>. По всем личным делам он обращается ко мне. Так он попросил для себя покрывалки, и, получив их, прислал своих адъютантов ко мне выразить благодарность. Курит только русские папиросы, которые получил от меня и т.д. Все эти публичные появления короля с русскими очень беспокоят англичан и манистов (сторонников НЦП во главе с Ю. Маниу.— *ТЛ.*)¹³. Безусловно, все эти доверительные публичные проявления расположения к советским представителям со стороны короля носили поверхностный характер. В то же время свое воздействие на короля и его окружение сохраняли представители Великобритании и США в СКК в Румынии. Именно под нажимом Англии и США в августе 1945 г. разразился политический кризис, который получил название «королевской забастовки». Король отказался подписывать указы правительства Грозы и требовал его отставки. Его поддержали англичане и американцы, на Лондонской сессии Совета Министров Иностранных Дел (СМИД) держав-победительниц в сентябре 1945 г. потребовавшие признать

правительство Грозы «непредставительным» и добиться его отставки. Кризис разрешился только в январе 1946 г., когда по решению Московского совещания министров иностранных дел СССР, Великобритании и США в правительство Румынии было введено по одному представителю от оппозиционных партий¹⁴.

Итак, документы российских архивов, многие из которых вводятся в научный оборот впервые, позволяют проследить некоторые не известные ранее аспекты взаимоотношений румынского короля Михая I и его окружения с советским руководством. В целом эти отношения, за исключением периодов политических кризисов, можно рассматривать как лояльные.

Есть основания утверждать, что вплоть до парламентских выборов 1946 г. и заключения мирного договора с Румынией в феврале 1947 г. советское руководство не ставило вопроса о ликвидации монархии в Румынии. Кардинальное изменение внутривнутриполитической ситуации в стране и международных условий к осени 1947 г., роспуск оппозиционных НЦП и НЛП, переход основных рычагов власти в руки коммунистов, развязывание холодной войны и обострение отношений между недавними союзниками по антигитлеровской коалиции в борьбе за сферы влияния в Восточной Европе — всё это в конце 1947 г. создало условия для отстранения от власти в Румынии короля Михая и замены монархии республикой.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Советский фактор в Восточной Европе. 1944–1953. М., 1999. Т. 1. 1944–1948. Документы. С. 24, 31, 36.

² Архив Внешней политики Российской Федерации (АВП РФ). Ф. 125. Оп. 33. П. 129. Д. 21. Л. 87–88.

³ Там же. Л. 88–89, 99–100.

⁴ Там же. Л. 89, 110.

⁵ Там же. Оп. 33. П. 129. Д. 21. Л. 110.

⁶ Там же. Ф. 06. Оп. 5. П. 19. Д. 201. Л. 29–35.

⁷ *Кикнадзе В.Г.* Михай I против Адольфа Гитлера. Он вывел страну из гитлеровской коалиции. Беседа короля Михая с президентом Академии военных наук РФ, генералом армии М.А. Гареевым и вице-президентом Академии естественных наук генерал-майором В.А. Золотаревым (2010 г.) // Военно-исторический журнал. 2010. № 6. С. 24.

⁸ АВПРФ. Ф. 0125. Оп. 35. П. 136. Д. 7. Л. 8–11.

⁹ Там же. Ф. 0125. Оп. 32. П. 125. Д. 4. Л. 129.

¹⁰ Там же. Ф. 0125. Оп. 35. П. 136. Д. 7. Л. 8–11.

¹¹ Там же.

¹² Три визита А.Я. Вышинского в Бухарест. 1944–1946. Документы российских архивов. М., 1998. С. 135.

¹³ Там же. С. 145.

¹⁴ Там же. С. 190–193.

АНИКЕЕВ А. С.*

**ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА ЮГОСЛАВИИ
В ГОДЫ КОНФЛИКТА С СССР.
1948–1953 гг.**

Югославия на завершающем этапе Второй мировой войны, находясь в рядах антигитлеровской коалиции, поддерживала тесные отношения с ведущими державами этого союза — СССР, Великобританией, США. В то же время, ведущая роль югославской компартии в политической жизни страны с конца войны определила известную ориентацию внешней политики Югославии на последующие годы. Идеологический и военно-политический союз с Советским Союзом, а затем и тесное сотрудничество с восточноевропейскими странами, вошедшими в советский блок, стали, вплоть до конфликта 1948 г., доминантой ее внешнеполитической линии. Изгнание оккупантов из страны и победа в гражданской войне над силами национального сопротивления, представлявшими короля и правительство в эмиграции, позволили Й. Брозю Тито мобилизовать различными способами значительную часть югославского общества для решения задач создания федеративной Югославии в довоенных границах, которая смогла бы занять доминирующие на Балканах позиции. Воплощению в жизнь этого амбициозного проекта на первом этапе могло способствовать то обстоятельство, что вокруг Югославии, кроме Греции, теперь находились бывшие союзники гитлеровской Германии — Италия, Австрия, Венгрия, Албания, Румыния и Болгария. Поэтому во время встреч со Сталиным в Москве зимой–весной 1945 г. представители югославского руководства при обсуждении территориальных проблем

* Анিকেев Анатолий Семенович — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института славяноведения РАН.

новой Югославии предлагались варианты передачи ей спорных, и не только, территорий соседних государств. В Кремле подвергли эти планы критике: СССР становился в этом регионе главным арбитром, которому предстояло, формируя свой коммунистический блок учитывать интересы всех стран-участников. Сталин сказал тогда, что не имеет смысла создавать такую ситуацию, когда территориальные требования предъявляются ко всем соседям¹. Белград воспринял это как указание, но в реальной политике продолжил напоминать этим странам об их вине в годы войны, «нацистском» прошлом, ущемлении прав югославянских национальных меньшинств. К странам социалистического лагеря Белград подходил, исходя из факта, что теперь они все вместе составляют единую семью во главе с СССР. По образцу заключенного 11 апреля 1945 г. с СССР Договора о дружбе, взаимной помощи и послевоенном сотрудничестве Югославия во второй половине 1940-х годов подписала подобные договоры со всеми странами советского блока². В отношении отдельных балканских стран, таких как Албания, Белград проводил активную политику интеграции в свое политико-экономическое пространство. По договоренности Тито со Сталиным в 1946 г. о югославском патронаже над Албанией, она оказалась вскоре после войны практически включенной в структуру югославского государства³. Позже ситуация вокруг Албании (часть ее правящей группировки высказалась за преимущественное развитие отношений с СССР) стала одной из причин конфликта Москвы с Белградом. От Венгрии, Румынии и Болгарии, бывших союзников Германии, югославы рассчитывали получить в полном объеме возмещение за нанесенный в годы войны ущерб, предъявляя на переговорах по послевоенному мирному урегулированию соответствующие претензии, касающиеся выплаты репараций, пограничных вопросов, положения меньшинств. Однако с учетом того, что эти страны становились новыми союзниками, комплекс этих проблем стал корректироваться в ходе совместных дискуссий, при активном участии советской стороны.

Югославское коммунистическое руководство, оказавшись на вершине власти после войны, считало, что КПЮ является единственной партией в регионе, которая сумела орга-

низовать мощное антифашистское сопротивление в стране и победила в упорной борьбе всех внешних и внутренних врагов. Это, по его мнению, давало югославской компартии заслуженное право занять ведущее место среди других компартий восточноевропейских стран. В послевоенные годы партийная верхушка все чаще выступала с претензиями подобного рода, считая что она вправе претендовать на второе после ВКП(б) место наставника и арбитра в формирующейся системе. Эти интенции находили определенную поддержку в Кремле, где референты ЦК ВКП(б) говорили о том, что среди стран народной демократии Югославия бесспорно занимает ведущее место. Известно, что Сталин высоко ценил заслуги КПЮ и лично Тито, относительно спокойно, до известной поры, относясь к его амбициям, в том числе и к претензиям на панбалканское лидерство. Решение Кремля разместить в Белграде штаб-квартиру созданного осенью 1947 г. Информационного бюро коммунистических партий (Коминформбюро) должно было подтвердить высокий статус югославской компартии. В то же время референты ЦК ВКП (б) в справке по Югославии накануне создания этой организации, наряду с развернутой положительной характеристикой, указывали на существование у руководства КПЮ тенденций к переоценке своих достижений и «стремлении поставить югославскую компартию в положение своеобразной “руководящей” партии на Балканах»⁴.

Внешняя политика Югославии в тот период формировалась под личным влиянием Тито и его ближайшего окружения, в восприятии и подходах которых к международным проблемам доминировали элементы национально-революционного радикализма, сформировавшиеся еще в годы войны. Югославское руководство пыталось проводить в регионе активную самостоятельную политику, которая не всегда учитывала интересы СССР, принимала во внимание его международные обязательства, характер отношений с западными державами, что вступало в противоречие с ближайшими и среднесрочными планами Кремля в Восточном Средиземноморье и в Европе. Эти тенденции проявились в известном эпизоде конца войны, когда югославские войска предприняли попытку захватить Триест, вопреки советско-британской договоренности о том,

что судьба этого города будет решена в послевоенных мирных договорах. Это вызвало напряженность как в югославских отношениях с Британией, так и с СССР⁵.

Разногласия Белграда с Москвой стали возникать по нескольким причинам и, в частности, из-за стремления Югославии создать под своей эгидой Балканскую федерацию, в которую вошла бы Албания, Болгария и греческая Эгейская Македония, где в 1946–1948 гг. вели ожесточенные бои с правительственными войсками греческие партизаны–коммунисты (ДАГ — Демократическая армия Греции, военное крыло греческой компартии). Эти планы югославского руководства на первом этапе отвечали стратегии Кремля в регионе, оказывавшего греческой компартии через Белград и Софию материальную помощь. Однако после принятия «доктрины Трумэна» и вовлечения США в балканские дела ситуация резко изменилась: американцы, замещавшие в Греции Великобританию, готовы были, как стало известно Сталину, оказать вооруженную поддержку Афинам. Это грозило расширением вооруженного конфликта на юге Балкан и эвентуальным вовлечением в него СССР, что не могло устраивать кремлевское руководство. На известной встрече в Москве в феврале 1948 г. советских руководителей с руководством Югославии и Болгарии Сталин в резкой форме поставил вопрос о целесообразности дальнейшей помощи греческой компартии. Белград был обвинен также и в якобы несогласованном с Москвой решении ввести в Албанию войсковую дивизию, для защиты ее от возможной агрессии со стороны Греции. Все это, как считал советский вождь, могло спровоцировать Запад на ответные действия⁶. Советское руководство внесло коррективы и в конфигурацию югославских планов федерации на Балканах, что не понравилось Тито и вызвало отсрочку, а затем, уже в ходе нараставшего конфликта, и отказ Белграда от ее создания. Несмотря на то, что по ряду пунктов югославское руководство согласилось с предложениями и требованиями Москвы, сумма всех этих обстоятельств вскоре привела к обострению двусторонних отношений, а в дальнейшем и к острому конфликту, распространившемуся, под советским давлением и на отношения с другими странами советского блока. В ходе весенних дискуссий между Москвой, Белградом

и Софией обнаружилось, что югославское руководство стремилось занять по некоторым вопросам внешнеполитического плана и отношений между партиями, самостоятельную позицию, отличную от предлагаемых Кремлем решений. В ходе развития конфликта, эти ставшие известными Кремлю, а затем и усиленные, благодаря во многом искаженной информации от конфиденентов из югославского руководства, настроения, установки и взгляды Тито и его группы, были названы ревизионистскими, троцкистскими и предательскими по отношению к общереволюционному делу. Спустя несколько месяцев это вошло в антиюгославские формулировки известной резолюции Информбюро.

Послевоенные отношения Югославии с Западом, который рассматривал эту страну как экспонента советской политики в регионе, носили напряженный характер. Это касалось и вопросов внутренней политики, отношению компартии к оппозиции, решению судьбы Д. Михайловича и архиепископа А. Степинаца. В августе 1946 г. югославы сбили над своей территорией один американский самолет, а второй заставили приземлиться, что еще больше ухудшило отношения между двумя странами⁷. Политика Югославии на Балканах вызывала особое неприятие США, которые стремились ограничить здесь экспансию коммунизма. Югославия, наряду с Болгарией и Албанией, обвинялась в дестабилизации обстановки в Греции, в материальной помощи греческим партизанам и планах аннексии Эгейской Македонии с последующим включением ее в коммунистическую федерацию на Балканах⁸. Вопрос о ситуации вокруг Греции был поставлен по инициативе США в ООН, где был создан Специальный комитет по мониторингу северных греческих границ⁹.

Возникшие в начале 1948 г. трения в советско-югославских отношениях, вскоре переросли в полномасштабный конфликт, ставший в июне, после принятия в Бухаресте резолюции Информбюро, достоянием мировой общественности. Принятый документ возлагал вину за конфликт на руководство югославской компартии и объявлял его ревизионистским¹⁰. Югославское руководство отказалось приехать в Бухарест на заседание бюро, несмотря на настойчивые призывы Москвы, и не признало выдвинутые против него обвинения. Свой отказ

югославы мотивировали тем, что все «братские» компартии заранее согласились с версией ЦК ВКП(б) об ошибках КПЮ и осудили их прежде, чем дать возможность высказать свою точку зрения. Помимо этого, Тито, как бывший сотрудник Коминтерна, знал чем может закончиться визит югославской делегации в Румынию. Выступивший на открытии V съезда КПЮ 21 июля того же года с докладом он, коснувшись обвинений со стороны Информбюро, назвал их «чудовищными», но заверил делегатов съезда, что ЦК КПЮ, несмотря на это, полон решимости восстановить хорошие отношения с ВКП(б)¹¹. На съезде было заявлено, что «руководство КПЮ постарается предоставить советскому партийному руководству все возможности, чтобы оно могло на месте убедиться в неточности своих обвинений»¹².

Все компартии советского блока и ряда западноевропейских стран осудили руководство КПЮ и включились в развязанную Кремлем антиюгославскую кампанию. Ситуация становилась тупиковой и конфликт к началу 1949 г. стал приобретать необратимый характер. В странах «народной демократии», по указанию из Москвы, разворачивалась кампания по поиску «титоистов» в верхних эшелонах власти. В Албании, готовился процесс над К. Дзодзе, в Болгарии над Т. Костовым, в Венгрии над Л. Райком. Показательный суд над Райком осенью 1949 г., в ходе которого прозвучали обвинения в адрес югославы, стал основой для формулировок второй резолюции Информбюро «Югославская компартия во власти убийц и шпионов»¹³. Почти одновременно СССР, а вслед за ним и страны-сателлиты, разорвали договорные отношения с Белградом¹⁴. Нарастали провокации на границах Югославии с Болгарией, Венгрией и Румынией¹⁵. Все это заставляло югославское руководство обратить серьезное внимание на проблему безопасности страны¹⁶. Естественными союзниками Белграда в данной ситуации могли быть только западные державы.

Временем почти полного разрыва отношений Югославии с СССР и его сателлитами стала вторая половина 1949 г. В СССР и странах советского блока в отношении югославских граждан, за исключением признавших справедливость позиции Кремля в конфликте, практиковались аресты или высылка, предпринимались попытки их вербовки¹⁷. В Югославии

против сторонников резолюции Информбюро, которых оказалось несколько десятков тысяч (их называли информбюровцы), были развязаны репрессии, многих отправили в концентрационные лагеря на острова Адриатики¹⁸.

С середины 1948 г. начали меняться в худшую сторону не только партийные, но и экономические и межгосударственные отношения, как с СССР, так и с другими странами советского блока. Югославская сторона с первых послевоенных лет пыталась получить от Москвы максимально возможные объемы материальной помощи, а затем просила кредиты для приобретения промышленной продукции с длительными сроками погашения и минимальными процентами. Особое место в югославском импорте из СССР занимали поставки вооружения. Тито и его окружение, рассматривая Югославию как советский плацдарм на Балканах, стремились к созданию мощной собственной армии с полным набором всех средств обороны, включая современную авиацию и военно-морской флот. В Москве югославам не раз заявляли, что реализация этой цели нереальна по экономическим причинам: советская сторона не располагала возможностями для удовлетворения этих просьб, пытались объяснить, что безопасность Югославии гарантирована Советским Союзом и создание большой армии является очень затратной, не имеющей смысла задачей. Югославская сторона в послевоенные годы получала из СССР трофейное оружие, а затем и советское вооружение. Просьбы югославской стороны со временем стали превышать возможности Москвы, тем более, что югославы хотели получать для закупки продукции долгосрочные кредиты. Уже весной 1948 года с разворачиванием конфликта под идеологическими лозунгами обнаружились и экономические проблемы отмеченного характера. Белград хотел получать огромные по тем временам кредиты в дополнение к безвозмездной помощи. Так, в частности, речь шла о кредите в 60 млн долларов. Однако советская сторона отказала в его предоставлении и отложила торгово-экономические переговоры, которые должны были пройти весной 1948 г., на конец года, что вызвало протесты югославского руководства¹⁹.

СССР резко сократил экономическое сотрудничество с Югославией. Также поступили по совету из Кремля и сател-

литы. Она не была принята в созданный зимой 1949 г. Совет экономической взаимопомощи, объединивший вокруг СССР страны «народной демократии», что вызвало протесты югославского руководства, вынужденного приступить к поиску альтернативных источников для нормального функционирования экономики²⁰.

Однако не все страны были готовы полностью подчиниться советскому диктату, в частности Чехословакия, руководство которой, исходя из экономических интересов своей страны, всячески тормозило проведение в жизнь поступавших из Москвы приказов²¹. Другим проявлением конфликта стали попытки Москвы организовать совместную с сателлитами пропагандистскую кампанию против Югославии, которая фактически была начата уже в ходе подготовки к заседанию Информбюро в Бухаресте. В сентябре этого года в «Правде» появилась статья «Куда ведет национализм группы Тито в Югославии», которая обозначила начало активной пропагандистской кампании против югославской компартии, руководство которой обвинялось в том, что оно «объединилось с империалистами», развязало террор против партии и постепенно превращается в «клику политических убийц»²². Осенью 1948 г. Кремль приступил к организации выпуска периодики и литературы пропагандистского содержания в СССР и странах-союзниках. В это же время он пытался сконцентрировать деятельность групп югославских политэмигрантов, оказавшихся в СССР и восточноевропейских странах вокруг планов создания альтернативных КПЮ компартий. Конечной целью этих приготовлений была смена руководства югославской компартии во главе с Тито, как это было предусмотрено в резолюции Информбюро. Попыткой объединить эти группы в единую организацию занимался Идеологический отдел ЦК ВКП(б). Помимо идеологического и пропагандистского давления на Югославию происходили провокационные перемещения войск сателлитов вдоль югославских границ, а осенью 1949 г., по некоторым неподтвержденным данным, в Софии прошло заседание высокопоставленных представителей СССР и восточноевропейских стран, на котором обсуждались планы вооруженного вторжения²³. В Кремле разрабатывались различные варианты замены Тито лояльными руководи-

лями, готовыми выполнить все указания Сталина, рассчитывавшего на появление внутри руководства КПЮ оппозиции, изоляцию Тито от его ближайшего окружения — Э. Карделя, А. Ранковича и М. Джиласа, а затем и его удаление. Существовал вариант, связанный с привлечением к кремлевскому сценарию югославских граждан — коммунистов, которые работали или учились в СССР и остались здесь после принятия резолюции Информбюро, а также тех, которые, поддерживая резолюцию, вынуждены были бежать из Югославии, опасаясь преследований. В качестве одной из мер в этом направлении планировалось создать в Москве единый центр политэмиграции, который способствовал бы координации под руководством ЦК ВКП(б) работы по активизации всех групп югославских эмигрантов в разных странах и объединению их усилий в «борьбе против клики «Тито — Ранковича»²⁴. В начале 1950-х годов, не ожидая скорой реализации планов, связанных с политэмиграцией, Сталин принял решение о физическом устранении Тито²⁵.

К весне 1949 г. межпартийные и межгосударственные отношения между ФНРЮ и странами советского блока еще более ухудшились. В бухарестской резолюции Информбюро перед «здоровыми» силами КПЮ ставилась задача заставить руководство партии честно признать свои ошибки: «отход от марксизма-ленинизма» и национализм, вернуться на позиции интернационализма и всемерно укреплять «единый социалистический фронт против империализма», либо, если «нынешние руководители компартии окажутся неспособными на это, — сменить их и выдвинуть новое, интернационалистское руководство»²⁶.

1949 год стал рубежом в отношениях Югославии с СССР и странами советского блока: главной для Белграда в условиях становившейся реальностью экономической блокады с Востока оказалась проблема выживания. Эти обстоятельства вынудили югославское руководство мобилизовать внутренние резервы, а также обратиться к Западу, предлагая восстанавливать торгово-экономические связи, деформированные односторонней ориентацией на Восток. Главную роль в этом процессе попытались играть Соединенные Штаты, которые являлись в то время основным европейским финансовым

и экономическим донором. США обратили внимание на конфликт еще летом 1948 г., когда их дипломаты в Белграде, оценив его большое значение для американской политики сдерживания Советского Союза, проводимой в тот период, рекомендовали осторожную поддержку югославского режима. В ходе начавшихся вскоре неофициальных двусторонних контактов американцы постепенно стали выдвигать условия, на которых они готовы были сотрудничать с югославскими властями. В качестве неотложной задачи новой политической линии на Балканах американцы рассматривали завершение гражданской войны в Греции. Для достижения этой цели была поставлена задача обеспечить прекращение югославской военной и материальной помощи партизанам, составлявшей в 1947–1948 гг. основную долю в общем объеме поставок советских странсателлитов ДАГ²⁷. На территории Югославии в тот период находился самый крупный лагерь греческих партизан, где они жили семьями, работали, учились, проходили специальную военную подготовку, раненым оказывалась медицинская помощь²⁸.

К весне 1949 г. американское давление на югославов в этом направлении усилилось. Обозначив перед Белградом возможности сотрудничества с Западом, США сумели решить эту проблему с учетом того, что югославы со своей стороны уже были готовы к прекращению помощи из-за возникших разногласий с греческой компартией, которая в советско-югославском конфликте поддержала позицию Москвы. Летом того же года Тито публично заявил о закрытии границы с Грецией, что означало запрет на свободное перемещение в обе стороны греческих партизан²⁹. Обещание не оказывать больше никакой помощи партизанам югославы дали генеральному секретарю ООН Т. Ли накануне голосования по кандидатуре ФНРЮ в Совет Безопасности³⁰.

Югославское руководство увидело в изменении американской политики возможность выхода из тяжелой экономической ситуации и подошло к этому с прагматической позиции, пытаясь поставить свои условия. Опасаясь критики из Кремля, который еще в резолюции Информбюро предсказывал, что «югославские ревизионисты» скоро пойдут на сделку с Западом, контакты с американцами проходили строго за закрыты-

ми дверями. Вашингтонская администрация оказала содействие в получении Югославией небольшого кредита от одного американского банка, способствовала улучшению отношений с Италией, с которой Югославии предстояло в ближайшие годы решать проблему Триеста. Отвечая на предложения американцев, югославы, стремясь избежать критики с Востока, опасение, ставшее их фобией на долгие годы, предприняли попытку активизировать отношения с небольшими европейскими странами, прежде всего в экономической области, что, возможно, также происходило не без содействия США. Это позволило югославам частично восстановить торгово-экономический баланс страны.

В конце 1949 г. они смогли заручиться поддержкой США и Великобритании, заявивших о готовности реагировать на любые агрессивные действия против Югославии³¹. Тогда же югославы при поддержке США сумели реализовать свой план избрания Югославии в состав непостоянных членов Совета Безопасности ООН, вопреки протестам Москвы и ее намерению провести на этот пост своего кандидата — Чехословакию³². Постепенно с западными державами, которые увидели в советско-югославском конфликте, помимо серьезной идеологической составляющей — раскола монолитного советского блока, важный фактор восстановления своих позиций в регионе, стали складываться новые отношения.

В начале 1950-х годов основным политическим и экономическим партнером Югославии становятся США, которые начали оказывать в значительных размерах безвозмездную экономическую, а затем и военную помощь, опираясь на ранее принятое законодательство³³. В 1951–1952 гг. американцы привлекали к своим проектам Великобританию и Францию, реализуя план так называемой трехсторонней помощи. В условиях нараставшей холодной войны с СССР Вашингтон, опираясь на предоставление помощи, ставил в качестве одной из целей своей политики вовлечение Югославии в западную сферу и создаваемые военно-политические блоки, что наталкивалось на сопротивление югославо-белградцев, стремясь уйти от американского давления, связанного с попытками США включить Югославию в НАТО, согласился на альтернативный план создания на Балканах трехстороннего военно-политическо-

го союза с Грецией и Турцией, который лишь опосредованно связывал ее с этой организацией. События в Корее также способствовали расширению отношений ФНРЮ с США и их союзниками. В конце 1950 г. в ответ на обращение Белграда американская администрация приняла программу продовольственной помощи Югославии. В октябре, когда в Совете национальной безопасности (СНБ) проходило обсуждение этой программы, в дискуссии выступил государственный секретарь Д. Ачесон, отметивший, что «Тито не должен быть оставлен в ситуации, когда советское давление может привести Югославию к гибели, поставив ее в один ряд с сателлитами». Стратегический аспект такой помощи состоял в том, что «независимый от Москвы Белград должен был способствовать уменьшению коммунистического давления на Австрию, Италию, Грецию и Турцию». В одобренном СНБ документе подчеркивалось, что помощь необходима и для поддержания сильной, боеспособной югославской армии, готовой к отражению агрессии на Балканах³⁴.

В Вашингтоне рассматривали Балканы в послевоенный период как один из важнейших для безопасности Запада районов Юго-Восточной Европы. С принятием «доктрины Трумэна», призванной, помимо прочего, остановить коммунистическую экспансию в Грецию, внимание к ним усиливается. После возникновения советско-югославского конфликта Югославия, являвшаяся ключевым элементом на геостратегической карте региона, оказалась в сфере особых расчетов США и Великобритании. Резкое ухудшение отношений Югославии с Москвой и ее сателлитами, возможная агрессия против нее заставляли американцев и их союзников рассматривать различные варианты реагирования. В сентябрьском 1949 г. документе Совета планирования госдепартамента говорилось об особом значении геостратегической позиции Югославии в глобальной политике США и отмечалось, что утрата Белградом независимости поставит в очередной раз перед Вашингтоном проблему югославо-греческих и югославо-итальянских отношений в связи с Триестом, что в итоге позволит СССР выйти к Адриатике. Для осуществления ответных действий на возможное нападение, либо усиление политического, экономического и психологичес-

кого давления, Совет рекомендовал продажу оружия Белграду и предоставление материальной помощи югославской армии. В то же время, отмечая ее высокую боеспособность, аналитики Совета, не рекомендовали в случае вооруженного конфликта использовать американскую армию, а попытаться опереться на авторитет ООН³⁵. Чуть позже Лондон сообщил Тито через своего посла в Белграде Ч. Пика о неготовности Британии ввязываться в мировую войну из-за нападения на Югославию.

К концу 1949 г. Югославия, оказавшись на Балканах практически в полной изоляции, вынуждена была пойти, с различными оговорками, на постепенную нормализацию отношений с Грецией. Она проходила при активном посредничестве американцев, убеждавших и греков в необходимости улучшения отношений с соседней страной. В апреле 1950 г. состоялась встреча Тито с кандидатом на пост премьер-министра Греции Н. Пластирасом, на которой было решено повысить ранг взаимного дипломатического представительства. В течение года была решена проблема возвращения греческих детей, отправленных во время гражданской войны в страны «народной демократии», в том числе и в Югославию, а в ноябре Афины объявили об обмене посланниками между двумя странами. Процесс ускорился с началом Корейской войны. В июле заместитель министра иностранных дел ФНРЮ А. Беблер в разговоре с высокопоставленными сотрудниками администрации в Вашингтоне сообщил о существующих в Белграде серьезных опасениях относительно возможного советского нападения на Югославию. Американцы тогда же еще раз напомнили грекам о том, что для них важна нормализация греческо-югославских отношений, а на рутинную пропаганду Белграда против западного империализма они не реагируют³⁶.

Югославское руководство, лично Тито, пришли в конце 1940-х годов к выводу о том, что в складывающихся условиях, когда с одной стороны нарастает угроза с Востока, а с другой все отчетливее рисуется перспектива перманентного давления США на Югославию с целью ее интеграции в западную систему, необходимо приступить к разработке нового внешнеполитического курса, который позволит выйти из блокавого противостояния холодной войны. В конце июня 1950 г.,

на заседании ЦК СКЮ, на котором обсуждались проблемы, связанные с начавшейся войной в Корее, Тито предложил создать рабочую группу по разработке такого курса. Кардель, развивая тезис Тито об ориентации на миролюбивые силы, впервые поставил вопрос об оформлении широкого движения в поддержку активного нейтрализма, которое отмежевавшись от троцкизма, и, возможно, от социалистов, следует оформить в Югославии. Тито, поддержав идею Карделя, предложил ввести в группу по изучению этой проблемы А. Ранковича, С. Вукмановича-Тампо, М. Джиласа³⁷. Первые шаги в обозначенном Карделем направлении были предприняты югославской дипломатией в ООН еще во второй половине 1949 г., когда начались контакты с делегатами разных стран, уже с позиции во многом независимой от «единой линии со странами советского блока» и влияния СССР. Июньское заседание ЦК СКЮ 1950 г. можно считать первым шагом к формированию новой югославской политики, получившей позднее название «неприсоединение» или «активный нейтралитет». Ее оформлению дополнительный импульс придала нормализация отношений с СССР и странами «народной демократии». Советское руководство во главе с Н.С. Хрущевым настойчиво пыталось после смерти И.В. Сталина вернуть Югославию в «социалистический лагерь». Это стало основой советской политики по отношению к Югославии в последующие годы, встречая однако категорический отказ Тито, хорошо понимавшего перспективу такого решения для Югославии. Ориентация на неприсоединение носила также и прагматический характер, позволяя Югославии лавировать между двумя блоками, получая все преимущества такого курса, сохраняя, без колебаний, однопартийную авторитарную диктатуру с отдельными элементами либеральной демократии. В неприсоединении реализовались и личные амбиции югославского лидера, всегда стремившегося играть первые роли в политической сфере. Теперь он получил возможность преподавать основы социализма третьим странам, выполнять посреднические функции между Востоком и Западом³⁸.

Внешняя политика Югославии в первое послевоенное десятилетие отчетливо делилась на две фазы: с 1945 г. по 1948–194 гг., когда страна находилась в авангарде советского блока

во главе с СССР, выступая солидарно с ним на международной арене. Однако, возникший в конце 1940-х годов конфликт Сталина и Тито, вызванный настойчивым стремлением советского вождя заставить югославского лидера следовать его переменчивым указаниям во внешней политике, соблюдая и партийную иерархию и коминтерновскую традицию, завершился изгнанием (уходом) Югославии в буферную зону между двумя, сформировавшимися к тому времени, блоками. Югославское внедрение (энтризм) в формирующиеся азиатские, а затем и африканские нейтралистские движения с социалистическими идеями и образом страны, освободившейся от деспотического диктата Сталина, позволили Тито, благодаря этому уникальному решению, реализовать как свои личные амбиции, так и вывести страну с политикой неприсоединения на широкую мировую арену, став одним из общепризнанных лидеров.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Восточная Европа в документах российских архивов. 1944–1953. М., Новосибирск, 1997. Т. I. 1944–1948. С. 126–132.

² *Петрановић Б.* Југославија на размеђу (1945–1950). Подгорица, 1998. С. 455. Двусторонние договоры с Чехословакией, Польшей и Албанией были подписаны в 1946 г., а с Болгарией, Венгрией и Румынией в 1947 г., после подписания Парижских мирных договоров 10 февраля того года (Там же. С. 488).

³ *Аникеев А.С.* Албано-югославские отношения в первые послевоенные годы в контексте советской политики на Балканах // *Studia Balkanica*. К юбилею Р.П. Гришиной. М., 2010. С. 281–294.

⁴ РГАСПИ. Ф. 575. Оп. 1. Д. 41. Л. 22.

⁵ *Milkić M.* Tršćanska kriza u vojno-političkim odnosima Jugoslavije sa velikim silama 1943–1947. Beograd, 2012. S. 65–77; *Гибанский ЛЯ.* Сталин и Триестское противостояние 1945 г.: за кулисами первого международного кризиса холодной войны // *Сталин и холодная война*. М., 1998. С. 44–62.

⁶ Москва и Восточная Европа. Советско-югославский конфликт и страны советского блока 1948–1953. Очерки истории. СПб., 2017. С. 26–27.

⁷ *Петрановић Б.* Југославија на размеђу... С. 526–527.

⁸ *Anikееv A.* The Idea for a Balkan Federation. The Civil War in Greece and Soviet-Yugoslav Conflict. 1949 // *The Balkans in the Cold War*. / Ed. by Vojislav G. Pavlović. Beograd, 2011. S. 169–184.

⁹ *Аникийев А.С.* Как Тито от Сталина ушел: Югославия, СССР и США в начальный период «холодной войны» (1945–1957). М., 2002. С. 107–109.

¹⁰ Совецания Коминформа. 1947, 1948, 1949. Документы и материалы. М., 1998. С. 460–461.

¹¹ Arhiv Jugoslavije. Fond 836. KMJ. Sig. I-3-b/153. L. 5.

¹² V конгрес КПЈ. 21–28 јула 1948. Стенографске белешке. Београд, 1949. С. 148–159.

¹³ Совецание Информационного бюро компартий в Венгрии. М., 1949. С. 23–29; Югославия в XX веке. Очерки политической истории. М., 2011. С. 587.

¹⁴ Југословенско-совјетски односи 1945–1956. Зборник докумената. Београд, 2010. С. 525.

¹⁵ Югославские статистические данные с апреля по сентябрь 1949 года свидетельствовали о серии провокаций на границах страны, в том числе и о заброске информбюровской литературы (Arhiv Jugoslavije. F. 836. KMJ. Sig. I-3-b/151). Об ужесточении политики венгерских властей в отношении режима приграничной зоны и границы с Югославией в годы конфликта см. также: *Orgovanyi I.* Border defense on southern Hungary (1948–1953) // Big brothers. Miserable little grocery store. Studies on the history of the Hungarian secret services after World war II. Budapest, 2012. P. 157–161.

¹⁶ См. АЈ. Ф. 507. СК СКЈ. III/42, III/43; Sednice Centralnog Komiteta KPJ (1948–1952). Beograd, 1985.

¹⁷ Москва и Восточная Европа. Советско-югославский конфликт... С. 73.

¹⁸ Там же. С. 50, 74.

¹⁹ Москва и Восточная Европа. Советско-югославский конфликт... С. 27–28, 39. Подписанный в декабре 1948 г. протокол о взаимных поставках на 1949 г. предусматривал сокращение товарооборота в восемь раз, «ввиду недружественной политики югославского правительства в отношении Советского Союза» (Советско-югославские отношения. 1945–1956. Новосибирск, 2010. С. 389).

²⁰ Там же. С. 394–395, 404.

²¹ Arhiv Jugoslavije. F. 836. KMJ. 1–3-b/186. L. 57.

²² Правда. 8 IX 1948.

²³ АЈ. Ф. 507. СК СКЈ. IID/ 115–116.

²⁴ РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1379Ю. Л. 40–41.

²⁵ *Зубок В.* Неудавшаяся империя. Советский Союз в холодной войне от Сталина до Горбачева. М., 2011. С. 123.

²⁶ Југословенско-совјетски односи 1945–1956. С. 374.

²⁷ Foreign relations of the United States (далее FRUS). 1948. Washington. 1974. Vol. IV. P. 1084–1085.

- ²⁸ См. *Ристовић М.* Експеримент Буљкес. Грчка утопија у Југославији 1945–1949. Нови Сад, 2007.
- ²⁹ FRUS. 1949. Washington. 1977. Vol. VI. P. 363.
- ³⁰ FRUS. 1949. Washington. 1975. Vol. II. P. 245.
- ³¹ FRUS. 1949. Washington. 1976. Vol. V. P. 939–941.
- ³² FRUS. 1949. Vol. II. P. 254.
- ³³ См. *Животић А.* Вашингтонска конференција 1951. Београд, 2015; *Laković I.* Zapadna vojna pomoć Jugoslaviji 1951–1958. Podgorica, 2006.
- ³⁴ *Larson D.* United States Foreign Policy toward Yugoslavia 1943–1963. Washington, 1979. P. 218–220.
- ³⁵ FRUS. 1949. Washington, 1975. Vol. II. P. 245.
- ³⁶ FRUS. 1950. Washington. Vol. IV. P. 1420.
- ³⁷ Arhiv Jugoslavije. F. 507. Sednice Politbiro CK SKJ. 28.06.1950. III/49. L. 50–51.
- ³⁸ Встречи и переговори на высшем уровне руководителей СССР и Югославии в 1946–1980 гг. М., 2017. Том второй. 1964–1980. Документы. С. 18–27.

ВАСИЛЬЕВА Н.В.*

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ БЕЗОПАСНОСТИ
СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО СОДРУЖЕСТВА
НА НАЧАЛЬНОМ ЭТАПЕ БЛОКООБРАЗОВАНИЯ
(КОНЕЦ 40-х — 50-е ГОДЫ XX в.)

Главным двигателем международных отношений в обозначенный период, как известно, стало оформление и начало противостояния двух военно-политических группировок, которые являлись неотъемлемыми атрибутами холодной войны, международной напряженности, процесса «биполяризации» всей системы мирового порядка. И по сей день российские и зарубежные исследователи спорят о том, что было в этом жестком противостоянии первично: эксцессы со стороны Запада, стремившегося ограничить влияние СССР в качестве национально-державной геополитической силы с традиционными историческими интересами, или же действительно в Кремле решили, что наступило время реализовать идеи «мировой революции»? Согласно первой точке зрения, в основе противостояния лежало не сдерживание коммунизма, а отрицание Западом СССР как преемника русской истории и Великой России¹. Ряд исследователей приводят доказательства базирования политики Кремля на геополитических концепциях безопасности, а не на стремлении к революционным переменам в мире, и в частности в Восточной Европе².

Лидером в намечавшемся противостоянии между Востоком и Западом со стороны последнего были США, единственная великая держава, не пострадавшая в ходе Второй мировой

* Васильева Нина Владимировна — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Научно-исследовательского института (военной истории) Военной академии Генерального штаба Вооружённых сил Российской Федерации.

войны в экономическом и военном отношении. Разрабатываемая Ф.Д. Рузвельтом концепция послевоенного мирного урегулирования — «концепция универсализма» — позволила бы поддерживать «баланс интересов» между великими державами. Но уже тогда главной чертой данной концепции была идея американского мирового лидерства, согласно которой США, используя экономическое и политическое могущество, заняли бы ведущие позиции в мире.

В соответствии с этими идеями формулировалась и концепция «национальной безопасности» США, в которой были заложены следующие постулаты: военное превосходство над любым государством или группой государств; прочные внешнеполитические позиции, военная организация, способная успешно противостоять военным или подрывным действиям извне или изнутри в открытой или скрытой форме. Так, в докладе американского министра обороны в 1950 г. указывалось, что «США занимают ведущие позиции в мире и отвечают сегодня за весь мир, и мы должны удерживать эти позиции, если собираемся выполнять наши обязательства перед человечеством. Наша страна вышла из последней войны самой мощной страной, провозвестником свободы и защитницей демократических идеалов»³. Подобные высказывания опирались на осознание американским руководством военной и экономической мощи США, а их «идеализм» служил словесной оболочкой для сугубо прагматических требований, среди которых были максимальная свобода торговли, свободный доступ к мировым источникам сырья, распространение демократического общественного строя, эталоном которого считались сами США, по всему миру.

Аргументами для выработки блоковой стратегии безопасности Запада, направленной на противодействие Советскому Союзу, являлись действия СССР в послевоенный период в Иране, его стремление к доминированию над Турцией, Черноморскими проливами, включение в свою зону влияния Восточной Европы с помощью утверждения в странах региона просоветских режимов и послушных Москве «народных демократий». Сталин представлялся в роли «континентального тирана», «хищные аппетиты которого распространялись на территории от Штеттина до Триеста»⁴.

Ныне очевидно, что рассматривать особенности формирования социалистического содружества или «социалистического лагеря» необходимо в контексте взаимосвязанного процесса блокообразования как на Востоке, так и на Западе. Важнейшим элементом данного процесса являлась задача обеспечения безопасности каждой из противостоящих друг другу сторон. Следует обратить внимание на то, что главной составляющей безопасности государства является военная безопасность, призванная с помощью военной силы обеспечить вооруженную защиту территориальной целостности и национальной независимости государства, создание военных гарантий стабильности государственного и общественного строя как отдельного государства, так и его союзников по коалиции⁵. Идеологический фактор в противостоянии двух сверхдержав как элемент военной политики был, следовательно, неотъемлемой частью их концепций безопасности. Поэтому неправомерно противопоставление идеологических и геополитических мотивов в советских концепциях безопасности. Точно также невозможно отделить идеологические мотивы в концептуальных установках «сдерживания коммунизма» от геополитических целей другого центра силы, объединившегося вокруг США, с его идеей мирового лидерства в целях защиты «свободного» западного мира.

В то время как об эволюции военных стратегий США и НАТО имеется обширная информация на основе рассекреченных и опубликованных на Западе документов, аналогичные проблемы в отношении советского блока являются в значительной степени «белыми пятнами». Поэтому сегодня крайне трудно ответить на вопрос, что было приоритетным при создании Организации Варшавского договора: задачи обеспечения военной безопасности и защиты от внешней угрозы, либо также ставились цели военно-политического сплочения европейских социалистических стран вокруг СССР с учетом возможности использования военно-силового фактора при разрешении внутренних конфликтов и кризисов в социалистическом лагере?

При этом, несомненно, главное место в исследовании вопроса должна занимать проблема ядерного оружия как особого инструмента политики — в качестве устрашения полити-

ческого противника демонстрацией превосходства ядерной мощи.

Напомним, что в начальный период холодной войны в условиях американской ядерной монополии, идея превентивной войны, которую развяжут США, чтобы лишить Советский Союз возможности обладать ядерным оружием, публично обсуждалась в Америке. Имелось даже секретное исследование Объединенного комитета начальников штабов (1945), в котором анализировались возможности превентивного ядерного удара по Советскому Союзу. Первый план войны против СССР упомянутым Комитетом был разработан в июне 1946 г. (кодовое название «Пинчер»). В нем содержались плановые наброски по ядерной бомбардировке и разрушению 20 советских городов с наиболее развитой промышленностью⁶. Во всяком случае, как в Вашингтоне, так и в Москве, почва для взаимного восприятия «образа врага» где-то в 1946–1947 гг. была подготовлена. На Западе на свет стали появляться новые усовершенствованные планы воздушно-атомного нападения: «Бройлер» (1947), «Граббер» (1948), «Флитвуд» (1948) и другие. В период президентства Г. Трумэна основная угроза американским интересам, а также всем западным союзникам по блоку НАТО, виделась как гипотетическая способность Советской армии сравнительно легко занять Западную Европу. Однако военно-политическая реальность была такова, что именно сильнейшие западные державы ранее социалистических стран объединились в военно-политический блок, влияние которого распространялось не только на Североатлантическую зону, но и на алжирские департаменты Франции, а после вступления в НАТО в 1952 г. Греции и Турции, на их территории.

Таким образом, геополитический фактор в начальный период блокообразования в концепции безопасности Североатлантического альянса также присутствовал, однако он имел более широкие параметры, чем зона влияния СССР, ограниченная восточноевропейскими странами. Стратегическая концепция блока НАТО была сформулирована в заявлении председателя Комитета начальников штабов США О. Брэдли 29 июля 1949 г., а затем официально принята в НАТО. Эта стратегия получила наименование «Щит и меч» (1949–1953),

согласно которой США брали на себя ответственность за нанесение ядерных ударов стратегической авиацией по целям в Советском Союзе. Эти идеи нашли конкретное воплощение в известном плане ядерной войны против СССР «Дропшот», утвержденном 19 декабря 1949 г.⁷

В 1950 г. был определен «периметр обороны» вокруг СССР. В Европе он проходил по линии границ между странами социализма и капиталистическими государствами, в Азии — вдоль Алеутских островов и Японии, далее шел к островам Тихого океана и Филиппинам⁸. В том же году Совет национальной безопасности США разработал директиву NSC-68, в которой давалась оценка советской ядерной мощи после окончания американской атомной монополии. По прогнозам, к 1954 г. Советский Союз должен был бы иметь 200 атомных зарядов дальнего действия. Тогда же оформилась концепция «абсолютного устрашения», стрессом которой было нанесение первого удара с целью подавить сразу попытку нападения обычными видами оружия⁹. Создавались вооруженные силы НАТО, оформилась организационная структура блока. В феврале 1952 г. союзники взяли на себя обязательство иметь в НАТО 50 дивизий, а к 1954 г. — 96. Был создан объединенный штаб, в функции которого входила подготовка полной интеграции в случае войны. Первым главнокомандующим стал Д. Эйзенхауэр, он же являлся первым президентом США после окончания американской ядерной монополии и разработчиком стратегии «массированного возмездия». После войны в Корее «новый взгляд» Вашингтона на использование ядерного оружия, состоял в том, что США могли прибегнуть к применению ядерного оружия в любом конфликте, в который они окажутся вовлеченными. В 1951–1952 гг. американские военные руководители в НАТО начали планирование на случай использования ядерного оружия на европейском театре военных действий. Так началась эра гонки ядерных вооружений и ядерного соперничества.

В свою очередь в 1946–1947 гг. в СССР был разработан и утвержден «План активной обороны территории Советского Союза». В отличие от американских концепций, где приоритет отдавался уничтожению экономического потенциала, в советских взглядах на войну преобладала идея приоритетного

уничтожения вооруженных сил противника. Главным видом военных действий считалось стратегическое наступление, проводимое методом достижения промежуточных стратегических целей силами всех видов вооруженных сил. В «Плане активной обороны» при определении основных задач вооруженных сил указывалось, что армии отпора, опираясь на укрепленные районы, должны разбить противника в полосе приграничной зоны обороны и подготовить условия для перехода в контрнаступление на западных границах социалистического лагеря. ВВС и ПВО, входившие в армию отпора, имели задачу надежно прикрыть с воздуха главные силы и быть в готовности к отражению нападения авиации противника. Войска Резерва Главного командования предназначались для сокрушительного, при использовании сил армии, отпора и удара по главным силам противника, нанесения им поражения и контрнаступления¹⁰. Хотя масштабы и глубина контрнаступления в плане не указывались, тем не менее, на Западе знали о поражающих возможностях военной техники СССР. Вполне очевидно, что там полагали, что после начала воздушно-атомной войны советские танковые армады через две недели будут у берегов Ла-Манша¹¹.

Вместе с тем, на Западе уже в 50-е годы прошлого столетия многие военно-политические деятели понимали значение появления ядерного оружия в качестве средства устрашения и сдерживания, и что, как указывал английский фельдмаршал Б. Монтгомери, «горячая война будет самоубийством соперничающих стран»¹².

Нельзя не отметить, что в СССР в сталинскую эпоху не поднимался вопрос о возможных страшных последствиях для народов социалистических стран войны с применением оружия массового уничтожения. Часто заявления советских лидеров носили чисто пропагандистский характер. Еще в 1946 г. И.В. Сталин заявлял, что «атомные бомбы предназначены для устрашения слабонервных, но они не могут решать судьбы войны, так как для этого совершенно недостаточно атомных бомб»¹³.

Советское руководство, невзирая ни на какие материальные издержки, сосредоточило усилия на создании советского атомного оружия, чтобы ликвидировать ядерную монополию

США. Вместе с тем оно считало возможным победу в ядерной войне. В начале 1950-х годов не только в программных партийно-государственных документах, но и в научной литературе звучал тезис о том, что если империализм развяжет третью мировую войну, то в ней и погибнет, и что эта война приведет к победе социализма во всемирном масштабе. Идеологическая зашоренность руководства страны в этот период не позволила в полной мере использовать политические формы и методы обеспечения безопасности СССР и ее союзников¹⁴. Эти заявления отпугивали мировую миролюбивую общественность, сужали поле политико-дипломатической деятельности в защите безопасности социалистических стран, и провоцировали дальнейшую ответную гонку вооружений со стороны Запада. Налицо было обоюдное запугивание угрозой ракетно-ядерной войны.

Необходимо подчеркнуть, что в то время как на Западе в начале 1950-х годов шло совершенствование военно-организационной структуры НАТО, наращивалось вооружение этой организации, увеличивалось количество военных баз по периметру европейских социалистических стран, военная безопасность «социалистического лагеря» почти полностью основывалась на военной мощи СССР. Несмотря на то, что Советский Союз имел двусторонние договоры о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи с Чехословакией (1945), Польшей (1945), а в 1948 г. заключил договоры о дружбе с Румынией, Венгрией, Болгарией, эти договоры были направлены на предотвращение германской агрессии. После конфликта и разрыва отношений с Югославией, занимавшей важное стратегическое положение на южном фланге Европы, в условиях возможного присоединения этой страны к НАТО, несомненно, создавалась дополнительная угроза военной безопасности СССР и ее союзников. Это требовало ответных мер. В то же время нельзя было говорить о наличии какого-либо военно-политического единства социалистического содружества.

Боевая готовность и боеспособность вооруженных сил стран Восточной Европы были довольно низкими. Например, из отчетов советских военных советников, а также составленных ими планов работы в армиях Болгарии, Венгрии, Румынии, которые утверждались начальником Генерального шта-

ба генералом С.М. Штеменко, следует, что армии этих стран в 1949–1951 гг. не были готовы к осуществлению широкомасштабных военных операций даже оборонительного характера. Например, в справке по вооруженным силам Румынии на 1 мая 1951 г. делался вывод о неудовлетворительном состоянии мобилизационной готовности румынской армии, о слабом уровне ее боевой и политической подготовки: «Мобилизационная и боевая готовность армии вследствие слабой боевой подготовки соединений и частей, значительной засоренности офицерского состава реакционными элементами, низкого уровня дисциплины, а также слабой материально-технической базы остается по-прежнему на низком уровне» — указывалось в документе¹⁵. Аналогичной была поступающая в СССР информация о состоянии Болгарской народной армии. Так, по данным на конец 1950 г., количественная сторона укомплектования кадрами офицерского состава болгарской армии по штатам мирного времени должна была быть решена в 1951 г. Указывалось, что комплектование армии военного времени не обеспечивалось подготовленными кадрами необходимых специальностей, а также отмечался особый недостаток офицеров-артиллеристов, танкистов, зенитчиков, моряков и других. Боеспособность болгарской армии оценивалась как «невысокая». Самым слабым звеном в ее подготовке, по мнению военных советников, являлось то, что личный состав, в том числе руководящий, не прошел серьезной школы войны, не представляет реально, что такое современный бой¹⁶. Аналогичными были и оценки, даваемые разведывательными службами НАТО. Например, в отчете от 28 марта 1950 г. DC13 указывалось, что, несмотря на то, что «румынская и венгерская армии значительно увеличили свой личный состав, но они все еще не могут считаться эффективными для ведения боевых действий в ближайшие несколько лет»¹⁷.

По опубликованным в Румынии материалам, на проходившем с 9 по 12 января 1951 г. в Москве секретном совещании лидеров стран «народной демократии» и СССР, Сталин, анализируя возможности США начать третью мировую войну, высказал мнение, что США к ней не готовы, так как не в состоянии справиться даже с малой войной в Корее и что они увязли в Азии на следующие два-три года. Далее, согласно этим же ма-

териалам, Сталин подчеркнул, что задача стран «народной демократии» состоит в том, чтобы использовать эти два-три года для создания современных, мощных армий, так как «ненормально, чтобы вы имели слабые армии», и что «Китай создал лучшую армию, чем в странах народной демократии». Общая численность этих армий в военное время, по мнению Сталина, должна была составлять от 2 до 2,5 млн человек¹⁸. Тогда же было принято решение о координации и кооперации в деле оснащения и вооружения армий шести стран, их общей численности в мирное и военное время: 1,140 тыс. и 3 млн человек соответственно. Решено было создать координационный комитет¹⁹. Таким образом, именно тогда были сделаны первые шаги к организационному оформлению военно-политического союза социалистических стран.

Казалось, что после смерти Сталина, окончания летом 1953 г. Корейской войны, а в 1954 г. французской интервенции во Вьетнам, появилась надежда на потепление международного климата и ослаблению соперничества в гонке вооружений между двумя мировыми центрами силы. Однако плачевные для США результаты Корейской войны привели нового президента США Эйзенхауэра и его администрацию к выводу о провале стратегии «отбрасывания коммунизма».

Как известно, все попытки достичь каких-либо договоренностей между Востоком и Западом в ходе Женевских переговоров в 1955 г. и осуществить программу разоружения окончились ничем, кроме пропагандистской шумихи и перекалывания ответственности с одной стороны на другую. Неизвестно, было ли предложение преемников Сталина (нота советского правительства от 31 марта 1954 г.) о принятии СССР в НАТО всего лишь тактикой, рассчитанной на отказ руководства НАТО. Во всяком случае, именно советская сторона выступила с этой инициативой о создании системы коллективной безопасности²⁰. Советскому руководству не удалось воспрепятствовать ремилитаризации Германии и присоединению ее к НАТО.

В ответ на принятие в декабре 1954 г. официальной стратегии для НАТО «Щит и меч» вновь встал вопрос о мерах по упрочению военной безопасности европейских социалистических стран, особенно в условиях возможного оснащения

вооруженных сил Североатлантического союза ядерным оружием. На заседаниях Совета национальной безопасности США неоднократно поднимался вопрос о применении атомного оружия против корейского, вьетнамского и китайского народов. 8 января 1954 г. президент Эйзенхауэр заявил: «Если мы сможем одновременно совершить атомное нападение на все передовые базы ВВС коммунистов, противник будет обескровлен с самого начала боевых действий. Это — и наш план для Европы»²¹.

Так что подписание 14 мая 1955 г. коллективного оборонительного союза — Варшавского Договора, было логическим следствием военно-политической ситуации в мире в условиях стремления двух противостоящих сверхдержав и их союзников достичь военного превосходства над противоположной стороной и не допустить военного превосходства над собой.

Необходимо отметить, что еще в декабре 1957 г. Североатлантический альянс предоставил США право разместить ядерное оружие — ракеты малой и средней дальности — в Великобритании, Италии, Турции. К концу 1950-х годов в Европе уже имелось свыше 130 крупных американских военно-воздушных, военно-морских и ракетных баз. Их сеть охватывала ФРГ, Великобританию, Италию, Турцию, Грецию и ряд других европейских стран-членов НАТО²². К началу 1960-х годов ядерная мощь США во много раз превосходила ядерный потенциал СССР²³.

В 1957 г. в Министерстве обороны СССР прошла конференция о характере возможной ядерной войны и ее последствиях. Результаты конференции легли в основу положений военной доктрины СССР, которые были обнародованы Н.С. Хрущевым в январе 1960 г.²⁴ Так утверждалось, что будущая война будет ракетно-ядерной. Не исключалось, что на СССР может быть совершено внезапное атомное нападение, однако он в состоянии нанести ответный удар. Основным средством доставки советских ядерных боеголовок к целям должны быть ракетные системы. Им отдавалось предпочтение как наиболее эффективному средству доставки ядерных зарядов при нанесении ответного удара. В то же время утверждалось, что за массированным стратегическим ядерным обменом может последовать длительная, и, в конечном счете, имеющая решающее значе-

ние «обычная» война. Это приводило к выводу о необходимости иметь самые разнообразные обычные средства ведения войны, прежде всего сухопутные войска, вооруженные современными танками и бронетранспортерами наиболее устойчивыми к поражающему воздействию атомных взрывов²⁵. Вместе с тем было заявлено, что СССР стоит на позициях мирного сосуществования государств с различным социальным строем. Однако в случае агрессии империализма война закончится победой прогрессивной коммунистической общественно-экономической формации²⁶.

Советские доктринальные взгляды были оглашены в октябре 1960 г. на секретном совещании Комитета министров обороны ОВД в Москве. Министр обороны СССР маршал Р.Я. Малиновский заявил, что утверждения о том, «что мы не нападём первыми, не означает, что мы будем ждать пока кто-то нанесет первым удар. Это означает, что мы должны проводить работу таким образом, чтобы получать последнюю информацию о намерениях противника нанести удар по нам, и должны опередить его в тот момент, и чтобы наши ракетно-ядерные силы немедленно обнаружили вражеские объекты». Далее маршал заверил восточноевропейских партнеров, что «в случае чрезвычайной ситуации вы получите ракетно-ядерное вооружение. Таким образом, вы должны обучаться использовать ракетно-ядерное оружие». Эти данные были приведены болгарским историком Й. Баевым на заседании Консорциума по военной истории в рамках проекта «НАТО и Варшавский пакт 1948–1968», состоявшемся в Праге 11 апреля 2003 г. и почерпнуты им из болгарских архивов²⁷.

Советское руководство ставило перед оборонной промышленностью и вооруженными силами задачу догнать США по количеству ядерных зарядов и средств их доставки.

Несомненно, что создание Организации Варшавского договора в тех условиях было ответной мерой на создание блока НАТО. Советский Союз в силу своей геополитической роли и военных возможностей в условиях ядерного противостояния занимал доминирующие позиции в обеспечении военной безопасности социалистических стран. Большая часть объединений и соединений сухопутных войск, предназначенных для ведения первых операций, дислоцировалась на террито-

риях стран-участниц Варшавского Договора в приграничных районах, содержалась уже в мирное время в составе и готовности, обеспечивавших выполнение основных задач по отражению агрессии, что являлось составной частью военной доктрины.

Вместе с тем, ст. 4 Варшавского Договора предусматривала возможность индивидуального или совместного применения вооруженных сил государств-членов Договора только в случае вооруженного нападения со стороны коалиции государств или группы государств. Исторические реалии таковы, что обеспечение безопасности одной социалистической страны и всего блока выливалось в то, что военная сила ОВД использовалась для вмешательства во внутренние дела союзников по Варшавскому Договору для удержания их в рамках союза и обеспечения их военно-политического единства (события в Венгрии 1956 г. и в Чехословакии в 1968 г.). Военное единство в соответствии с доктринальными установками советского руководства было немислимо без идеологического единства партнеров по блоку, их приверженности «советской модели» социализма как важнейшего фактора сплоченности социалистических стран.

С точки зрения современной конфликтологии, противоречия между Востоком и Западом носили межсистемный, биполярный характер. Главными чертами нового миропорядка являлось стремление противоположной стороны заполнить стратегический и геополитический вакуум на периферии своих систем. Таким образом, столкнулись две концепции международных отношений: идея мирового господства под предлогом защиты «национальных интересов США» и их союзников и идея «социалистического» интернационализма. Это вело к тотальной вовлеченности малых национальных государств в дела двух сверхдержав — СССР и США — и к жесткой конфронтации между двумя мировыми полюсами. Особую роль в этом противоборстве играла военная сила, и, прежде всего, появление ядерного оружия, которое стало основным инструментом политики.

К сожалению, реалии современного мира свидетельствуют, что малые «независимые» и «суверенные» страны, громко заяв-

ля о себе как субъектах мировой политики, в действительности, как и ранее, становятся разменной картой в отношениях более могущественных государств.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См., например: *Нарочницкая Н.А.* Историческая Россия и СССР в мировой политике XX века // Новая и новейшая история. 1998. № 1. С. 128–129.

² *Leffler M.* Inside Enemy Archives: The Cold War: What do «We Now Know?» // American historical review. 1999. N. 2. P. 122–125; *Егорова Н.И.* Введение // Холодная война 1945–1963 гг. Историческая ретроспектива. Сборник статей. М., 2003. С. 3–17 и другие.

³ Second Report of the Secretary of Defense. Washington, 1950. P. 3; *Ананичук В.Я., Путилин Б.Г.* Система обеспечения национальной безопасности на примере США. М., 1998. С. 6.

⁴ *Штюкле К.* Меч на шелковой нитке. Преодоление кризисных ситуаций в Европе. М., 1985. С. 17–18.

⁵ Военная энциклопедия. М., 2000. Т. 1.

⁶ The War Reports of General of the Army George C. Marshall. New York, 1997. P. 299; Journal of American History. 1979. May. P. 62–66.

⁷ См.: *Трофименко Г.А.* Стратегия глобальной войны. М., 1968. С. 59–60; Американские планы ядерных ударов по городам СССР. 2015 1405 [Интернет-ресурс]. URL: <https://cont.ws/@topwar/87679> (Дата обращения: 5.09.2017).

⁸ The Department of State Bulletin. 1950. Jan. 23. P. 116.

⁹ *Лундестад Г.* Восток, Запад, Север, Юг. М., 2002. С. 167–168; *Браудер Г.* НАТО и Варшавский Договор. Принципы, концепции, потенциалы. Франкфурт-на-Майне, 1985. С. 7.

¹⁰ *Кокوشин А.А.* Армия и политика. М., 1995. С. 207.

¹¹ Там же.

¹² United States News and World Report. 17 December. 1954.

¹³ Цит. по: Большевик. 1946. № 17–18. С. 13.

¹⁴ Отечественная военная доктрина (В историческом измерении: от Великого князя Дмитрия Донского до первого российского президента Бориса Ельцина) М., 1996. С. 172–173.

¹⁵ *Васильева Н.В., Гаврилов В.А.* Балканский тупик? Историческая судьба Югославии в XX веке. М., 2000. С. 260.

¹⁶ Там же. С. 260–261.

¹⁷ NATO Strategy Documents 1949–1969. Brussels, 1998.

¹⁸ Romanian evidence on Moscow's military meeting 9–12.01.1951 // Published: C. Cristescu. Bucharest. 1995; Bulgaria in the Warsaw Pact. A CD ROM Documentary Volume. Sofia. 2000.

¹⁹ Там же.

²⁰ *Егорова Н.И.* НАТО и европейская безопасность: восприятие советского руководства // Сталин и холодная война. С. 311.

²¹ Цит. по: Правда. 1985. 6 августа.

²² *Орлов А.С.* Тайная битва сверхдержав. М., 2000. С. 333.

²³ *Мировая экономика и международные отношения.* 1996. № 12. С. 77.

²⁴ См.: Правда. 1960. 15 января.

²⁵ *Кузнецов В.И.* Обычные вооруженные силы в военно-политической стратегии США (60-е — 80-е годы). М., 1991.

²⁶ *Соколовский В.Д.* Военная стратегия. М., 1962. С. 237.

²⁷ *Vaev J.* The evolution of the Warsaw pact Organizational Structure and Decision Making Process. 1955–1969; NATO and Warsaw pact — the formative years 1948–1968. Praga, 2003.

СЛОИСТОВ С.М.*

**К ВОПРОСУ ОБ ИДЕНТИЧНОСТИ
ПОЛЯКОВ, ЧЕХОВ И СЛОВАКОВ
НА ВОСТОЧНОМ ФРОНТЕ
(1941–1945 гг.)****

За событиями на советско-германском фронте периода 1941–1945 гг. в отечественной историографии закрепилось справедливое название Великой Отечественной войны. С советской точки зрения война велась на западном направлении. У противной стороны сложилась своя терминология, которая естественным образом отображает логичный для нее взгляд. В немецкой литературе обычно театр военных действий Германией вместе с ее союзниками и СССР называют Восточным фронтом.

В западном же направлении происходило освобождение территории Польши и Чехословакии. Для лидеров антигитлеровской коалиции эмигрантские правительства этих стран были единственными законными представителями польского, чешского и словацкого народов. Опуская перипетии сложной политической игры (признание СССР Словацкой республики в 1939 г., разрыв в 1943 г. с большим трудом налаженных летом 1941 г. отношений с польским правительством, находившимся в Лондоне и др.), можно сказать, что Советский Союз, как главный на тот период участник коалиции, также придерживался данного подхода к правительствам в эмигра-

* Слоистов Сергей Михайлович — младший научный сотрудник Института славяноведения РАН.

** Первое обращение автора к данной проблеме см.: *Слоистов С.М. Идентичность поляков, чехов и словаков на Восточном фронте (1941–1945 гг.) // Миграционные последствия Второй мировой войны: депортации в СССР и странах Восточной Европы. Сборник научных статей. Новосибирск, 2013. Вып. 2. С. 98–111.*

ции. Примером тому служат сформированные при его помощи на советской территории польские и чехословацкие вооруженные силы, которые вместе с Красной армией приняли участие в освобождении своих народов от гитлеровской оккупации.

Для подобной парадигмы восприятия выражение «поляки, чехи и словаки на Восточном фронте» (т.е. вместе с немцами) звучит диссонирующе и, скорее всего, в массовом сознании может ассоциироваться с коллаборационизмом. Однако рассматриваемое нами явление не сводится к последнему. Массовое включение представителей данных народов в вермахт и союзные ему армии имело другую природу, чем типичное для коллаборационизма добровольное сотрудничество с врагом в ущерб своему государству. Для понимания этого необходимо обратиться к исследованию идентичности, изучению представлений интересующих нас лиц о себе и своем окружении, восприятию ими границы между «своим» и «чужим». При этом, делая акцент на национальной, этнической и региональной составляющих идентичности человека, мы не оставим в стороне и другие характеризующие ее элементы, например, представления о роли в семье, о своем социальном положении и пр. Поскольку в экстренных условиях борьбы за жизнь последние порой имеют определяющее значение в поведении человека.

В попытке вскрыть механизмы эволюции идентичности интересующей нас группы лиц мы постараемся проследить изменения в положении таких традиционных маркеров, как ситуации с использованием родного языка, религии, национальных и региональных традиций, а также ответить на вопрос: каким образом в условиях войны изменения в данных сферах влияли на социальное положение, позволяли сохранить жизнь себе и близким. Такой подход дает возможность всесторонне посмотреть на процессы, сопутствующие массовым перемещениям гражданского мужского населения в результате их призыва в действующую армию.

Фашистскими руководителями тогда посредством призыва в армию одновременно решалось сразу несколько задач: тактическая — восполнение потерь в живой силе и стратегическая — инкорпорация присоединенных территорий через гер-

манизацию солдат славянской национальности, сражающихся в интересах Третьего рейха.

Советская сторона также была вынуждена бороться за каждого союзника по ту сторону фронта: в краткосрочной перспективе на период войны ответом на германизацию должна была стать активизация чувства всеславянской взаимности. Именно этот фактор рассматривался как предпосылка укрепления внутренней стабильности освобожденных государств и формирования дружественного отношения к СССР и проводимой им политике.

В этом противоборстве события на фронте занимали ключевое положение. Изменение ситуации в результате битв под Москвой, Сталинградом и, конечно, начало активных военных действий на территории Польши и Чехословакии заставляли воюющие стороны принимать новые решения, вносить коррективы в свою политику и даже идеологию. В то же время в событийном плане для простого человека фронт также имел свое измерение, состоявшее из перемен в его обыденной жизни. Для него фронт начинался задолго до боев на передовой, порой уже с момента ощущения себя призывником, и не заканчивался с отбытием в тыл или попаданием в плен. И в тылу, и в плену само ощущение фронта сохранялось благодаря реальности связанных с ним событий, необходимости занимать эту или противоположную сторону, принимать участие в борьбе, в том числе вооруженной, которая сопутствовала как бы освободившемуся от войны солдату.

Еще в период активной смены границ в результате оккупации Чехословакии и Польши в 1938–1939 гг. внутри рейха оказались значительные территории со смешанным в этнонациональном плане населением. Это были пространства традиционного взаимодействия разных государственных образований и культур. Поморье — немецкой и польской, Силезия — немецкой и польско-чешской со значительным моравским, а также словацким влиянием.

Первая фаза интеграции этих новых, непосредственно включенных в Третий рейх территорий в целом завершилась к началу войны Германии против СССР. Изучению механизмов германизации, которые применялись фашистской администрацией Поморья, так называемого Края Варты, Силезии

и территорий, присоединенных к Восточной Пруссии, исследованию отличий сложившейся там ситуации от положения в Генерал-губернаторстве, а также Протекторате Богемии и Моравии посвящена достаточно богатая исследовательская литература¹. В частности, одним из таких механизмов стало разделение коренного населения на четыре категории согласно их принадлежности к немецкой нации (Deutsche Volksliste). Представители низших, то есть третьей и четвертой, категорий собственно не считались полноценными немцами, а были лишь второсортным человеческим материалом.

Несмотря на схожие установки нацистских лидеров, политика германизации на разных оккупированных территориях существенно различалась. Особая ситуация была в Силезии и Поморье. Проводимая там нацистами преступная деятельность существенно отличалась от практик, применяемых в Великой Польше и на территориях, присоединенных к Восточной Пруссии. В Силезии и Поморье германизации планировалось подвергнуть огромные массы населения, за которым признавалось немецкое происхождение. В то время как в Великой Польше акцент делался на депортацию коренного польского населения. За этим стояли как объективные экономические причины (невозможность провести массовые депортации из Силезии без подрыва развитой в этом регионе промышленности), так и понимание особенностей национального развития на данных исторических польских землях: Великая Польша являлась традиционным оплотом польскости в борьбе против германизации в XIX в.².

Для автохтонного населения Силезии и Поморья как для жителей культурного пограничья патерналистское, подчас уничижительное и сопряженное с недоверием отношение не было чем-то новым. За многовековой период жизни на спорных территориях у них выработался определенный адаптационный механизм, который с успехом применялся ими как в условиях Австро-Венгрии и Пруссии, так и в последующие два межвоенные десятилетия, когда в государствах региона стали доминировать славянские нации. В его основе лежало признание главенства титульной нации и сохранение лояльности к государству, что в свою очередь компенсировалось сохранением традиционного локального социума. Это в ко-

нечном итоге и привело к формированию такой структуры идентичности, при которой ее региональная составляющая часто являлась доминирующей. Например, в первую очередь я — силезец, но при этом могу быть немцем, поляком или чехом, одновременно признавая большую солидарность с другими силезцами независимо от выбранной ими национальной ориентации. На практике это выражалось в терпимом отношении государствообразующей нации к использованию местных диалектов, повсеместному бытованию региональных традиций, наличию множества замкнутых на локальном уровне социальных, в том числе хозяйственных, связей. По инерции в подобных категориях местное население рассматривало и политику Третьего рейха, даже несмотря на явно новые, наполненные нацизмом, устремления властей на включенных в его состав землях.

С этих позиций можно интерпретировать примеры принятия жителями Силезии и Поморья третьей категории принадлежности к немецкому народу, воспринимаемой обывателем лишь как акцептация своей государственной принадлежности, чего не было в действительности. Или призыв к силезцам главы местной католической церкви, катовицкого епископа Станислава Адамского задекларировать свою немецкую принадлежность и тем самым избежать депортации из родного региона. «Согласно правилам III и IV категории предназначались для лиц немецкого происхождения, следовательно, поляков, — объяснял катовицкий епископ после войны необходимость применения так называемой тактики “маскировки”. — Причислялись к одной или другой в зависимости от того: признала ли партия большую или меньшую связь с немецкостью. Кто же не был принят даже в IV категорию, тот становился кандидатом на выселение в Генерал-губернаторство или во Францию, или в глубь Германии, на работы. Семьи таких людей разрывались, имущество отбиралось. <...> Все жители Силезского воеводства без исключения подвергались принудительной классификации в категориях *volksliste*. Уклониться от подписания *volksliste* и проведенной классификации было невозможно, если только не скрыться или выехать в Генерал-губернаторство. Поляк, который в духе призыва, оглашенного польским правительством, желал остаться в Силезии, должен был *volksliste* принять»³.

Немецкая бюрократическая машина почти не оставляла другого выбора. Включение человека в состав низших категорий немецкого народа носило во многом формальный характер. Собственное мнение индивида, то есть самоидентификация, мало кого интересовала. Чтобы не стать немцем, недостаточно было одного желания и настойчивого волеизъявления. Как вспоминал уроженец Тешинской Силезии чех Штепан В., впоследствии военный служащий вермахта на Восточном фронте, необходимо было доказать наличие родственных связей в Протекторате Богемии и Моравии⁴. Естественно, что не в каждой семье они были. Одновременно многие семьи характеризовались влиянием разных национальных культур, что было типично для пограничного региона и позволяло маневрировать в сложившихся непростых условиях. Особенности родословной упомянутого нами в качестве примера чеха не были исключением. «Штепан В., учитывая свое происхождение и детство, едва ли мог культивировать какие-либо национальные предрассудки. Он не только вырос в сильно смешанной по национальному составу Тешинской Силезии, но и происходил из смешанной семьи. Его отец приехал из Восточной Словакии. Мать, наоборот, была коренной тешинской чешкой, однако она окончила немецкую школу. Поэтому одинаково хорошо говорила и по-чешски, и по-немецки. Более того, все понимали польский. Дома говорили “по-нашему”, то есть силезским наречием»⁵. Столь сложный в этнокультурном плане облик населения, его опыт жизни при инациональной власти существенно упрощали способность приспособления к созданным нацистами условиям.

До начала крупномасштабных действий на Восточном фронте вопрос призыва данных групп лиц в вермахт не имел большого значения. Но в борьбе между интересами военного ведомства и политикой нацистских идеологов победили последние. Благодаря этому за армией сохранялся статус «кристально чистой» с нацистских позиций организации. В частности, появились предписания демобилизовать из вермахта тех силезцев, которые не получили третьей категории⁶. Однако созданные на территории Силезии и Поморья административно-управленческие структуры по учету населения

с целью наложения на него принудительной трудовой и воинской повинности позволяли очень быстро изменить ситуацию, начав массовую мобилизацию не немецкого населения в вермахт⁷.

Под схожим углом зрения на межнациональные отношения можно рассматривать и ситуацию в Словакии, которая, безусловно, выделялась на общем фоне территорий, непосредственно включенных в Рейх. Словаки, бывшие объектом мадьяризации в венгерской части двуединой монархии, не избавились от крайне патерналистского к себе отношения и в межвоенной Чехословакии, поскольку со стороны многих чехов за ними признавались скорее лишь региональные отличия. В то же время их роль в государствообразующих процессах и международной политике была несравненно большей, чем положение обычной пограничной группы населения. Было бы упрощением рассматривать «чехословакизм» чешских элит лишь как политику экспансии внутри чешского государства (что, конечно, имело место). Чехи крайне нуждались в словаках, ведь именно благодаря им и только вместе с ними они могли быть квалифицированным большинством и, следовательно, в борьбе с немецким влиянием стать полноценным государствообразующим народом. Словаки же традиционно воспринимали чехов союзниками в борьбе против мадьяризации.

С оккупацией Чехословакии и началом Второй мировой войны ситуация оставалась схожей: выигравшие в чешско-немецком споре немцы теперь взяли Словакию под свою опеку от чрезмерного наступления Венгрии. Последняя для Германии вовсе не являлась полноценным партнером, а только одним из элементов в выстраиваемой Германией системе сдержек и противовесов в Карпатском регионе. Это дает основание говорить, что во многом словацкая идентичность, несмотря на появление собственного формально независимого государства — Словацкой республики, продолжала нести в себе черты пограничного региона, хотя и с ярко выраженной автономией. Например, я — словак, но могу им быть только в союзе с чехом (в этом смысле быть чехословаком), в союзе с немцем или кем-то другим, то есть с тем, кто будет выступать гарантом стабильности словацкой общности. Другими словами, главенствующую роль продолжала играть двойственность, заложенная в понятие регио-

на, который, с одной стороны, имеет черты самостоятельности, с другой — может существовать только как часть большего образования.

С наступлением для вермахта трудностей на Восточном фронте политика Третьего рейха претерпевала существенные изменения. Превалирующей становится точка зрения о полезности массового набора в вооруженные силы местного немецкого населения. Показателем этого может служить следующее мнение, высказывавшееся немецкими жителями Поморья: «Наши враги заставляют также свои колониальные народы воевать за себя, однако никто не думает о том, чтобы сделать из них англичан»⁸. Вторило им и фашистское руководство, считая полезными любые действия, которые уменьшают потери на фронте собственно немцев. Правда, оно проявляло большую дальновидность, нежели обычный немец, желающий найти себе замену и тем самым отсрочить свой призыв на фронт. В политике мобилизации одновременно с тактическими соображениями присутствовали и стратегические цели — германизация населения посредством службы в вермахте⁹.

Возникающие трудности с набором в армию, последующим дезертирством, ненадлежащим выполнением своих обязанностей новобранцами решались крайне жесткими репрессивными мерами, в том числе связанными с коллективной ответственностью. Показательным примером «вины» отца, матери и сестры поляка-перебежчика на Восточном фронте может служить текст постановления гданьского гестапо об отправке в лагерь: «Поскольку ваш сын, будучи немецким солдатом, перебежал к русским»¹⁰. Отправка в лагерь всех членов семьи (включая родителей, братьев и сестер, жен и детей) в случае уклонения от службы или дезертирства¹¹ ломала ранее сложившиеся механизмы проявления той или иной степени лояльности к инациональной власти взамен сохранения традиционного локального сообщества.

В таких критических случаях очень непросто структурировать мотивацию человека, поскольку любые национально ориентированные патриотические устремления могли уступать место традиционному чувству любящего сына, отца, мужа, желающих спасти своих близких от гибели. При этом от лагеря часто не спасал пронемецкий выбор других членов семьи.

Известны факты безуспешных попыток улучшить положение репрессированных, апеллируя к заслугам их близких родственников в рядах вермахта¹².

Обратные германизации последствия, то есть усиление региональной идентичности в ее антинемецком варианте, имело также применение экстерриториального принципа подготовки новобранцев в учебных войсковых частях или трудовых военизированных организациях. «В пути мы чувствовали себя потерянными. Везде была слышна немецкая речь, причем в различных диалектах, часто вообще не понятных. <...> Персональный состав подразделения состоял в основном из жителей Тироля, Баварии и частично Тешинской Силезии», — вспоминал первые дни после призыва в Имперскую службу труда Л. Липовчан, который после окончания службы в этой парамилитарной организации недалеко от Витебска был направлен уже в качестве солдата на фронт в район Кубани¹³.

Существующие воспоминания дают широкую палитру негативных последствий отрыва от привычной языковой среды: от просто сильно отчужденного, подавленного состояния из-за невозможности контакта с немцами, язык которых отличался от ранее знакомой индивиду нормы, до суровых наказаний в результате неправильного исполнения команд из-за полного незнания немецкого¹⁴. В этом контексте вполне объяснимы такие проявления антинемецкого национального чувства, как открытое, несмотря на строгие запреты, пение польских песен среди новобранцев, желание использовать свой родной диалект, трактуемый немцами как славянский, в устной и письменной речи и пр.¹⁵

Непосредственно на фронте дальнейшая ситуация могла развиваться по двум сценариям: успешная интеграция индивида в немецкий коллектив и фактически принятие, хотя бы на время, немецкой идентичности или усиление взаимного антагонизма. Интеграции способствовало хорошее знание немецкого языка, наличие относительно привилегированной военной специальности (механика, радиста и т.д.), служба в более престижных и имеющих ярко выраженный корпоративный характер родах войск (танковые, авиация, флот и др.), отсутствие рядом земляков. Совокупность данных факторов не могла быть повсеместным явлением. Одновременно не до конца

урегулированный правовой статус (наличие лишь временного гражданства) способствовал восприятию такой ситуации как преходящего явления, связанного с хорошими отношениями внутри коллектива военнослужащих, взаимовыручкой в условиях боя и т.д.

В воспоминаниях лиц с подобной биографией можно обнаружить свидетельство контакта с пленными советскими военнослужащими для того, чтобы узнать как обращаются с взятыми в плен в Красной армии, который не способствовал активизации желания перехода на советскую сторону и подтверждал лживую немецкую пропаганду о массовых расстрелах перебежчиков большевиками. Так, уже знакомый нам Липовчан, оторванный совсем юным от родного дома и направленный умирать за чужие интересы, размышлял о возможности перехода на советскую сторону: «Мы конвоировали нескольких военнопленных. Один из них, украинец польского происхождения, достаточно хорошо знал польский язык. Мы разговорились. Он рассказал, что его отец во время Первой мировой войны находился в австрийском плену и условия там не были плохими. Отец целым вернулся домой. Мне не хотелось ему рассказывать, что немецкий плен — это не австрийский и условия там страшные. <...> Я также спросил его, знает ли он что-нибудь о немецких солдатах, переходящих на советскую сторону. Вначале он не хотел ничего говорить, но потом добавил, что в случае, когда в плен сдается большее число солдат, то их отправляют в тыл. Когда речь идет об одном человеке, то после допроса комиссарами (НКВД) его ликвидируют, поскольку хлопотно одного солдата отправлять в тыл. Более того, НКВД необыкновенно подозрительно и в каждом перебежчике видит немецкого шпиона»¹⁶.

Приведенный отрывок воспоминаний хорошо передает атмосферу страха, связанную как с общим понижением ценности жизни на войне, так и с постоянными сомнениями в том, что возможно сохранить жизнь. Многим это удавалось. Высказанное конвоированным военнопленным в беседе с Липовчаном предположение о дальнейшей судьбе военнослужащих, по отдельности сдававшихся в плен, опровергается многочисленными примерами. Случаи удачной сдачи в плен, в том числе осуществленные в одиночку, хорошо известны¹⁷.

Разговор Л. Липовчана с военнопленным также иллюстрирует временный характер адаптации поляка в вермахте. Достаточно было краткого контакта с украинцем, чтобы возникло пока еще слабое, но вполне реальное желание узнать о переходе на советскую сторону, несмотря на сносные условия у немцев. Примечательно, что легкость общения между ними была обусловлена не только отсутствием языкового барьера, но и общей исторической памятью о недавнем совместном государстве (украинец польского происхождения), о знакомых из семейной истории реалиях Австро-Венгрии (отец в австрийском плену).

Негативную роль в принятии решения не сдаваться в плен и остаться у немцев могли играть собственные наблюдения нерационального использования живой силы и, следовательно, отношения к солдату в Красной армии — если так относятся к своим, то что же говорить о пленных. «Я не мог понять того, что в течение дня маршировали по ней [дороге] части неприятеля, удачно обстреливаемые нашими гаубицами, неся серьезные потери, — продолжает Л. Липовчан.— Если бы их переброска происходила ночью, то точно потерь бы не было. Это был результат приказов неких комиссаров, которые совсем не считались с бессмысленными потерями людей»¹⁸. Впрочем, такие характеристики своего положения были естественны для лиц, так и не решившихся перейти фронт и достаточно интегрированных в немецкое общество.

Чувство славянской общности среди поляков, чехов и словаков усиливалось во многом и за счет того, что реальность, с которой они столкнулись в условиях советского плена, оказалась намного более благоприятной, чем они ожидали. «После попадания в плен, жизненные силы тотчас покинули меня, пропала надежда выжить», — вспоминал словак из Кошице Йозеф Ж.¹⁹ Пережитое этим военнослужащим венгерской армии острое чувство было распространенным явлением. Ведь пропаганда неустанно повторяла, что там «страшные люди — большевики» и «каждого пленного убивают»²⁰. В дальнейшем, еще на фронте, его представления изменились: «Через три недели я попал в одну воинскую часть, которая ремонтировала на фронте дороги, там у меня появилась возможность узнать, какая разница между венгерской и Красной

армией»²¹. Особенно его поражало «насколько были сплочены гражданское население и Красная армия, офицеры и рядовые»²².

Трудности перехода на сторону противника не исчерпывались только преодолением страха перед неизвестным. Часто переход был сопряжен со множеством опасностей, что сильно понижало шансы успешного преодоления линии фронта. О фактах таких неудач свидетельствуют судьбы пойманных и осужденных немцами перебежчиков. Без преувеличения можно сказать, что часто переход на советскую сторону правомерно квалифицировать как героический поступок, связанный с огромным риском для собственной жизни, а также жизни близких, которые находились в тылу. Без сомнения, так можно оценить уникальный переход по замерзшему Дону силезца Я. Скутелы, который перед этим взял в плен своего командира и его заместителя, а потом удачно доставил их на советскую передовую²³.

В большинстве случаев, когда историк имеет дело с фактами массового перехода, крайне затруднительно достоверно разделить собственно добровольную сдачу в плен и вынужденное пленение, особенно в условиях острого контактного боя. Примером такого сюжета, вокруг которого до сих пор в историографии не утихли споры, является массовый переход — сдача — взятие (в зависимости от интерпретации) в плен словацких военнослужащих во время боя у г. Каховка в октябре 1943 г.

Если рассматривать динамику идентичности человека как неотъемлемую часть мотивации его поведения, то вполне понятно, что желание перехода было неразрывно связано с антагонизмом, который возникал у славян, надевших ненавистный им мундир. Когда определяющим поведение были, с одной стороны, отношение к ним как к солдатам второго сорта, «пушечному мясу», с другой — активные контакты с местным советским населением, которое на поверку оказалось другим, более близким, далеким от рисуемого фашистской пропагандой образа варвара.

Примеров такого взаимодействия достаточно много описано в литературе. В первую очередь сближающим фактором было легко преодолимое, по крайней мере, на бытовом уровне

не, языковое различие. Чех из Тешинской Силезии, солдат вермахта Карл Р., описывая свои контакты с местным населением, заметил: «Чешский, русский, украинский — ведь это одно и то же», — думали наши офицеры и посылали нас везде, где была необходимость перевести что-нибудь местным людям или с ними договориться. <...> Итак, мы вместе ездили покупать продовольствие по окрестным деревням. Мы русским и украинцам говорили по-чешски, они нам отвечали по-своему, и всегда неплохо понимали друг друга»²⁴. Случались и нелегальные по отношению к командованию, но законные (заключенные в православных церквях или старостами) браки словацких военнослужащих и местных девушек²⁵. В случае с польско-украинским или польско-белорусским взаимодействием уместно предположить, что существовавший ранее негативный опыт противостояния данных народов на Кресах, компенсировался происхождением этих новых для местного населения поляков, отягощенных лишь памятью о польско-немецком пограничье, то есть региональная составляющая идентичности работала на усиление их польскости. «Фронт проходил по линии Орша — Могилев. В это время я находился около Бобруйска. Поляку было не трудно завести контакты с гражданским населением, и ни с того ни с сего я оказался в уютной квартире местного учителя. <...> Там я с первой минуты заметил, как русский человек относится к славянским народам. Несмотря на то, что я был в немецком мундире, в противовес этому со дня на день узы нашей дружбы все более крепили, и я должен сказать, что мы были между собой как братья», — вспоминал поляк с Поморья Ян С.²⁶ Общение между ними было обусловлено общими взглядами, что выражалось в обмене информацией о планах немецкого командования в отношении партизан, сводках с фронтов, различных новостях, например, о польской армии в СССР²⁷.

Мемуары партизан содержат воспоминания об активной помощи, которая оказывалась военнослужащими вермахта и союзных ему армий польского, чешского и словацкого происхождения советским партизанам, в том числе при проведении диверсионных боевых операций. Организатор партизанского движения в Белоруссии В.И. Козлов положительно характеризовал их поддержку: «И в дальнейшем чехи, словаки,

румыны, поляки много помогали минскому соединению. <...> Так было с чехами и словаками, стоявшими в Слуцке, со словаками и румынами, несшими охранную службу в окрестностях Минска»²⁸.

Активное взаимодействие с партизанами было возможно благодаря меньшей регламентации военной службы в тылу. Проживание на частных квартирах, появление множества знакомых среди местного населения, доступ к альтернативным источникам информации (советское радио, официальная и подпольная печать) — все это не было чем-то особенным. Для иллюстрации обратимся к донесению начальника политотдела 8-й гвардейской армии об участии одесских партизан в разложении войск противника: «Младший лейтенант словацкой армии Карл Пагач заявил: “У меня был радиоприемник. Хозяева и их знакомые часто обращались ко мне с просьбой включить Москву. <...> Когда соседи узнали, что мы почти ежедневно слушаем Москву, к нам стали все чаще приходиться. Мой хозяин Казимир Янковский <...> однажды предложил мне: “Пойдемте со мной, — сказал он, — в катакомбы, там встретим моих друзей и приятелей”. Я пошел. Так состоялось мое первое знакомство с партизанами, с которыми впоследствии мне и моим солдатам пришлось вести борьбу рука об руку против немцев»²⁹.

Многие из тех, кто не участвовал в активной борьбе с фашистами на фронте, пришли к ней в советском плену. В условиях плена восприятие реальности в категориях славяне — не славяне не только остается, но даже усиливается. Срабатывает все тот же эффект несоответствия сформированных пропагандой представлений намного более лучшей действительности. Стоит помнить, что статус меньшинства оставался у пленных и в советском лагере. Ключевые должности во внутренней лагерной администрации часто доставались немцам, которых, как правило, было большинство. Представителей меньшинств дискриминировали, отсылали на самые тяжелые работы. Даже у куда более многочисленных венгров возникало устойчивое ощущение: «Мы в плену у немцев, а не у русских»³⁰. В то же время существовали положительные контакты с местным населением, которое порой находилось в сопоставимых по быту условиях, что сглаживало различие пленный — свобод-

ный. «После окончания карантина последовал период работ за пределами лагеря, что дало возможность ближе познакомиться с русским народом, — писал в памятном отзыве о жизни в плену чиновник из Брно Карел-Ян Т.— Здесь в совершенстве можно было узнать добродушие, трудолюбие и жертвенность, которые являются прямой характеристикой для русского народа»³¹.

Важное значение имела советская пропаганда возрожденных идей всеславянской взаимности. В данных условиях ее роль сводилась к конкретизации и универсализации частных форм идентификаций. Ощущение славянской взаимности было реанимировано самой суровой реальностью жизни. Чувство принадлежности к славянскому миру формировалось у каждого человека по-разному, исходя из его уникального опыта. Пропаганда же предоставляла удобные формы для соотношения своей неповторимой биографии с биографией коллективной. При этом будет слишком большим упрощением сводить общеславянскую доминанту в идентичности данной группы лиц лишь к прагматическому выбору. В действительности прагматизм скорее определял ранжировку внутри ее сложной структуры, рассматриваемой шире этнонациональных категорий (например, сейчас я — в первую очередь крестьянин, затем рядовой по званию, потом словак, католик и т.д., а в иной ситуации я — словак, католик, рядовой, крестьянин и т.д.).

Славянская идея в данном общем случае, в условиях внешней угрозы, имела естественный для защищающегося сообщества людей мотив: обосновать свое право на существование, показать свою глубокую историю и перспективу развития. Она являлась своего рода символом, убеждающим в неотвратимости победы. Вспомним «Родло» — символ Польши в Третьем рейхе, который как своей графичностью, так и заложенным в изображении смыслом напоминает о древности славянских корней на просторах от Карпат до Балтики, об исконном характере польской культуры в этом регионе. Этим объясняется обращение к славянской идее уже как к политической концепции среди публицистов большинства направлений польской политической мысли периода Второй мировой войны. Правда, ей придавались разные формы:

от вполне традиционных до весьма экзотичных, от просоветских до антисоветских и даже русофобских³². В Чешских землях идея славянской взаимности имела свои глубокие традиции. В условиях войны ее мобилизационный потенциал был взят на вооружение чешскими политиками, в том числе президентом Э. Бенешем³³, что также можно рассматривать как ответ на активизацию общеславянского чувства среди чехов. Соотношение себя с остальным славянским миром было настолько укоренено в словацкой традиции, что даже фашистская словацкая пропаганда была вынуждена постоянно обращаться к данной теме, действуя одновременно в двух направлениях. С одной стороны, опираясь на негативные примеры словацко-чешского и словацко-польского взаимодействия, она стремилась доказать невозможность идей славянского единства на практике. С другой стороны, позитивные примеры славянского братства представлялись словацкими официальными пропагандистами лишь в антибольшевистском контексте с упором на то, что якобы единственно возможным выбором для славян является их подчинение нацистской Германии³⁴.

Противостояние внутри военнопленных позволяет более полно оценить антифашистскую деятельность в лагере. Ее невозможно свести лишь к ситуативному выбору в пользу победившей стороны, поскольку порой данный выбор, наряду с возможными и пока еще туманными привилегиями, нес реальную опасность для жизни, исходящую со стороны других пленных. О таких трагических случаях расправы над антифашистами-военнопленными говорят опубликованные документы. Так, в ориентировке о противодействиях враждебных элементов антифашистскому движению наряду с многочисленными примерами избиений и других противоправных действий содержится общая характеристика сложившегося положения: «Реакционно настроенные военнопленные в этих лагерях становятся на путь организованной борьбы с антифашистами, применяя к ним уговоры, угрозы, избиения с целью заставить отказаться от антифашистской работы. Известны также факты возникновения на этой почве террористических групп, подготавливающих убийства антифашистов и сотрудников оперативных отделов, занимающихся

антифашистской работой»³⁵. Также неправильным было бы сводить роль участников антифашистского движения к обычной оперативной работе, когда в среде военнопленных формировалась сеть доносителей. Инструкции не рекомендовали привлекать к оперативно-агентурной работе в лагерях для военнопленных антифашистский актив³⁶.

При построении антифашистской работы как непосредственно на передовой, так и на невидимом фронте в среде военнопленных политработники старались соблюсти баланс между собственно антифашистской агитацией и коммунистической пропагандой, не сводить первую ко второй. Это удавалось не всегда. Но именно там, где отталкивались от реалий, а не от идеологем, данная работа имела успех. Интересно рассмотреть программы занятий по истории для польского и чехословацкого секторов на антифашистских курсах. Они были составлены с опорой на политику будущего послевоенного преобразования Польши и Чехословакии и, по сути, скрыто апеллировали к региональной идентичности большинства слушателей. На занятиях правильная «антигерманская политика польских королей пястовского периода» постоянно противопоставлялась пагубным устремлениям магнатерии «на Восток — на белорусские и украинские земли»³⁷. Поворот от традиционного на тот момент для польской историографии восточного вектора развития польского народа и государственности к рассмотрению национальной истории через призму пястовской традиции повышал статус Поморья и Силезии. Жители данных территорий, будучи важными, но все же в глазах большинства второстепенными участниками исторического развития, становились краеугольным камнем национальной истории.

С этой перспективы можно посмотреть и на общее отношение советского руководства к полякам в вермахте на Восточном фронте. Если в первые годы войны оно воспринимало весьма скептически возможность их освобождения и отправки в формируемые польские национальные части, то в заключительной фазе ситуация изменилась. Так, уроженцами Силезии наполнилась 3-я пехотная дивизия имени Ромуальда Траугутта Войска польского в СССР³⁸ (в дальнейшем ей было присвоено почетное наименование Померанская). Хорошей иллюстра-

цией перемены отношения к полякам из Силезии и Поморья может служить их восприятие уроженцем Восточных кресов писателем З. Залуским: «В селецких землянках, где был расквартирован зимой 43 года учебный батальон 3 дивизии пехоты <...> я вслушивался в неспешные разговоры коллег — силезцев и поморян, “перебежчиков” из вермахта. Насколько казались мне другими, далекими, прямо чужими эти люди — со всем их личным, семейным и историческим опытом, навыками, ментальностью, глухими на славянскую певучесть восточной речи, не верящими, что украинцы представляют главную проблему для Польши ... Насколько другой будет та Польша, за которую мне идти на фронт, “Западная Польша”, в которой они — люди Запада и не деревни, а города — будут играть главную роль»³⁹.

Подобное удачное совпадение мотивов большой политики и глобальных исторических событий с желаниями и представлениями, органично присущими определенным группам населения, можно заметить и в случае со словаками. Массовый характер Словацкого национального восстания и постоянное апеллирование к данному событию в антифашистской работе укрепляли представления о словаках как о независимом, имеющем право на самостоятельное существование народе.

Подводя итог, можно сказать, что идентичность поляков, чехов и словаков на Восточном фронте имела сложную структуру. Вынужденные перемещения, новый опыт взаимодействия с представителями других регионов и — шире — народов, принятие критичных для жизни решений и прочие сопряженные с войной обстоятельства сыграли решающую роль в ее формировании.

Органичным элементом их идентичности была общеславянская идентификация, выбор которой определялся прошлым и настоящим опытом военнослужащего. Ошибочно рассматривать ее доминирование как ситуативное принятие навязанного идеологического конструкта.

Важную и часто доминирующую позицию занимала региональная идентификация. Именно изменения различных групп факторов, непосредственно влияющих на динамику данной региональной составляющей идентичности, во многом определяли принятие как более общей этнонациональной иден-

тификации (я – поляк, чех, словак), так и наднациональной — общеславянской. Наряду с другими факторами этим можно объяснить провал нацистской политики германизации и успех советских усилий по активизации чувства общеславянской взаимности среди данной категории лиц.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Serwański E.* Hitlerowska polityka narodowościowa na Górnym Śląsku. Warszawa, 1963; *Madańczyk Cz.* Polityka III Rzeszy w okupowanej Polsce. Warszawa, 1970. Т. 1–2; *Boda-Kręžel Z.* Sprawa volkslisty na Górnym Śląsku: Koncepcje likwidacji problemu i ich realizacja. Opole, 1978; *Jastrzębski W., Sziling J.* Okupacja hitlerowska na Pomorzu Gdańskim w latach 1939–1945. Gdańsk, 1979; *Madańczyk Cz.* Faszyzm i okupacje 1938–1945. Wykonywanie okupacji przez państwa Osi w Europie. Warszawa, 1983. Т. 2; *Zimmermann V.* Sudetští Němci v nacistickém státě: Politika a nálada obyvatelstva v říšské župě Sudety (1938–1945). Praha, 2001; *Maršálek P.* Protektorát Čechy a Morava: Stároprávní a politické aspekty nacistického okupačního režimu v českých zemích 1939–1945. Praha, 2002 и др.

² *Boda-Kręžel Z.* Sprawa volkslisty... S. 25–27; *Kaczmarek R.* Górnoszlązacy i górnoślązacy gauleiterzy // Biuletyn Instytutu Pamięci Narodowej. 2004. N 6–7. S. 50.

³ *Adamski S., bp.* Pogląd na rozwój sprawy narodowościowej w województwie śląskim w czasie okupacji niemieckiej. Katowice, 1946. S. 16.

⁴ *Emmert F.* Češi ve Wehrmachtu: Zamlčované osudy. Praha, 2005. S. 36.

⁵ *Ibid.* S. 34.

⁶ *Madańczyk Cz.* Faszyzm i okupacje 1938–1945... S. 29.

⁷ Подробнее о формировании и последующей деятельности данных структур на примере Поморья см.: *Sziling J.* Pomorzanie w Wehrmachcie // Pomorzanie w Wehrmachcie. Toruń, 2012. S. 39–68.

⁸ *Sziling J.* Przymusowa służba Polaków z III grupy niemieckiej listy narodowościowej w Wehrmachcie na przykładzie Pomorza Gdańskiego // Biuletyn Głównej Komisji Badania Zbrodni Przeciwko Narodowi Polskiemu Instytutu Pamięci Narodowej. 1991. Т. 33. S. 96.

⁹ *Sziling J.* Pomorzanie w Wehrmachcie... S. 40.

¹⁰ *Jazdżewski L., ks.* Religijność w obliczu śmierci – o Kaszubach w Wehrmachcie // Pomerania. 2005. N 6. S. 12.

¹¹ Примеры репрессий по отношению к уклонявшимся от службы в вермахте дезертирам и членам их семей см.: *Drywa D.* Polacy z III grupy DVL w obozie koncentracyjnym Stutthof z powodu odmowy

szużby wojskowej w Wehrmachcie // Pomorzanie w Wehrmachcie. Toruń, 2012. S. 69–82.

¹² См., напр.: *Dobroski B.* Byłem żołnierzem Wehrmachtu. Trzecie pokolenie Bartków. London, 2002. S. 237.

¹³ *Lipowczan L.* Wspomnienia Ludwika Lipowczana. Ustroc, 1994. Relacja pisemna. <http://www.wehrmacht-polacy.pl/relacjal9.html> здесь и далее последнее обращение 10.08.2017.

¹⁴ Случались и курьезы, когда немцы нарочно учили польских солдат немецкому, придавая заучиваемым фразам противоположный смысл, что вызывало негативную реакцию со стороны офицерского состава. См.: Archiwum Historii Mówionej. *Lipiński R.* Posługiwanie się językiem niemieckim przez Polaków w wojsku niemieckim (1944) <http://www.audiohistoria.pl/web/index.php/swiadkowie/osoba/id/3315/from/szuk>

¹⁵ Примеры массового проявления польского патриотического чувства и демонстрации своего негативного отношения к службе в вермахте см.: *Sziling J.* Pomorzanie w Wehrmachcie. ... S. 51–52.

¹⁶ *Lipowczan L.* Wspomnienia...

¹⁷ Многочисленные примеры перехода на советскую сторону поляков из вермахта см.: *Hajduk R.* Pogmatwane drogi. Warszawa, 1976.

¹⁸ *Lipowczan L.* Wspomnienia...

¹⁹ Российский государственный военный архив (далее — РГВА). Ф. 4п. Оп. 27. Д. 12. Л. 12.

²⁰ Там же.

²¹ Там же.

²² Там же.

²³ *Hajduk R.* Pogmatwane drogi. S. 205–206.

²⁴ *Emmert F.* Češi ve Wehrmachtu... S. 63.

²⁵ *Fal'tan S.* Slováci v partizánských bojoch v Sovietskom sväze. Bratislava, 1957. S. 125–126.

²⁶ РГВА. Ф. 4п. Оп. 27. Д. 12. Л. 11.

²⁷ Там же.

²⁸ *Козлов В.И.* Люди особого склада. М., 1952. С. 318.

²⁹ Русский архив. Великая отечественная. М., 1999. Т. 20(9): Партизанское движение в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Документы и материалы. С. 594–595.

³⁰ *Örkény I.* Lágerek népe. Budapest, 1984. 115. old.

³¹ РГВА. Ф. 4п. Оп. 27. Д. 12. Л. 13.

³² Подробнее о развитии славянской идеи в польской политической мысли периода Второй мировой войны см.: *Fertacz S.* Polska myśl słowiańska w okresie drugiej wojny światowej. Katowice, 2000.

³³ О политических взглядах Э. Бенеша см.: *Марына В.В.* Второй президент Чехословакии Эдвард Бенеш: Политик и человек. 1884–1948. М., 2013.

³⁴ Подробнее о концептуальных основах фашистской пропаганды Словацкого государства по вопросу общеславянского единства на примере военной прессы см.: *Слоистов С.М.* Славянская идея на страницах военной прессы Словацкой республики (1941–1942 гг.) // Актуальные проблемы истории Второй мировой и Великой Отечественной войн: по материалам работы круглого стола (г. Воронеж, 10–11 марта 2015 г.) Воронеж, 2015. С. 94–105.

³⁵ Военнопленные в СССР. 1939–1956. Документы и материалы / Под ред. М.М. Загоруйко. М., 2000. С. 742.

³⁶ Там же. С. 731.

³⁷ РГВА. Ф 4п. Оп. 18. Д. 40. Л. 140.

³⁸ *Hajduk R.* Pogmatwane drogi... S. 260.

³⁹ *Zahuski Z.* Czterdziesty czwarty. Warszawa, 1973. S. 284.

БАРАТ М.*

К ВОПРОСУ О ЛИКВИДАЦИИ СОВЕТСКОЙ СИСТЕМЫ СОВЕТНИКОВ В СТРАНАХ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

К середине 1950-х годов сеть советников, присланных из СССР, постепенно охватила почти все сферы общественной жизни в странах советского блока. Всё чаще происходили конфликты советников, прибывших извне, с местными специалистами, всё более очевидным становилось, что их деятельность в государственном аппарате и силовых структурах воспринимается в этих странах как ущемляющая национальное достоинство.

Требование отзыва советских советников впервые было сформулировано осенью 1956 г. в Польше. В. Гомулка поставил условием своего возвращения в руководство Польской объединенной рабочей партии (ПОРП) отзыв советских офицеров и советников из польских вооруженных сил и аппарата госбезопасности, а также удаление маршала К.К. Рокоссовского из Политбюро¹. Тогдашний первый секретарь ЦК ПОРП Э. Охаб по пути на VIII съезд Китайской компартии сделал остановку в Москве и в беседе с членами ЦК КПСС 11 сентября озвучил мнение о том, что уже настало время ликвидировать сам институт советников при Министерстве общественной безопасности Польши. Охаб в ответ на это заметил, что мнение польской стороны идет вразрез с генеральной линией КПСС.

Однако уже через три недели, обсудив этот вопрос на заседании 4 октября, Президиум ЦК КПСС согласился с инициативой Охаба об упразднении института советников от КГБ. Первому заместителю председателя КГБ П.И. Ивашути-

* Барат Магдольна — доктор истории, зав. Отделом венгерского архива истории.

ну было поручено внести поправки в польские предложения, и с их учетом было решено адресовать ЦК ПОРП письмо от ЦК КПСС². Н.С. Хрущев 22 октября 1956 г., в самый канун венгерской революции, в письме информировал Гомулку, только что избранного первым секретарем ЦК ПОРП, о том, что Президиум ЦК КПСС решил отозвать всех советских советников, которых в свое время направили в ПНР по просьбе польского правительства для оказания помощи органам госбезопасности.

Письмо это ссылалось на сентябрьские предложения Охаба, согласно которым после ликвидации системы советников сотрудничество советских и польских органов безопасности примет новые формы и будет осуществляться через реорганизованное представительство КГБ в Польше. Советская сторона в принципе соглашалась с этим и выражала готовность обсудить вопрос при получении от ЦК ПОРП более конкретных предложений. Руководство КПСС было согласно и с тем, что уже нет необходимости в присутствии советских офицеров и генералов в польской армии, и вскоре дело может дойти и до их отзыва. А потому польскую сторону просили подготовить свои предложения и по этому вопросу с тем, чтобы обсудить их в Москве в ходе приезда польской делегации³. Как явствует из соответствующих штатных таблиц, к середине ноября из состава польской армии было отозвано в СССР большое количество военнослужащих, занимавших важнейшие должности, в том числе 28 генералов и 17 полковников⁴.

Вопрос о советниках возник и на заседании Президиума ЦК КПСС 30 октября 1956 г. при обсуждении текста опубликованной на следующий день декларации об отношениях СССР с социалистическими странами, где было сказано: «Этот принцип (равноправия в отношениях между социалистическими странами.— *М.Б.*) должен быть распространен и на советников. Известно, что в первый период формирования нового общественного строя Советский Союз по просьбе правительств стран народной демократии направлял в эти страны некоторое количество своих специалистов — инженеров, агрономов, научных работников, военных советников. За последний период Советское Правительство неоднократно ставило перед социалистическими государствами вопрос об отзыве своих советников.

В связи с тем, что к настоящему времени в странах народной демократии сложились свои квалифицированные национальные кадры во всех областях хозяйственного и военного строительства, Советское Правительство считает неотложным рассмотреть вопрос о целесообразности дальнейшего пребывания в этих странах советников СССР»⁵.

В соответствии с этой декларацией Центральный комитет КПСС 14 января 1957 г. направил письма братским партиям. В письме в ЦК Румынской рабочей партии было заявлено, что, поскольку Румыния обладает достаточным количеством собственных специалистов, в Москве пришли к выводу о том, что постоянное присутствие советских советников «уже не отвечает интересам дела». Предлагалось вообще упразднить институт советников, функционирующих в Румынии, и уменьшить количество постоянно работающих в этой стране советских специалистов. Бухарестское руководство в ответном письме от 13 февраля поблагодарило советских советников за оказанную помощь в сфере экономики, государственного строительства и по военной линии. Подписанное между странами соглашение действительно привело к уменьшению числа советников.

В письме ЦК КПСС в ЦК Социалистической единой партии Германии (СЕПГ) предлагалось сделать предметом переговоров вопрос о целесообразности дальнейшего пребывания советских советников и других специалистов в министерствах, ведомствах, на предприятиях и в системе народного образования ГДР. Отмечалось значение помощи, оказанной на более ранних этапах развития нового строя, советниками, посланными из СССР в соответствии с пожеланиями правительства страны. Однако после того как положение ГДР упрочилось, а собственные кадры приобрели необходимый опыт, возникли условия для значительного сокращения числа советских специалистов. Как было отмечено далее, само определение «советский советник» не соответствует реально выполняемым этими специалистами функциям и невольно создает ложное представление о том, что посредством этих людей одна страна пытается якобы навязать другой стране свою волю⁶. Советская сторона заверяла коллег из ГДР, что будет и далее оказывать помощь в случае необходимости, направляя соответствующих

экспертов. Обращает на себя внимание, что положение в ГДР в это время в Москве считали настолько прочным, что допускали отзыв постоянно присутствовавших в этой стране проводников советского влияния. В рамках политики либерализации, проводившейся Хрущевым, выискивались иные методы осуществления контроля над странами-сателлитами.

После получения из Москвы этого письма вопрос дважды обсуждался на Политбюро ЦК СЕПГ, деятельность советских советников и специалистов была детально рассмотрена. В результате в марте 1957 г. был сочтен возможным отзыв большинства советников, выполнявших руководящие функции в сфере экономики; они вскоре покинули страну. В то же время предлагалось продлить присутствие советников и специалистов из СССР в ряде отраслей промышленности, в системе государственной безопасности и в военной сфере⁷.

В сентябре 1958 г. ЦК КПСС вновь обратился по этому вопросу в ЦК СЕПГ, было предложено провести новое совещание для обсуждения вопроса о дальнейшем пребывании в ГДР еще остававшихся там советников, консультантов и других специалистов из СССР. В письме приводились те же аргументы, что и в письме полуторагодичной давности (невозможность держать под контролем деятельность всех советников и специалистов; эти специалисты, будучи хорошими профессионалами в своей области, не всегда проявляют должное понимание внутренней ситуации в ГДР, а возникающие иногда при этом недоразумения ложатся некоторым грузом на двусторонние отношения). Не знаем, насколько это соответствует действительности, но, по предположениям немецкого историка А. Штайнера, с советской стороны существовали опасения, что работающие в ГДР советские эксперты попадут под влияние более доступных в Восточной Германии по сравнению с СССР западных идей, а также привыкнут к более высокому уровню жизни⁸.

В Венгрии вследствие революции октября 1956 г. сложилось совершенно иное положение. На рассвете 29 октября группа советников при главном будапештском управлении полиции бежала в СССР на советском военном самолете⁹, и в действительности именно в это время страну покинуло большинство советских экспертов и членов их семей. Это ка-

салось и военных советников при командирах венгерских воинских частей и соединений. В области Фехер их не было уже 29 октября, резиденции заняли командиры советских частей, вошедших в Венгрию¹⁰. В другие места 30 октября поступила команда об откомандировании советников в распоряжение ближайших советских воинских формирований¹¹. В области Бач-Кишкун военные советники из СССР уже 31 октября 1956 г. оставили казарму в Кишкунфеледьхазе и в сопровождении советских бронемашин отбыли в Кечкемет¹².

Места своей службы оставили, впрочем, не все советники. Во время революции в Венгрии находился председатель КГБ И.А. Серов в сопровождении многих своих сотрудников. В ноябре–декабре 1956 г. арестами участников революции и расследованием соответствующих дел занимались по большей части сотрудники советской госбезопасности, сами протоколы допросов составлялись на русском языке¹³. Серов в течение ноября регулярно информировал советское партийное руководство о проводимых КГБ мероприятиях по подавлению революции.

Премьер-министр И. Надь и его товарищи были интернированы в румынском Снагове. Для расследования их дела заведующий Международным отделом ЦК КПСС Б.Н. Пономарев уже в марте 1957 г. предложил направить советников из СССР по линии госбезопасности¹⁴. Эта идея была реализована, советники приняли участие в подготовке судебного процесса.

Серов информировал Москву о том, что «для оказания помощи венгерским друзьям в организации оперативной работы» внесено «предложение об утверждении советнического аппарата КГБ общим количеством 27 человек, из них 18 человек по работе органов госбезопасности, 5 человек по полиции и 4 человека по спецтехнике»¹⁵. 3 декабря 1956 г. новые венгерские коммунистические лидеры Я. Кадар и Ф. Мюнних, ссылаясь на беседу с Серовым, просили Москву направить 23 советника по линии госбезопасности. Председатель КГБ, согласовав этот вопрос с МВД СССР, счел поступившую от венгров просьбу выполнимой¹⁶. Кроме того, для работы в качестве переводчиков при следственном отделе 15 ноября были командированы 13, а 1 декабря еще три человека¹⁷.

Министр внутренних дел Н.П. Дудоров уже 3 декабря 1956 г. обратился в ЦК КПСС с предложением командировать в качес-

тве советника при командовании пограничных войск и сил охраны общественного порядка полковника И.А. Янчука¹⁸. Днем позже, 4 декабря, была предложена также кандидатура А.А. Коселева в качестве советника при главном политическом отделе венгерской полиции. 13 декабря было внесено дополнительное предложение о его утверждении при реорганизации всего института советников в качестве заместителя главного советника от КГБ¹⁹. 26 декабря в записке министра внутренних дел в ЦК КПСС было предложено также утвердить полковника В.В. Лукьянова на должность советника при командовании войск пограничной охраны. Имеющиеся документы не позволяют нам сказать, фигурировали ли все эти лица в вышеупомянутом списке из 23 человек, которых предполагалось направить в Венгрию по согласованию с Кадаром, или же их собирались командировать сверх этого списка. Неизвестно также, работали ли они в Венгрии ещё до революции, а позже реорганизация политической полиции потребовала их утверждения в новом статусе.

После того, как в январе 1957 г. истек срок пребывания в Венгрии в качестве главного советника при органах внутренних дел и госбезопасности Г.А. Ищенко, работавшего в стране с 1953 г., на его место прибыл работавший ранее в Чехословакии полковник (с 1958 г. генерал-майор) А.Д. Бесчастнов в качестве старшего консультанта при МВД, его заместителем стал полковник Н.Г. Турко, который провел в этом качестве в Венгрии шесть лет и оказал венгерским органам безопасности помощь в создании агентурной сети для оперативной работы²⁰.

31 декабря 1958 г. Политбюро ВСРП обсуждало вопрос о представлении к высоким венгерским государственным наградам Бесчастнова и 23 приехавших в 1956 г. советников, ссылаясь на оказанную ими серьезную помощь в «ликвидации контрреволюции»²¹.

В начале 1959 г. часть этих советников оставила Венгрию, но не все. Министр внутренних дел страны Б. Биску 16 декабря 1960 г. просил председателя КГБ СССР А.Н. Шелепина о продлении пребывания в Венгрии Бесчастнова и находившегося под его руководством аппарата советников с тем, чтобы они оказывали помощь органам безопасности МВД ВНР до тех пор, пока в этом будет необходимость²². Бесчастнов нахо-

дился в Будапеште до августа 1962 г., его преемник полковник Н.М. Перфильев вернулся в СССР в октябре 1964 г.²³.

После того, как советское правительство в декларации от 30 октября 1956 г. коснулось проблемы советников, вопрос этот со ссылкой на необходимость реализации принципов, прозвучавших в декларации, получил развитие в разработанном в МИД СССР документе от 30 ноября с предложениями по Венгрии. Как отмечалось, пребывание в Венгрии большого количества советников может быть использовано оппозиционными элементами в целях вражеской пропаганды, поэтому «следовало бы пересмотреть практику направления советских специалистов в страны народной демократии, сократив число наших советников до минимума. С другой стороны, представлялось бы целесообразным в тех случаях, когда это имеет основание, в порядке взаимности, приглашать специалистов из стран народной демократии для работы на советских предприятиях»²⁴. Авторы этих предложений считали необходимыми изменения и в материальном обеспечении советников: «Поскольку советские специалисты должны находиться в Венгрии на таком же положении, как и соответствующие венгерские работники, было бы целесообразно отменить предоставление им бесплатной квартиры с обстановкой, отопление, освещение и т.д. Целесообразно также ликвидировать выплату компенсации Советскому Правительству с тем, чтобы венгерская сторона не несла больших расходов в связи с приглашением советских специалистов»²⁵.

Мы не располагаем какими-либо данными о том, что из этих предложений реально осуществилось. Венгерская партия не получила направленного другим партиям в январе 1957 г. письма о сокращении количества советников и ликвидации самого этого института в том виде, в каком он существовал. Вместо этого 14 декабря 1956 г. было принято решение ЦК КПСС об удовлетворении просьбы венгерского правительства прислать в Венгрию советских специалистов в области угледобычи, а также в ряде других областей экономики и финансов. Кроме того, было решено «в связи с просьбой командующего Южной группой войск и учитывая политическую обстановку в Венгрии, командировать в Венгрию сроком на 2–3 месяца в качестве заместителей военных комендантов по экономии-

ческим и политическим вопросам группу ответственных партийных работников в количестве 40–50 человек для оказания практической помощи местным органам власти и общественным организациям»²⁶. О точных сроках пребывания в Венгрии, количестве и о конкретной деятельности функционеров, командированных в соответствии с этим постановлением, у нас пока нет никаких сведений. Единственный известный нам отчет советского партийного работника, прикрепленного к местным венгерским органам власти, — это отчет М. Малушенко, работавшего в области Шомодь. Как видно из отчета, в центре его внимания находилась борьба с «контрреволюцией», но ему приходилось заниматься также вопросами оплаты труда в промышленности, налаживанием сельского хозяйства, задачами партийного строительства. Нам неизвестно, однако, какие конкретные советы он давал венгерским коммунистам и какую реальную помощь оказал местной организации формировавшейся Венгерской Социалистической рабочей партии (ВСРП)²⁷.

Группа специалистов в области урановой промышленности, покинувшая Венгрию во время революции, вернулась в страну в июне–июле 1957 г. Обустройством 15 семей занимался министр Ш. Цоттнер, попросивший правительство выделить для размещения этих людей жилые помещения поблизости от советского посольства, что способствовало бы их активному включению «в партийную и клубную жизнь» советской дипломатической колонии и, кроме того, облегчило бы решение проблем безопасности этих лиц. Для этого предлагалось переселить жильцов 15 квартир, главным образом поселившихся здесь, в опустевших домах большой советской колонии, уже в период революции, в квартиры лиц, бежавших на Запад²⁸. Приехавшие эксперты, очевидно, поселились здесь на долгие годы²⁹.

В связи с визитом Хрущева в Венгрию, состоявшимся в апреле 1958 г., снова встал вопрос о возвращении советских советников. В сентябре 1958 г. ЦК КПСС направил письмо в ЦК ВСРП, как и руководствам других «братских партий», в котором официально предлагалось ликвидировать существовавший в прежнем виде институт советников с тем, чтобы «устаревшие формы взаимоотношений не препятствовали

развитию и углублению дружбы между нашими государствами»³⁰. Венгерская сторона в полной мере согласилась с такой постановкой вопроса, но для того, чтобы дело не застопорилось, просило отозвать остававшихся советников не со дня на день, кроме того, она считала целесообразным, если советская сторона не возражает, дальнейшее пребывание в Венгрии ряда советников как при вооруженных силах, так и в урановом производстве.

Как можно судить из проекта ответа на письмо из Москвы, в это время в Венгрии на постоянной основе работали 40 советских советников: восемь человек при Венгерской народной армии, 23 — при МВД, девять — в урановой промышленности. С венгерской стороны предлагалось сократить число постоянных военных советников до четырех, из советников МВД 20 человек откомандировать домой до конца года, из специалистов в области урана отозвать четверых человек³¹.

8 сентября 1958 г. ЦК КПСС адресовал письмо аналогичного содержания в ЦК Румынской рабочей партии (РРП), речь в нем шла о возможном отзыве советских советников, работавших в Румынии, главным образом, в связи с обозначившимися различиями во взглядах между ними и румынскими специалистами. С румынской стороны предложение было принято, 26 сентября ЦК РРП дал однозначный ответ. Однако в последующем Румыния иногда просила прислать новых советников из СССР, прежде всего для решения конкретных, специальных задач. Так, например, 22 января 1959 г. Г. Георгиу-Деж обратился к Хрущеву с просьбой командировать в страну пять военных специалистов в распоряжение министерства обороны³².

Вместе с тем и в дальнейшем возникали ситуации, когда в целях разрешения кризисных явлений в той или иной стране (в Чехословакии в 1968 г., в Польше в 1981 г.) приходилось прибегать к услугам командированных из СССР «специалистов», это, однако, не привело к воссозданию системы постоянно действующих советников в этих странах.

В условиях берлинского кризиса 1960–1961 гг. в Советском Союзе по согласованию с руководством ГДР решили создать в системе Госплана особую группу специалистов, которая при решении вопросов о поставках в ГДР советской продукции сотрудничала в Москве с группой экспертов, командированной

из ГДР. В свою очередь группа сотрудников Госплана была направлена в Берлин для работы в плановом ведомстве ГДР, она официально была интегрирована в структуру советского внешнеторгового представительства³³.

В 1964 г. румынское руководство в стремлении к большей внешнеполитической самостоятельности решило полностью избавиться от советского контроля над наиболее чувствительной сферой двусторонних отношений — вопросами госбезопасности. 21 октября Георгиу-Деж вызвал советского дипломатического представителя и заявил ему о прекращении прямых контактов между КГБ и Секуритате, а также румынской внешней разведкой. Отныне любые связи между этими структурами могли поддерживаться только через партийные органы. Москва на это отреагировала без промедлений. Председатель КГБ В.Е. Семичастный направил в Бухарест гневное письмо шефу Секуритате А. Дрэгичу, в котором заявил, что именно Советский Союз всегда выступал для Румынии в качестве зонтика, защищающего ее от внешних угроз. Глава советской внешней разведки генерал А.М. Сахаровский (в 1949–1953 гг. служивший в Румынии главным советником от МГБ) адресовал письмо аналогичного содержания главе румынской внешней разведки Н. Дойкару. Сахаровский прибыл в ноябре в Бухарест, за ним последовал и Семичастный. Переговоры продолжались до конца ноября. Несмотря на упреки советских функционеров, напомнивших о решающей роли Москвы в создании Секуритате, как и внешней разведки Румынии, румынская сторона оказалась непоколебима. Все агенты советского влияния были до конца года удалены из этих структур³⁴.

В Венгрии же представительство КГБ функционировало вплоть до «смены систем» на рубеже 1980–1990-х годов. Только 28 сентября 1989 г. в ходе беседы в МВД зам. министра Ш. Илчика с главой представительства КГБ СССР генерал-майором Р.В. Ящуком стороны пришли к выводу о том, что существовавшие до сих пор формы сотрудничества надо менять, в том числе придать некоторым видам деятельности более закрытый характер, что на практике означало продолжение работы представителей КГБ, но уже под дипломатическим прикрытием. Местопребыванием представительства стало теперь само советское посольство, хотя его сотрудники по-прежнему

обладали правом пропуска в главное здание и на объекты МВД, пользовались телефонной и другими техническими формами связи для передачи собранной информации³⁵.

После осени 1958 г. все оставшиеся в Венгрии советники из СССР работали только при силовых структурах и в сфере урановой индустрии. В то же время многообразные экономические, а также научно-технические связи между странами, прерванные вследствие революции, были в последующие годы постепенно восстановлены и расширились. Они осуществлялись не только по двусторонним каналам, но все более активно в рамках структур СЭВ.

Всё это означало, что существовавший в предшествующее десятилетие институт советников, выполнявший под видом оказания помощи функции контроля, так и не был восстановлен в прежнем виде. Не только потому, что система отношений между СССР и странами-сателлитами на долгое время консолидировалась и непосредственное вмешательство в дела этих стран сменилось стремлением к достижению консенсуса. Но и в силу тех изменений, которые происходили в политической и хозяйственной жизни некоторых стран. Всё более широкие рамки принимало и становилось более активным сотрудничество по линии СЭВ. Функционировало объединенное командование вооруженными силами стран-участниц Варшавского договора. Укреплялось и все более многогранное научно-техническое сотрудничество в разных областях. К этому времени в ряде стран блока вырос и слой получившей образование в СССР интеллигенции, пользовавшийся доверием Москвы.

Перевод с венгерского Стыкалина А.С.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: *Gluchowski L.W.* Poland, 1956. Khrushchev, Gomulka, and the «Polish October» // Cold War International History Project Bulletin. N5 (Spring 1995). P. 38.

² Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. Черновые протокольные записи заседаний. Стенограммы / Гл. редактор А.А. Фурсенко. М., 2004. Т. 1. С. 168.

³ См. письмо Хрущева в переводе на английский: *Gluchowski L.W.* Poland, 1956: Khrushchev, Gomulka, and the «Polish October» // Cold War International History Project Bulletin. N5 (Spring 1995). P. 45–46.

⁴ Некоторые всё же остались. Так, большое влияние сохранял в польской армии Ежи (Юрий) Бордзиловский, советский генерал-полковник. См. обзор книги: *Nalepa E.J.* Oficerowie radzieccy w wojsku polskim w latach 1943–1968. Wojskowy Instytut Historyczny, Warszawa, 1992 (Hadtörténelmi Közlemények, 1994. 2. sz. 188–189 о).

⁵ Правда. 1956. 31 октября.

⁶ *Steiner A.* Sowjetische Berater in den zentralen wirtschaftsleitenden Instanzen der DDR in der zweiten Hälfte der fünfziger Jahre // Jahrbuch für Historische Kommunismusforschung. 1993. Akademie Verlag, S. 116.

⁷ Ibid.

⁸ Ibid.

⁹ Kopácsi Sándor: Életfogytiglan. Bibliotéka Kiadó, Budapest, 1989. 151.o.

¹⁰ *Csurgai H.J.* Az 1956-os forradalom Székesfehérvárott. A forradalom fegyveres szervezetei, az intervenció // «Egy nép kiáltott. Aztán csend lett.». Az 1956-os forradalom Székesfehérvárott. Székesfehérvár, 1996. 193.o.

¹¹ Tyekvicska Árpád: A bíboros útja. (Mindszenty József kiszabadítása 1956-ban.) // A Nagy Iván Történeti Kör Évkönyve 1. Balassagyarmat, 1994. 151.

¹² *Tóth Ágnes.* 1956. Bács-Kiskun megyei kronológiája és személyi adattára. 2. jav. és átdolgozott kiadás. Kecskemét, 2001. 2. köt. Kiskunfélegyháza. 636.o.

¹³ См. об этом, в частности, свидетельства полковника М. Сюча, прошедшего через арест и допросы: *Szűcs M.* Ezredes voltam 1956-ban a vezérkarnál. Szabad Tér Kiadó, 1989. 192–193.o.

¹⁴ A snagovi foglyok. Nagy Imre és társai Romániában. Iratok / Összeállította, a jegyzeteket és a bevezető tanulmányt írta Baráth Magdolna és Sipos Levente. (Napvilág kiadó, Magyar Országos Levéltár, 2006) 424–425.o.

¹⁵ См. телеграмму Серова в ЦК КПСС от 27 ноября 1956 г.: Советский Союз и венгерский кризис 1956 года. Документы / Редакторы-составители Е.Д. Орехова, В.Т. Середа, А.С. Стыкалин. М., 1998. С. 704–705.

¹⁶ Там же. С. 720–721. По линии МВД в условиях подавления революции и консолидации нового режима прибыли новые советники из СССР. В письме от 21 января 1958 г. Янош Кадар просил направить в МВД Венгрии консультанта сроком на один год. Министр внутренних дел СССР Дудоров считал эту просьбу выполнимой и просил разрешения ЦК КПСС направить советника в первом квартале 1958 г. в соответствии с межправительственным соглашением от 7 февраля 1950 г. См.: Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 9401. Оп. 2. Д. 497.

¹⁷ См. соответствующие приказы: Állambiztonsági Szolgálatok Történeti Levéltára [ÁBTL] 2.8.1. 576. doboz. Позже, к концу 1958 г., количество переводчиков уменьшилось.

¹⁸ ГАРФ. Ф. Р-9401. Оп. 2. Д. 482.

¹⁹ Там же.

²⁰ ÁBTL 1.11.1071–2202/58 (10. d.)

²¹ Magyar Nemzeti Levéltár Országos Levéltára (MNL OL) M-KS 288. f. 5/110. ó. e.

²² MNL OL XIX–B-1–ai 1-a-1468/19601292. fsz. Письмо Б. Биску А.Н. Шелепину.

²³ <http://shieldandsword.mozohin.ru/kgb5491/sovetnik/hungary.htm>
Utolsó letöltés: 2017. február 24.

²⁴ Архив внешней политики (АВП) РФ. Ф. 077. Оп. 37. Папка 188. Д. 17.

²⁵ Там же.

²⁶ Советский Союз и венгерский кризис 1956 года. Документы. С. 741.

²⁷ Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ). Ф. 5. Оп. 49. Д. 24.

²⁸ Письмо Ш. Цотгнера министру внутренних дел Б. Биску (июнь 1957 г.): MNL OL XIX–B-1–ai 1–2957/a-57 202 fsz.

²⁹ См.: *Németh János* (szerk.). *A magyar uránbányászat története*. Pécs, 2001.

³⁰ MNL OL M-KS288. f. 5/98. ó.e.

³¹ MNL OL M-KS288. f. 5/98. ó.e. Письмо ЦК ВСРП в ЦК КПСС.

³² *Dobrincu Dorin*. *The Soviet Counsellors' Involvement in postwar Romanian repressive and military structures // Sovietization in Romania and Czechoslovakia. History, Analogies, Consequences*. Iași, 2003. P. 171.

³³ *Steiner André*. *Sowjetische Berater in den zentralen wirtschaftsleitenden Instanzen der DDR i.m. S. 114–115*.

³⁴ *Dobrincu D*. *The Soviet Counsellors' Involvement...* P. 173–174.

³⁵ ÁBTL 1.11.1. 111. d. 4–657/1989. Материал о содержании переговоров датируется 6 октября 1989 г.

СТЫКАЛИН А. С.*

**ВЕНГРИЯ ПОСЛЕ СМЕРТИ СТАЛИНА:
МЕЖДУ ОЖИДАНИЯМИ СОВЕТСКОГО
РУКОВОДСТВА И РЕАЛЬНЫМ ХОДОМ
ВНУТРИПОЛИТИЧЕСКИХ ИЗМЕНЕНИЙ**

Вхождение Венгрии, как и ряда других государств Центральной и Юго-Восточной Европы в сферу влияния СССР по итогам Второй мировой войны, в условиях установленной bipolarной Ялтинско-Потсдамской системы международных отношений, имело своим следствием формирование определенных механизмов централизованного контроля и влияния Москвы на эти страны. Причем действие этих механизмов сохранялось и после смерти Сталина в марте 1953 г. Они включали в себя аппарат Коминформа (существовавшего до апреля 1956 г.)¹, присутствие советских войск в Восточной Германии, Польше, Венгрии, а также (до 1958 г.) в Румынии, функционирование в некоторых странах (включая Венгрию) широкой сети совместных предприятий и обществ в ключевых отраслях промышленности и транспорта (а также в банковском деле), развитый институт командированных из СССР советников как в экономике, финансах, так и в силовых структурах и других звеньях государственного аппарата². В условиях массированного советского диктата так называемые народно-демократические режимы, и в том числе режим Ракоши в Венгрии, к началу 1950-х годов переняли существенные типологические черты сталинской коммунистической модели, которой были присущи сверхцентрализм управления всеми сторонами жизни общества, огосударствленная экономика, всецело подчиненная единому плану, жесткое выкорчевывание любой поли-

* Стыкалин Александр Сергеевич — кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН.

тической оппозиции, строгий контроль над духовной жизнью общества средствами массовой информации.

После окончательной ликвидации в Венгрии к концу 1948 г. открытой антикоммунистической, в том числе парламентской оппозиции³ внутривластная борьба локализовалась в рамках правящей Венгерской партии трудящихся (ВПТ), образованной в июне 1948 г. в результате поглощения компартией левой социал-демократии, склонной к далеко идущему компромиссу с коммунистами на основе полного принятия коммунистической платформы. При этом борьба не стала менее острой. Начиная с 1949 г. жертвами масштабных репрессий становятся не только враги режима, но и виднейшие представители новой, коммунистической элиты — на шумевшее во всем мире судебное дело Л. Райка 1949 г.; ряд судебных процессов по делам военачальников; арест политических конкурентов Ракоши из числа бывших лидеров левой социал-демократии (Д. Марошан, А. Сакашич) и деятелей коммунистического подполья времен Второй мировой войны (Я. Кадар, Д. Каллаи и др.). Представители прежней, в том числе экономической элиты, лишенной к этому времени своей собственности вследствие ее огосударствления, были насильственно депортированы из Будапешта⁴.

Одновременно в соответствии с концептами советской коллективизации рубежа 1920–1930-х годов в Венгрии (как и в большинстве стран сферы влияния СССР) осуществлялись насильственными методами крайне болезненные для крестьян реформы по кооперированию сельского хозяйства, приведшие к его заметному упадку. Средний доход венгерского крестьянства в 1949–1952 гг. понизился примерно на одну треть, а общий объем сельскохозяйственного производства в начале 1950-х годов был на 15% ниже довоенного уровня. В 1951 г. в условиях дефицита продуктов питания пришлось снова вводить отмененную в конце 1940-х годов карточную систему распределения. Впервые в своей истории Венгрия в начале 1950-х годов была вынуждена импортировать зерно. В письмах в Москву венгерские лидеры пытались создать впечатление, что возникшие проблемы с продовольствием успешно решаются. Так, Ракоши в письме Сталину от 16 января 1952 г. писал о планах скорой ликвидации карточной системы рас-

пределения основных продуктов питания⁵. Но эти планы никак не удавалось выполнить. Неурожайный 1952 год лишь усугубил проблемы с продовольственными поставками. Несмотря на письма венгров, пытавшихся создать впечатление благополучия⁶, в Москве из донесений посольства имели представление о реальной ситуации с обеспечением населения продовольствием⁷.

Во внешнеполитическом плане лишённые какой бы то ни было самостоятельности, «народно-демократические» режимы фактически уже к 1948 г. превратились в прямых проводников внешней политики СССР, которая в условиях обострившейся холодной войны носила всё более конфронтационный характер; в роли врагов при этом выступали как блок НАТО (созданный в 1949 г.), так и коммунистический режим Тито в Югославии, отлученный весной–летом 1948 г. по воле Сталина от мирового коммунистического движения и формирующегося советского лагеря.

Советско-югославские отношения, достигнув низшей точки к сентябрю 1949 г., когда в Будапеште состоялся громкий судебный процесс по делу Ласло Райка ярко выраженной антиюгославской направленности (а вслед за этим в ноябре была принята резолюция Коминформа «Югославская компартия во власти убийц и шпионов»), продолжали и в последующие годы оставаться предельно напряженными, балансируя на грани перерастания в настоящую, уже не холодную, а «горячую» войну. Не утихала дирижируемая из Москвы мощная интернациональная пропагандистская кампания, направленная острием против титовской Югославии и служившая задачам консолидации формирующегося советского блока, предполагавшей безоговорочное подчинение национальных коммунистических элит единому московскому центру — такую консолидацию в это время пытались осуществить именно на антиюгославской платформе. Много позже, в 1960-е годы, в советской ссылке лидер венгерских коммунистов М. Ракоши писал в своих явно тенденциозных мемуарах, всячески умалявших его собственную роль в раздувании конфликта с Югославией: «Югославы, вполне понятно, ожесточенные тяжелыми и, как потом выяснилось, беспочвенными обвинениями в свой адрес, которые прозвучали во время процесса [по делу Райка],

с пеной у рта нападали на нас и, в особенности, на меня лично. Отношения с ними все более ухудшались, один инцидент следовал за другим»⁸. Опасаясь провокаций со стороны советского блока, югославы разместили вдоль своих границ с Венгрией новые воинские соединения. В условиях участвовавшихся пограничных инцидентов сосредоточение с обеих сторон 400-километровой границы большого количества войск и боевой техники только увеличивало угрозу серьезного военного конфликта. Выстраивались мощные линии заградительных технических сооружений⁹. В 1949 г. возрасла численность советского воинского контингента, находившегося на территории Венгрии в соответствии с Парижским мирным договором 1947 г. для поддержания коммуникаций с советской зоной оккупации в Австрии. Численность венгерской армии также увеличилась вопреки положениям мирного договора более чем в половину — до 120 тыс. человек, на ее вооружении находилось 700 боевых машин (правда, наиболее квалифицированные генералы были к началу 1950-х годов репрессированы, а их места заняли люди более низкой квалификации).

В сентябре 1950 г. Ракоши был принят Сталиным, призвавшим венгерского коммунистического лидера уделить основное внимание состоянию вооруженных сил и повышению их обороноспособности¹⁰. В обстановке непрекращающейся антиюгославской политической истерии очень большое значение придавалось военной подготовке венгерской молодежи. Наряду с антиюгославской кампанией фактором, предопределившим резкое увеличение государственных расходов как на вооружение, так и на боевую подготовку армии и гражданского населения, явилась начавшаяся в 1950 г. война в Корее, угрожавшая перерастанием локального военного конфликта в крупномасштабный межблоковый. Вкладывая большие средства не только в оборонную промышленность, но и в обучение молодого поколения венгров навыкам воинского дела, тоталитарная коммунистическая власть, по иронии истории, сама готовила себе могильщика. Молодые венгры, хорошо обученные военному ремеслу, прекрасно проявили свое умение на практике осенью 1956 г.: но не в мифической войне с «цепным псом империализма» маршалом Тито, а в ходе восстания против собственной коммунистической диктатуры.

В январе 1951 г. состоялось известное совещание у Сталина лидеров компартий и министров обороны государств советской сферы влияния в Восточной Европе, на котором каждой из стран было навязано новое значительное увеличение расходов как на содержание армии, так и на развитие тяжелой промышленности (особенно ее оборонных отраслей)¹¹. В результате пришлось пересматривать показатели по всему ранее принятому в Венгрии пятилетнему плану развития экономики¹². Поскольку создание мощного потенциала тяжелой индустрии и укрепление военно-промышленного комплекса происходили за счет сокращения затрат на социальные нужды, они легли тяжким бременем на население. Корректировка планов не только приостановила наметившуюся в Венгрии в 1948–1949 гг. тенденцию к некоторому повышению уровня жизни населения, но и повела к его снижению, что крайне болезненно было воспринято обществом, совсем недавно пережившим жесточайшую военную разруху.

Информация, поступавшая в Москву в начале 1950-х годов из Венгрии по дипломатическим и многим другим каналам¹³, давала картину неблагополучия в экономике, упадка сельского хозяйства, все более острого недовольства населения своим материальным положением¹⁴. Фактический отказ от материальных стимулов повышения производительности труда вел к снижению трудовой дисциплины в промышленном и сельскохозяйственном производстве. Власти пытались бороться с нарушениями трудовой дисциплины с помощью административных наказаний, в частности, штрафов. Посольство СССР информировало центр как о недовольстве населения штрафами, так и о неэффективности этой меры с точки зрения повышения производственных показателей¹⁵. Попытки ограничить действие системы штрафов, предпринятые в том числе по рекомендации советников из СССР, вели в свою очередь к увеличению привлекаемых к ответственности по уголовным статьям. В 1951 г. в стране с населением менее 10 млн человек судебные дела были возбуждены в отношении 362 тыс. человек. Советское посольство не только имело представление о масштабах репрессий в Венгрии, но и отдавало себе отчет в том, что столь грандиозные масштабы могут подорвать социальную базу коммунистической власти. Об этом можно судить,

в частности, по письму посла СССР Е.Д. Киселева от 25 декабря 1952 г. В нем обращалось внимание на «слишком большое число заводимых в ВНР судебных дел, поступающих в органы прокуратуры»¹⁶. По оценке посла, «большое число дел заведено без серьезных оснований <...>. Такое массовое привлечение к судебной и административной ответственности жителей не может не сказаться отрицательно на настроении населения». Посол ссылаясь при этом на донесения советников СССР при Министерстве юстиции ВНР Рычкова и Каленова. Мнение посла о нецелесообразности столь значительных репрессий с точки зрения устойчивости коммунистического режима в стране складывалось вопреки давлению тех венгерских функционеров, которые выступали апологетами репрессивной практики. Например, родной брат Ракоши З. Биро всячески приветствовал в беседе с советским дипломатом 3 февраля 1953 г. меры по устранению засевших в госаппарате на высоких должностях «врагов, вредителей и саботажников», мешающих «социалистическому строительству». Экономические трудности он также был склонен объяснять прежде всего происками врагов, в том числе засевших в министерстве земледелия, задержавших планы с осенним севом и сорвавших их выполнение. Вообще источник негативных настроений в обществе Биро видел в том, что венгерский народ «несколько избалован, всякие небольшие ограничения в снабжении уже беспокоят его»¹⁷. Поступавшая через посольство и по другим каналам в Москву информация оказывалась в поле зрения лиц, относившихся к узкому кругу советского политического руководства, и вызывала обеспокоенность ситуацией в Венгрии, где недовольство населения губительными последствиями экономической политики и массовых репрессий могло создать угрозу стабильности коммунистического режима¹⁸.

Необходимо иметь в виду, что в начале 1950-х годов в венгерских спецслужбах разворачивалась острая подковерная борьба за влияние между разными группами силовиков, находившаяся в определенной зависимости от тех внутренних разборок, которые происходили в органах госбезопасности СССР в Москве (их результатом стал арест в 1951 г. министра госбезопасности Виктора Абакумова). К 1953 г. оказались ослабленными позиции шефа венгерской политической полиции Г. Пе-

тера, очевидно лишившегося после ухода команды Абакумова высокопоставленных покровителей в Москве. В начале января 1953 г. он был арестован¹⁹. Всегда опасавшийся потерять расположение Сталина Ракоши очень внимательно следил за событиями в других странах советского блока, где громкие политические дела антиюгославской направленности все более уступали место судебным делам с антисемитским и антиизраильским уклоном²⁰. Не желая отстать от политической конъюнктуры, он строил планы проведения собственного судебного процесса антисионистской направленности, на роль одной из главных жертв которого был, по всей видимости, избран Петер. На него же было решено возложить ответственность и за те «перегибы» в репрессивной практике, на которые указывали советские советники. Так, 3 февраля 1953 г. в беседе с советским дипломатом, «намекая на арест Петера, Биро отметил, что органы госбезопасности не только не помогали разоблачению засевших в госаппарате врагов, а всячески старались укрывать их. Они “разоблачали” мелких врагов, чтобы отвести тень подозрения от себя или когда им уже нельзя было спрятать преступления от работавших рядом с ними честных людей»²¹. Насколько можно судить по донесениям из Будапешта, в советском посольстве считали актуальным проведение в Венгрии антисионистской кампании. Даже в донесении в МИД СССР, составленном 21 марта, более чем через две недели после смерти Сталина, в духе прежних (еще остававшихся в силе) установок отмечалась пассивность венгерского руководства в деле ее пропагандистского обеспечения: ни одна из центральных венгерских газет «не поставила в полной мере вопрос о необходимости самой суровой борьбы с вражеской деятельностью сионистов в Венгрии». Советское посольство объясняло это тем, что «многие ответственные посты в партийном и государственном аппарате занимают евреи, в силу чего руководство, возможно, считает неудобным вести разговоры на тему о сионистах, смазывая тем самым необходимость борьбы против еврейских буржуазных националистов»²². И действительно, раздувать в Венгрии антисемитизм было явно не в интересах Ракоши и его ближайшего окружения.

Между тем, освобождение в начале апреля в Москве арестованных по «делу врачей» свидетельствовало о том, что на-

следники Сталина решили приглушить антисионистскую кампанию, инициированную покойным вождем. Вообще смерть Сталина 5 марта 1953 г. сразу сделала неактуальной подготовку ему в угоду в Венгрии новых судебных процессов, чтобы не отстать в этом отношении от других стран «народной демократии». На первый план вышла совсем иная задача — надо было внимательно наблюдать за политической обстановкой в Кремле в ожидании каких-либо новых сигналов от преемников умершего вождя.

Со смертью Сталина его соратники по кремлевскому руководству должны были внести определенные коррективы в конфронтационную внешнюю политику СССР, чреватую перерастанием холодной войны в полномасштабное вооруженное столкновение с США и их союзниками. Уже весной 1953 г. они предприняли ряд жестов, демонстрирующих готовность к некоторому снижению напряженности в отношениях с западными и некоммунистическими странами. Это сказалось на мирном урегулировании в Корее, выразилось в отказе от территориальных претензий к Турции и ультимативного требования о предоставлении СССР права на обладание военно-морской базой в районе Черноморских проливов.

Требовал своей развязки советско-югославский конфликт, продолжавший оставаться серьезным источником напряженности не только в региональном, но и в общеевропейском масштабе. Прежняя политика на югославском направлении доказала свою несостоятельность, ведь в условиях советского вызова режим Тито не только консолидировался во внутриполитическом плане, но своим смелым противостоянием сталинскому диктату снискал немалое уважение в мире далеко за пределами коммунистического движения. Внести раскол в югославское общество по большому счету не удалось, процесс по делу Райка, как и вся антититовская кампания явились в конечном итоге поражением Сталина, продемонстрировав всему миру его неспособность решить поставленную задачу, важную для сохранения Москвы в качестве единственного и всеми признанного центра мирового коммунистического движения. Продолжать далее ту же неконструктивную линию было губительно для Кремля. Даже самый последовательный в постсталинском руководстве СССР сторонник сохранения

преемственности прежнему курсу В.М. Молотов фактически прямо признал на июльском пленуме ЦК КПСС 1953 г. неудачу Москвы в противоборстве с Тито: лобовая атака на Югославию, говорил он, потерпела крах, югославское руководство оказалось «крепким орешком», устояв перед напором, а потому необходимо отказываться от прежней, не оправдавшей себя тактики и восстанавливать нормальные отношения с Югославией на уровне стандартных отношений с «буржуазным государством»²³. Хотя титовская Югославия пока еще продолжала оставаться отлученной от коммунистического движения и восприниматься как часть враждебного социализму мира, в Москве отныне ее уже не квалифицировали как «особого» врага, а отношения с ней на межгосударственном уровне были к осени 1953 г. в целом нормализованы. После четырехлетнего перерыва Москва и Белград обменялись послами.

Март 1953 г., когда из Москвы пришла весть о кончине Сталина, застал европейские страны «народной демократии» перед лицом нарастающих экономических трудностей. Все новые и новые донесения по линии МИД СССР и спецслужб, поступавшие в Москву, свидетельствовали о неблагополучии в экономике, надрывавшейся под грузом непомерных военных расходов, о симптомах недовольства населения своим материальным положением, о тенденции к снижению уровня жизни. В этих условиях перед советскими лидерами (так называемым «коллективным руководством») встала, причем достаточно остро, задача сохранения устойчивости коммунистического правления в странах-сателлитах СССР. В начале лета в Восточной Европе произошли первые открытые проявления протеста против экономической и социальной политики коммунистических властей, со всей безотлагательностью ставившие вопрос о необходимости внутренних перемен в странах советского блока, прежде всего ослабления пресса со стороны репрессивного аппарата, а также корректировки экономической политики.

Наиболее значительные протестные выступления имели место в наиболее развитых, индустриальных странах — Восточной Германии и Чехословакии, нёсших на себе немалую нагрузку в развернувшейся гонке вооружений. 1 июня 1953 г. произошли весьма неожиданные для советского руководства

волнения в городе Пльзень (Западная Чехия), разогнанные полицией. 16–17 июня в Восточном Берлине и ряде других городов ГДР возмущение рабочих повышением норм выработки при понижении реальных доходов вылилось в массовые беспорядки, подавленные с помощью советских танков, не менее 50 человек погибли. События в ГДР явились самым серьезным сигналом, указавшим официальной Москве на неэффективность прежних, сталинских методов контроля над Восточной Европой, а значит, и на неизбежность корректировок внутренней политики стран советского лагеря. Они показали, что недовольство населения в некоторых странах достигло той критической точки, когда во избежание более мощного социального взрыва необходимо срочное вмешательство извне в целях стабилизации.

Протестные настроения против коммунистического режима находили проявление и в Венгрии. Так, 1 июня 1953 г. состоялась забастовка рабочих ряда цехов крупнейшего в стране Чепельского комбината. Столкнувшись с необходимостью оценить положение дел в унаследованном от «отца народов» советском лагере, коллективное руководство КПСС проявило немалую обеспокоенность ситуацией в Венгрии, где курс на форсированную индустриализацию привел к весьма серьезным экономическим и социальным диспропорциям, угрожавшим общей дестабилизацией.

В конце мая, еще до волнений на Чепеле, Ракоши посетил Москву — это была его первая поездка в СССР после похорон Сталина. Н.С. Хрущев и другие советские лидеры в ходе бесед с ним изложили новые установки экономической политики в СССР. Их планы предполагали наращивание производства товаров массового потребления, снижение капиталовложений в тяжелую промышленность в интересах заметного повышения жизненного уровня трудящихся. Был затронут также вопрос о необходимости сокращения военных расходов в связи со взятым курсом на смягчение международной напряженности. Ракоши узнал и об объявленной в СССР широкой амнистии²⁴. Венгерский партийный лидер получил в Москве наставления относительно будущей программы действий в Венгрии. Они в целом соответствовали тем представлениям советского руководства, которые определяли корректировку внутренней

политики в СССР. Внимание Ракоши было обращено на непомерные капиталовложения в тяжелую промышленность, было предложено перераспределить их в пользу производства потребительских товаров. Задача повышения жизненного уровня населения называлась при этом приоритетной применительно не только к СССР, но и к Венгрии. Советское видение путей исправления положения, сложившегося в Венгрии, в это время предполагало распределение полномочий между лицами, стоящими во главе правящей партии и правительства. Венгерскому лидеру было прямо указано на нецелесообразность сосредоточения всей полноты власти в одних руках, при этом ссылались на изменения, происходившие в СССР, где Г.М. Маленков возглавил Совет министров, а Хрущев сосредоточился на работе в руководстве партии (несколько позже он будет избран ее первым секретарем). Вопрос о распределении полномочий между генеральным секретарем ЦК правящей Венгерской партии трудящихся и председателем совета министров Венгрии получил развитие через две недели, в ходе новой встречи советских и венгерских руководителей. Вернувшись домой, Ракоши занялся пересмотром экономических планов, в соответствии с советом, полученным из Москвы, была образована специальная комиссия во главе с Э. Герё.

Следующая встреча руководителей двух стран не заставила себя долго ждать. В Москву была приглашена довольно представительная делегация ВПТ²⁵, которой в ходе бесед в Кремле 13–16 июня и прежде всего 13 июня с участием полного состава Политбюро ЦК КПСС пришлось выслушать крайне жесткую критику в свой адрес за провалы в проводимой политике. Речь шла среди прочего об игнорировании экономической политикой специфических особенностей страны, о крупных ошибках в расстановке кадров, о серьезных «перегибах», допущенных при судебном преследовании чуждых социализму элементов — эти перегибы были настолько масштабны, что сказались даже на экономике²⁶. Венгерская делегация могла обратить внимание на довольно глубокое ознакомление членов советского Политбюро с ситуацией в Венгрии — было очевидно, что встреча была основательно подготовлена при помощи посольства СССР, снабдившего центр обилием разнообразной информации. Посол Киселев непосредственно

присутствовал и в кремлевском кабинете, где 13 июня происходило заседание. Показательна полная готовность венгров принять критику, прозвучавшую в Кремле, и положить ее в основу дальнейшей программы действий: характер отношений между партиями, сложившийся при Сталине, оставался в силе, в Будапеште признавали прежнюю субординацию в рамках советского лагеря и мирового коммунистического движения, заставлявшую беспрекословно выполнять наставления, поступающие сверху, из московского центра. Для венгерских лидеров сохраняли значимость, разумеется, и уроки советско-югославского конфликта — к середине июня 1953 г. межгосударственные отношения СССР и Югославии не только не восстановились, но было мало симптомов, предвещавших скорое начало их постепенной нормализации.

Июньская 1953 г. встреча в Москве, о содержании которой известно не только из записи, выполненной венгерской делегацией, но и из подробного описания в мемуарах Ракоши²⁷, многократно становилась предметом анализа в научной литературе. Появляются, однако, и новые источники, проливающие дополнительный свет на те или иные детали встречи. Так, в 2016 г. в Москве были опубликованы мемуары сотрудника аппарата ЦК КПСС В.С. Байкова, выступавшего в роли переводчика²⁸. Большое внимание в них было уделено поведению Л.П. Берии, демонстрировавшего всем собравшимся свое огромное политическое влияние. В Кремле в те дни приближалась к драматической развязке острая закулисная борьба между ближайшими сподвижниками Сталина, закончившаяся в конце концов устранением Берии, арестованного 26 июня. 13 июня происходило одно из последних заседаний с участием Берии, через неполные две недели устраненного, но в тот день ведшего себя крайне вызывающе, по словам переводчика, предвкушавшего, как будет «рвать горло всем сидящим на этом заседании» — его поведение, в деталях описанное Байковым²⁹, не могло не броситься в глаза всем собравшимся и должно было произвести на них угнетающее впечатление.

Резкая критика Берией венгерского руководства во главе с Ракоши за провалы во внутренней и прежде всего экономической политике была всецело поддержана другими членами Политбюро ЦК КПСС, включая Молотова³⁰. Как была всеми

поддержана и инициатива Маленкова по выдвижению И. Надя на пост главы правительства. Этот человек более 30 лет был связан с коммунистическим движением, относился к кругу венгерской политэмиграции в Москве, имел опыт работы в структурах Коминтерна. Кроме того, будучи экономистом-аграрником, он профессионально знал проблемы сельского хозяйства, подъем которого был признан первоочередной задачей в Венгрии на новом этапе. Всё это в совокупности давало советскому руководству основания увидеть именно в Наде наиболее приемлемую фигуру для проведения нового курса, при том, что ранее за ним неоднократно замечалась приверженность «правому уклону» — в 1949 г., например, он вступил в конфликт с руководством ВПТ, настаивая на более умеренных темпах кооперирования³¹.

Сыграл свою роль в выдвижении Надя и еще один фактор — в отличие от наиболее влиятельных членов Политбюро (М. Ракоши, Э. Герё, М. Фаркаш, Й. Реваи) и многих других высокопоставленных партийных функционеров он не был евреем. Хотя антиссионистская кампания в СССР и была приглушена преемниками Сталина, вопрос о преодолении «перекоса», сложившегося в Венгрии, всё равно продолжал считаться Москвой актуальным, поскольку большое количество евреев во власти зачастую воспринималось в венгерском обществе как признак ее инородного характера. На встрече с венгерской делегацией 13 июня именно Берия навел на резкость проблему «еврейского засилья» в Венгрии.

Необходимость перемен в экономической политике осознавалась в руководстве ВПТ независимо от давления Москвы. Так, в опубликованном еще в апреле 1953 г. обращении Венгерского народного фронта независимости к венгерскому народу в связи с намеченными на май выборами в Государственное собрание ВНР содержались обещания упорядочить систему сельскохозяйственных заготовок, позаботиться о крестьянине-единоличнике, предоставив ему возможность с выгодой для себя продать на свободном рынке излишки произведенной продукции. Было обещано также сделать «большой шаг вперед в отношении создания изобилия предметов потребления»³². При том, что составители обращения, несомненно, отдали дань обычной предвыборной риторике,

этот документ свидетельствовал о том, что в обстановке, сложившейся после смерти Сталина, в руководстве ВПТ, знавшем о «болевых точках» в экономике, уже занялись проработкой концепции по выведению страны из серьезного экономического кризиса. Как бы то ни было, критика, прозвучавшая в Москве, дала зеленый свет позитивным внутривластным переменам в Венгрии, это был тот редкий случай, когда вмешательство соседней большой державы во внутренние дела суверенного государства (в принципе недопустимое) возымело положительный эффект.

В полном соответствии с рекомендациями Кремля пленум ЦК ВПТ, состоявшийся 27–28 июня, принял решение о снижении плановых показателей по текущей пятилетке. Ракоши по итогам пленума был освобожден от обязанностей главы правительства, продолжая, однако, и далее стоять во главе правящей партии. Новым премьер-министром стал И. Надь. Через неделю, 4 июля 1953 г., выступая на сессии Государственного собрания ВНР перед недавно избранным новым его составом, он не только подверг жёсткой критике всю предшествующую политику, но изложил основные положения программы своего правительства. С парламентской трибуны было сказано о несбыточности принятого ранее пятилетнего плана, провозглашен отказ от приоритетного развития тяжелой индустрии. Новая экономическая программа была нацелена на повышение жизненного уровня трудящихся и делала главный упор на производство предметов потребления и всестороннее развитие сельского хозяйства. В этой связи было обещано оказать поддержку мелкому товаропроизводителю и обеспечить право свободного выхода из кооперативов тех крестьян, которые были загнаны в них силой. В выступлении премьер-министра был затронут и вопрос о нарушениях законности, обещана широкая амнистия, что также соответствовало договоренностям, достигнутым в Москве.

Содержание речи Надя в целом внешне не противоречило новой линии экономической политики в СССР, которая прорабатывалась как раз в эти месяцы. Ведь в августе 1953 г., выступая на сессии Верховного Совета СССР, Маленков провозгласил задачу «всемерно форсировать развитие легкой промышленности». Решения сентябрьского пленума ЦК КПСС

1953 г. ориентировали на подъем сельского хозяйства: были заметно увеличены заготовительные цены на сельскохозяйственные продукты, сдаваемые колхозами государству в качестве обязательных поставок, приняты меры по развитию подсобных хозяйств и т.д. Однако при всем своем внешнем созвучии новой линии Москвы программа Надя с самого начала превосходила ее в радикализме разрыва с прежним курсом, и это было замечено советским посольством, которое, не делая скоропалительных выводов, было в то же время склонно упрекать И. Надя в тактических ошибках, допущенных при обнародовании новой программы. По мнению посольства, И. Надь не совсем ясно сформулировал некоторые вопросы, острая критика им прежней экономической политики и слишком большой упор на необходимость поддержки мелкого собственника привели к растерянности среди государственных и партийных работников³³. Эта растерянность и даже смятение нашли отражение и в прессе.

Уже само выступление Надя в парламенте 4 июля навело на резкость его разногласия с Ракоши по вопросу о характере будущих реформ. Эти разногласия в наименьшей мере касались вопроса о корректировке пятилетнего плана (смена приоритетов в Москве, позволявшая отказаться от части разорительных капиталовложений в тяжелую индустрию, была с облегчением воспринята всем венгерским руководством). Расхождения в некоторой мере коснулись вопроса о темпах и масштабах реабилитации осужденных (из членов узкого руководства наибольшую ответственность за репрессии несли Ракоши и Фаркаш), но в первую очередь они касались вопроса о снижении объема обязательных поставок крестьянами своей продукции (на этом настаивал Надь), активизации мелкого собственника в городе и на селе, а также перенесения центра тяжести в принятии важнейших решений с партийных органов на государственные. Сначала скрытое, а затем и все более открытое противодействие Ракоши и его сторонников реформаторскому курсу уже с июля 1953 г. стало существенным фактором внутривластной жизни. Вынужденный под давлением Москвы поступиться частью своих прежде неограниченных полномочий партийный лидер, отчаянно цепляясь за власть, прилагал немалые усилия для мобилизации преданно-

го ему аппарата на саботаж прежде всего тех реформ, которые грозили партийным функционерам утратой прежних властных полномочий.

Первое контрнаступление на реформы было предпринято уже через неделю после программного выступления Надя, и главные импульсы вновь, как и ранее, исходили из Москвы: 10 июля в «Правде» было опубликовано сообщение о пленуме ЦК КПСС, рассмотревшем дело о враждебной деятельности Берии. Очевидно, в тот самый день 4 июля, когда Имре Надь выступал в Госсобрании со своей программной речью (либо утром следующего дня), Ракоши получил приглашение прибыть в Москву во главе авторитетной делегации для обсуждения срочных вопросов. Вместе с ним в советскую столицу выехали Надь и Э. Герё. Если верить мемуарам Ракоши, он не был предварительно осведомлен о деле Берии, однако ехал с твердой установкой добиться от Москвы права на существенную корректировку той программы действий, которая нашла отражение в выступлении Надя³⁴. Сделанное Хрущевым в начале заседания (с участием представителей не только венгерской, но также румынской и болгарской партий) сообщение о разоблачении Берии как «врага народа» сопровождалось напоминанием о его вызывающем поведении 13 июня на встрече с венгерскими партийцами. Его попытки принизить роль партии, отодвинуть ее на второй план при принятии принципиальных государственных решений (в том числе касающихся вопросов государственной безопасности), по словам советского лидера, способствовали его разоблачению. Учитывая, что в ходе июньской встречи с делегацией ВПТ Берия был крайне критичен в отношении прежней венгерской политики и настаивал на решительных кадровых изменениях, естественно, встал вопрос о том, в какой мере остаются в силе договоренности, достигнутые на той встрече. С советской стороны было в общем плане заявлено об актуальности возрождения «ленинских норм партийной жизни», восстановления законности, повышения благосостояния населения, корректировки экономических планов.

Вопрос о роспуске кооперативов и активизации мелкого собственника в беседе, судя по всему, не затрагивался. У Ракоши и двух других членов венгерской делегации сложилось

впечатление о том, что в Москве не было четкого видения той программы реформ, которую необходимо было осуществлять в Венгрии, и решающая роль в разработке такой программы доверялась самой венгерской стороне³⁵. Как Надь, так и Ракоши могли воспринять это как определенный карт-бланш на проведение своей линии. Вместе с тем позиции Ракоши были усилены. Ведь несмотря на то, что самые важные (в том числе кадровые) решения июньского пленума ЦК ВПТ не подлежали кардинальному пересмотру, с арестом Берии Надь лишился своего могущественного покровителя, в немалой мере способствовавшего самому его назначению на пост главы правительства. Сообщение об аресте всесильного министра внутренних дел СССР дало Ракоши возможность перехватить инициативу и подготовиться к контрудару. Наблюдая со стороны развернувшуюся в Кремле «схватку бульдогов под ковром» (по выражению У. Черчилля), венгерский коммунистический лидер, имевший огромный опыт участия в закулисной политической борьбе, увидел для себя неплохой шанс сыграть на противоречиях в советском руководстве в интересах укрепления собственных пошатнувшихся позиций.

По возвращении из Москвы, 11 июля, первый секретарь ЦК ВПТ под видом прояснения ряда «не совсем правильно понятых» положений правительственной программы выступил на партактиве в Будапеште в контрреформаторском духе, сделав упор на сохранении преемственности с прежним курсом. Речь Ракоши положила начало длительному противостоянию двух тенденций в руководстве ВПТ, о котором со временем узнали и с тревогой наблюдали в Москве. Ракоши и Надь «давно враждовали, а мы из Москвы всячески пытались их примирить», — вспоминал впоследствии Хрущев³⁶. Обе стороны, в полной мере осознавая роль советского фактора в восточноевропейских делах, прилагали усилия к тому, чтобы заручиться поддержкой руководства СССР. Показательны в этом смысле июльские беседы Надя с послом Киселевым.

Согласившись с рекомендациями Москвы о снижении заданий по текущему пятилетнему плану, пересмотре структуры капиталовложений в пользу производства товаров потребления, уточнении в связи с этим планов на 1953 и 1954 г., венгерская сторона еще в июне обязалась к 15 июля 1953 г.

информировать ЦК КПСС о скорректированных экономических планах. Однако этого сделано не было. Встретившись 16 июля по собственной инициативе с Киселевым³⁷, Надь объяснял эту задержку саботажом аппарата ЦК ВПТ и прежде всего экономического отдела ЦК, возглавляемого И. Фришем. Жалуясь послу на отсутствие надлежащей настойчивости и требовательности со стороны ЦК ВПТ, Надь по сути пошел ва-банк, раскритиковав позицию Ракоши, не желающего всерьез заняться реорганизацией экономики и, в частности, выполнением программы, согласованной в Москве. Такое промедление, говорил премьер-министр, угрожает провалом только что провозглашенной экономической программы правительства, выступившего с обещаниями реального улучшения благосостояния населения. Заявленная на сессии Госсобрания программа, по убеждению Надя, вселила оптимизм в венгерское крестьянство, воодушевленное также и хорошими видами на урожай в текущем году. Однако прозвучавший в речи Ракоши на партактиве озлобленный тон в отношении крестьян, желающих выйти из кооперативов, новые попытки объяснить экономические трудности исключительно происками классового врага не только вносят ненужную напряженность в общество, они свидетельствуют о нарушении принципа коллективного руководства. Причем явное стремление Ракоши придать своей речи статус нового программного документа и его обвинения в капитулянтстве тех, кто требует радикального пересмотра экономической стратегии, внушили партработникам представление о фактической отмене решений июньского пленума и июльской сессии, о возвращении к прежней, «доиюньской» линии³⁸. Указывал Надь и на противодействие аппаратчиков проведению в жизнь объявленной амнистии. Премьер-министр был достаточно откровенен, обращая в беседе с Киселевым внимание на некоторую взаимосвязь между поведением Ракоши и «делом Берии», давшим лидеру ВПТ повод списать именно на происки Берии и его людей те «перегибы» в самокритике, которые якобы имели место в Венгрии. В это время позиция Надя в целом находила понимание советского посла, исходившего из сохранения в силе согласованной в июне программы. По мнению Киселева, выполнение программы перемен в Венгрии имеет «боль-

шое международное значение» и «на нас всех лежит громадная ответственность за успешное претворение в жизнь того, о чем было условлено в Москве»³⁹.

Воспринимая Москву и советское посольство пока еще в качестве своего союзника в деле осуществления реформ, Надь продолжал и дальше ту же линию в беседах с Киселевым. Впрочем, не желая создавать у посла впечатление образующегося раскола в руководстве партии (это могло вызвать мало предсказуемые действия Кремля по исправлению ситуации «в пожарном порядке», как это произошло в июне), он старался не переходить определенных границ и пытался объяснить поведение Ракоши не столько сознательным неприятием реформ, сколько глубоко укоренившейся в нем привычкой управлять страной единовластно, не считаясь с мнением соратников по партии (это проявлялось и в том, что он по-прежнему давал конкретные поручения членам правительства, «забывая» о том, что уже не является премьер-министром). Надь прямо говорил послу о необходимости общими усилиями «помочь Ракоши перестроиться»⁴⁰. При этом он не раз апеллировал к примеру КПСС, ссылаясь в том числе на решения последнего, июльского пленума ЦК КПСС, которые, по его словам, «поднимают куда более острые вопросы, и в этом как раз заключается сила партии»⁴¹. Такая позиция в общем находила отклик советской стороны — призывы к Ракоши соблюдать принцип коллективного руководства звучали в дальнейшем на самом высоком уровне, в ходе последующих встреч венгерских и советских лидеров — в начале декабря 1953 г., а затем и в мае 1954 г.⁴². Что касается реформаторской линии Надя, то уже летом 1953 г. были приняты конкретные меры в целях реализации заявленной на сессии Госсобрания программы. 26 июля было опубликовано постановление о широкой амнистии, с 1 августа подлежали роспуску лагеря для интернированных (хотя большое количество политических заключенных продолжало пока еще оставаться под арестом). Было принято также решение о снижении недоимок с кооперативов по хлебозаготовкам.

Серьезные трудности стояли на пути реализации экономической составляющей реформ, структурной реорганизации экономики, с начала 1950-х годов ориентированной на приоритетное развитие тяжелых отраслей индустрии. Для того

чтобы выполнить взятые на себя обязательства по подъему уровня жизни населения, венгерская сторона в конце осени обратилась к СССР с просьбой о предоставлении кредита. Однако эта просьба не была выполнена в том объеме, на который надеялись в Будапеште. Рассчитывать приходилось прежде всего на собственные силы. На декабрьском совещании в Москве советские лидеры не были склонны драматизировать положение в венгерской экономике (по их словам, аналогичные трудности переживали и другие страны «народной демократии»), они высказались за продолжение линии, согласованной в июне, и подчеркнули при этом важность коллективного руководства и партийного единства⁴³. Как Ракоши, так и Надь сочли в этих условиях рискованным для себя афишировать перед Кремлем имевшиеся в венгерском руководстве существенные разногласия в понимании сути и содержания необходимых реформ.

Отсутствие единства в партийно-государственном руководстве в соответствии со строгими правилами большевистского этикета тщательно скрывалось и от широких масс самой Венгрии, однако не всегда успешно: председатель Президиума Верховного Совета СССР К.Е. Ворошилов, посетивший Венгрию в мае 1954 г. как глава делегации КПСС на III съезде ВПТ, писал в Президиум ЦК КПСС о том, что накануне съезда слухи о нездоровых отношениях в руководстве ВПТ широко распространились в первичных организациях партии⁴⁴. Каждая из сторон во внутреннем венгерском конфликте, в полной мере осознавая сохраняющуюся роль советского фактора в восточноевропейских делах, по-прежнему прилагала усилия к тому, чтобы завоевать поддержку руководства СССР. В начале мая 1954 г. как Ракоши, так и Надь в составе делегации ВПТ были приняты в Кремле членами Президиума ЦК КПСС. Советские лидеры пролонгировали кредит доверия Надю и пока еще не связывали с его деятельностью какую-либо «правую угрозу». Вместе с тем они выразили обеспокоенность диспропорциями, возникшими в процессе структурной реорганизации венгерской экономики, невыполнением планов сельскохозяйственного производства. Поскольку серьезные разногласия внутри руководства ВПТ не были секретом для советских лидеров, Москву более всего беспокоили воз-

возможные проявления публичной полемики с трибуны III съезда ВПТ. То, что этого не случилось, несколько успокоило руководство СССР. Летом 1954 г., когда послом СССР назначали Ю.В. Андропова, «во внутренних событиях в Венгрии не ждали чего-либо неожиданного и плохого. Спокойно было», — вспоминал впоследствии Молотов⁴⁵. Между тем, реформаторская программа, реализацию которой возглавил Надь, к осени 1954 г. заметно превзошла в радикализме ожидания Кремля, поскольку планы реформ распространились и на политическую сферу общества — предполагалось повысить роль местных советов, активизировать деятельность Отечественного народного фронта, служившего ранее лишь одним из «приводных ремней» правящей партии, превратить его в рупор выражения многообразных общественных интересов. В этом проявилась, пусть и в зачаточной форме, тенденция к регенерации в обществе элементов плюрализма, задавленного при установлении диктатуры сталинского типа. Планы создания противовеса всесильному партаппарату были с некоторой надеждой восприняты как в кругах интеллигенции, так и среди членского состава левоцентристских политических партий, распущенных с установлением монополии коммунистов на власть.

Таким образом, хотя первоотлчком перемен в Венгрии явились импульсы, полученные из Москвы, «новый курс» Надя стал наиболее далеко идущей попыткой, предпринятой в советской сфере влияния, придать однопартийной коммунистической диктатуре несколько более человеческое лицо. Однако реализация нового курса не только проходила с большим трудом, но и не привела к существенному повышению эффективности венгерской экономики. При этом стремление ограничить властные полномочия партаппарата, перенеся центр тяжести в принятии решений на государственные органы, вызывало противодействие Ракоши и его окружения, саботировавших реформы. В октябре 1954 г. это привело к открытому конфликту на пленуме партии и к полемике в центральной прессе.

Перенесение в Венгрии кулуарной внутривнутрипартийной борьбы в публичную сферу (напомнившее членам советского «коллективного руководства» об СССР 1920-х годов), равно как

и попытки Надя слишком далеко отойти в реформе политической системы от привычных сталинских образцов, вызвали новый прилив обеспокоенности в Москве. К этому времени осложнение международной обстановки, связанное с планами вхождения ФРГ в НАТО, стало причиной нового зигзага во внешней политике СССР, не замедлившего сказаться и на соотношении сил в Будапеште. Начало нового витка в гонке вооружений предопределило увеличение расходов на оборону и тяжелую индустрию в масштабах всего советского блока. В начале 1955 г. лишился должности председателя Совета министров СССР Маленков, с которым была связана прежняя линия на сокращение вложений в тяжелую промышленность за счет ее легких отраслей. Надя, упорно настаивавший на сохранении своего курса, был подвергнут резкой критике на следующей встрече в Кремле, состоявшейся в январе 1955 г.⁴⁶, а весной того же года смещен с поста председателя Совета министров, выведен из Политбюро, позже исключен из партии по обвинению во фракционности. Так завершилась неудачей первая в истории стран советского лагеря попытка реформировать существующие порядки сверху. В условиях контрнаступления антиреформаторских сил судьбу «нового курса» в конечном итоге предопределил продолжавший оставаться решающим внешний фактор — очередной поворот в политике КПСС сузил поле манёвров для сторонников реформ. Кратковременная «оттепель» в Венгрии сменилась новыми «заморозками»: застопорился, едва начавшись, процесс реабилитации невинно осужденных, ужесточилась цензура, были свернуты все дискуссии в прессе о путях дальнейшего развития, приняты решения о новых, совершенно разорительных для страны капиталовложениях в строительство крупных промышленных объектов (о явной чрезмерности таких вложений говорилось и в отчетах посещавших Будапешт советских официальных делегаций⁴⁷).

«Спокойной и уверенной поступью вступает Венгрия в Новый год», — передавал 1 января 1956 г. корреспондент газеты «Правда». Но кажущееся спокойствие было обманчивым. Советские дипломатические донесения конца 1955 — начала 1956 г. полны сообщений об усилении оппозиционных настроений в обществе. В атмосфере все большего недовольства

самых широких масс в Венгрии политикой Ракоши и его окружения делегация ВПТ во главе с ее первым секретарем выехала в феврале 1956 г. в Москву для участия в работе XX съезда КПСС, оказавшего заметное воздействие на последующие тенденции во внутривластическом развитии Венгрии.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: *Stykalin A. On Specific Historical Circumstances Leading to the Liquidation of the Cominform // The Balkans in the Cold War. Balkan Federations, Cominform, Yugoslav-Soviet Conflict / Ed. by Vojislav G. Pavlović (Institute for Balkan Studies of the Serbian Academy of Sciences and Arts. Special Editions 116). Belgrade, 2011. P. 243–264; Стыкалин А.С. XX съезд КПСС и роспуск Комиинформа // Вопросы истории. 2016. № 10. С. 3–19.*

² О влиянии советских советников на функционирование венгерских государственных институций, в том числе в экономической сфере, см.: «*Testvéri segítségnyújtás*». Szovjet tanácsadók és szakértők Magyarországon // *Baráth M. A Kreml arnyékában. Tanulmányok Magyarország és a Szovjetunió kapcsolatainak történetéhez, 1944–1990. Budapest, 2014.*

³ Последним мощным ударом по антикоммунистической оппозиции явились арест в конце декабря 1948 г. кардинала Миндсенти и судебный процесс по его делу в феврале 1949 г., завершившийся его приговором к пожизненному заключению.

⁴ О масштабах выселения из Будапешта «враждебных элементов» в Москве знали из справки посольства СССР, подготовленной в ноябре 1951 г. (См.: Советский фактор в Восточной Европе. 1944–1953. Т. 2. / Отв. редактор Т.В. Волокитина. М., 2002. С. 553–554). В число лиц, подлежащих выселению, входили представители прежних политической, экономической, военной, культурной элит, оппозиционно настроенные в отношении коммунистической власти. Как отмечалось в установочных партийных документах, «выселение было продиктовано необходимостью выдворить из Будапешта реакционеров, которые оказывали содействие англо-американским империалистам в организации на территории ВНР шпионажа, террористических актов, диверсий, саботажа и распространения панических слухов, создавая различного рода “организации”, ставящие своей целью свержение режима народной демократии». Кампания по выселению проходила с 21 мая по 17 июля 1951 г., были выселены 5 182 семьи, 12 704 человека, освобождено 3 400 квартир. Люди переселялись по большей части в восточные комитаты Венгрии, подальше от

венгерско-австрийской и венгерско-югославской границ. Выселяемые обеспечивались жильем и при желании определялись на физическую работу. Выехать с нового места жительства они могли только по специальному разрешению местных властей, возбудив ходатайства о переселении к родственникам. 3 октября 1951 г. председатель будапештского городского совета П. Кальман в беседе с советским послом Киселевым признал, что при проведении этого мероприятия были допущены некоторые «перегибы», в результате «дела некоторых лиц были пересмотрены, и им было разрешено вернуться в Будапешт» (Там же. С. 554).

⁵ Там же. С. 580–581.

⁶ Такое впечатление среди прочих пытался создать в беседе с советским дипломатом 3 февраля 1953 г. младший брат Ракоши заместитель заведующего отделом агитации и пропаганды ЦК КПСС З. Биро: Восточная Европа в документах российских архивов. 1949–1953. / Отв. редактор Г.П. Мурашко. М., 1998. Т. 2. С. 866–870.

⁷ О деятельности посла СССР в Венгрии Е.Д. Киселева, его отношениях с Ракоши и другими венгерскими лидерами, а также о его роли в информировании советского руководства о положении дел в Венгрии см.: *Baráth M. A budapesti szovjet nagykövetek, a magyar pártvezetés és a magyar belpolitika // Szovjet nagyköveti iratok Magyarországról, 1953–1956. Kiszjeljov és Andropov titkos jelentései. Budapest, 2002. 15–22.o.*

⁸ Исторический архив. М., 1997. № 3. С. 132–133. О войне внешних разведок между советским блоком и титовской Югославией, и особенно об участии в ней Венгрии, см.: *Ritter L. Titkos háború a szovjet blokk és Jugoszlávia között, 1948–1955 // Történelmi Szemle. Budapest, 2012. № 1. 133–159.o.*

⁹ См. подробно об этом: *Orgoványi I. Border Defence on Southern Hungary (1948–1953) // Big Brother's Miserable Little Grocery Store. Studies on the History of the Hungarian Secret Services after World War II / Ed. by Gy. Gyarmati and M. Palasik. Budapest, 2012. P. 153–170.* См. также: *Хорняк А. Венгерско-югославская пограничная полоса в годы разрыва Сталина и Тито // Россия и Венгрия на перекрестках европейской истории / Отв. редактор И.В. Крючков, 2016. С. 209–210.*

¹⁰ См. запись беседы посла СССР Киселева с членом Политбюро Центрального Руководства ВПТ Э. Герё от 29 сентября 1950 г.: Советский фактор в Восточной Европе. 1944–1953 гг. Т. 2. Док. 140.

¹¹ Его описывает и Ракоши в своих мемуарах: Исторический архив, 1997. № 5–6. Ср. со сделанной по свежим следам записью встречи, выполненной ее румынскими участниками: *Gh. Gheorghiu-Dej la Stalin, 1944–1952. Stenograme, note de convorbiri, memorii / Ed. D. Cătănuș, V. Buga. București, 2012. P. 129–139.*

¹² «Вскоре оказалось, — вспоминал позже Ракоши, — что развитие армии — это бездонный мешок: не проходило в буквальном смысле слова ни одного месяца, чтобы не вставал вопрос о каких-либо новых, заранее не предвиденных расходах, и вскоре мы убедились, что увеличенных средств тоже не хватит <...>. В начале 1952 г. я уже видел, что военные расходы и развитие армии понемногу опрокидывают все наши планы» (Исторический архив, 1998. № 3. С. 12). При этом план по повышению роста оборонной промышленности на 1951 г. выполнить не удалось. Ракоши откровенно писал об этом Сталину в январе 1952 г. (Советский фактор в Восточной Европе. 1944–1953. Т. 2. С. 81).

¹³ Донесения по линии спецслужб; докладные записки советников из СССР, работавших при разных венгерских ведомствах; отчеты выезжавших в Венгрию советских делегаций; донесения представителей информационных агентств (ТАСС, Совинформбюро) и центральных советских газет, аккредитованных в Венгрии.

¹⁴ См.: *Baráth M. A budapesti szovjet nagykövetek, a magyar pártvezetés és a magyar belpolitika...*

¹⁵ На взгляд советского посольства, штрафы за нарушение трудовой дисциплины были неприемлемы не столько в экономическом плане, сколько своим несоответствием советской идеологии: будучи «пережитком капиталистических порядков», они «в условиях государства народной демократии противоречат духу его государственного и общественного устройства» (Советский фактор в Восточной Европе. 1944–1953 гг. Т. 2. С. 637–639. Справка посольства СССР, относящаяся к 1952 г.) Однако никаких других действенных способов повышения трудовой дисциплины, отвечающих в то же время принципам советской идеологии, дипломаты предложить не смогли.

¹⁶ Восточная Европа в документах российских архивов. 1944–1953 гг. Т. 2. С. 853–854.

¹⁷ Там же. С. 867–869.

¹⁸ См., например, материалы фонда В.М. Молотова в Российском государственном архиве социально-политической истории (РГАС-ПИ. Ф. 82. Оп. 2). См также: *Baráth M. A budapesti szovjet nagykövetek, a magyar pártvezetés és a magyar belpolitika (Bevezető) // Szovjet nagyköveti iratok Magyarországról, 1953–1956. Kiszelyov és Andropov titkos jelentései. Budapest, 2002. 20.o.*

¹⁹ Сам Ракоши в мемуарах утверждает, что Г. Петер был арестован непосредственно по требованию Сталина (Исторический архив. 1997. № 3. С. 7). Однако тот же Ракоши, по его собственному признанию, после смерти Сталина противился попыткам Берии направить в Будапешт своих следователей для расследования дела Петера в интересах его освобождения.

²⁰ Вынесение летом 1952 г. в СССР смертных приговоров по делу Еврейского антифашистского комитета; судебный процесс по делу Сланского в Чехословакии, завершившийся осенью 1952 г. вынесением ряда смертных приговоров; дело кремлевских врачей в начале 1953 г.

²¹ Восточная Европа в документах российских архивов. 1944–1953 гг. Т. 2. С. 67.

²² Российский государственный архив новейшей истории (РГА-НИ). Ф. 5. Оп. 28. Д. 17. Л. 4–5.

²³ Подробно см.: *Едемский А.Б.* От конфликта к нормализации. Советско-югославские отношения в 1953–1956 годах. М., 2008. Глава I.

²⁴ Исторический архив. 1998. № 3. С. 6.

²⁵ Состав делегации определялся советской стороной, что, очевидно, отражало представления официальной Москвы о той команде, которой предстояло заниматься исправлением существующей в Венгрии неудовлетворительной, взрывоопасной ситуации.

²⁶ Содержание встречи нашло довольно подробное отражение в записи, выполненной венгерской делегацией: *Jegyzőkönyv a szovjet és magyar párt- és állami vezetők tárgyalásáról (1953 június 13–16)* // *Múltunk*. 1992. № 3.

²⁷ Исторический архив. 1998. № 3. С. 9–16.

²⁸ *Байков В.С.* 1956. Венгрия глазами очевидца. М.; СПб., 2016.

²⁹ Там же. С. 50–52.

³⁰ Впоследствии, в беседах с публицистом Ф. Чуевым, Молотов так охарактеризовал Ракоши: «Ракоши был хороший <...>, но тоже имел недостатки: изображал из себя Сталина в Венгрии. Чересчур. Чересчур» (Сто сорок бесед с Молотовым. Из дневника Ф. Чуева. М., 1991. С. 113).

³¹ Характеристика И. Надя как правого уклониста и явного «бухаринца» часто встречается в донесениях советского посольства начиная с 1949 г., когда он был временно выведен из Политбюро (Архив внешней политики России. Ф. 077. Референтура по Венгрии).

³² РГАНИ. Ф. 5. Оп. 28. Д. 17. Л. 48.

³³ Там же. Л. 83, 102–103.

³⁴ «За это приглашение я ухватился обеими руками, так как был полон решимости сказать о том, какое потрясение вызвали в стране мероприятия, обнародованные без предварительной подготовки и необычным путем, во многих отношениях непонятные и неправильные, обставленные уничтожающей критикой всей работы, проделанной в период народной демократии. Хотел я сказать и о том, что эти мероприятия подрывают веру во всю систему и вместе с тем вселяют надежды во врагов социализма и придают им смелость» (Исторический архив. 1998. № 3. С. 34).

³⁵ Там же. С. 36.

³⁶ Вопросы истории. 1994. № 5. С. 74.

³⁷ Советский фактор в Восточной Европе. Т. 2. С. 786–792.

³⁸ Звучали также предложения организовать внутривластную дискуссию по поводу правильности пройденного в последние годы пути, витала в воздухе поддерживаемая сторонниками Ракиши идея созвать внеочередной пленум ЦК для того, чтобы исправить допущенные «перегибы» в критике и выправить линию.

³⁹ Советский фактор в Восточной Европе. Т. 2. С. 790.

⁴⁰ Запись беседы Е.Д. Киселева с Имре Надем от 25 июля 195 г. См.: Восточная Европа в документах российских архивов. Т. 2. С. 938.

⁴¹ Там же. С. 937.

⁴² Подробный анализ содержания встречи, состоявшейся в начале декабря 1953 г., см.: Szovjet «kézi vezérlés» az első Nagy Imre-kormány idején. Материалы о майской встрече 1954 г. см.: «Konzultációk». Dokumentumok a magyar és szovjet pártvezetők két moszkvai találkozásáról 1954–1955 / Közli: Rainer M.J. és Urbán K. // Múltunk, 1992. № 4. Тенденциозное описание этих встреч содержится и в мемуарах Ракоши (Исторический архив, 1998. № 3, 5–6).

⁴³ *Baráth M.* Szovjet “kézi vezérlés” az első Nagy Imre-kormány idején. Из проблем, связанных с реорганизацией экономики, довольно большую озабоченность в Москве в это время вызывал, судя по документам, массовый выход крестьян из сельхозкооперативов — явление не вписывавшееся в советские представления о путях реформирования социализма.

⁴⁴ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 28. Д. 160. Л. 78.

⁴⁵ Сто сорок бесед с Молотовым. С. 89.

⁴⁶ См.: «Konzultációk». Dokumentumok a magyar és szovjet pártvezetők két moszkvai találkozásáról 1954–1955.

⁴⁷ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 30. Д. 161. Л. 18.

УЛУНЯН АР. А.*

**ВЕНГЕРСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ 1956 г.
В ОЦЕНКАХ И АНАЛИЗЕ
СЛУЖБЫ БЕЗОПАСНОСТИ
И РАЗВЕДКИ НИДЕРЛАНДОВ**

События осени 1956 г. в Венгрии, получившие название революции, явились важным этапом в истории становления так называемого Восточного блока, выявив как кризисный характер коммунистической системы в целом, так и конфликтотенный потенциал взаимоотношений СССР со своими союзниками. Синхронизированный по времени с аналогичным по своей сути польским кризисом, венгерский оказался в силу его особенностей сопоставим по своим последствиям с другим, также развивавшимся в это же время — Суэцким, затронувшим всю систему международных отношений и приведшим, так же как и венгерский, к жёсткой конфронтации между Восточным и Западным блоками. Для всех членов последнего действия Советского Союза, прибегшего к помощи военной силы для подавления восстания в союзной Венгрии, оказались довольно неожиданными, что являлось фактически свидетельством неготовности ни собственно Организации Североатлантического договора (НАТО), ни политических кругов государств, входивших в нее, к развитию событий по такому сценарию. В существующий отечественной и, прежде всего, зарубежной историографии роль и место «Венгерского 56-го» во внешней и оборонной политике НАТО, его ведущих членов, получили уже достаточное освещение, так как становящиеся доступными исследователям ранее секретные докумен-

* Улунян Артём Акопович — доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института всеобщей истории РАН, руководитель Центра балканских, южно-кавказских и центрально-азиатских исторических исследований ИВИ РАН.

ты позволяют выявить особенности позиций каждой страны в контексте общенатовского сообщества и национальных предпочтений на фоне параллельно развивавшегося Суэцкого кризиса. Менее исследованной продолжает оставаться роль так называемых малых западноевропейских стран, входивших в НАТО, в формулировании общих оценок и в выработке действий альянса на ближайшую и дальнейшую перспективу. Среди таких государств особый интерес вызывают Нидерланды, стоявшие у истоков создания НАТО и общеевропейских структур, первым шагом на пути к появлению которых было образование Европейского объединения угля и стали (ЕОУС). В военно-политическом отношении Голландия являлась важным элементом обороны Западного блока на центрально-европейском театре военных действий (ТВД) и выступала как последовательный сторонник укрепления альянса. Ставка на приоритетное выполнение Нидерландами обязательств члена НАТО и особые отношения с США была обусловлена тем, что только при тесном сотрудничестве с Соединенными Штатами, как полагали министры и политики в Гааге, европейские страны были способны создать и обеспечить надежную оборону¹. В правительственных и политических кругах Голландии события в Венгрии рассматривались с учётом их значения как в целом для международной системы отношений, так и конкретно для внутривнутриполитического положения в стране. Важную роль в этом занимали голландские органы безопасности и внешней разведки. При этом, по признанию самих нидерландских исследователей, «слишком мало было опубликовано в Нидерландах и практически ничего на английском языке о деятельности различных разведывательных служб и служб безопасности, составляющих голландское разведывательное сообщество»².

Начало новейшей истории органов безопасности и внешней разведки Нидерландов относится ко времени после освобождения страны в 1945 г., когда две структуры — Разведывательное бюро (Bureau Inlichtingen) и Полицейская полевая служба (Politiebuitendienst) были реорганизованы в единое Бюро национальной безопасности (Bureau Nationale Veiligheid (BNV)). С 1946 г. произошло его разделение на Национальную службу безопасности (Binnenlandse

Veiligheidsdienst — BVD) и Службу внешней разведки (Buitenlandse Inlichtingendienst — BID), которые сосуществовали вплоть до 1949 г. Принятый 8 августа 1949 г. королевский указ, носивший гриф секретности, упорядочил деятельность всего разведывательного сообщества страны, создав законодательную основу для формирования единой Национальной службы безопасности (Binnenlandse Veiligheidsdienst — BVD) и военной разведки, а также для взаимодействия между этими службами, прокуратурой и полицией. Задачами BVD, в соответствии с тем, как они определялись в королевском указе, были «сбор данных в отношении всех лиц, занимающихся подрывной работой или склонных к этому, демонстрирующих и предпринимающих подобные действия в отношении Нидерландов и дружественных Нидерландам государств; сбор данных об экстремистских организациях; обеспечение безопасности всех жизненно важных и уязвимых правительственных и частных институтов и компаний; обеспечение всем, что требуется для надлежащего функционирования национальной безопасности; поддержание связей, в соответствии с договоренностью, с соответствующими службами разведки и безопасности дружественных иностранных государств»³. Причина секретности королевского указа заключалась в нежелании властей признавать факт ведения разведывательной деятельности Нидерландами за рубежом. В 1951 г. королевские ВВС получили собственную разведывательную организацию, а координационная комиссия по безопасности была заменена в 1956 г. на одного офицера-координатора. В тоже время взаимоотношения между BVD и Службой внешней разведки (Buitenlandse Inlichtingendienst — BID) были исключительно натянутыми, так как именно первая из спецслужб осуществляла контроль над агентурной работой BID и её кадровым составом. Более того, «только секция В, являвшаяся структурной частью BVD, была уполномочена предоставлять внешнюю информацию, так как поступавшие из различных источников данные обрабатывались «в подразделениях секции В, сравнивались и объединялись друг с другом с тем, чтобы в конечном счёте представляться в различных формах донесений»⁴. В исследуемый период и, конкретно, в 1956 г. BVD составляла еженедельные

сводки (*Weekoverzichten*) для министерств и ведомств Нидерландов, а также для региональных и районных властей и полиции. Они содержали информацию о компартии Нидерландов и связанных с ней общественно-политических организациях, профсоюзах, а прежде всего о тех из них, которые рассматривались правительством как угрожающие национальной безопасности страны. Следующая группа служебных документов была представлена месячными сводками (*Maandoverzicht*). В описываемый период BVD иногда делала их двухмесячными и они содержали информацию и её анализ как по актуальным международным, так и по внутривнутриполитическим событиям. Отдельную группу информационных материалов представлял информационный бюллетень «Панорама» (*Panorama*), составившийся всеми подразделениями BVD сначала как двухмесячное, а потом как квартальное и полугодовое издание, освещавшее две главные темы: во-первых, всё, что было связано с деятельностью коммунистической партии Нидерландов и её «зонтичных организаций», и, во-вторых, деятельность коммунистических профсоюзов⁵.

С самого начала в работе спецслужбы определились основные направления её стратегического и оперативного интереса. Как отметил нидерландский исследователь голландских спецслужб Д. Инеле (D. Engelen), «обеспокоенность коммунизмом отразилась в содержании деятельности, а также организации центральной/национальной безопасности на протяжении первых двух десятилетий её существования. Несмотря на то, что индонезийский вопрос никуда не делся и праворадикальный экстремизм — имевший или не имевший связь с этим вопросом — никуда не исчезал из поля зрения службы, именно коммунизм явился тем, на что было направлено первоочередное внимание службы. Это означало, что служба рассматривала своей задачей информирование правительства о планах и событиях, происходивших внутри коммунистической партии Нидерландов и связанных с ней организаций, с одной стороны, а, с другой, об угрозах, которые были направлены из Москвы в отношении Нидерландов, как то шпионаж, пропаганда и поддержка КПН»⁶. Поэтому события в Польше и Венгрии осенью 1956 г., как и внутривнутриполитическое положение, складывав-

шея в странах с правящими коммунистическими партиями, включая СССР, а также их межгосударственные и межпартийные отношения, представляли для BVD/BID стратегический интерес. Это обуславливалось ещё и тем, что тесное сотрудничество голландских спецслужб с американским ЦРУ в целях реализации общих задач по обеспечению безопасности создавало условия для реализации на отдельных направлениях разведывательного интереса нидерландских органов безопасности и внешней разведки уже на совместной основе.

Ситуация в коммунистических странах, их взаимоотношения и политика СССР в Восточной Европе являлись одним из важных направлений деятельности BVD/BID. Особое внимание авторами-составителями докладов BVD было уделено прошедшему 14–25 февраля 1956 г. XX съезду КПСС. Не обладая достаточным количеством оперативных возможностей, нидерландская разведка получала, в соответствии с секретными межправительственными договорами, определённую часть информации от аналогичных служб ряда государств-членов НАТО и, прежде всего, от американского ЦРУ, британской МИ6, а также соответствующих контрразведывательных организаций. Примечательной особенностью представляемых BVD правительственным органам месячных сводок, включавших раздел по международным событиям, было сочетание информации и её подробный анализ (интерпретация).

Состоявшееся на протяжении 1955–1956 гг. советско-югославское примирение рассматривалось в 1956 г. в секретных месячных отчётах нидерландской организации безопасности, направлявшихся высшим правительственным чиновникам, как знаковое событие не только для Белграда и Москвы, но и как важный фактор международной политики, имея в виду проводившийся на разных этапах периода 1948–1955 гг. внешнеполитический курс главы Югославии Й. Броза Тито, стремившегося поддерживать «особые», а в ряде случаев и достаточно близкие отношения с Западом. Поэтому для авторов-аналитиков BVD, как, впрочем, и для многих других представителей западных разведывательных и внешнеполитических институтов, «югославский фактор» международной политики имел большое значение с точки зрения его влияния на положение в Восточной Европе.

Обращаясь к анализу событий осени 1956 г. в Польше и Венгрии, авторы сентябрьско-октябрьской сводки ВВД подчёркивали, что они являлись в определённой степени порождением советско-югославских договоренностей 1955–1956 гг.⁷ Заявляя об «актуальности взаимоотношений Советского Союза с коммунистическими странами-сателлитами», которая была «подтверждена недавними событиями в Польше и Венгрии», аналитики ВВД пришли к выводу о том, что «русско-югославские соглашения не только понизили напряженность между Москвой и Белградом», но оказали глубокое политическое и идеологическое влияние на все коммунистические партии в их взаимоотношениях друг с другом и с Советским Союзом. Сомнительным считали, однако, что советско-югославское сближение «было поддержано всеми членами коллективного руководства Советского Союза»⁸.

Судя по всему, в голландской разведке слонялись к мысли, и, как оказалось, небезосновательно, о перспективах развития серьёзных противоречий в советском партийно-государственном руководстве по ряду принципиальных для советского режима вопросов, включая тему взаимоотношений с коммунистическими странами. Полученная нидерландской разведкой как по открытым каналам, так и от разведывательных служб союзников по НАТО информация позволила ей составить достаточно точную с аналитической точки зрения картину происходившего в коммунистическом блоке. Особое внимание ВВД обращала именно на важность советско-югославских контактов по кризисным польскому и венгерскому вопросам. В этой связи в отчёте обращалось внимание на срочную поездку Н.С. Хрущёва во второй половине сентября 1956 г. в Югославию и последующую, не менее срочную встречу Хрущёва и Тито с новым главой ЦК Венгерской партии трудящихся (ВПП) Э. Герё в начале октября в Крыму. Признав отсутствие детальных данных о характере состоявшихся во время этих встреч обсуждений, аналитики нидерландской спецслужбы сделали предположение о том, что в центре переговоров находились «обязательства, взятые на себя [советской стороной] в отношении Тито в идеологической области, их последствия для государств-сателлитов — прежде всего Польши, а также так называемое секретное циркулярное письмо от

имени ЦК КПСС в адрес высших партийных органов народных демократий <...>. Югославские власти полагают, что в нём проявилась обеспокоенность социал-демократическими идеями Тито, которые не соответствуют марксизму-ленинизму. По мнению политических обозревателей, не исключено, что группа Хрущева–Булганина потеряла обычное большинство при обсуждении этого вопроса в Президиуме партии»⁹. Упомянутое в сводке ВВД «секретное циркулярное письмо» — это закрытое письмо, принятое на заседании Президиума ЦК КПСС 13 июля 1956 г. по итогам июньских советско-югославских встреч на высшем уровне в Москве и направленное руководителям компартий государств Восточного блока, а также двух крупнейших западноевропейских компартий — Италии и Франции; в нём действительно в достаточно жёсткой форме критиковалась позиция руководства Союза коммунистов Югославии (СКЮ). Более того, у посла ФНРЮ в СССР В. Мичуновича складывалось уже ощущение явного сожаления советского руководства относительно подписанных ранее совместных советско-югославских документов¹⁰. Судя по всему, авторы аналитического материала ВВД обратили также внимание на эволюцию позиции советской стороны, пришедшей к выводу о необходимости ограничения независимости восточно-европейских стран, поскольку «установленные коммунистические режимы могут потерять контроль над властью»¹¹. Одновременно в нидерландской спецслужбе отмечали противоположность мнения югославской стороны, которая, наоборот, выступала за увеличение степени независимости стран Восточной Европы, так как в Белграде считали «социалистические силы» достаточными, чтобы защитить себя»¹². Взаимоотношения Белграда и Москвы нидерландская спецслужба оценивала достаточно точно, определяя также роль югославской стороны в попытках урегулирования ситуации в Венгрии. Не располагая детальной информацией о зачастую тайной дипломатии коммунистических стран и, в частности, о нажиме Хрущева на Тито в вопросе улучшения отношений с новым руководством Венгрии в лице Герё¹³, голландская разведка в то же время пришла к выводу о том, что советское руководство фактически было вынуждено считаться с мнением Югославии.

О пристальности внимания со стороны ВВД к советско-югославским отношениям как ключевому фактору, влияющему на развитие ситуации в Восточном блоке, а также о тщательности работы голландской спецслужбы с открытыми информационными источниками свидетельствуют ссылки на публикации в югославской прессе (в частности, материалы газеты «Борба»). Судя по всему, обзоры печати восточно-европейских стран ВВД получала по каналам разведывательных организаций стран-союзниц Нидерландов по НАТО, так как она не имела на тот момент собственной службы мониторинга.

Для аналитического подхода голландской разведки к событиям в Восточном блоке был характерен поиск общих и особенных черт проявлявшегося кризиса. В данной связи ВВД отметила, что «масштаб политической либерализации в Польше и Венгрии продемонстрировал существование многих причин для обеспокоенности русских. Соглашение “Хрущев–Тито” наделило этих сателлитов идеологическим оружием против политической опеки Советского Союза. Политика хрущевско-булганинской группы непреднамеренно способствовала такому развитию и усилила политическое напряжение»¹⁴. В то время как польский вариант разрешения кризиса оказался приемлем для СССР, развитие ситуации в Венгрии Москва рассматривала уже совершенно иначе. После того, как 25 октября 1956 г. произошли первые вооруженные столкновения с участием советских войск, стало ясно, что венгерские события начинают отличаться от польских. Этот факт был отмечен ВВД, аналитики которой, цитируя в своём материале отдельные пассажи принятой на заседании Президиума ЦК КПСС 30 октября 1956 г. «Декларации Правительства Союза ССР об основах развития и дальнейшего укрепления дружбы и сотрудничества между Советским Союзом и другими социалистическими государствами», обратили особое внимание на придание сакрального характера обязанности «венгерских трудящихся» защищать «социалистические завоевания народно-демократической Венгрии»¹⁵.

Тема солидарности коммунистических партий с действиями СССР и поддержки с их стороны как необходимых для «защиты социализма» мер получила в информационно-аналитических материалах ВВД вполне конкретное «нидерландское»

измерение. В конце октября — начале ноября 1956 г. в общественно-политических кругах Нидерландов проявился заметный рост настроений, вылившихся после интервенции СССР и подавления Венгерской революции в массовые демонстрации. В этой связи явным диссонансом являлась позиция местной компартии. Нидерландская служба безопасности, постоянно отслеживавшая деятельность КПН, рассматривавшейся как организация, представлявшая угрозу внутренней безопасности страны из-за своих связей с СССР, в специальном информационном сообщении обращала внимание на то, что на прошедшем 29 октября 1956 г. Пленуме исполкома КПН в центре внимания находились события в Венгрии, причем в ходе прошедших обсуждений «выявились серьёзные различия среди членов руководства партии по поводу того, какую позицию должен занять Советский Союз в Венгрии»¹⁶. Победу одержала точка зрения одного из руководителей компартии — Ф. Майса, который заявил о том, что «Советский Союз должен подавить сопротивление в Венгрии военной силой»¹⁷. Он был поддержан главой КПН П. де Гротом, а в целом позиция нидерландской компартии была выражена в опубликованном 30 октября 1956 г. газетой «*De Waarheid*» заявлении, носившем название «Путч в Венгрии». В этой связи BVD в очередном полугодовом бюллетене «*Panorama*», составленном уже в конце 1956 г., пришла к выводу о том, что ноябрьские события на международной арене, в частности, два кризиса — венгерский и Суэцкий — сильно ослабили ядро КПН из-за необходимости ее перехода к жёсткой политике вслед за СССР, что негативно повлияло на позиции нидерландской компартии в обществе¹⁸.

После сообщения 4 ноября 1956 г. по радио о советском вторжении в Венгрию было сделано совместное заявление премьер-министра В. Дреса и ряда представителей политических партий Нидерландов, которые обратились с воззванием к гражданам Нидерландов стать «единицами свидетелями неприкрытого коммунистического насилия». В знак протеста против действий СССР 5 ноября состоялись массовые демонстрации напротив редакции центрального органа компартии Нидерландов газеты «*De Waarheid*», штаб-квартиры подконтрольных КПН профсоюзов и советского посольства в Гааге. Служба BVD

составила 7 ноября 1956 г. специальную сводку для правительства о происходивших в Нидерландах массовых демонстрациях, центром которых стал Амстердам, в ней достаточно подробно сообщалось о протестах жителей города против КПН, поддержавшей советское вторжение в Венгрию, и действиях протестантов в отношении штаб-квартиры компартии и её книжного магазина¹⁹.

В правительственном кабинете рассматривался вопрос о разрыве дипломатических отношений с СССР в случае, если такое решение было бы принято странами-членами НАТО. В тот же день правительство Нидерландов дало разрешение на приём 1000 венгерских беженцев, а спустя несколько недель это количество было увеличено до 3000 человек и, в конечном счете, в страну прибыло уже около 4000 тыс. беженцев из Венгрии²⁰. 6 ноября Олимпийский Комитет Нидерландов принял решение от отказа участвовать в Олимпийских играх в Мельбурне и 7 ноября направил уведомление об этом организационному комитету. К бойкоту Олимпиады из-за действий СССР в Венгрии впоследствии присоединились Испания и Швейцария. Более того, в южной части Амстердама по инициативе местных жителей и при их деятельном участии 14 ноября 1956 г. проспект Сталина (Stalinlaan) был переименован в Проспект Свободы (Vrijheidslaan). Королева Юлиана выступила по радио и приветствовала венгерских беженцев, прибывавших в центральный пункт их приёма в Гааге. Было собрано 16 млн гульденов²¹. Прибывшие в Нидерланды беженцы передали королеве флаг венгерской революции, который ныне хранится в Королевском архиве²². Приём большого числа беженцев создавал для нидерландской службы безопасности немалый объём работы по их идентификации, так как существовала угроза инфильтрации в ряды беженцев сотрудников органов венгерской госбезопасности (AVH) и BVD вела активную работу по их выявлению²³. Сама голландская спецслужба в специальном информационном бюллетене «*Panorama*» сообщала в правительство страны об этом в достаточно алармистском тоне, отмечая, что «с прибытием ± 3000 венгерских беженцев в Нидерланды количество венгров в стране увеличилось до ± 3950 , среди которых есть группа (приблизительно в 500 че-

ловек) лиц венгерского происхождения, утеравших своё первоначальное гражданство по тем или иным причинам. С самого начала необходимо иметь в виду возможность того, что в потоке венгров, которые пересекли австрийскую границу, могут находиться нежелательные элементы, в частности и особенно члены одиозной венгерской службы безопасности, т.е. AVH, которые бежали в Австрию, спасаясь от мести населения в их отношении»²⁴. Уже позже, весной 1957 г., представитель Нидерландов в НАТО представил доклад о ситуации, сложившейся к этому времени с беженцами в его стране, в том числе о том, что «натурализация 2854 венгерских беженцев, принятых на постоянное пребывание в Нидерландах, проходит удовлетворительно. К середине февраля 86% из общего числа (2097 беженцев) нашли работу. В это время только 129 венгерских беженцев всё ещё должны найти её. Остальные — это дети, пожилые люди, а также около 110 студентов, и те, кто непригоден к труду»²⁵.

Происходившие в Венгрии события были синхронизированы с острой фазой развития Суэцкого кризиса, когда совместные действия Великобритании, Израиля и Франции против Египта, национализировавшего Суэцкий канал, вызвали острую реакцию даже у союзников Парижа и Лондона по Североатлантическому альянсу, не говоря уже о Восточном блоке и многих странах Азии и Африки. Боевые действия 31 октября — 5 ноября 1956 г. на Синайском полуострове фактически совпали с операцией советских вооруженных сил по подавлению Венгерской революции. На фоне этих двух кризисов выявилась особенность позиции Нидерландов в системе международных отношений, а также их роли в НАТО. Голландия активно поддержала англо-франко-израильские действия в отношении Египта вопреки резкой их критике со стороны США и осуждения ООН. В то же время бывший министр иностранных дел страны Д. Стиккер отметил в письме действующему главе МИД Й. Лунсу, что позиция, занятая Нидерландами, воспринимается в политических кругах за рубежом через призму их взаимоотношений с бывшей колонией — Индонезией.

Голландский посол в Египте вообще полагал, что внешнеполитический курс страны в условиях Суэцкого кризиса, сто-

ронником и активным проводником которого был Лунс, не отвечает её интересам. На проходивших в руководстве НАТО 31 октября 1956 г. консультации представитель Голландии Э. ван Клеффенс, занимавший в 1954–1955 гг. пост председателя ГА ООН, весьма осторожно, но настойчиво солидаризировался с норвежским и канадским представителями, заявив о том, что «было бы лучше, если обсуждение возможных способов примирения проходило бы в Объединенных Нациях»²⁶. Ван Клеффенс также в дипломатичной форме посетовал на отсутствие предварительных консультаций Франции и Великобритании с союзниками по альянсу перед началом их действий при разрешении Суэцкого кризиса²⁷.

Некоторое ухудшение американо-нидерландских отношений, обусловленное позицией Амстердама в условиях Суэцкого кризиса, также играло свою негативную роль в складывавшихся обстоятельствах, так как партнерство с Вашингтоном по широкому кругу вопросов обороны и безопасности являлось приоритетом во внешней политике Нидерландов. В свою очередь Лунс достаточно резко отреагировал на позицию ООН в суэцком вопросе, назвав её антизападной и во многом обусловленной деятельностью в этой организации афро-азиатских стран. Более того, во время переговоров с высокопоставленными представителями США он вообще поставил под сомнение целесообразность в создавшейся ситуации членства Нидерландов в ООН²⁸. Одним из способов укрепления единства западного блока мог стать в складывавшейся ситуации общий подход к венгерской проблеме, и нидерландская сторона попыталась обратить на это внимание своих союзников по НАТО. На консультациях в Совете НАТО, проходивших 2 ноября 1956 г., ван Клеффенс обратил внимание представителей союзных государств на то, что Венгрия обращалась к Совету Безопасности ООН, и Североатлантический альянс должен «занять согласованную позицию в отношении того, как рассматривать эту проблему»²⁹. По мере того, как обострялись венгерский и суэцкий кризисы, их разрешение становилось инструментом давления противостоявших Восточного и Западного блоков с учетом усиления противоречий в последнем. Внимание Великобритании и Франции было отвлечено на Ближний Восток, а США, не поддержавшие союзников по

НАТО в их стремлении решить вопрос Суэцкого канала военной силой, оказались в довольно сложном положении. На состоявшихся 6 ноября 1956 г., уже после подавления Венгерской революции, очередных консультациях Совета альянса, представитель Нидерландов выступил с инициативой, заявив, что получил от своего правительства соответствующие инструкции, суть которых сводилась к необходимости избегать рассмотрения Советской России в связи с её действиями в Венгрии, так же как Соединенное Королевство и Францию в связи с их действиями на Ближнем Востоке. Вооруженная интервенция России против венгерского народа, которая противоречит всем принципам международного права и порядка и осуществлена в нарушение Хартии Объединенных Наций, должна быть осуждена самым строгим образом. Объединенные Нации должны потребовать отправки наблюдателей в Венгрию и установления временной администрации Объединенных Наций в этой стране. Эти требования, разумеется, будут отвергнуты Советской Россией, и это стало бы ясным проявлением различий между советским поведением и позицией правительств Франции и Соединенного Королевства, которые согласились на отставку Объединенными Нациями своих сил в зону Суэцкого канала³⁰.

Суть внешнеполитической линии Нидерландов накануне, в период и после подавления Венгерской революции, как отметила голландская исследовательница Р. Сминк, заключалась в следующем: «В период мирного сосуществования, которое укреплялось после смерти Сталина в 1953 г., казалось, что коммунистический блок стремится к большему сближению между Востоком и Западом. В то время как Соединенные Штаты проявляли оптимизм в отношении манёвров Советского Союза, похоже, что Нидерланды следили за этими манёврами с куда большим скептицизмом, не считая, что подобные действия являлись искренними и могут привести к решению проблем. Судя по венгерским событиям, скептицизм Нидерландов в отношении холодной войны нашёл теперь свое открытое проявление. Но правительство ожидало дальнейшего развития событий в надежде на то, что восстание добилось бы успехов, и в Венгрии люди снова стали бы свободными. Подобное отношение было более позитивным, нежели восприятие [той

же проблемы] другими странами-членами НАТО. Было удивительным, что голландское правительство едва ли опасалось вероятных осложнений, которые могла повлечь за собой ситуация в Венгрии. Такое отношение характеризовалось двумя обстоятельствами: большой верой в то, что восстание в Венгрии закончится удачно, и огромным скептицизмом в отношении Советского Союза. С подавлением венгерской революции закончилось мирное сосуществование, и Запад был вновь обеспокоен угрозой со стороны Советского Союза. Он увидел вновь в Советском Союзе большого противника, который удержал венгерский народ с помощью железного кулака под своим контролем»³¹.

Для нидерландской разведки становилось ясно, что основополагающий принцип лояльности в отношении СССР со стороны стран-членов Восточного блока связан с их верностью «социалистическим завоеваниям» в интерпретации, приемлемой для советского руководства. Этот аспект взаимоотношений Кремля с его союзниками по блоку особо подчеркивался в месячной ноябрьской сводке BVD, составленной уже после произошедших в Венгрии событий и содержавшей специальный параграф под названием «“Неизменный минимум”»: укрепление народно-демократического строя в Венгрии»³². В этой связи, уже по результатам событий в Восточной Европе, авторы материала, направлявшегося высшим чиновникам правительственных институтов Нидерландов, отмечали «потрясающие коммунистический режим» события: «кровавые в Венгрии и бескровные, но не менее драматические, в Польше»³³. Особенности венгерской революции, подавленной советскими вооруженными силами 4 ноября 1956 г., объяснялись BVD в сравнении с «решением» польской проблемы, когда новый глава ПОРП В. Гомулка, отстаивая право на самостоятельное урегулирование внутриполитических проблем в стране, не поставил под сомнение факт существования в Польше коммунистического режима и членства страны в Варшавском пакте. В «венгерском случае», на что особо указывалось в документе нидерландской спецслужбы, «наоборот, стало ясно, что премьер-министр Имре Надь, после серьёзных политических ошибок своих предшественников Ракоши и Герё, был не в состоянии далее гарантировать выживание социалисти-

ческой системы. Он пал под усиливавшимся давлением масс, которые попытались выбросить за борт «социалистические достижения»³⁴. Заявление о выходе из Варшавского договора, объявление о нейтралитете Венгрии и обращение к ООН, сделанные Надем, были тем, против чего выступил Я. Кадар, который рассматривался авторами доклада BVD (кстати, так же как и сам Надь) как политик, имевший «протитовские симпатии», но при этом он «должен был понимать, что Советский Союз никогда не потерпит отказа Венгрии от народной демократии»³⁵. В этой связи в месячнике BVD обращалось внимание на поведение собственно Тито, который во время первой советской интервенции, совершённой в ночь на 24 октября 1956 г. по просьбе Герё, осудил её и заявил о том, что «Герё должен был и был способен реагировать на протесты людей мирными средствами»³⁶. Отсутствие у нидерландской разведки конкретных данных относительно краткосрочного визита 2–3 ноября 1956 г. Хрущёва и Маленкова на о. Бриони, состоявшегося в преддверии повторной советской интервенции 4 ноября и фактически обеспечившего поддержку со стороны Тито советских действий, а также относительно выдвижения на пост главы Венгрии и ее правящей партии Кадара (по рекомендации самого Тито)³⁷, не помешало BVD обратить внимание на изменение позиции Белграда. Это нашло отражение в приведённом отдельно факте обращения Кадара к СССР и процитированных в этой связи словах главы Югославии, поддержавшего его и «заявившего, что только таким способом можно положить конец контрреволюции и обеспечить само существование социалистической системы»³⁸. Помещённый в том же номере ноябрьской месячной сводки BVD вслед за обзором и анализом событий в Венгрии материал о Польше, в котором подробно рассматривались политические события в стране и партийно-политические изменения в ПОРП, давал возможность потребителям информационно-аналитического издания спецслужбы из числа высших государственных чиновников увидеть разницу происходившего в двух странах-членах Восточного блока. Польский и венгерский опыт, как уже позже его расценивали в нидерландской историографии событий осени 1956 г., заключался в том, что «Польша создала определённую почву для настроений в Венгрии», вместе с тем

«под воздействием Суэцкого кризиса усилились опасения относительно возможной утери коммунистами власти в Венгрии»³⁹. Именно поэтому кажется весьма симптоматичным, что уже осенью 1956 г. в упоминавшемся месячном отчёте BVD отметила как идентичные по своей направленности и аргументации два выступления — доклад 6 ноября на партактиве представителя высшей советской номенклатуры М.А. Суслова с обвинительными заявлениями против тех, кто восстал в Венгрии, и лично Надя, а также речь Хрущева 18 ноября в польском посольстве⁴⁰. Внимание к этим двум выступлениям, судя по всему, было обусловлено продолжавшей сохраняться у BVD уверенностью в наличии серьезных разногласий внутри советского партийно-государственного руководства и сохранении в нём консервативных просталинских группировок, способных ослабить так называемый хрущёвско-булганинский тандем, существовавший в представлении аналитиков нидерландской спецслужбы.

О понимании аналитиками DVD степени кризиса во взаимоотношениях внутри Восточного блока, включая отношения СССР со своими союзниками, свидетельствовали ссылки на положения Советско-польской декларации от 18 ноября 1956 г., в которой ставилась задача «сосредоточить внимание на развитии социалистической демократии и укреплении братского сотрудничества с другими социалистическими странами на основе равноправия и уважения неприкосновенности и суверенитета»⁴¹. Сотрудники BVD — авторы материала — достаточно точно определили новые моменты в подходах Кремля к взаимоотношениям со своими восточноевропейскими союзниками, что нашло отражение и в уже отмечавшейся спецслужбой «Декларации Правительства Союза ССР об основах развития и дальнейшего укрепления дружбы и сотрудничества между Советским Союзом и другими социалистическими государствами», принятой Президиумом ЦК КПСС 30 октября 1956 г. после долгого обсуждения и фактической констатации кризиса во взаимоотношениях с ними. Это, в свою очередь, требовало определённых изменений в советской политике на восточноевропейском направлении, с признанием за партийно-государственным руководством этих стран некоторой степени свободы действий, но в пределах,

определённых советской интерпретацией коммунистической модели.

Как Венгерский кризис осени 1956 г., так и Суэцкий, хронологически с ним совпавший, серьёзно повлияли на взаимоотношения Западного и Восточного блоков. Для нидерландской BVD, ориентированной на выявление угроз национальной безопасности, исходящих от СССР, коммунистических стран и ряда местных общественно-политических организаций, включая, в первую очередь, компартию Нидерландов, особый интерес представляла деятельность подконтрольных Кремлю международных организаций. В этой связи, анализируя события декабря 1956 г. в ежемесячной сводке, нидерландская спецслужба отметила, что «коммунистическая пропагандистская машина, нацеленная на укрепление атмосферы доброй воли и дружбы в отношениях с некоммунистическими странами, продолжает действовать на полную мощь. Особенно важная роль придается Движению за мир. Оно должно было вести свою работу на широчайшей основе»⁴². Нидерландская спецслужба подчеркивала шаги Москвы на данном направлении её внешнеполитической активности и в начале 1957 г., когда сообщала правительству страны о том, что «русские последовательно стремятся восстановить или улучшить отношения с Западом, разрушенные событиями в Венгрии или ставшие напряженными, как [это происходит] в случае с Нидерландами»⁴³.

В тесной связи с этим находилась перспектива развития ситуации в коммунистическом мире. Вновь, как и ранее, DVD подчеркивала роль советско-югославских договоренностей 1955 г. и 1956 г., которые открыли «возможности для стран-сателлитов следовать национальным путём к социализму, [и] имели далеко идущее влияние в этих странах»⁴⁴. Значению Венгерской революции осени 1956 г., согласно анализу и выводам авторов ежемесячной сводки, придавался стратегический характер, при этом утверждалось, что «масштаб будущих изменений, к которым приведут события, подобные тем, что произошли в Венгрии, зависит не только от поведения коммунистических вождей. Протесты со стороны Запада также являются определяющими»⁴⁵. Опыт Венгрии имел большое значение и для выяснения возможных действий СССР в будущем

в условиях кризисов в восточноевропейских странах. Авторы материала BVD, несмотря на весьма саркастичный характер зачастую используемых ими образов и формулировок⁴⁶, достаточно точно установили предел самостоятельности в действиях советских сателлитов — никаких серьёзных изменений демократического характера и выхода из Варшавского договора Москва не потерпит. Более того, аналитики нидерландской спецслужбы обратили особое внимание на то, что практически все коммунистические партии на тот момент, «какого бы то ни было оттенка они ни были, также заявили, что никогда либерализация внутренней политической ситуации не должна приводить к отказу от социалистических завоеваний»⁴⁷.

Для нидерландской BVD представляла особую важность позиция по «венгерскому вопросу», занятая коммунистическим Китаем. Это обуславливалось расширением влияния Пекина в мировом коммунистическом движении, и, в частности, на коммунистические партии, действовавшие в Юго-Восточной Азии, куда относилась и Индонезия, с которой у Нидерландов складывались сложные отношения после ее войны за независимость в 1945–1949 гг. Не меньший разведывательный интерес для нидерландской спецслужбы представляли взаимоотношения КНР и СССР в новых, постсталинских условиях, и особенно после XX съезда КПСС. В этой связи уже спустя несколько месяцев после венгерских событий, в месячном отчёте BVD за январь 1957 г. её аналитики констатировали, что «Пекин безоговорочно выступил в поддержку “законных” действий Советского Союза»⁴⁸. Одновременно, и это было важно с точки зрения понимания китайской позиции в принципе и особенно отношения КНР к дальнейшему развитию ситуации в странах Восточного блока, в материале нидерландской спецслужбы на примере заявления властей коммунистического Китая по событиям в Польше и Венгрии отмечалось, что «в этом контексте критиковалась позиция коммунистических интеллектуалов в некоторых странах в тот критический момент, когда Венгрия стояла на перекрёстке революции и контрреволюции, социализма и фашизма, мира и войны»⁴⁹.

Несмотря на географическую удаленность Венгрии от Нидерландов, Венгерская революция осени 1956 г. оказала в силу

своего значения для всей системы международных отношений (включая межблоковое противостояние Запада и Востока) большое влияние на общественно-политическую ситуацию в Голландии. Для правительственных кругов этой страны выявилась со всей определенностью институциональная важность нидерландской службы безопасности и внешней разведки в условиях холодной войны, так как произошедшее в Венгрии, в контексте действий СССР, подчеркнуло необходимость укрепления сотрудничества Нидерландов с их союзниками по НАТО и партнёрами по общеевропейским структурам в области обороны и безопасности. Одновременно укрепились позиции нидерландских спецслужб в информировании правительственных институтов по вопросам безопасности внутри страны, а также внешней политики, особенно на её «восточном» направлении. Интерпретация и оценки ситуации в Восточной Европе и СССР, делавшиеся аналитиками BVD на протяжении всего 1956 г. и особенно в период венгерского кризиса, свидетельствовали о сфокусированности внимания голландских органов безопасности не только на конкретных событиях, связанных с революцией в Венгрии, но и на стратегически важных тенденциях развития государств коммунистического блока, в целях прогнозирования возможного образа их действий в условиях как внутриблокового, так и общеевропейского кризиса.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Staden van, F.* Nederlands veiligheidsbeleid en het Atlantische primaat. Over beknelde ambities en slijtende grondslagen // *Bezinning op het buitenland; het Nederlands buitenlands beleid in een onzekere wereld / Hellema D., Segers M., Rood J.* (red.). Den Haag, 2011. Blz. 9.

² *Graaf De B., Wiebes C.* Intelligence and the Cold War behind the Dikes: the Relationship between the American and Dutch Intelligence Communities, 1946–1994 // *Eternal vigilance?: 50 years of the CIA / Ed by Jeffreys-Jones R., Andrew Ch.* London; Portland, 1997. P. 41. Наиболее известные работы по данной теме: *Dalen van H.* Bij de Inlichtingendienst op Midden-Java van 1948 tot 1950, Oldemarkt 2005; *Engelen D.* De Militaire Inlichtingendienst 1914–2000. Den Haag, 2000; *Idem.* De Militaire Inlichtingendienst. Een institutioneel onderzoek naar het handelen van de overheid op het gebied van militaire inlichtingendiensten, 1945–1999.

Pivot-rapport nr. 61. Den Haag, 1999; *Idem*. Frontdienst. De BVD in de Koude Oorlog, Amsterdam 2007; *Idem*. Geschiedenis van de Binnenlandse Veiligheidsdienst. Den Haag 1995; *Idem* D. Inlichtingendienst Buitenland. Pivot-rapport nr. 30. Den Haag, 1996; *Idem*. Inlichtingendienst Buitenland. Een institutioneel onderzoek naar de Buitenlandse Inlichtingendienst — Inlichtingendienst Buitenland (1946–1996). 's-Gravenhage 1996; *Idem*. Per Undas Adversas. Een institutioneel onderzoek naar het handelen van de Binnenlandse Veiligheidsdienst en zijn voorgangers, 1945–2002. Pivot-rapport nummer 122. 's-Gravenhage, 2002; Inlichtingen- en veiligheidsdiensten / B.A. de Graaf, E.R. Muller en J.A. van Reijn (red.). Alphen aan den Rijn, 2010; *Jensen M.W., Platje G.* De MARID. De Marine Inlichtingendienst van binnenuit belicht, Den Haag 1997. См. также воспоминания бывшего руководителя BVD Л. Эйнтофе: *Eintboven L.* Tegen de stroom in. Apeldoorn 1974.

³ *Engelen D.* Per Undas Adversas. Blz. 42.

⁴ *Engelen D.* De BVD in de twintigste eeuw. Instutionele geschiedenis van de Binnenlandse veiligheidsdienst 1945–2000. S. 1., s.a. Blz. 47.

⁵ См. решение руководства BVD о правилах составления издания «Panorama» от 2611 1952 г. на сайте «Inlichtingendiensten» — <http://www.stichtingargus.nl/bvd/pan/panorama.pdf> (Дата обращения: 1 10 2016).

⁶ *Engelen D.* De BVD in de twintigste eeuw. Instutionele geschiedenis van de Binnenlandse veiligheidsdienst 1945–2000. S. 1., s.a. Blz. 33.

⁷ Oktober-gebeurtenissen in Polen en Hongarije: achtergrond o.a. in de accoordun van Belgrado (1955) en Moskou (1956). Maandoverzicht no. 9/10–1956. (Tijdvak 1–9–56 t/m 31–10–56). Binnenlandse Veiligheidsdienst. Vertrouwelijk. Blz. 1. Электронный ресурс — <http://www.inlichtingendiensten.nl/jaarkwartaalmaand/1956-09.pdf> (Дата обращения: 10 09 2016).

⁸ Ibid. Blz. 1.

⁹ Ibid. Blz. 4.

¹⁰ См. подробнее: *Стыкалин А.С.* «Наша критика не должна вылиться в крикливую перепалку». Почему разоблачение югославского «ревизионизма» в советской прессе конца 1950-х годов не достигло остроты сталинских пропагандистских кампаний // Славяне и Россия: славянские и балканские народы в периодической печати. К 90-летию со дня рождения А.А. Улуяна. М., 2014. С. 363.

¹¹ Maandoverzicht no. 9/10–1956. Blz. 6.

¹² Ibid. Blz. 5.

¹³ *Стыкалин А.С.* Проблемы советско-югославских отношений в материалах Президиума ЦК КПСС (1953–1964) // *Imagines mundi: альманах исследований всеобщей истории XVI–XX вв.* № 7. Сер. Балканика. Вып. 2. Екатеринбург, 2010. С. 190.

¹⁴ Maandoverzicht no. 9/10–1956. Blz. 5.

¹⁵ Ibid. Blz. 6.

¹⁶ Hounding van de CPN inzake de gebeurtenissen in Hongarije. 6 November 1956 // Behoort bij schrijven no 362.932. Geheim. Blz. 1. Электронный ресурс — <http://www.stichtingargus.nl/bvd/ambts/362932.pdf> (Дата обращения: 1009 2016).

¹⁷ Hounding van de CPN inzake de gebeurtenissen in Hongarije.

¹⁸ BVD. Panorama. 2e halfjaar 1956. Blz. 2. Электронный ресурс — <http://www.stichtingargus.nl/bvd/pan/panorama-56jul.pdf> (Дата обращения: 1009 2016).

¹⁹ De C.P.N. na de onderdrukking van het Hongaarse verzet. 7 November 1956 // Behoort bij schrijven no. 363.214. Geheim.— Электронный ресурс — <http://www.stichtingargus.nl/bvd/ambts/363214.pdf> (Дата обращения: 1009 2016)

²⁰ Подробнее о беженцах из Венгрии в 1956 г. помимо цитированных в статье работ см.: Hongaarse vluchtelingen in Nederland 1956–1961. Stichting Nederlandse Federatie voor Vluchtelingenhulp. Den Haag, 1961; *Kuyser H.J.M.* Twee jaar na de vlucht: een onderzoek naar aanpassing en persoonlijkheid van Hongaarse vluchtelingen. Nijmegen, 1963; *Ten Doesschate J.-W.* Het Nederlandse toelatingsbeleid ten aanzien van Hongaarse vluchtelingen. Nijmegen, 1985.

²¹ См. безымянную статью «Последствия Венгерской революции и приём венгров в Нидерландах в 1956 г.» на сайте «Hollandok — Magyarok kikötője Hollandiában» // A magyar forradalom hatásai és a magyarok fogadtatása 1956–ban Hollandiában. 11 09 2016.— Электронный ресурс — <http://hollandokk.com/blog/entry/a-magyar-forradalom-hatasai-es-a-magyarok-fogadtatasa-1956-ban-hollandiaban%20%D1%81%D0%BC%D0%BE%D1%82%D1%80%D0%B5%D1%82%D1%8C!> (Дата обращения: 1.10.2016). По курсу на 2015 г. это составляло 53 млн 349 тыс. 752 евро 73 цента.

²² Ibid.

²³ *Bernbard M.* Hongaarse vluchtelingen in Nederland. 26 07 2012 // Is Geschiedenis. Dagelijkse historische achtergronden bij het nieuws — Электронный ресурс — <http://www.isgeschiedenis.nl/archiefstukken/hongaarse-vluchtelingen-in-nederland/> (Дата обращения: 10 09 2016). Статья базируется на большом количестве документов из различных архивов Нидерландов.

²⁴ BVD. Panorama. 2e halfjaar 1956. Blz. 4. Электронный ресурс — <http://www.stichtingargus.nl/bvd/pan/panorama-56jul.pdf> (Дата обращения: 1009 2016).

²⁵ Documents related to the Hungarian Revolution of 1956. Hungarian Revolution of 1956 — Political Committee (AC/119). AC_119-WP_31_1-ENG — Hungarian Refugees in the Netherlands (27 March 1957). P. 1.

Электронный ресурс — http://www.nato.int/nato_static_fl2014/assets/pdf/pdf_archives_hungarian_revolution/20130904_AC_119-WP_31_1-ENG.PDF (Дата обращения: 6.09.2016).

²⁶ Documents related to the Hungarian Revolution of 1956. Hungarian Revolution of 1956 — Private Records. PR(56)47-ENG. Private Record. Record of a private meeting of the Council held on 31 October 1956. (1 November 1956). P. 2. Электронный ресурс — http://www.nato.int/nato_static_fl2014/assets/pdf/hungarian%20revolution%201957%20-%20private%20records/20130917_PR_56_47-ENG.pdf (Дата обращения: 5.09.2016).

²⁷ Ibid.

²⁸ Подробнее по внешней политике Нидерландов в этот период см.: *Hellema D.* Nederland in de wereld: Buitenlandse politiek van Nederland. Antwerpen, 2014.

²⁹ Documents related to the Hungarian Revolution of 1956. Hungarian Revolution of 1956 — Private Records. PR(56)49. Private Record. Record of a private meeting of the Council held on 2 November 1956. (2 November 1956). P. 3. Электронный ресурс — http://www.nato.int/nato_static_fl2014/assets/pdf/hungarian%20revolution%201957%20-%20private%20records/20130917_PR_56_49-ENG.pdf (Дата обращения: 6.09.2016).

³⁰ Documents related to the Hungarian Revolution of 1956. Hungarian Revolution of 1956 — Private Records. PR(56)51. Private Record. Record of a private meeting of the Council held on 5 November 1956. (6 November 1956). P. 2, 3. Электронный ресурс — http://www.nato.int/nato_static_fl2014/assets/pdf/hungarian%20revolution%201957%20-%20private%20records/20130917_PR_56_52-ENG.pdf (Дата обращения: 10.09.2016).

³¹ *Sminck R.* Terwijl Boedapest brandt dansen de communisten. 2 augustus 2012 // *IsGeschiedenisDagelijkse historische achtergronden bij het nieuws* — Электронный ресурс — <http://www.isgeschiedenis.nl/archiefstukken/terwijl-boedapest-brandt/> (Дата обращения: 1.09.2016).

³² Het «onherroepelijk minimum»: de handhaving van de volksdemocratische orde in Hongarije // *Maandoverzicht no. 11- november 1956.* (Tijdvak 1–11-'56 t/m 28–11–56) Binnenlandse Veiligheidsdienst. Vertrouwelijk. Blz. 1. Электронный ресурс — <http://www.inlichtingen.diensten.nl/jaarkwartaalmaand/1956-11.pdf> (Дата обращения: 10.09.2016).

³³ Ibid.

³⁴ Ibid.

³⁵ Ibid. Blz. 1, 2.

³⁶ Ibid. Blz. 2.

³⁷ *Стыкалин А.С.* Проблемы советско-югославских отношений. С. 191.

³⁸ *Maandoverzicht no. 11- november 1956.* Blz. 2.

³⁹ *Sminck R.* Terwijl Boedapest brandt dansen de communisten.

⁴⁰ Maandoverzicht no. 11- november 1956. Blz. 8.

⁴¹ Ibid. Blz. 6.

⁴² Maandoverzicht no. 12- december 1956. (Tijdvak 1–12–1956 t/m 31–12–’56 annex beknopt jaaroverzicht). Binnenlandse Veiligheidsdienst. Vertrouwelijk. Blz.3. Электронный ресурс — <http://www.stichtingargus.nl/bvd/1956–12.pdf> (Дата обращения: 10.09.2016).

⁴³ BVD. Panorama. 1e halfjaar 1957. Blz. 3. Электронный ресурс — <http://www.stichtingargus.nl/bvd/pan/panorama-57jan.pdf> Дата обращения: 10.09.2016).

⁴⁴ Maandoverzicht no. 12 — december 1956. Blz. 4.

⁴⁵ Ibid. Blz. 3, 4.

⁴⁶ Так, например, они писали, что после того как И. Надь заявил о выходе своей страны из Варшавского пакта, «Советский Союз — “величайший миротворец на Земле” — тут же нанёс удар бронированным кулаком для спасения “социалистических достижений”» (Ibid. Blz. 4).

⁴⁷ Ibid. Blz. 7.

⁴⁸ Maandoverzicht no. 1 — januari 1957. (Tijdvak 1–1- ‘57 t/m 31–1-’57). Binnenlandse Veiligheidsdienst. Vertrouwelijk. Blz. 4. Электронный ресурс — <http://www.stichtingargus.nl/bvd/1957–01.pdf>

⁴⁹ Ibid. Blz. 3

МУРАШКО Г.П.*

НА ПУТИ К «СТАЛИНСКОЙ МОДЕЛИ»
СОЦИАЛИЗМА: РЕЗОЛЮЦИЯ ИНФОРМБЮРО
ОТ ИЮНЯ 1948 г. «О ПОЛОЖЕНИИ
В КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ ЮГОСЛАВИИ»
И РЕАКЦИЯ ЧЕХОСЛОВАЦКОГО ОБЩЕСТВА
(ПО МАТЕРИАЛАМ РОССИЙСКИХ АРХИВОВ)

«Архивная революция» в России, развернувшаяся с начала 90-х годов XX в., сделала доступными для историков, занимающихся проблемами новейшего времени, некоторые фонды РГАСПИ, РГАНИ, ГА РФ и АВП РФ, долгое время хранившиеся под грифом «секретно». У исследователей появилась возможность по-новому увидеть и оценить многие важные события нашего недавнего прошлого. Одним из таких ключевых событий XX в. стал советско-югославский конфликт 1948 г., оказавший прямое влияние на процессы политического развития региона, перешедшего в сферу влияния СССР по итогам Второй мировой войны. В данной статье делается попытка рассмотреть реакцию общественных настроений в Чехословакии на принятый Коминформбюро документ «О положении в Коммунистической партии Югославии».

Для исследователей уже давно не является секретом, что еще в мае 1946 г. И.В. Сталин в беседе с польскими лидерами Б. Берутом и Э. Осубко-Моравским активно развивал идею, что строй, установленный в Польше после ее освобождения Советской армией, является новым типом демократии. «Она, — весьма настойчиво подчеркивал Сталин, — не имеет прецедентов. Ни бельгийская, ни английская, ни французская не могут братья Вами в качестве образца. Ваша демократия особая <...>. Демократия, которая установилась у Вас в Польше, в Югославии и отчасти в Чехословакии, — это демократия, которая при-

* Мурашко Галина Павловна — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН.

ближает Вас к социализму без необходимости установления диктатуры пролетариата и советского строя. Ленин вовсе не говорил, что нет других путей построения социализма, кроме диктатуры пролетариата, наоборот он допускал возможность перехода к социализму путем использования таких учреждений демократического строя, как парламент и другие институты»¹. Мысль, что пути к социализму не обязательно должны идти через советскую систему и диктатуру пролетариата в течение 1946 г. неоднократно звучала в беседах и интервью Сталина с другими политиками разных уровней².

Однако, на рубеже 1947–1948 гг. в его позиции произошел крутой поворот. К концу 1947 г., по мере того как американская сторона через реализацию «плана Маршалла» стала интенсивно укреплять свое присутствие в Европе, для Сталина и советского руководства все более очевидным становился и происходивший поворот вправо в общественных настроениях Западной Европы. Об этом убедительно свидетельствовали такие факты, как осложнения отношений между коммунистами и социалистами в Италии, поражение финской компартии на выборах в Сейм и уже совершенно неожиданный для Москвы выход коммунистов из состава правительства во Франции. Эти новые обстоятельства не могли не породить в Кремле определенные опасения возможности поворота к западному варианту развития в общественных настроениях части стран, оказавшихся по итогам Второй мировой войны в сфере влияния СССР.

Подобные опасения, имели реальную почву, особенно, если принять во внимание те, весьма немаловажные изменения в социальной базе компартий стран Центральной и Юго-Восточной Европы, которые четко обозначились уже в первый послевоенный год. Бывшие до войны в большинстве стран региона мелкими периферийными политическими образованиями, к концу 1946 — началу 1947 г. компартии в части европейского континента, перешедшего в сферу влияния СССР, превратились в массовые при том, что важно отметить, не только за счет социально слабых групп населения. Их ряды пополнялись представителями интеллигенции и других средних слоев общества. Результатом такой интенсивной и социально разнородной массовизации в компартиях все более отчетливо

стало проявляться и многообразие взглядов как в восприятии самих идей социализма, так и в вопросах тактики перехода к новому строю.

Новой политической реальностью для советского руководства стало и нараставшее противостояние с бывшими союзниками по антифашистскому блоку. Эта, все четче вырисовывавшаяся к концу 1947 г., перспектива поставила перед советским руководством в качестве первоочередной задачи необходимость скорейшего создания «лагеря социализма» с центром в Москве, как «крепости» способной противостоять капиталистическому миру. В новых условиях еще недавно активно предлагаемая Сталиным концепция множественности «национальных путей к социализму» стала рассматриваться руководством ВКП(б), как не сопрягающаяся со складывавшейся реальной ситуацией.

Об этом наглядно свидетельствовал тот факт, что уже с конца 1947 г. в Отделе внешней политики ЦК ВКП(б) под руководством М.А. Суслова развернулась весьма интенсивная работа по подготовке аналитических материалов с оценкой деятельности коммунистических партий стран рассматриваемого региона. При этом советской стороной ничуть не скрывалась четко заданная критическая направленность проводимого в Москве анализа, о чем весьма убедительно говорили сами названия готовящихся документов: «Об антимарксистских установках руководителей компартий Югославии в вопросах внешней и внутренней политики», «О националистических ошибках руководства Венгерской коммунистической партии и венгерской коммунистической печати», «Об антимарксистских идеологических установках руководства ППР», «О некоторых ошибках Коммунистической партии Чехословакии»³. Последний документ особенно интересен тем, что в нем на основе подробного анализа деятельности руководства КПЧ давался разбор «ошибок», вытекающих именно из ориентации «в теории и на практике на особый мирный путь к социализму». Опыт КПЧ расценивался составителями документа, как «сползание на позиции мирного вращивания капитализма в социализм»⁴. Они, детально анализируя различные аспекты политической практики КПЧ в 1945–1948 гг., разъясняли, что «серьезные перемены в политической и экономической

структуре чехословацкого общества, значительное полевание трудящихся масс и его непосредственный результат — получение компартией на выборах 1946 г. 40% голосов всех избирателей — все это породило в рядах компартии иллюзии насчет легкости победы социализма в Чехословакии мирным путем и без классовой борьбы <...>. В политической деятельности лидеры КПЧ до последнего времени ошибочно полагали, что «коалиционное сотрудничество» с буржуазными партиями в рамках программы Национального фронта позволит избежать классовой борьбы»⁵. В заключении авторами документа делался весьма жесткий вывод, что руководство КПЧ придерживается антимарксистских установок по вопросу о мирном пути к социализму, явно переоценивает результаты демократических преобразований и недооценивает силы реакционной буржуазии и помещиков и сохранявшейся в их руках экономической базы, «скатывается на порочный путь соглашательства и различных компромиссов с буржуазными партиями»⁶.

Отказ советского руководства от концепции национальных путей к социализму, четко обозначившийся на рубеже 1947–1948 г, по существу ставил руководителей компартий региона перед необходимостью полной идентификации своих национально-государственных интересов с интересами Москвы и блока в целом. Реализацию столь крутого стратегического поворота ЦК ВКП(б) связывал с проведением необходимой ему перестановки кадров в руководящих структурах компартий. В формирующейся новой политической элите ведущее место Москва явно отдавала теперь сторонникам форсированного развития по советскому образцу.

Созданному еще осенью 1947 г. на совещании коммунистических и рабочих партий в Шклярской-Порембе Коминформбюро (в него наряду с представителями ВКП(б) входили руководители всех компартий региона, кроме Албании, а также лидеры компартий Италии и Франции) в планах Москвы отводилась особая роль. Необходимость его создания стала особенно очевидна после того как часть лидеров восточно-европейских компартий (В. Гомулка, К. Готвальд, Г. Георгиу-Деж) не спешили формулировать свою позицию по некоторым проблемам, связанным с трактовкой модели формирующегося «социалистического лагеря». Советское руководство рассчи-

тивало на реализацию жесткой иерархической модели с единым центром в Москве. Созданный в Шклярской-Порембе новый коллективный орган по замыслу Москвы должен был стать действенным орудием по приведению интересов всех стран региона к единому с Советским Союзом знаменателю.

«Резолюция Коминформбюро о положении в Югославии»⁷, принятая в июне 1948 г. на заседании в Бухаресте, рассматривалась советским руководством как прямой инструмент воздействия на руководство компартий региона. Руководство КПЮ обвинялось в том, что оно в основных вопросах внешней и внутренней политики проводит неправильную линию, представляющую собой отход от марксизма-ленинизма. Оно якобы противопоставило себя ВКП(б) и другим компартиям, входящим в Информбюро, встав на путь откола от единого социалистического фронта против империализма, на путь измены делу международной солидарности и перехода на позиции национализма. «ЦК КПЮ ставит себя и Югославскую Компартию вне семьи братских компартий вне единого коммунистического фронта, и следовательно вне рядов Информбюро»⁸.

В связи с этим для стран региона в Отделе внешней политики ЦК ВКП(б) был специально разработан перечень проблем, по которым руководство каждой компартии должно было извлечь конкретные уроки из ошибок, допущенных лидерами компартии Югославии. В документе, предназначенном для руководства КПЧ, на первое место был поставлен вопрос о необходимости четкого определения роли рабочего класса и компартии в системе народно-демократического государства. В нем отмечалось, что «стремление к количественному увеличению партии в ущерб ее качественного состава ведет к принижению руководящей роли партии, к ослаблению всех других организаций рабочего класса и, следовательно, к ослаблению и обезоруживанию пролетариата <...>. Тот факт, что в новых условиях партия не ограничивает себя от тех, кто мог ослабить ее боевитость, вызывает серьезные опасения за идейное и организационное состояние КПЧ».

Второй урок, который по мнению составителей документа, предстояло руководству КПЧ извлечь из принятой Информбюро Резолюции, заключался в проведении марксистско-ленинской политики по отношению к крестьянству, «поскольку

руководство КПЧ не имеет программы по крестьянскому вопросу на основе марксистского анализа классовых сил в деревне <...>. В области сельского хозяйства земельная реформа, оставившая в руках крестьян наделы до 50 га, при высокой интенсивности сельского хозяйства Чехословакии не затрагивает интересов кулачества и не подрывает окончательных основ капитализма в деревне. Поэтому партия должна готовиться к неизбежной борьбе против кулачества, должна готовить рабочий класс для мобилизации его сил на помощь трудовому крестьянству»⁹.

Еще один урок, который весьма настойчиво рекомендовалось извлечь руководству КПЧ из принятой на совещании Коминфрмбюро «Резолюции по Югославии», заключался в необходимости исправления ошибок, допущенных в решении национального вопроса. Руководство КПЧ, как отмечалось в документе, с самого начала освобождения страны от немецкой оккупации в разрешении вопроса о немцах и венграх выступило с общих позиций с лидерами буржуазных партий. «Исходным положением в отношении неславянских меньшинств, являлось убеждение в необходимости создания Чехословакии как государства двух славянских народов — чехов и словаков <...>. Эта точка зрения, — подчеркивалось в документе, — во всех последующих высказываниях как лидеров КПЧ так и лидеров буржуазных партий объяснялась стремлением руководства КПЧ укрепить в чехословацком народе мнение о компартии, как последовательном “защитнике” коренных интересов республики в этом в вопросе. Тем самым ленинско-сталинские принципы национальной политики, — делали вывод составители документа, — были подчинены мнимым общим интересам с буржуазией, что неизбежно привело к тому, что компартия оказалась вынуждена идти в национальном вопросе под одним знаменем с буржуазией»¹⁰. При этом составители документа умалчивали о том, что проект Кошицкой программы, где было зафиксировано положение о послевоенных судьбах немцев и венгров, получал в процессе его разработки одобрение советской стороны¹¹. Теперь же, в изменившейся ситуации, руководство КПЧ упрекалось в том, что оно, «забыв указания тов. Сталина, не сумело разглядеть того очевидного факта, что внутренняя реакция умышленно вела

политику преследования немцев и венгров. Руководство КПЧ забыло указания тов. Сталина о том, что подобная политика преследовала цель отвлечь внимание трудящихся масс от необходимости проведения решительной чистки государства от реакционеров и предателей чехословацкого народа»¹².

Завершался рассматриваемый документ, являвшийся по сути дела проектом корректировки политического курса КПЧ, заключением, что налицо имеется ряд ошибочных положений в практической деятельности и теоретических установках партии, которые требуют начала борьбы за чистоту марксистско-ленинской теории и повышения уровня идеологической работы среди членов партии.

Общий вывод по извлечению уроков руководством КПЧ из ошибок ЦК компартии Югославии сводился к следующему: путь к решению поставленных задач следует искать во всестороннем использовании опыта ВКП(б) и необходимости критической переоценки прошлой деятельности КПЧ.

Сопоставление этого документа с подготовленным еще в апреле 1948 г. материалом «О некоторых ошибках коммунистической партии Чехословакии», о котором говорилось выше, позволяет сделать вывод, что корректировка политического курса компартий была задумана Москвой раньше, на рубеже 1947–1948 г., а возникший советско-югославский конфликт рассматривался теперь в Кремле как важнейший инструмент реализации своих планов по созданию «социалистического лагеря», противостоящего империализму.

Публикация «Резолюции Информбюро о положении в Югославии» 29 июня 1948 г. как в руководстве и аппарате ЦК КПЧ, так и в чехословацком обществе в целом, вызвала шок. Ч. Цисарж, являвшийся в рассматриваемые годы сотрудником идеологического отдела ЦК КПЧ, вспоминая в мемуарах ситуацию, сложившуюся летом 1948 г., отметил: «Обвинения звучали неубедительно, ведь Югославия, возглавляемая Тито, всеми воспринималась как страна наиболее преданная, наиболее близкая Советскому Союзу. А теперь она вдруг становится “буржуазной республикой”? Или даже “колонией империализма”? К чему приведет призыв Информбюро “сменить ведущих руководителей Югославии”, создать “новое интернациональное руководство”? Дело дойдет до распада СКЮ или к граж-

данской войне? Никому не могло придти в голову, что Сталин может вводить в заблуждение или, что он разыгрывает продуманную политическую игру <...>. Мы предполагали, что речь идет о недоразумении, которое будет разрешено в ходе дискуссии»¹³.

Настроения, описанные Цисаржем в «Воспоминаниях», подтверждаются информацией, которой советское посольство в Праге располагало в июне–июле 1948 г. Тогда второй секретарь посольства Н.Г. Новиков с тревогой сообщал в Москву, что для «молодежи и широких масс населения Чехословакии резолюция Информбюро компартий о грубых ошибках СКЮ явилась полной неожиданностью. До этого в Чехословакии считали, что Югославия в политическом развитии после 1945 г. намного впереди, чем Чехословакия. До февральских событий чехословацкие коммунисты ставили Югославию в пример политического сотрудничества партий в Народном фронте Югославии. В связи с этим Тито создали большую популярность в Чехословакии. После опубликования резолюции Информбюро некоторая часть чехословацкой молодежи скептически относится к обвинениям, выдвинутым в резолюции против руководства КПЮ. Неблагоприятный отклик получило коммюнике среди значительной части чехословацких студентов»¹⁴.

Уже 28 июня 1948 г. состоялось заседание Президиума ЦК КПЧ, на котором Генеральный секретарь ЦК Р. Сланский доложил о результатах заседания Коминформбюро, Президиум ЦК КПЧ единогласно высказал полное согласие с резолюцией «О положении в компартии Югославии».

2 июля 1948 г. на заседании Президиума ЦК компартии Словакии был обсужден доклад ее председателя В. Широкого. Президиум также высказал полное согласие с обсуждаемым документом. Центральные органы компартии Чехословакии газеты «*Rudé právo*» (Прага) и «*Pravda*» (Братислава) опубликовали «Коммюнике о совещании Информбюро коммунистических партий» и резолюцию «О положении в коммунистической партии Югославии».

В Информационной записке, поступившей в Москву по линии Коминформбюро, о мероприятиях, проведенных компартией Чехословакии в связи с принятой Резолюцией в Москву

сообщалось: «Никаких других решений ЦК компартии Чехословакии, нацеливающих партию на конкретные выводы для своей теоретической и практической работы, опубликовано не было. Уделяя большое внимание сообщениям об откликах других партий, газеты «Руде Право» и «Правда» в первые дни ограничились лишь одной статьей секретаря ЦК КПЧ по пропаганде тов. Бареша “Ответственность югославских коммунистов”, помещенной всеми газетами в качестве передовой. Но в этой статье, являющейся директивной статьей ЦК КПЧ не дается критического анализа и практической деятельности партии»¹⁵.

В течение всего лета из Праги в Москву направлялась информация о ходе обсуждения резолюции Информбюро о Югославии в областных и районных комитетах, местных и фабрично-заводских организациях КПЧ. «Принятые в парторганизациях резолюции целиком поддерживают резолюцию Информбюро. Многочисленные собрания на заводах в Праге, Брно, Моравской Острове, Злине и других городах резко осудили руководство КПЮ», — сообщалось в итоговой информационной записке, подготовленной Отделом внешней политики ЦК ВКП(б) в октябре 1948 г.¹⁶.

В качестве образца принимаемых резолюций автор информационной записки привел фрагмент резолюции, принятой на партийной конференции в г. Мост: «Мы полностью согласны с Резолюцией Информбюро о положении в КПЮ и обязуемся еще больше укреплять идеологическое и организационное состояние наших рядов, чтобы партия шла уверенно вперед, верная принципам марксизма-ленинизма»¹⁷. Однако составитель информации, а им был А. Антипов — сотрудник ОВП ЦК ВКП(б) — один из авторов ранее упоминаемого документа «О некоторых ошибках Коммунистической партии Чехословакии» — вынужден был констатировать, что в ходе обсуждения принимались и другие резолюции «страдающие политической близорукостью и наивностью, написанные в умоляющем тоне и призывающие Тито опомниться и признать свои ошибки»¹⁸. Партийная печать, прежде всего газеты «*Rudé právo*» и «*Pravda*», развернули кампанию по пропаганде Резолюции Информбюро. На их страницах выступили известные политики, такие как Б. Келлер, Э. Фриш, В. Новы и др. Но

тем не менее в Москве было отмечено, что ни председатель партии К. Готвальд, ни генеральный секретарь ЦК КПЧ Р. Сланский не сформулировали публично своей позиции. В разгар всей этой пропагандистской кампании они упорно хранили молчание. Поэтому неудивительно, что в аппарате ЦК ВКП(б) был сделан вывод: «Мероприятия, проведенные компартией Чехословакии в связи с Резолюцией Информбюро “О положении в компартии Югославии” недостаточны. Они не мобилизуют всей партии на активную борьбу за укрепление народно-демократической республики, не обеспечивают воспитания коммунистов в духе марксизма-ленинизма, в духе большевистской нетерпимости ко всякого рода уклонам и извращениям революционной теории. Эти мероприятия не организуют подлинно партийной критики имеющих место в КПЧ ошибочных теоретически-установочных положений»¹⁹.

Каковы же в реальности были результаты по созданию в стране «антититовской» атмосферы? Они отнюдь не были однозначны...

«Для нас югославские коммунисты стали предателями. Троцкизм, который до того времени оставался для меня скорее академическим понятием, приобрел новый конкретный облик: политика Тито = преследование настоящих коммунистов = троцкизм у власти»²⁰. Это фрагмент из воспоминаний одного из известных в 50–90-е годы XX в. исследователей истории международного рабочего движения историка М. Гаека, который в 1948 г., как молодой коммунист, был преподавателем краевой партшколы КПЧ. Его свидетельство отражает настроения той части молодых членов КПЧ, которые составляли основу ее низовых идеологических звеньев.

Но в послевоенном чехословацком обществе были и другие настроения, о которых по дипломатическим каналам также шли сообщения в Москву. Например, советское посольство уже в своей первой информации от 29 июня 1948 г. о реакции чехословацких военнослужащих на публикацию Резолюции Информбюро отметило, что в этой среде резолюция вызвала «всеобщее изумление, а у некоторых офицеров даже испуг и опасение в отношении перспектив», а также «сомнения в отношении того, что ситуация (в Югославии. — Г.М.) была точно такой, как это указывается в резолюции Информбюро»²¹.

«Для чехословацкой молодежи и для широких масс населения Чехословакии Резолюция Информбюро явилась неожиданностью, на Тито втайне многие смотрели как на героя, достойного подражания. Многие из руководящих лиц или близко к ним стоящих хотели бы чувствовать себя поменьше связанными с Москвой», — сообщал из Праги уже почти год спустя корреспондент ТАСС Медов²².

Но, пожалуй, наиболее ярко выраженным свидетельством сохранявшейся популярности Тито в чехословацком обществе, особенно в рабочей среде, стало сообщение агентства ТАНИЮГ о состоявшемся в Праге в помещении Торгпредства ФНРЮ 22 мая 1949 г. общественном собрании, посвященном юбилею маршала Тито. В нем, отмечалось в сообщении, приняли активное участие «70 человек чехословацких гостей, в большинстве рабочих. Специально на торжество прибыла делегация из г. Мост. От имени чехословацких рабочих выступил рабочий завода “Чешско-моравска Кольбен — Данек” Мирослав Шик. Он заявил: “Я хочу спросить, почему нас сегодня убеждают, что Тито предал интернациональное рабочее движение и сошел с пути марксизма-ленинизма? Так как известная Резолюция Информбюро мало объясняет это, мы, рабочие и настоящие коммунисты, не верим подобным утверждениям”. Шик далее требовал от чехословацкой печати правдиво освещать события в Югославии, успехи выполнения пятилетнего плана и выражал свое возмущение по поводу того, что чехословацкая печать без всякой причины вдруг резко изменила курс в отношении Югославии и Тито и теперь клеветает на героический народ Югославии, присоединяя свой голос к голосу врагов из всего империалистического лагеря. “Наш рабочий долг, — продолжал он, — и дальше защищать единство пролетариата всего мира. Если наши руководители не смогут найти способа решения этой проблемы, мы ее решим общим трудом на общем строительстве социализма”. “Если бы чехословацкая печать правдиво освещала жизнь югославских народов, — заявил Шик, — то для нас вопрос Югославии не был бы высокой и тайной политикой, как это представляют многие ответственные товарищи, избегая прямых ответов на вопросы”. “Тебе, маршал Тито, — сказал Шик в заключение, — желаем всяческих успехов в дальнейшей работе, а народам ФНРЮ желаем, чтобы

Ты долго здравствовал и вел их дальше в борьбе за осуществление наших коммунистических и интернационалистских целей». Участники торжественного собрания послали Иосипу Броз Тито приветственную телеграмму»²³.

Подобные настроения, несмотря на развернутую официальную пропаганду, имевшие место в чехословацком обществе, не могли не оказать влияние на позиции, занимаемые руководством КПЧ. По-видимому, именно они и определяли ту явную осторожность и сдержанность Сланского, Готвальда и других лидеров КПЧ в публичных оценках «предательской роли клики Тито».

Это обстоятельство не могло не вызывать беспокойства в Москве. В специальной информационной записке, подготовленной в ОВП ЦК ВКП(б) в мае 1949 г., отмечалось, что руководители КПЧ «в своих докладах и выступлениях не делают для себя необходимых выводов из деятельности клики Тито, и не разоблачают перед партией и народом ее троцкистские маневры, не ведут борьбу против нее». И далее следовал вывод: «Руководство компартии придерживается пассивной позиции в вопросе разоблачения югославских националистов и их перехода в лагерь империализма»²⁴.

Для исправления ситуации руководителям КПЧ предлагалось реализовать ряд конкретных мер:

1. Провести в печати и в партийных организациях разъяснительную работу среди членов партии и широких слоев населения «о подлинном облике националистической предательской клики Тито»;

2. Организовать систематическую публикацию в партийной печати материалов, разоблачающих антисоветский троцкистский курс клики Тито. При этом особенно настойчиво подчеркивалась необходимость выступлений как в печати, так и на собраниях руководящих деятелей компартии Чехословакии;

3. Под руководством и контролем ЦК КПЧ предлагалось организовать политическую работу среди югославских эмигрантов;

4. Предлагалось использовать все средства для ограничения и пресечения антисоветской и антикоммунистической деятельности в Чехословакии «агентов Тито», каковыми являлись работники югославского посольства. Советская сторона счи-

тала целесообразным также создать специальную комиссию при ЦК КПЧ для координации всей работы по борьбе против «клики Тито» и определить такой порядок, чтобы все публикуемые материалы в газетах и журналах, радиопередачи, а также выступления «на собраниях и митингах, связанных с «кликой Тито», определялись ЦК КПЧ и проводились в соответствии с ее указаниями»²⁵.

Изучение материалов российских архивов, показывает, что «разоблачение» Тито отнюдь не являлось единственной и основной целью, принятого Коминформбюро документа. Он нес более глубокий стратегический заряд. Об этом наглядно свидетельствовало пристальное внимание Москвы к тому как воспринималось содержание Резолюции руководством других компартий региона, находящихся в сфере ее влияния. Документ был четко сориентирован на демонстрацию силы «лидерам тех компартий, которые продолжали в своей практике еще исходить из концепции мирного пути к социализму».

Первым адресатом здесь и были лидеры КПЧ. Отнюдь не случайно в информации, подготовленной в Отделе внешней политики ЦК ВКП(б) в октябре 1948 г. сообщалось: «Мероприятия, проведенные компартией Чехословакии в связи с Резолюцией Информбюро о положении в Югославии, недостаточны. Они не мобилизуют всей партии на активную борьбу за укрепление народно-демократической республики, не обеспечивают воспитания коммунистов в духе марксизма-ленинизма, в духе непримиримости ко всякого рода уклонам и извращениям революционной теории. Эти мероприятия не организуют подлинно партийной критики имеющихся в КПЧ ошибочных теоретических установок и положений, не развертывают критики и самокритики в рядах партии»²⁶.

Руководство КПЧ, хотя и одобрившее Резолюцию Информбюро по Югославии, находилось в весьма сложной ситуации. В мае 1948 г. в стране была торжественно принята новая конституция, закрепившая победу коммунистов в феврале 1948 г. Анализ основных статей этого документа показывает, что он базировался на определении народной демократии как пути к социализму «без необходимости установления диктатуры пролетариата и советского строя». В конституции законодательно закреплялось право частной собственности на зем-

лю с максимальным наделом 50 га. Установленный размер, как было известно Москве, являлся «компромиссной цифрой в предложениях парламентской комиссии по аграрной реформе еще задолго до февральских событий»²⁷. Право владения ремесленными предприятиями ограничивалось количеством наемных рабочих до 50 человек.

Именно эти требования, выдвинутые коммунистами еще в апреле 1947 г., обеспечили КПЧ массовую поддержку крестьянства и средних городских слоев в февральском противостоянии 1948 г. Выполнение их, теперь уже официально закрепленных новой конституцией, естественно рассматривалось руководством КПЧ как важнейшее условие продвижения страны к социализму на базе широкого экономического союза со средними слоями общества. Данный курс и должен был составлять одну из принципиальных основ всей постфевральской политики КПЧ.

В ситуации же, порожденной нараставшим противостоянием Москвы с бывшими союзниками по антигитлеровской коалиции, началом холодной войны и последовавшей сменой Кремлем стратегического курса, выразившегося в отказе от концепции множественности путей к социализму, руководство КПЧ было поставлено перед необходимостью разработки новых концептуальных подходов в отношении средних слоев общества. Аппарату ЦК уже летом 1948 г было предложено подготовить рабочий материал для обсуждения принципов в отношении крестьянства. Однако, требуемую Москвой форсированную реализацию поворота в аграрной политике и скорейшего перехода к коллективизации деревни весьма затрудняло то, весьма немаловажное обстоятельство, что подавляющая часть руководства ЦК КПЧ, находившаяся в годы войны в СССР, была хорошо осведомлена о катастрофических последствиях советской коллективизации. Лидеры КПЧ отнюдь не горели желанием перенести этот тяжелый опыт на родную почву. Наличие таких настроений позже подтвердила М. Швермова, как один из секретарей ЦК КПЧ, входивших в «практическое руководство партии»²⁸.

Весьма сдержанная позиция руководителей КПЧ, как председателя партии Готвальда, так и ее генерального секретаря Сланского, явно избегавших летом и осенью 1948 г. публичных

оценок советско-югославского конфликта и выдерживающих паузу по вопросам корректировки стратегического курса, по-видимому и побудила Москву провести зондаж политических настроений в руководстве КПЧ. Доказательством чему и являлся «случай Кольмана».

Арношт Кольман — «интернационалист» времен Гражданской войны, проживший в СССР около 30 лет, член ВКП(б), активно участвовавший в 30-х годах XX в. в утверждении «марксистской идеологии» в советских общественных науках, был в 1945 г. направлен в Прагу. Работал в ЦК КПЧ, возглавлял отдел пропаганды. В начале сентября 1948 г. им была подготовлена статья «За большевистскую критику в нашей коммунистической партии Чехословакии», предназначенная для публикации в журнале КПЧ *«Tvorba»*. В ней Кольман утверждал, что в новых условиях КПЧ «не отвечает многим требованиям марксистско-ленинской партии»²⁹. Причину этого он видел в том, что «практическое руководство партии» — Р. Сланский, М. Швермова, Г. Бареш «не сосредоточили свое внимание на рабочем классе, на рабочем ядре, которое одно лишь может составлять хребет партии, а позволили, чтобы это ядро было в значительной степени оттеснено на задний план за счет буржуазных элементов». По мнению автора, задача, поставленная тов. Готвальдом, завоевать большинство народа, была практическим руководством неправильно понята и осуществлялась ценой идеологических уступок и отступлением от ленинских принципов»³⁰. Основной вывод Кольмана указывал на наличие в руководстве партии «право-оппортунистических ошибок». Заканчивалась статья призывом: «Наша партия не только должна, но и может полностью без оговорок осуществить самую широкую и самую глубокую самокритику в своих рядах. У нее имеется здоровое рабочее ядро (с ним вместе значительная часть партийной интеллигенции), здоровое большинство руководящих кадров <...>. У нее имеется в лице тов. Готвальда верный ученик Сталина, который, как председатель и идеолог нашей сильной партии, партии Фучика и Швермы и как глава государства приведет нас к социалистической республике»³¹.

Еще до публикации статьи Кольман выступил с докладом на эту тему на собрании парторганизации идеологического отдела ЦК КПЧ. Суть выступления сводилась к тому что «в практи-

ческом руководстве партии налицо правооппортунистические ошибки».

Выступление Кольмана, как и планируемое появление статьи в печати, было отнюдь не случайно. Оно приурочивалось к моменту, когда К. Готвальд отправится в Крым, где предполагалась его встреча со Сталиным. Для советского руководства, по-видимому, было важно иметь представление о степени единства в руководстве КПЧ и определить свои возможные действия. Однако предпринятая Кольманом попытка обозначить наличие в руководстве КПЧ «правооппортунистического» (читай «бухаринского») уклона встретила единодушный отпор членов Президиума ЦК. На специальном заседании 16 сентября 1948 г. выступление Кольмана было оценено как «вредное и фракционное». Ему была запрещена не только публикация статьи, но и категорически не допускались какие-либо публичные выступления с пропагандой своих взглядов³².

Находившийся в Крыму Готвальд уже 17 сентября был информирован о принятом Президиумом ЦК КПЧ решении. Он использовал его в беседе со Сталиным, которая состоялась 22 сентября 1948 г., в ходе которой обсуждался и вопрос о необходимости поиска врагов внутри партии. По воспоминаниям Хрущева, Сталин якобы предложил своему собеседнику пригласить с этой целью советских советников³³. Однако, реакция членов Президиума ЦК КПЧ на доклад Кольмана стала для Готвальда в ходе беседы со Сталиным весьма весомым аргументом в доказательство того, что внутри правящей группировки в Чехословакии нет в данный момент каких-либо концептуальных противоречий и противостояний.

Тем не менее встреча Сталина и Готвальда в Крыму дала определенные результаты. Руководству КПЧ было предложено, не отказываясь от ориентации на мирный путь к социализму, все же внести некоторые коррективы в свою политику. Речь шла в частности о том, чтобы, признав тезис об обострении классовой борьбы, оно приступило к проведению политики ограничения и вытеснения капиталистических элементов и классовой чистке государственного и экономического аппарата страны путем замены старого чиновничества рабочими кадрами³⁴. Это был совет, который руководство КПЧ вряд ли могло игнорировать.

Через два месяца после беседы в Крыму, 17–18 ноября 1948 г. состоялся пленум ЦК КПЧ, на котором Готвальд выступил с докладом о хозяйственном положении и задачах развития страны на данном этапе развития. В нем были определены девять задач, которые по мнению руководства ЦК предстояло решить, «чтобы обеспечить предпосылки дальнейшего скачка к социализму в деревне»³⁵.

Информируя Москву, советское посольство воспроизвело следующим образом соответствующий фрагмент из доклада Готвальда: «Во-первых и прежде всего мы должны обеспечить и улучшить снабжение, особенно питание, окончить двухлетку и начать пятилетний план.

Во-вторых, мы должны при выкупе сельскохозяйственных продуктов в деревне обращать внимание на то, чтобы больше давали крупные хозяйства, с целью обеспечить положение бедняцких хозяйств. Практически так нужно проводить ограничение и вытеснение капиталистических элементов и в политике налогов, и в политике установления цен, пайков и т.д.

В-третьих, мы должны при распределении хозяйственных запасов в первую очередь удовлетворять рабочих за счет паразитов. Мы должны отказаться от уравниловки и постепенно переходить к системе дифференцированных пайков, пока карточная система будет необходима, пока предметы широкого потребления не поступят на вольный рынок.

В-четвертых, мы должны в деревне обеспечить, расширить и укрепить материально-техническую базу в форме густой сети государственных тракторных станций и общественных пунктов для откорма свиней, рогатого скота и домашней птицы

В-пятых, мы должны в деревне среди крестьян поддерживать всякого рода кооперативное движение, особенно кооперативные производственные товарищества, и во что бы то ни стало постараться, чтобы в этих кооперативах решающий голос имел не деревенский богач, а бедный и средний крестьянин.

В-шестых, мы должны со всей решительностью добиваться выполнения всех государственных и общественных повинностей остатками капиталистических элементов в городе и деревне, а в случаях обнаружения антигосударственной и вообще противозаконной деятельности этих элементов налагать на них наказание имущественного характера.

В-седьмых, мы должны провести реформу и реорганизацию общественного управления на основе районных национальных комитетов, ввести во всех секторах новый порядок в согласии с новой конституцией и стремиться к тому, чтобы народно- демократический государственный аппарат стал мощным рычагом при социалистическом переустройстве общества.

В-восьмых, мы должны обучить наш партийный, профсоюзный, управленческий, культурный, охранительный аппарат и военные кадры с тем, чтобы они выделялись высокими специальными знаниями и в то же время овладели наукой всех наук, искусством всех искусств — марксизмом-ленинизмом.

В-девятых, мы должны укрепить преобразованный Национальный Фронт сверху донизу, сознавая, что преобразованный Национальный Фронт, в котором реакция уже не будет иметь легальной трибуны, как это было до февраля, останется и далее формой нашей общественной жизни на пути к социализму.

Вот несколько задач, которые мы должны решать сейчас, чтобы быть в состоянии решить еще более важные далеко идущие задачи»³⁶.

Таким образом, Готвальдом обществу была предложена продуманная программа совершенно конкретных, четко сформулированных мер, которая могла положительно быть воспринята значительной частью населения страны. Их реализация, с точки зрения руководства КПЧ, давала возможность постепенного продвижения к новой экономической и политической организации общества.

Как же реагировала советская сторона на решения ноябрьского пленума ЦК КПЧ? Если судить по материалам, поступавшим в Москву из советского посольства с начала 1949 г., то не трудно заметить, что сформулированный Готвальдом курс был воспринят советскими дипломатами с явным опасением в виду того, что «умолчание о неизбежности коллективизации в ЧСР» может вызвать серьезные ошибки и подрвать доверие к народно- демократическому строю. В частности в информациях, направляемых из советского посольства на имя министра иностранных дел Вышинского в мае 1949 г., уже после принятия закона о создании единых сельскохозяйственных кооперативов³⁷ сообщалось: «В Чехословакии запрещается

даже упоминать слово “коллективизация” в печати, на собраниях, в беседах. Руководящим началом этого считается место из речи Готвальда на ноябрьском пленуме ЦК КПЧ. Он тогда, говоря о политике партии в деревне, утверждал: “В нашей экономической политике вообще и в земельной в особенности остается в силе предупреждение, что всякая спешка нанесла бы только вред. Сейчас на повестке дня стоит ограничение и вытеснение капиталистических элементов в деревне и в городе. Видеть что-нибудь другое и говорить о чем-нибудь другом было бы неверно”. Эта установка — не говорить о коллективизации — принята как директива и проводится повсюду <...>. В такой политике, — делался вывод советским посольством, — заложена опасность потери доверия народа в связи с явным разрывом между политикой и практикой ее проведения»³⁸.

В поступавшей из посольства в Москву информации отмечалось также, что чехословацкая пресса до последнего не публиковала антититовских материалов, а антититовцам в Праге оказывалась недостаточная помощь. Было также зафиксировано, что на ноябрьском пленуме Готвальд «говорил о Резолюции Информбюро и о положении в Югославии только в связи с вопросом о политике КПЧ в деревне, об отношении к капиталистическим элементам в деревне, причем о “клике Тито” вообще не было сказано ни слова, выражение употреблялось лишь “руководители Югославии”»³⁹.

Таким образом, материал, хранящийся в российских архивах, позволяет говорить о том, что начавшийся в 1948 г. советско-югославский конфликт для лидеров КПЧ вопреки расчетам Москвы отнюдь не стал катализатором полного и безоговорочного принятия сталинской модели «ускоренного построения социализма».

Но вместе с тем нельзя не видеть, что по мере его углубления и нарастания противостояния Й. Броза Тито нажиму Москвы, для советской стороны открывались реальные возможности ужесточить контроль за процессом формирования новой политической элиты в регионе. Советская сторона получала реальный шанс путем перестановки ключевых фигур в руководящем звене правящих коммунистических партий добиться искоренения «ненужного инакомыслия» под предло-

гом чистки «коммунистического движения от врагов и агентов Тито». Именно этот процесс и стал рассматриваться Москвой как одна из важнейших задач в деле укрепления позиций формирующегося «социалистического лагеря».

Начиналось время внутривластных политических репрессий под флагом борьбы «против титовских агентов, проникших в руководство компартий», «против шпионов и агентов империализма» и т.п. Провозглашенным девизом развития становился лозунг «Советский Союз — наш пример». Идеи поисков национального пути к социализму ушли в историю.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Восточная Европа в документах российских архивов 1944–1953. Москва; Новосибирск, 1997. Т. 1 (1944–1948). С. 457–458.

² Подробнее эти сюжеты проанализированы Т.В. Волокитиной. (*Волокитина Т.В.* «Холодная война» и социал-демократия Восточной Европы 1944–1948. М., 1998. Т. 1 (1944–1948). С. 50–51 и далее.)

³ См.: Восточная Европа в документах российских архивов... Т. 1. Док. № 267, 269, 272, 274.

⁴ Там же. С. 831.

⁵ Там же. С. 833.

⁶ Там же. С. 840.

⁷ Подробный анализ истории создания этого документа см.: «Югославия в XX веке. Очерки политической истории». М., 2011. С. 573–584.

⁸ Там же. С. 582.

⁹ РГАСПИ. Ф. 57. Оп. 1. Д. 50. Л. 45, 47.

¹⁰ Там же. Л. 50.

¹¹ См. Восточная Европа в документах российских архивов... Т. 1. Док. № 54.

¹² РГАСПИ. Ф. 575. Оп. 1. Д. 50. Л. 51.

¹³ *Císař Č. Paměti — nejen o zákulisí Pražského jara.* Praha, 2005. S. 280.

¹⁴ АВП РФ. Ф. 0138. Оп. 29. Д. 11. Л. 2.

¹⁵ РГАСПИ. Ф. 575. Оп. 1. Д. 112. Л. 9–10.

¹⁶ Там же. Л. 10.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же.

¹⁹ РГАСПИ. Ф. 575. Оп. 1. Д. 112. Л. 21.

²⁰ *Hájek M. Paměť české levice.* Praha, 2011. S. 142.

²¹ АВП РФ. Ф. 0138. Оп. 29. П. 150. Д. 31. Л. 78.

²² Там же.

²³ РГАСПИ. Ф. 575. Оп. 229. П. 147. Д. 2. Л. 70–71.

²⁴ Там же. Ф. 575. Оп. 1. Д. 87. Л. 57, 59.

²⁵ Там же. Л. 60.

²⁶ Там же.

²⁷ Там же. Ф. 575. Оп. 1. Д. 112. Л. 21.

²⁸ См.: *Jech K. Kolektivizace a vyhánění sedláků z půdy. Praha, 2008. S. 56–57.*

²⁹ РГАСПИ. Ф. 575. Оп. 1. Д. 68. Л. 4.

³⁰ Там же. Л. 5.

³¹ Там же. Л. 7.

³² ³² Подробнее реакцию на выступление Колмана см.: *Císař Č. Op. cit. S. 306–308.*

³³ См.: Вопросы истории. 1994. № 6. С. 108–109.

³⁴ Там же.

³⁵ АВП РФ. Ф. 0138. Оп. 30-Б. П. 242. Д. 8. Л. 223.

³⁶ Там же. Л. 223–224. Перевод с чешского языка сделан, по-видимому, составителем данной справки.

³⁷ Закон был принят 23 февраля 1949 г.

³⁸ АВП РФ. Ф. 0138. Оп. 30-а. П. 179-а. Д. 18. Л. 5.

³⁹ РГАСПИ. Ф. 575. Оп. 1. Д. 87. Л. 58.

ГЛАДЫШЕВА А.С.*

**XX СЪЕЗД КПСС
В ОЦЕНКАХ РУМЫНСКОЙ
ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭЛИТЫ****

События 1956 г. имели колоссальные последствия для общественного сознания политических элит стран социалистического лагеря. Важным аспектом, обусловившим разногласия между Москвой и Бухарестом, стал секретный доклад Н.С. Хрущева на XX съезде КПСС, вскрывший преступления сталинской эпохи, и ознаменовавший начало политики десталинизации. В том же 1956 г. в сфере внешней политики Румыния безоговорочно поддержала действия СССР в Венгрии и Польше, а также советскую позицию в отношении Суэцкого кризиса. Борясь с внутренними отголосками этих событий, руководство Румынской Народной Республики (РНР) стало продумывать новую стратегию взаимоотношений с СССР.

Целью нашего исследования является анализ реакции румынской политической элиты на события 1956 г. Источниковой базой для исследования послужили мемуары и воспоминания мемуарного характера (устно-исторические интервью) лиц, приближенных к политической власти в РНР в середине 1950-х годов: Г. Апостола (1913–2010), первого секретаря ЦК РРП (1954–1955), председателя Центрального совета румынских профсоюзов (1955–1961), члена Политбюро ЦК РРП (1948–1969)¹; А. Бырлэдяну (1911–1997), заместителя предсе-

* Гладышева Анна Сергеевна — младший научный сотрудник Института славяноведения РАН.

** Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта РНФ № 17-18-01728 «Мировая система социализма» и глобальная экономика в середине 1950-х — середине 1970-х годов: эволюция теории и практики экономического и технологического лидерства СССР.

дателя Совета министров РНР (1955–1965, 1967–1969), главы Госплана РНР (1955–1956), члена ЦК РРП (1955–1969)²; С. Тома (1914–2016), главного редактора партийной газеты «*Scinteia*» (1947–1960), члена ЦК РРП (1955–1960)³; П. Сфетку (1926–1994), главы личной канцелярии Г. Георгиу-Дежа (1952–1965)⁴. Учитывая субъективный характер данного вида источников и тот факт, что воспоминания отделяют от событий десятки лет, будем обращаться и к первоисточникам, в частности, к делопроизводству ЦК РРП⁵.

В силу широкой источниковой базы и сложности вопроса проведем лишь анализ оценок румынской политической элитой решений XX съезда КПСС и его последствий для Румынии. Отдельной темой, которая требует специального исследования, является реакция руководства РНР на события в Венгрии. Нами не обнаружены материалы, которые бы ярко характеризовали отношение отдельных представителей политического руководства страны на Польский и Суэцкий кризисы. Отражая реакцию румынских властей на решения XX съезда КПСС, следует расширить хронологические рамки статьи. Это связано с тем, что последствия внутрипартийной полемики 1956 г. нашли отражение в решении Пленума ЦК РРП от 3 июля 1957 г., когда критике была подвергнута так называемая антипартийная группа в лице членов Политбюро ЦК РРП И. Кишиневского и М. Константинеску.

Первая проблема, которую хотелось бы затронуть в исследовании, связана с понятийным аппаратом. Целесообразно пояснить, что мы понимаем под румынской политической элитой рассматриваемого периода. В соответствии с разработанными в отечественной историографии подходами к понятию «политическая элита» к ней относят людей, превосходящих основную массу интеллектуальными, моральными и другими качествами (ценностный подход), либо лиц, отвечающих за принятие исключительно важных для общества решений (структурно-функциональный подход)⁶. Первый подход с трудом применим к политическому руководству Румынии, не только причастному к политическим репрессиям, но и имевшему довольно низкий уровень образования. Из 11 человек, входивших в состав Политбюро в 1956 г., высшее образование получили лишь двое — Э. Боднэраш (Артилле-

рийская офицерская военная школа, Тимишоара) и М. Константинеску (Философский факультет Бухарестского университета, кандидат социологических наук). Остальные имели специальное или неоконченное общее образование и являлись, в основном, представителями рабочих профессий: Г. Апостол (литейщик), Г. Георгиу-Деж (электрик), П. Борилэ (наст. имя — Иоан Дрэган Русев) (электромеханик), Н. Чаушеску (обувщик), К. Пырвулеску (механик-наладчик), К. Стойка (кочегар), А. Дрэгич (механик-наладчик), А. Могиорош (слесарь). И. Кишиневский (наст. имя — Иосиф Ройтман)]. Трое из них были, выпускниками партийных школ Москвы и Бухареста (П. Борилэ, И. Кишиневский, К. Пырвулеску)⁷. В этой связи, под румынской политической элитой будем понимать узкую прослойку партийно-государственной номенклатуры, которая отвечала за принятие ключевых решений в области внутренней и внешней политики страны. Насколько узкой была эта прослойка? Входили ли в нее члены ЦК РРП, члены правительства, партийно-государственное руководство на местах? На наш взгляд, можно выделить верхушку правящей политической элиты и элиту среднего уровня, которая исполняла принимаемые первой решения. Граница между этими уровнями очень нечеткая, так как ключевые политические решения реально не обсуждались ни правительством, ни на пленумах ЦК РРП. Власть находилась в руках членов Политбюро ЦК РРП. В докладе будем рассматривать, в первую очередь, реакцию именно высшего партийного руководства на события 1956 г. Несколько слов о его составе. В декабре 1955 г. на II съезде РРП было принято решение расширить состав как Центрального Комитета партии (с 57 до 96 членов: действительных — 61, кандидатов в члены ЦК — 36), так и Политбюро⁸. Наряду с девятью прежними членами (Г. Апостол, Э. Боднэраш, П. Борилэ, И. Кишиневский, М. Константинеску, Г. Георгиу-Деж, А. Могиорош, К. Пырвулеску, К. Стойка) в него вошли Н. Чаушеску и И. Дрэгич. Кандидатами в члены Политбюро стали Д. Колиу, Л. Рэуту, Л. Сэлэжан, Ш. Войтек⁹.

Первыми представителями румынского партийного руководства, заслушавшими «секретный доклад» Н.С. Хрущева, были члены делегации РРП, приехавшие в середине февраля 1956 г. из Бухареста на XX съезд КПСС: лидер РРП Г. Георгиу-

Деж, М. Константинеску (первый вице-председатель Совета министров), И. Кишиневский (секретарь по пропаганде и культуре ЦК РРП) и П. Борилэ (первый вице-председатель Совета министров). С ними в Москву приехал и глава канцелярии Г. Георгиу-Дежа П. Сфетку, ставший первым свидетелем разногласий между Константинеску, Кишиневским и лидером РРП, возникших уже в дни проведения съезда. Согласно его воспоминаниям, он обратил внимание на изменение обычной манеры поведения Константинеску и Кишиневского и тона их бесед с Дежем (лишь П. Борилэ оставался верен своему «хозяйну»). Объяснение этому Сфетку нашел, прочитав в те дни, полученный из Бухареста номер партийной газеты «*Scinteia*», в котором был опубликован текст выступления А.И. Микояна на XX съезде¹⁰. В своей речи первый заместитель председателя Совета министров СССР подверг критике «культ личности», заявив: «Не подлежит сомнению, что распространению догматизма и начетничества сильно способствовал культ личности. Поклонники культа личности приписывали развитие марксистской теории только отдельным личностям и целиком полагались на них. Все же остальные смертные должны были якобы лишь усваивать и популяризировать то, что создают эти отдельные личности. Таким образом, игнорировались роль коллективной мысли нашей партии и роль братских партий в развитии революционной теории, роль коллективного опыта народных масс»¹¹.

Почувствовав подходящий момент, Константинеску и Кишиневский решили атаковать Г. Георгиу-Дежа. Подтверждение этому П. Сфетку обнаружил через несколько дней, когда Константинеску попытался организовать встречу Георгиу-Дежа с румынскими студентами, проходившими обучение в СССР. Планировалось провести беседу об уроках, которые должна была извлечь РРП из решений XX съезда. Судя по всему, Константинеску надеялся, что Георгиу-Деж подвергнет себя унижительной самокритике, рассказав о том, как «культ личности» проявлялся в Румынии. Он сообщил Дежу, что получил из посольства РНР в Москве информацию о желании студентов встретиться с лидером РРП. Деж дважды вызывал к себе посла Я. Раба, чтобы подтвердить получение дипмиссией данной просьбы, и каждый раз получал от него отрицательный от-

вет¹². М. Константинеску продолжал настаивать на встрече, аргументируя необходимость ее проведения в том числе тем, что с подобной речью перед венгерскими студентами уже выступил М. Ракоши. Деж был непреклонен, настаивая на том, что не будет делать никаких заявлений до обсуждения решений XX съезда КПСС с партийным руководством Румынии¹³.

В последующие дни пребывания румынской делегации в Москве конфликтные ситуации между ее членами не возникали, но охлаждение их отношений было налицо, особенно после получения лидером РРП информации о выступлении Хрущева с «секретным» докладом¹⁴. Георгиу-Деж был весьма обеспокоен поведением Константинеску и поспешил обсудить свои умозаключения с Кишиневским и Борилэ по пути домой. Подходящий момент настал, когда самолет с партийной делегацией по возвращении в Румынию совершил посадку в Киеве, и М. Константинеску вышел на прогулку. В этот момент на реплику Дежа о Константинеску поспешил ответить И. Кишиневский: «Мирон — это глухарь, который, когда начинает петь, закрывает глаза и наслаждается своим собственным пением, становясь легкой мишенью для охотника»¹⁵. Тем самым Кишиневский как бы снимал с себя подозрения в том, что он солидарен с позицией Константинеску.

Выступление Хрущева стало для румынского лидера неприятным сюрпризом. Анализ преломления «культы личности» в РНР мог привести к смещению Дежа, так как он, наряду с руководителями других европейских коммунистических и рабочих партий, был тесно связан с политикой Кремля при И.В. Сталине. В 1961 г. Георгиу-Деж совсем иначе вспоминал, какое впечатление на него произвело выступление Хрущева с «секретным докладом»: «То, что случилось в Советском Союзе, было чем-то экстраординарным, впечатлило меня очень сильно...»¹⁶. По меткому замечанию Томы, реакцию как высшего политического руководства, так и рядовых членов партии можно охарактеризовать так: «Поражены, ошеломлены, взволнованы». Подобной была и оценка этих событий Константинеску и Кишиневским, однако не преминувшими воспользоваться подходящим для отстранения Дежа моментом. Сам румынский лидер, в данных условиях, занял выжидательную позицию, присматриваясь к ситуации как в самой партии (особенно

к поведению Кишиневского, Константинеску, Боднэраша, Пырвулеску и Могиороша), так и к положению дел в партийном руководстве социалистических стран. Сфетку отметил, что после приезда Дежа из Москвы его стали чаще посещать члены Политбюро (за исключением Кишиневского и Константинеску), которые также были обеспокоены, какой будет реакция на доклад Хрущева в разных звеньях партийного руководства и как попытки развенчания культа личности скажутся на их политической карьере¹⁷.

Первоначально, согласно установке Москвы «секретный доклад» не планировалось обсуждать публично, однако после утечки на Запад информации о выступлении Хрущева, пришел черед «братских партий» дать свою оценку этому документу. Из записки заведующего Отделом по связям ЦК КПСС с иностранными компартиями Б.Н. Пономарева от 26 марта 1956 г. узнаем, что руководство компартий, в том числе РРП, обращалось к советским послам с вопросом о том, «какой круг партийных работников можно ознакомить с докладом т. Хрущева на XX съезде КПСС “О культе личности и его последствиях”»¹⁸. Пономаревым был подготовлен текст телеграммы послам, которую планировалось направлять в центральные комитеты европейских коммунистических и рабочих партий в случае обращения их представителей в посольства СССР по данному вопросу. В проекте телеграммы, в частности, отмечалось, что ЦК «могут ознакомить с докладом т. Хрущева членов и кандидатов в члены ЦК, членов Бюро Центральных комитетов Союзов молодежи, членов областных комитетов партии, секретарей райкомов партии, а также руководителей министерств и ведомств»¹⁹. В Румынии обсуждение решений XX съезда КПСС и доклада Хрущева на высшем партийном уровне состоялось в ходе проведения мартовского Пленума ЦК РРП и апрельского заседания Политбюро.

Расширенный пленум ЦК РРП под председательством Кишиневского состоялся 23–25 марта 1956 г., то есть почти через месяц после XX съезда. Существует мнение, согласно которому Георгиу-Деж не спешил обсуждать доклад Хрущева, так как ждал, как на него отреагирует руководство других стран. Сфетку писал, что после возвращения из Москвы Деж был занят подготовкой Пленума (по ошибке называет его

в тексте съездом. — А.Г.) Коммунистической партии Греции, руководство и большинство членов которой находились в РНР²⁰. Румынский историк Д. Кэтэнуш не считает, что виновником этого промедления был Деж, так как почти все компартии провели Пленумы в тот же период, за исключением партий Греции (11–12 марта) и Венгрии (12–13 марта). Среди причин он выделяет: 1) просьбу советской стороны держать в секрете информацию о докладе и сомнения Москвы в необходимости передачи текста речи Хрущева партиям, 2) дискуссии в Политбюро о содержании отчетного доклада, с которым партийное руководство должно было выступить на Пленуме²¹.

Первоначальный вариант отчетного доклада делегации, принимавшей участие в съезде КПСС, готовил лично Георгиу-Деж, но работа над ним затянулась, так как румынский лидер был занят греческими делами. 17 марта Политбюро приняло решение организовать пленарное заседание ЦК РРП 22–23 марта со следующей повесткой дня: отчет делегации РРП о проведении XX съезда КПСС, проект государственного бюджета на 1956 г. и выборы в Великое национальное собрание (ВНС)²². Кишиневский хотел поручить подготовку доклада Томе, но в итоге, по предложению Л. Рэуту (Л. Ойгенштейн), работой над текстом занялся Ш. Войку (А. Ротенберг), главный редактор журнала «*Lupta de clasă*» («Классовая борьба») ²³. По воспоминаниям Томы, в первый день Пленума доклад Хрущева еще не был доставлен в Бухарест, поэтому обсуждались частные вопросы²⁴. Однако проблема состояла в том, что затягивался процесс подготовки отчетного доклада румынской делегации, содержание которого волновало партийное руководство больше, чем сам доклад Хрущева. Несмотря на то, что проведение Пленума было перенесено на 23–25 марта, отчетный доклад был подготовлен только к концу первого дня его работы, а его обсуждение решили перенести на последний день Пленума²⁵.

За два дня до этого текст был передан четверем делегатам РРП, которые ездили в Москву. Вечером 23 марта члены Политбюро вновь встретились, чтобы обсудить проект отчетного доклада²⁶. Апостол писал, что текст доклада не зачитывался, а заранее был передан на ознакомление членам

Политбюро²⁷. Неудовлетворение его содержанием выразили Константинеску и Кишиневский и добились переработки доклада. Противоречия между Дежем и Константинеску усугубились, когда румынский лидер отказался сам участвовать в обсуждении доклада на Пленуме и поручил это дело Апостолу. Константинеску надеялся обрушиться на Дежа с критикой в ходе заключительной части Пленума, когда начнутся открытые дискуссии²⁸. Предметом долгих дискуссий на заседании Политбюро стал и вопрос о том, кто зачитает «секретный доклад» Хрущева. Этой чести, в итоге, был удостоен Константинеску. С отчетным докладом румынской делегации должен был выступить Деж²⁹.

Известно, что в дни проведения Пленума Константинеску и Кишиневский начали искать среди членов Политбюро тех, кто был бы готов присоединиться к их позиции. С таким предложением они обратились, как минимум, к Могиорошу и Пырвулеску. От обоих был получен отказ, но в короткий срок уведомить об этом Дежа поспешил лишь Могиорош. Сфетку вспоминает свою беседу с Дежем по этому поводу: «Иошка (Кишиневский. — А.Г.) и Мирон были уверены, что персона, которая уведомила Политбюро об их действиях по вовлечению в соратники был Пырвулеску. Но не это правда! Не Костикэ их выдал, а Могиорош. После того, как Шони (то есть Могиорош. — А.Г.) информировал меня, что Иошка и Мирон хотели привлечь его на свою сторону, говоря ему о “моих антипартийных делах” и необходимости избрать другого первого секретаря Центрального Комитета, я поговорил, первым делом, с Пырвулеску. Я ему сказал, о том, что узнал и попросил его, как одного из старейших членов Политбюро <...>, сказать мне, как он оценивает действия Мирона и Кишиневского». Вместо ответа на вопрос Пырвулеску сказал, что «едва ли бы им хватило храбрости действовать, если бы у них не было других за спиной, если бы они не говорили с другими товарищами». Деж спросил его, с кем они говорили, на что Пырвулеску ответил, что «даже и со мной говорили, хотя я не оказал им никакого внимания»³⁰. Несмотря на то, что Пырвулеску отказался солидаризироваться с позицией Кишиневского и Константинеску, Деж остался недоволен тем, что он не уведомил его об этой ситуации лично. Румынский лидер напомнил Пырвулеску о его

промахе через несколько лет. На III съезде РРП в июне 1960 г. его вывели из состава Политбюро и исключили из ЦК партии, но сохранили за ним пост председателя Партийной контрольной комиссии, переименованной в Центральную ревизионную комиссию. В ноябре-декабре 1961 г. на Пленуме ЦК РРП его обвинили в «правом идеологическом уклоне» и сместили со всех постов³¹.

Вернемся к событиям марта 1956 г. 25 марта на повестке дня последнего заседания Пленума было три вопроса: отчет делегации, принимавшей участие в XX съезде КПСС (выступление Г. Георгиу-Дежа), доклад Н.С. Хрущева (выступление М. Константинеску) и прения (под председательством И. Кишиневского)³². Выступление Дежа состояло из трех частей: ситуация в СССР в соответствии с официальным и «секретным» докладом Хрущева, проявления «культ личности» в РНР. Самой важной частью выступления была последняя, в которой делались следующие выводы о ситуации в Румынии: «культ личности» Сталина имел широкое распространение в Румынии (монументы, плакаты, публикации его работ и т.п.); его влияние на РРП нашло отражение в нерегулярном проведении пленумов, задержке проведения съездов, избегании обсуждения на пленарных заседаниях важных вопросов (эти пункты были взяты из доклада Хрущева); отклонение от ленинских принципов произошло только на местном уровне; последствия «культ личности» проявились в действиях «правых уклонистов» (отсылка к Паукер, Луке и Джорджеску); а критика его проявления началась уже в 1952 г. с их отстранения от власти. Таким образом, подчеркивалось, что нынешнее руководство не в чем упрекнуть, что ошибки, упомянутые Хрущевым, не имели прямого отношения к РНР³³.

После чтения доклада Хрущева началось обсуждение повестки дня, на котором самым острым моментом дискуссии стало обращение Константинеску к министру внутренних дел Дрэгичу с вопросом о том, кто повинен в репрессиях 1950–1954 гг. Этот же вопрос был поднят Моггиоршом и Черня. Дрэгич ответил, что все приговоры утверждались руководством партии. В этот момент, Деж, почувствовав опасность, прервал дискуссию, предложив обсудить данный вопрос на следующем заседании Политбюро³⁴.

Тома раскрыл другие подробности дискуссии между Константинеску и Дрэгичем, не отраженные в сохранившейся стенограмме. В 1956 г. в Бухаресте вновь активизировали деятельность воры. Константинеску, обращаясь к Дрэгичу, рассказал следующую историю (Тома процитировал ее по памяти): «Сошлюсь на один факт сравнительно недавний. В одно утро прохожие могли видеть перед ювелирным магазином, расположенном на Каля Гривицей, окровавленные трупы лиц, явно застреленных. Эти трупы оставались лежать на тротуаре, охраняемые милиционерами, целый день». Пытаясь прояснить эту ситуацию, Константинеску обрушился на Дрэгича с серией вопросов, главным из которых был, кто санкционировал проведение этой операции. По воспоминаниям Тома, Дрэгич взял вину на себя, хотя причастен к этому делу был Деж³⁵. Таким образом, подняв проблему соблюдения законности, Константинеску пытался подвергнуть критике Дежа.

Сразу после Пленума началась подготовительная работа по обсуждению и разъяснению решений XX съезда на региональном уровне. Уже 26 марта состоялось заседание партактива г. Бухареста, на котором зачитали урезанный вариант доклада Хрущева. И все равно эффект был шокирующий: «Люди расходились в молчании, дезориентированные и не осмеливавшиеся высказать мысли»³⁶. Затем доклад Георгиу-Дежа обсуждали на региональном, районном и городском уровне, а также в первичных партийных организациях на партактивах. В областях заседания проходили под руководством членов и кандидатов в члены Политбюро ЦК РРП, где помимо отчета Дежа зачитывался и доклад Хрущева³⁷. Партийные органы на местах призывали к регулярному проведению пленумов обкомов, горкомов и райкомов партии. Об обсуждении итогов работы XX съезда в партийных организациях докладывал 7 апреля 1956 г. второму секретарю посольства СССР в Румынии В.К. Паламарчуку заместитель заведующего Отделом парторганов ЦК РРП И. Вердец. В частности, он сообщил, что партийные активы сопровождались «оживленными прениями», в ходе которых решения XX съезда КПСС были одобрены членами партии³⁸. Постепенно в общественном сознании членов партии формировалась мысль, что «пришло время широко распахивать окна для того, чтобы в партию вошел свежий воздух свободных демократи-

ческих дискуссий». «Разделяя это мнение, редакция “Скынтеи” предприняла меры для популяризации информации о заседаниях региональных партактивов, которые стали свободно критиковать [политику режима] и нарушили традицию единодушных рукоплесканий», — писал Тома³⁹. Однако он же указывает и на тот факт, что Георгиу-Деж следил за каждой статьей, которую планировали печатать в рубрике «Партийная жизнь», и давал личное разрешение на публикацию. Читая одну из таких статей в части критических замечаний в отношении партии, Деж стал подчеркивать текст. После чего он спросил Тому: «Как вы не понимаете, что это путь развязывания анархии в партии и в стране?»⁴⁰. Деж стремился сохранить стабильность режима не только в верхах, но и в стране в целом.

После того, как румынский лидер получил информацию от Могиороша о попытке своих оппонентов фактически дестабилизировать ситуацию в партийном руководстве страны, он решил провести заседание Политбюро, чтобы прояснить для себя их дальнейшую позицию. Заседание длилось больше недели (3, 4, 6 и 12 апреля) с перерывами на консультации⁴¹. Официальным поводом для его созыва стал анализ деликатных проблем, в частности, действий Секуритате в предыдущие годы. Деж в дни заседания вновь занял выжидательную позицию и выступил с ответной репликой на критику лишь 12 апреля. Этому способствовало то, что 3, 4 и 6 апреля члены Политбюро только выступали с докладами, не вступая в дискуссию и не призывая Дежа к ответу.

Вечером после первого заседания Э. Боднэраш пришел в канцелярию Дежа и передал И. Владу (бывшему личному секретарю Дежа) листы бумаги с многочисленными пометами, попросив его спрятать их в надежный сейф до следующего дня и никому не показывать. Сфетку писал, что они с Владом из любопытства, конечно, заглянули в эти записи. Они поняли, что это были выдержки из устной дискуссии в начале заседания Политбюро, на повестке дня которого было обсуждение действий Константинеску и Кишиневского по вовлечению других членов Политбюро в фракционную деятельность, целью которой было смещение Дежа. На второй день в заседании участвовала стенографистка, которая включила в стенограмму и упомянутые выше записи Боднэраша⁴².

На заседании Политбюро обсуждение было построено на намерениях Кишиневского и КонстантINESКУ представить Дежа местным Сталиным. Главным образом, обсуждались три проблемы: злоупотребления Секуритате, культ личности, отсутствие внутрипартийной демократии. Несмотря на обвинения, посыпавшиеся в адрес Дежа, КонстантINESКУ и Кишиневский не смогли найти поддержки среди членов Политбюро⁴³. Особую позицию занял лишь Боднэраш, который хотя и не был согласен с КонстантINESКУ и Кишиневским, в своем выступлении заявил о существовании в РНР «культа личности» Дежа. Он предложил предпринять следующие меры: уважать принцип коллективного руководства, свободу мнений в рамках Политбюро, отказаться от принципа единomyслия, а также переподчинить Секуритате непосредственно Политбюро и вывести из-под подчинения МВД вопросы, связанные с управлением народным хозяйством страны⁴⁴.

Тем временем Деж выработывал ответные меры и искал пути оправдать свои действия. В этих целях, вероятно, в дни проведения заседания Политбюро или сразу же после Пленума ЦК РРП он встретился со старым коммунистом, участником войны в Испании и активистом интербригад В. Романом. Об этой беседе Роман позднее поведал своему старому другу Томе. Идея Дежа заключалась в том, чтобы при поддержке старых коммунистов обвинить во всех перегибах в партии — «в страданиях крестьян, гонениях на бывших испанских антифашистов и пр.» — А. Паукер, В. Луку и Т. Джорджеску⁴⁵. И это ему удалось. На заседании Политбюро Деж выступил с речью 12 апреля. Тогда без всяких колебаний он переложил ответственность за применение сталинских методов в РНР на группу Паукер — Лука — Джорджеску (в дальнейшем эта идея оглашалась с трибун пленумов, собраний партактивов и в прессе), но отдельно затронул и проблему репрессий против членов партии. По этому поводу он заявил, что справедливо наказаны были только Пэтрэшкану и группа Паукер — Лука — Джорджеску. Самокритично он подошел к тому, что не предпринял меры, противодействующие распространению «культа личности», и то, что чувствовал себя комфортно в ситуации, когда заседания Политбюро проходили в Совете министров (главой которого он был в те годы), что преуменьшало роль партии.

Деж отверг обвинения своих оппонентов, повернув ситуацию так, что критика посыпалась в их адрес (вклад в пропаганду культа личности, оппортунизм, отсутствие мужества и т.п.)⁴⁶.

Заседание Политбюро не привело к смене политического руководства в Румынии. Кишиневский и Константинеску отказались от обвинений, выдвинутых ими против Дежа. Предложение Дрэгица объявить их «правыми уклонистами» участники заседания отвергли. Политбюро постановило, что единодушие в принятии решений является отражением «культа личности», как и поднятый в 1955 г. вопрос о выводе советских войск из РНР⁴⁷.

Судьбу И. Кишиневского и М. Константинеску решил Пленум ЦК РРП, состоявшийся 28 июня — 3 июля 1957 г. Они были обвинены в поддержке сталинистского режима в Румынии, выведены из состава Политбюро и переведены на государственную службу. Бырлэдяну и Сфетку в своих воспоминаниях писали, что на фоне событий 1956–1957 гг. свои позиции в партийном руководстве укрепил Чаушеску⁴⁸. Бырлэдяну, в частности, указал на то, что Деж был поражен проницательностью Чаушеску. Он очень хорошо подготовился к пленуму 1957 г., при выдвигании обвинений против Константинеску оперировал выдержками из его старых выступлений и сочинений, подчеркивая их просталинский характер⁴⁹. В рассматриваемых нами мемуарах утверждается, что Кишиневский и Константинеску были агентами Кремля и планировавшееся ими смещение Дежа было установкой Москвы. Документально подтвержденные эти слухи, однако, пока не получили, также, как и связь между их устранением от власти и разгромом «антипартийной группы» Молотова, Маленкова и Кагановича, которые якобы являлись московскими покровителями Константинеску и Кишиневского.

Десталинизация в Румынии проходила под контролем центральной власти. Она получила активное развитие в июле-сентябре 1956 г. после постановления ЦК КПСС от 30 июня 1956 г. «О преодолении культа личности и его последствий». Фактически в нем Москва дала установку на проведение политики по развенчанию «культа личности» Сталина. В Румынии основное внимание было уделено проведению амнистии, проблеме восстановления отношений с Югославией. Процесс десталиниза-

ции затронул социальную сферу, внешнюю политику, а также в ограниченном виде и культурную политику. Либерализация общественной жизни была приостановлена с началом венгерской революции.

Об ограниченных масштабах десталинизации свидетельствует тот факт, что на Пленуме ЦК РРП, проходившем 16–17 июля 1956 г., за антипартийные дискуссии была подвергнута критике лишь группа старых «подпольщиков» (членов партии в период подполья) в лице Д. Петреску, В. Души, К. Аджу, М. Левенте, И. Еремии, Б. Шкиопу⁵⁰. Члены группы были либо исключены из партии и уволены с занимаемых должностей, либо получили выговор. Решения Пленума в отношении этих лиц должны были послужить уроком для других членов партии: непозволительно обсуждать острые проблемы вне официальных партийных собраний.

Несмотря на недовольство политикой Георгиу-Дежа ряда членов Политбюро, они не осмелились выступить против него и присоединиться к позиции Константинуеску и Кишиневско-го. В свою очередь, и последние искали поддержки лишь среди членов Политбюро и не пытались консолидироваться с членами ЦК и представителями нижестоящих парторганизаций. Членов Политбюро не покидало осознание того, что смена политического руководства может привести к дестабилизации внутрипартийной обстановки и возможной потере ими власти. Г. Апостол в мемуарах очень тенденциозно пишет о политике Дежа, снимая с него непосредственную вину за все преступления режима, замечая при этом: «Моральная вина лежит и на нем (на Деже. — А.Г.), как и на всех других, кто входил в партийное руководство тогда, так как они ничего не предприняли»⁵¹. В этих условиях члены Политбюро предпочли консолидироваться вокруг старого лидера, сохранив стабильность политического режима в РНР. Данная ситуация предотвратила повторение в Румынии польского и венгерского сценариев.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Apostol Gh. Eu și Gheorghiu-Dej*. București, 2010.

² *Betea L. Partea lor de adevar* (Alexandru Bârlădeanu despre Dej, Ceaușescu și Iliescu. Convorbiri; Maurer și lumea de ieri. Mărturii despre

stalinizarea României; Convorbiri neterminate cu Corneliu Mănescu). București, 2008.

³ Toma S. Privind înapoi. Amintirile unui fost ziarist comunist. București, 2004.

⁴ *Sfetcu P.* 13 ani în anticamera lui Dej, București, 2008.

⁵ ANIC. Fond CC al PCR. Secția Relații Externe, Cancelarie.

⁶ Пахомов А.В. Политическая элита в СССР 1964–1991 годов в отечественной историографии // Вестник Челябинского университета. 2013. № 12. История. Вып. 55. С. 107.

⁷ Membrii CC al P.C.R. 1945–1989 Dicționar / Coord. F. Dobre. București, 2004. P. 74–75, 104–105, 108, 140–142, 149–151, 175–177, 231–232, 291–292, 402–403, 461–462.

⁸ Membrii CC al P.C.R... P. 12.

⁹ Ibid. P. 12, 21.

¹⁰ *Sfetcu P.* 13 ani... P. 296–297.

¹¹ XX съезд Коммунистической партии Советского Союза. 14–25 февраля 1956 года. Стенографический отчет. М., 1956. Т. 1. С. 284.

¹² *Sfetcu P.* 13 ani... P. 298–299.

¹³ Ibid. P. 299–300.

¹⁴ 27 февраля руководство «братских» партий получило из Отдела ЦК КПСС по связям с иностранными компартиями текст доклада Н.С. Хрущева. Участия в самом закрытом заседании никто из них не принимал и текст доклада из уст Хрущева не слышал (см.: *Прокуменщиков М.Ю.* «Секретный» доклад Н.С. Хрущева на XX съезде КПСС и международное коммунистическое движение // Доклад Н.С. Хрущева о культе личности Сталина на XX съезде КПСС: Документы / Отв. ред. К. Аймермахер. М., 2002. С. 19, 36).

¹⁵ *Sfetcu P.* 13 ani... P. 301.

¹⁶ Cătănuș D. Tot mai departe de Moscova... Politica externă a României, 1956–1965. București, 2011. P. 128.

¹⁷ *Sfetcu P.* 13 ani... P. 301.

¹⁸ Доклад Н.С. Хрущева о культе личности Сталина на XX съезде КПСС: Документы / Отв. ред. К. Аймермахер. М., 2002. С. 646–647.

¹⁹ Там же. С. 647.

²⁰ *Sfetcu P.* 13 ani... P. 303. 11–12 марта состоялся расширенный пленум ЦК КПГ, итогом которого стало снятие с должности генерального секретаря Н. Захариадиса под предлогом разоблачения «культы личности».

²¹ Cătănuș D. Impactul raportului «secret» asupra conducerii P.M.R. Destalinizarea în România // Putere și societate. Lagărul comunist sub impactul destalinizării 1956. București, 2006. P. 113–114.

²² ANIC. Fond CC al PCR. Cancelarie. Dos. 374/1945. F. 112, Dos. 23/1956. F. 1. Dos. 27/1956. F. 127–128.

²³ *Cătănuș D.* Impactul raportului «secret»... P. 114–115. Г. Апостол — единственный член Политбюро РРП, оставивший свои воспоминания об этих событиях, излагает их искаженно. Сложно судить, являлось ли это преднамеренным шагом, либо Апостол ошибся случайно. Он писал, что доклад готовили Кишиневский и КонстантINESКУ при участии (с подачи Дежа) П. Борилэ, «знавшего лучше ситуацию в СССР, так как он жил там долгое время». В ходе подготовки доклада Борилэ якобы встречался с Дежем, и указал ему на то, что «в проекте доклада, кроме всего прочего, подчеркивается, что и в нашей партии, и в румынском обществе присутствуют тяжелые последствия культа личности, что и у нас есть свой Сталин, конечно, намного меньше, но есть в лице Дежа». Деж, по словам Апостола, не потерял самообладание и велел Борилэ продолжить участие в подготовке доклада (*Apostol Gh. Eu și Gheorghiu-Dej*... P. 159).

²⁴ *Toma S.* Privind înapoi... P. 115. Тома пишет, что после получения доклада начался второй этап «подготовки». Был созван второй специальный пленум, на котором он и другие члены ЦК с замириением сердца слушали текст выступления Хрущева. На самом деле, пленум был один, но его кульминационная часть пришлась именно на последний день работы.

²⁵ Текст отчетного доклада см.: ANIC. Fond CC al PCR. Cancelarie. Dos. 196/1956. F. 1–33.

²⁶ ANIC. Fond CC al PCR. Cancelarie. Dos. 374/1945. F. 112.

²⁷ *Apostol Gh. Eu și Gheorghiu-Dej*... P. 159.

²⁸ *Tudor A., Cătănuș D.* O destalinizare ratată. Culisele cazului Miron Constantinescu — Iosif Chișinevschi, 1956–1961. București, 2001. P. 55–56, 63; *Cătănuș D.* Impactul raportului «secret»... P. 115.

²⁹ Ibid. P. 117.

³⁰ *Sfetcu P.* 13 ani... P. 304–305.

³¹ *Tudor A., Cătănuș D.* O destalinizare ratată... P. 285–297.

³² ANIC. Fond CC al PCR. Cancelarie. Dos. 27/1956. F. 65.

³³ *Cătănuș D.* Impactul raportului «secret»... P. 120–121; ANIC. Fond CC al PCR. Cancelarie. Dos. 196/1956. F. 3, 7, 10, 26, 29.

³⁴ *Cătănuș D.* Impactul raportului «secret»... P. 124.

³⁵ *Toma S.* Privind înapoi... P. 117–118.

³⁶ Ibid. P. 117.

³⁷ Решение о порядке проведения партактивов на местах было принято на заседании Политбюро от 27 марта 1956 г. См.: ANIC. Fond CC al PCR. Cancelarie. Dos. 30/1956. F. 2–4; *Cătănuș D.* Impactul raportului «secret»... P. 126.

³⁸ Доклад Н.С. Хрущева о культе личности... С. 677–678.

³⁹ *Toma S.* Privind înapoi... P. 115.

⁴⁰ Ibid. P. 115–116.

⁴¹ Стенограмма заседания от 3, 4, 6 и 12 апреля опубликована в: *Tudor A, Cătănuș D. O destalinizare ratată...*

⁴² *Sfetcu P. 13 ani...P. 302.*

⁴³ *Cătănuș D. Impactul raportului «secret»... P. 126.*

⁴⁴ *Ibid. P. 132–133.*

⁴⁵ *Toma S. Privind înapoi... P. 120.*

⁴⁶ *Cătănuș D. Impactul raportului «secret»... P. 134–136.*

⁴⁷ *Ibid. P. 137.*

⁴⁸ *Sfetcu P. 13 ani... P. 183; Partea lor de adevar...P. 114.*

⁴⁹ *Partea lor de adevar... P. 114.*

⁵⁰ ANIC. Fond CC al PCR. Cancelarie. Dos. 197/1956. F. 1–4; *Toma S. Privind înapoi... P. 121.*

⁵¹ *Apostol Gb. Eu și Gheorghiu-Dej... P. 160.*

БУГА В.*

РУМЫНО-СОВЕТСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В 1960-е ГОДЫ

Анализ развития румыно-советских отношений в начале 60-х годов XX в. показывает в динамике усиление курса на постепенное, исключительно осторожное дистанцирование руководства Румынской рабочей партии (РРП) от прежней позиции подчинения Москве после смерти И.В. Сталина и, особенно, после Заявления Советского правительства от 30 октября 1956 г., которое утвердило, хотя и формально, новые принципы отношений между СССР и государствами, находившимися в сфере его влияния. Вывод советских войск с территории Румынии летом 1958 г., а также отзыв в Москву советников, задействованных в работе различных румынских учреждений, в еще большей степени усилили этот процесс.

Страх потерять власть, как это произошло в случае с деятелями некоторых других коммунистических партий стран «народной демократии», а также желание укрепить свои позиции после устранения политических противников, побудили руководителя РРП Г. Георгиу-Дежа к проведению политики, призванной легитимировать партию внутри страны и завоевать доверие населения.

«Команда Дежа, — писал академик Ф. Константиу, — никоим образом не ставила перед собой вопрос реформирования режима, как это пытались сделать в более мягкой форме Гьомулка или в более радикальной — Надь, а оставалась строгим приверженцем советской модели.

*Буга Василе — доктор истории, Институт по изучению тоталитаризма Румынской академии наук.

Все, чего желало румынское руководство, было стремление достичь определенной автономии в рамках «социалистического лагеря», призванной ограничить вмешательство московского «Большого Брата», и особенно помешать ему осуществить смену политического руководства»¹.

Румынские лидеры при этом осознавали рамки, в которых они должны были действовать, чтобы не вызвать подозрение со стороны Москвы и не поставить под угрозу избранный ими курс. Лишь этим можно объяснить осторожность, проявленную ими перед угрозой резкого обострения отношений с Москвой.

Первые разногласия в румыно-советских отношениях проявились во время переговоров, состоявшихся во время визита в Румынию (18–25 июня 1962 г.) советской делегации во главе с первым секретарем ЦК КПСС и председателем Совета Министров СССР Н.С. Хрущевым. Импульсивность советского руководителя и его лишённые такта замечания в адрес экономической политики РРП вызвали негативную реакцию у румынского руководства, убедив его в необходимости продолжения собственной политики.

Румыно-советские разногласия углубились в большей степени после появления в рамках СЭВ тенденции к формированию единого надгосударственного органа планирования, идей по созданию «отраслевых объединений», «совместных предприятий» и т.д. Все эти планы стали объектом дискуссий на Пленуме ЦК РРП 5–8 марта 1963 г., решения которого впоследствии обсуждались с партийным активом на закрытых совещаниях на основании специально подготовленного материала для внутреннего пользования, находившегося под грифом «совершенно секретно». Было заявлено, что создание наднациональных экономических органов может привести к нарушению национального суверенитета, к прямому вмешательству во внутренние дела государств, что являлось несовместимым с основными принципами сотрудничества между социалистическими странами².

Советское руководство, обеспокоенное новостями, поступавшими из Бухареста, особенно проведением закрытых совещаний, решило направить в Румынию секретаря ЦК КПСС Ю.В. Андропова с посланием от Хрущева. В центре переговоров с Георгиу-Дежем и другими членами румынского руко-

водства, состоявшихся 3 апреля 1963 г., было выяснение сути возражений румынской стороны относительно новых форм сотрудничества в рамках СЭВ и стремление сблизить точки зрения двух партий.

Характеризуя разногласия в отношениях между РРП и КПСС как «очень серьезные», Андропов заявил, что он был уполномочен передать предложение о встрече Георгиу-Дежа с Хрущевым в Москве или в Бухаресте с тем, чтобы обсудить «все возникшие вопросы». «Это, — продолжал Андропов, — наше искреннее желание, чтобы мы, смотря друг другу в глаза, с самыми добрыми намерениями решили эти вопросы»³.

Георгиу-Деж подробно изложил взгляды румынского руководства как на вопросы сотрудничества в рамках СЭВ, так и на вопросы отношений между коммунистическими и рабочими партиями, уточнив, что позиция РРП обсуждалась с партийным активом в соответствии с «долгом руководства партии». В конце встречи румынский лидер выразил готовность встретиться с Хрущевым, отметив, что румынской стороне требуется определенное время для подготовки детального, хорошо документированного материала по поводу всех проблем.

Промедление в проведении встречи двух руководителей, договоренность о которой уже была достигнута, вынудило руководство КПСС предпринять новый шаг для того, чтобы побудить румынскую сторону к действиям. После того, как договоренности с руководством РРП были достигнуты, 26 мая 1963 г. в Бухарест прилетела делегация партийных работников КПСС во главе с членом Президиума ЦК КПСС, первым секретарем ЦК Компартии Украины Н.В. Подгорным.

В центре дискуссии, в которой участвовали с румынской стороны Г. Георгиу-Деж, Н. Чаушеску, А. Бырлэдяну, Л. Сэлэжан, а с советской — Н.В. Подгорный, А.А. Епишев и несколько членов делегации партийных работников КПСС, находились письмо Хрущева, адресованное Георгиу-Дежу, а также разногласия, проявившиеся в последнее время в позициях двух партий как в двусторонних отношениях, так и в вопросах сотрудничества по линии СЭВ и в рамках мирового рабочего и коммунистического движения.

Ссылаясь на письмо Хрущева, Георгиу-Деж выразил удивление по поводу того, что в Москве сомневались относительно

готовности румынской стороны провести встречу на уровне руководителей двух партий для открытого обсуждения проблем, возникших в двусторонних отношениях. Вместе с тем, он заявил о согласии провести встречу на высшем уровне и пообещал предварительно передать руководству КПСС материал о позиции РРП по спорным вопросам⁴.

Румынский лидер выполнил свое обещание. 13 июня 1963 г. он направил Хрущеву ответное письмо, в котором сообщал, что не только он, но и другие члены румынского руководства выражают желание укрепить дружбу между партиями и народами двух стран и устранить «все, что могло бы причинить вред этой дружбе, которая успешно выдержала экзамен на прочность». С «горечью и беспокойством» Георгиу-Деж констатировал, что «в последнее время были высказаны идеи и подвергались обсуждению практические меры», которые, по мнению РРП, «затрагивают самые базовые принципы сотрудничества государств-членов СЭВ и в целом социалистических стран»⁵.

Румынский лидер считал «совершенно неприемлемым» расценивать заботу партии одной из социалистических стран об очень тщательном соблюдении своего суверенитета как «национальное обособление», «национальную узость», «национальный эгоизм», «национализм» или в качестве «тенденций к автаркии». В этом выделась практика, свойственная периоду культа личности и находившаяся «в полном противоречии с принципами отношений между социалистическими странами, между коммунистическими и рабочими партиями»⁶. В конце письма Георгиу-Деж дал согласие на проведение встречи с советским лидером, выразив надежду на то, что она будет «плодотворной и полезной»⁷.

Ожидаемая советской стороной и так долго откладывавшаяся встреча состоялась в Бухаресте 24–25 июня 1963 г. во время неофициального визита советской партийно-правительственной делегации во главе с Хрущевым. Как отмечают российские историки, беседа между Хрущевым и Георгиу-Дежем «проходила в напряженной атмосфере, в то же время руководителям двух стран удалось избежать публичной полемики, принципиальные расхождения, оставшиеся непреодоленными, не вылились, однако, на поверхность»⁸.

Переговоры, отмеченные напряженными моментами, все же позволили прояснить некоторые вопросы, связанные с формами сотрудничества в рамках СЭВ. Это подтверждается тем, что на встрече первых секретарей ЦК коммунистических и рабочих партий и руководителей правительств социалистических стран (24–26 июля 1963 г., Москва) больше не поднимались проблемы, которые не поддерживались с румынской стороны.

Ряд последовательных мер, предпринятых в 1963 г. Румынией, на наш взгляд, представляют собой ключевой момент будущего состояния румыно-советских отношений. Георгиу-Деж понял, что возможности для компромиссов исчерпаны, иначе это привело бы не к возврату к «прежнему состоянию румыно-советских отношений, а еще большему их ухудшению»⁹.

В этой связи на заседании Политбюро ЦК РРП 5 июня 1963 г. обсуждался вопрос о дальнейшей целесообразности работы в рамках МВД РНР советских советников (это были последние советские советники, еще не отозванные из Румынии. — В.Б.) и признана необходимость предложить советской стороне отозвать их. Через месяц было также утверждено положение о том, что соответствующие государственные органы будут рассматривать заявления советских граждан, которые прибыли на постоянное место жительства в Румынию, вступив в брак, на предоставление им румынского гражданства¹⁰, было принято решение о переименовании местностей, предприятий, учреждений, улиц, в том числе объектов, носивших советские и русские названия.

Одновременно были утверждены предложения Министерства образования о преподавании в средней школе с пятого класса одного из основных международных языков (русский, английский, французский), а также с девятого класса — второго иностранного языка (русский, английский, французский, немецкий), положив тем самым конец обязательному преподаванию в школах русского языка¹¹.

В этих же целях Политбюро ЦК РРП утвердило положение об отмене, начиная с нового (1963–1964) учебного года, спецкурсов по советской истории, физической и экономической географии СССР, русской и советской литературе, которые читались на факультетах румынских университетов. Решение

обосновывалось тем, что эти курсы должны были бы «органично и соразмерно» вписаться в курсы по всеобщей истории, физической географии континентов и мировой литературе¹².

Среди мер, которые незаслуженно оценивались в качестве антисоветских, были и декабрьское решение 1963 г. о реорганизации Института румыно-советских исследований, расширение общественного характера деятельности Румынской ассоциации по укреплению дружеских связей с СССР (АРЛУС), закрытие издательства «Русская книга» и Румыно-русского музея столицы, включение бывшего Педагогического института русского языка им. М. Горького в состав факультета славянских языков и литератур Института иностранных языков и литератур, учрежденного в Бухаресте.

1964 год стал новым этапом в процессе ярко выраженного дистанцирования румынского руководства от Москвы, усиленного особой позицией Бухареста по вопросу об обострении советско-китайских противоречий.

Если в начале 1960-х годов РРП твердо придерживалась советской стороны в возникшей полемике между КПСС и КПК, то постепенно она заняла равноудаленную позицию, считав, что было бы ошибкой поддержать «одну или другую сторону» в конфликте, который все больше угрожал единству международного рабочего и коммунистического движения¹³.

«Заявление Румынской рабочей партии по вопросам международного рабочего и коммунистического движения» (курсив наш. — В.Б.), принятое на расширенном Пленуме ЦК РРП (15–22 апреля 1964 г.), стало переломным моментом в румыно-советских отношениях и интерпретировалось в качестве «Декларации независимости». Положения этого документа, привлечшего внимание Москвы, касались сотрудничества в рамках СЭВ и путей восстановления единства международного рабочего и коммунистического движения.

По первому вопросу РРП признала основной формой экономического сотрудничества стран-членов СЭВ «координацию планов на основе двусторонних и многосторонних интересов», выразив несогласие с передачей ряда экономических функций из компетенции соответствующего государства в компетенцию каких-либо надгосударственных органов или учреждений¹⁴.

По второй проблеме точка зрения РРП сводилась к тому, что в условиях разногласий, существовавших в коммунистическом движении, велика «опасность нового проявления методов и практик, порожденных культом личности», что должно стать поводом для утверждения новых норм и принципов во взаимоотношениях коммунистических партий и социалистических стран¹⁵.

По мнению академика Константиину, «Апрельская декларация ЦК РРП» представляла собой «кульминацию политики, начатой после смерти Сталина, и стала основой политической стратегии РКП <...> как в отношениях с СССР и с “братскими” партиями, так и в отношениях с другими странами, будь то “капиталистические” или неприсоединившиеся»¹⁶.

Массовая кампания по изучению на закрытых заседаниях партийных ячеек идей, содержащихся в Декларации, охватывала разные аспекты румыно-советских отношений, причем некоторые высказывания звучали с очень критических позиций. Это раздражало московское руководство, побудив его принять меры. Первая реакция была озвучена в ходе переговоров по случаю визита в СССР в начале июня 1964 г. делегации румынских партийных активистов во главе с членом Политбюро, секретарем ЦК РРП К. Стойка. В конце визита, по инициативе советской стороны, состоялась внеплановая встреча с делегацией КПСС, в составе которой были А.И. Микоян, Н.В. Подгорный, Ю.В. Андропов и другие члены советского партийного и государственного руководства. В ходе бесед советские представители выразили недоумение по поводу изменений в румыно-советских отношениях и некоторых аспектов внутренней и внешней политики РРП и Румынии, вызвавших «беспокойство» и «тревогу» в Москве¹⁷.

Политбюро ЦК РРП на заседании 23 июня 1964 г., заслушав отчет делегации под руководством Стойки о переговорах в Москве, решило предложить ЦК КПСС организовать встречу представителей руководств двух партий, чтобы обсудить «все дискуссионные проблемы для их уточнения», а после этого провести встречу первых секретарей двух партий¹⁸. Георгиу-Деж предложил, чтобы румынская сторона взяла на себя инициативу как можно скорее организовать такую встречу с тем, чтобы избежать впечатления, будто она «убегает от дис-

куссии»¹⁹. На том же заседании было принято постановление о награждении Хрущева «Звездой РРП» I степени по случаю его 70-летнего юбилея.

26 июня 1964 г. ЦК РРП направил ЦК КПСС письмо за подписью Георгиу-Дежа, в котором румынский лидер выразил «горечь и тревогу», вызванную информацией о переговорах, состоявшихся в Москве с румынской делегацией, и предложил встретиться в начале июля для рассмотрения вопросов, представляющих общий интерес, и для «устранения всего того, что может омрачить братские отношения» между двумя партиями²⁰.

В ответном письме от 2 июля 1964 г. Хрущев дал свое согласие на проведение встречи, отметив, что она стала бы «самой подходящей формой для товарищеского обмена мнениями по проблемам, представляющим взаимный интерес, и для устранения всего того, что препятствует развитию и укреплению братских отношений» между двумя партиями²¹.

В соответствии с достигнутым соглашением румынская делегация во главе с членом Политбюро ЦК РРП, председателем Совета министров РНР И.Г. Маурером прибыла в Москву, где с 7 по 14 июля 1964 г. прошли переговоры с делегацией КПСС под руководством члена Президиума ЦК КПСС, секретаря ЦК КПСС Подгорного. Румынская делегация также встретила с Хрущевым на специальном ужине.

Переговоры в Москве²², часто характеризующиеся как максимально напряженные, охватывали широкий круг важных аспектов румыно-советских отношений, а также внутренней и внешней политики двух партий и стран. В первый день переговоров Маурер уточнил, что целью делегации являлось обсуждение «абсолютно всех проблем, которые могут омрачить отношения» между двумя партиями и странами, для того, чтобы в ходе дискуссий «прояснить всё» так, чтобы «дружба между нами не была бы ничем омрачена», а в румыно-советских отношениях «не осталось бы никакой неясности»²³.

Румынская делегация дала подробные объяснения в ответ на многочисленные упреки советской стороны в адрес проявлений в Румынии «антисоветизма» (речь шла об упразднении профильных учреждений по изучению русского языка и истории СССР, переименовании улиц, «притеснении» советс-

ких граждан, высказываниях о наличии в Румынии советской агентуры, формулировании ряда территориальных претензий, игнорировании роли Советского Союза в освобождении Румынии от фашистской оккупации и др.). Затрагивались также вопросы о роли совромов*, об особой позиции Румынии в процессе сотрудничества по линии СЭВ и ОВД, в различных международных организациях, в международном рабочем и коммунистическом движении и т.д.

Сглаживание румыно-советских разногласий в ходе июльских переговоров 1964 г., изменения, произошедшие в руководстве КПСС в октябре 1964 г. и завершившиеся отставкой Хрущева, позволили румынскому руководству продолжить независимый курс, особенно укрепившийся после смерти в марте 1965 г. Георгиу-Дежа и прихода к власти Чаушеску.

Переговоры, состоявшиеся в Бухаресте 25 марта 1965 г., между румынской делегацией во главе с новым первым секретарем ЦК РРП Чаушеску и советской партийно-правительственной делегацией во главе с членом Президиума ЦК КПСС, председателем Президиума Верховного совета СССР Микояном, присутствовавшей на похоронах Георгиу-Дежа, показали желание обеих сторон продолжать взаимное сотрудничество, несмотря на разногласия по некоторым вопросам, среди которых наиболее серьезным считалась особая позиция РРП (с 1965 г. РКП) в связи с советско-китайской полемикой.

Участие делегации КПСС во главе с первым секретарем ЦК КПСС Л.И. Брежневым в работе IX съезда Румынской коммунистической партии (июль 1965 г.) и переговоры между делегациями двух стран ознаменовали собой начало нового этапа в румыно-советских отношениях. Показательной в этом смысле явилась личная беседа Чаушеску и Брежнева, в ходе которой лидер КПСС хотел уверить румынского коллегу в том, что его желанием является «нормализация отношений с Румынией», а первым условием для этого станет отказ от стиля руководства его предшественника Хрущева, известного своей грубой позицией в отношениях с румынскими руководителями. «Я намерен, — сказал Брежнев, — сделать все, чтобы постепенно ликвидировать то, что было накоплено и что омрачает наши

* Совромы — советско-румынские совместные предприятия — прим. пер.

отношения. Я знаю, что у вас есть много причин чувствовать себя оскорбленными»²⁴.

Чаушеску, в свою очередь, уведомил своего собеседника о том, что и румынское руководство намерено избавиться от «всего, что мешает дружественным отношениям» между двумя странами, и пойти в этом навстречу советской стороне, прося последнюю не раздражаться, «если мы будем говорить, когда мы не согласны с Вами»²⁵.

По приглашению руководства КПСС 3 сентября 1965 г. в Советский Союз с официальным визитом прибыла румынская партийно-правительственная делегация во главе с Чаушеску, где она провела переговоры с советской делегацией во главе с Брежневым.

В повестке дня стояли ряд политических и экономических вопросов, а также вопросы внешней политики. Подчеркивая, что дружба и сотрудничество с Советским Союзом являются «приоритетной задачей» внешней политики Румынии, Чаушеску указал, что в последние годы в диалог между двумя странами вмешались «некоторые вещи, которые вызвали определенное раздражение или в некоторой степени омрачили хорошие отношения»²⁶. «Мы признаем, — заявил по этому поводу румынский лидер, — что правильно и важно вскрыть все проблемы, даже если некоторые из них не слишком приятные»²⁷.

Брежнев, в свою очередь, поддержал высказанное румынской делегацией пожелание о развитии дружбы и сотрудничества между двумя партиями и странами, а также отметил уважение, которое испытывает советский народ по отношению к румынскому, и его искреннее желание дружить с ним. Касаясь развития румыно-советских отношений, Брежнев ограничился обозначением волонтаристской позиции своего предшественника Хрущева, которая «не принесла никакой пользы» и «иногда порождала оскорбительные чувства»²⁸.

Обращаясь конкретно к двусторонним отношениям, Брежнев подчеркнул пользу от расширения обмена делегациями для взаимовыгодного изучения опыта, особенно в сфере идеологической работы. Он отметил, что в последнее время в Румынии появились исторические труды, в которых «некоторые исторические проблемы стали представляться тенденциозно», отражая негативные стороны румыно-советских отношений²⁹.

В этой связи он указал на публикацию работы К. Маркса «Записки о румынах», которая была признана в СССР «непоследовательной и необоснованной с научной точки зрения»³⁰.

Со своей стороны румынский лидер отметил тот факт, что наряду с проблемами, по которым было достигнуто соглашение, остались нерешенные вопросы, над которыми обеим сторонам еще предстоит работать (речь шла о просьбе румынской стороны передать документы, принадлежавшие РКП и находившиеся на хранении в архиве Коминтерна, и о возврате румынского золотого запаса, эвакуированного в Москву в годы Первой мировой войны). Он выразил надежду на то, что дальнейшее решение проблем, по которым не было достигнуто соглашение, не станет причиной ослабления дружбы, и что они будут рассмотрены «в духе и при желании укрепления дружбы»³¹.

Брежнев выразил удовлетворение открытым и дружелюбным тоном состоявшихся переговоров и предложил, чтобы нерешенные проблемы не рассматривались как разногласия, а были бы отложены для последующего совместного обсуждения.

Чаушеску, подробно информировав Исполком ЦК РКП о результатах своего визита в СССР, оценивавших им как позитивные, заявил, что многое прояснилось, «[советские] товарищи поняли, что отношения могут быть нормальными и могут развиваться только на основе равенства, а не подчинения»³².

Продолжению румыно-советского диалога, необходимого для укрепления двусторонних отношений как на политическом, так и на экономическом уровне, способствовали участие делегации РКП во главе с Чаушеску в работе XXIII съезда КПСС (февраль 1966 г.), а также рабочий визит Брежнева в Бухарест (10–12 мая 1966 г.) для консультаций перед проведением в румынской столице заседания Политического консультативного комитета (ПКК) ОВД и очередной сессии СЭВ.

По мнению Брежнева, высказанному в ходе майских переговоров 1966 г., обеим партиям необходимо было приложить больше усилий для улучшения взаимного обмена информацией, с чем согласилась и румынская сторона. При этом Чаушеску вновь заявил, что политика РКП направлена на укрепление отношений со всеми социалистическими странами, а сущес-

твование различных мнений не должно служить поводом для распрей³³.

Советский лидер выразил удовлетворение атмосферой переговоров, отметив, что отсутствие единогласия по некоторым вопросам «не омрачило дискуссии»³⁴. Призывая присутствующих рассмотреть прошлые ошибки, совершенные в отношении румын при Хрущеве, Брежнев заявил: «Я не только [их] не хочу повторять, но и верю, что их больше никогда не будет»³⁵. Он выразил уверенность в том, что со стороны руководства КПСС будут предприняты все усилия для того, чтобы румыно-советские отношения «стали самыми серьезными и самыми хорошими», добавив, что в этих стремлениях имеет значение взаимность.

Проблема дальнейшего развития отношений между двумя партиями и странами значилась и в повестке дня переговоров на высшем уровне, состоявшихся в Москве в период с 17 по 18 марта 1967 г.

Проходившее после довольно напряженной беседы по некоторым деликатным вопросам (замечания румынской стороны по проекту Договора о нераспространении ядерного оружия, установление Румынией дипломатических отношений с ФРГ 31 января 1967 г. без консульгации с советским руководством) обсуждение проблемы двусторонних отношений показало стремление двух лидеров продолжить диалог, несмотря на расхождение мнений, которое все четче проявлялось по ряду международных вопросов.

Особая позиция Румынии в ходе ближневосточного кризиса (июнь 1967 г.), а также ее отказ разорвать дипломатические отношения с Израилем усугубили недоверие в двусторонних отношениях. Для прояснения создавшейся ситуации стороны договорились об организации новой встречи на высшем уровне, которая состоялась в Москве 14–15 декабря 1967 г.

В этой связи Чаушеску заявил, что румыно-советские отношения «развиваются в хороших условиях», несмотря на наличие вопросов, по которым проявились некоторые разногласия³⁶, подчеркнув одновременно желание найти способы урегулирования этих вопросов.

Среди проблем двусторонних отношений стояли также вопросы о необходимости разработки нового Договора

о дружбе, сотрудничестве и взаимопомощи между двумя странами, который должен был заменить договор, подписанный 4 февраля 1948 г., и о возвращении румынского золотого запаса. В ходе декабрьской встречи большое внимание было уделено развитию экономических и военных отношений между двумя странами, а также вопросам, связанным с сотрудничеством в рамках ОВД.

Брежнев оценил в качестве «нормального» развитие румыно-советского сотрудничества, признав, что существует потенциал для углубления и улучшения двусторонних отношений во всех областях. Во время приёма, организованного в честь делегации РКП, советский лидер поднял тост, назвав прошедшие переговоры «важными и полезными», характеризующимися «искренним тоном» и открытым обменом мнениями касательно как перспектив двусторонних отношений, так и стремления активизировать сотрудничество во всех областях, в том числе по широкому кругу международных вопросов³⁷. Он особо отметил, что договоренность обеих сторон о продлении советско-румынского Договора является действительно «важным политическим актом», призванным отразить уровень, которого достигли две страны после 20 лет сотрудничества. Советский лидер также поблагодарил за приглашение в Румынию в 1968 г. советской партийно-правительственной делегации, дата визита которой должна была быть согласована позднее.

В свою очередь Чаушеску заявил, что, по его мнению, было достигнуто «полное понимание по всем обсуждавшимся вопросам» о политическом и экономическом сотрудничестве между двумя странами³⁸.

17 декабря 1967 г. на заседании Исполкома ЦК РКП Чаушеску выступил с докладом об итогах переговоров, проведенных в Москве, поставив на первый план проблемы, по которым были достигнуты некоторые соглашения, а также те, которые остались нерешенными, в том числе о возврате румынского золотого запаса.

Чехословацкий кризис августа 1968 г. ознаменовал собой новые осложнения в румыно-советских отношениях вследствие особой позиции румынского руководства, не поддержавшего ввод в ЧССР войск пяти стран-участниц Варшавского договора 21 августа и требовавшего их вывода и предоставления

чехословацкому народу права самостоятельно решать свои проблемы.

Обмен письмами между руководителями двух партий в последующие дни показал, что ни в Москве, ни в Бухаресте не желали сохранения напряженных отношений. После завершения советско-чехословацких переговоров в Москве критика РКП в отношении Советского Союза в значительной степени смягчилась. Хотя в ходе последующих переговоров эта проблема вновь поднималась, это не привело к сближению позиций.

Последующие события, однако, подтвердили правоту точки зрения РКП. Заявление руководителей пяти социалистических стран, принятое 4 декабря 1989 г. в Москве и признавшее ошибочной меру по военному вмешательству в Чехословакию, иллюстрирует обоснованность румынской позиции в те дни.

После преодоления максимального напряжения в двусторонних отношениях, возникшего во время чехословацкого кризиса, вновь наметилось стремление руководств обеих партий к приведению их в нормальное русло. Это было продемонстрировано в ходе переговоров на высшем уровне в Москве 16 мая 1969 г. Тактично обойдя вопросы, связанные с чехословацким кризисом, Чаушеску и Брежнев проявили готовность к поиску совместных решений различных накопившихся проблем двустороннего сотрудничества.

С самого начала Чаушеску выразил желание беседовать «товарищески, искренне, открыто», чтобы найти пути для улучшения отношений. «Объективно, — говорил он, — мы считаем, что не существует ничего, что могло бы воспрепятствовать тому, чтобы отношения между нашими партиями и народами были самыми лучшими», добавив, что между обеими странами нет никаких спорных вопросов, «которые могут привести к недопониманию или к некоторому напряжению»³⁹.

Румынский лидер выразил мнение, что наличие разногласий по международным вопросам или другим проблемам не должно влиять на отношения между двумя партиями и странами, учитывая, что «различные мнения по тому или иному вопросу существовали, существуют и будут существовать в будущем»⁴⁰. Он выступил за установление «более тесного контакта» между двумя партиями и правительствами, в том числе на самом высоком уровне. «Практика показывает, — отмечал

румынский лидер, — что тогда, когда проводились подобные встречи, даже если дискуссии порой были слишком громкими, в конце концов, они заканчивались успешно»⁴¹.

Брежнев, в свою очередь, выразил пожелание КПСС, правительства и советского народа развивать «хорошие отношения» с Румынией «в самом широком смысле этого слова»⁴². Он признал, что в последние годы в отношениях между двумя партиями и странами «существовала определенная напряженность, временная, непостоянная». Советский лидер подтвердил стремление руководства СССР предпринять «серьезные шаги по улучшению отношений», подчеркнув необходимость достижения согласия по «принципиальным позициям», на основании которых коммунистические партии «должны придержаться единой линии и единого мнения»⁴³.

В тостах, произнесенных двумя руководителями на приеме в честь румынской делегации, отмечался «открытый, искренний, партийный дух и, в тоже время, дружественный тон»⁴⁴, в котором обсуждались проблемы, причины, обусловившие напряжение в двусторонних отношениях, выражалась готовность к дальнейшему развитию взаимовыгодного сотрудничества. Брежнев подчеркнул, что по двум проблемам — китайской и чехословацкой — делегации «не нашли общий язык»⁴⁵, отмечая, однако, что атмосфера, в которой прошли переговоры, должна способствовать укреплению дружбы между двумя народами и странами. В этом контексте он указал, что советская делегация посетит Румынию для подписания нового Договора о дружбе, сотрудничестве и взаимопомощи между двумя странами.

Разделяя мнение об атмосфере, в которой рассматривались обсуждавшиеся вопросы, высказанные советским лидером, Чаушеску указал на «цивилизованную форму» переговоров, что поспособствует лучшему взаимопониманию и поиску совместных решений⁴⁶. Вместе с тем он подчеркнул необходимость обсуждения проблем «по мере их поступления». «Если что-то осталось в стороне, — продолжил Чаушеску, — если мы вместо того, чтобы встретиться и обсудить проблемы, будем держаться подальше друг от друга, это не только не поможет нам прояснить проблемы, но и усложнит их»⁴⁷. Он согласился с тем, что по тем проблемам, которые упомянул Брежнев — китайс-

кой и чехословацкой — «еще существуют разные мнения», но выразил надежду на то, что время поможет их сблизить.

Преодоление критического момента в румыно-советских отношениях в ходе переговоров 16 мая 1969 г. не означало еще полного разрешения существовавших проблем.

Визит в Бухарест в начале августа 1969 г. американского президента Р. Никсона, первый визит лидера США в Румынию, привел к новому похолоданию и недоверию в отношениях Москвы и Бухареста, несмотря на все меры предосторожности, предпринятые румынским руководством, и на тот факт, что оно проинформировало советского посла А.В. Басова об итогах визита американского гостя, который во время румыно-американских переговоров «все время настойчиво подчеркивал, что он приехал в Румынию с искренним желанием не только создать условия для развития румыно-американских отношений, но и заложить основы для улучшения отношений с другими социалистическими странами», уверяя, что «ни при каких обстоятельствах не хотел бы, чтобы его визит нанес даже малейший урон отношениям Румынии с другими социалистическими странами, прежде всего с Советским Союзом»⁴⁸. В связи с этим советский посол цитировал ремарку румынского лидера: «Я сказал ему [Никсону] открыто, что, если бы у нас были основания полагать, что он приедет в нашу страну с какими-либо другими мыслями, мы бы никогда не дали согласие на его визит»⁴⁹.

Охлаждение, произошедшее в двусторонних отношениях, не помешало румынскому руководству в сентябре 1969 г. принять решение о праздновании в стране столетия со дня рождения В.И. Ленина (22 апреля 1970 г.) и организации ряда мероприятий (торжественные собрания; научные конференции; завершение публикации 55-томного Полного собрания сочинений В.И. Ленина на румынском языке⁵⁰, а также работ о его жизни и деятельности, его высказываний о Румынии; распространение в средствах массовой информации соответствующих материалов; организация лекций, культурно-художественных мероприятий в домах культуры, общежитиях, школах и университетах, в военных учреждениях; выпуск памятной почтовой марки).

В дни пребывания румынской делегации в Москве на совещании ПКК ОВД (3–4 декабря 1969 г.) состоялась очередная советско-румынская встреча, в которой приняли участие с румынской стороны Чаушеску, председатель правительства Маурер, министр иностранных дел Мэнеску, а с советской — Брежнев, председатель Совета министров СССР А.Н. Косыгин, председатель Президиума Верховного совета СССР Подгорный, министр иностранных дел А.А. Громыко, секретарь ЦК КПСС К.Ф. Катусhev, глава Международного отдела ЦК КПСС К.В. Русаков. В ходе встречи румынский лидер заявил по поводу отношений между двумя партиями и странами, что «в целом они развиваются относительно хорошо»⁵¹. Он выразил желание искать совместными усилиями пути, способные обеспечить улучшение отношений между двумя партиями и государствами, подчеркнув большое значение, придаваемое этому со стороны РКП, а также желание, чтобы эти отношения развивались в духе партнерства⁵².

Румынский лидер допустил, что в ходе дальнейшего сотрудничества между Румынией и СССР могли бы возникнуть некоторые новые проблемы, которые, по мнению румынской стороны, не должны влиять на общий характер отношений между двумя партиями и странами. Он полагал, что для их решения необходимо прежде всего регулярно обмениваться мнениями, чтобы найти пути для успешного развития взаимосвязей и осуществления общих мероприятий.

В свою очередь, Брежнев согласился с тем, что отношения между двумя партиями и странами должны «быть очень хорошими»⁵³, подчеркнув, что в случае возникновения «шероховатостей, ненормального положения вещей, ответственность будет нести, в первую очередь, партия, отклонившаяся от установленных правил дружбы»⁵⁴. Брежнев считал, что проблемы в отношениях двух партий необходимо обсуждать в духе «серьезного, основательного динамизма», а затем переходить к обсуждению экономических вопросов, разделяя, таким образом, экономические и политические проблемы.

Несмотря на синусоидальную эволюцию румыно-советских отношений на уровне политического руководства двух стран, нужно отметить, что в 1960-е годы Румыния и СССР продол-

жали поддерживать экономическое, научно-техническое, культурное сотрудничество, обмен между партийными и общественными организациями, в том числе на местном уровне. Особенно важными представляются политическая воля и проявление такта руководствами РКП и КПСС в их стремлении поддержать, при сохранении разногласий, нормальные отношения между двумя соседними народами и странами. Это создало условия, которые позволили подписать 7 июля 1970 г. в Бухаресте новый Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимопомощи между СРР и СССР.

Перевод с румынского Гладышевой А.С.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Constantiniu F.* O istorie sinceră a poporului român, Ediția a IV-a revăzută și adăugită, București; Univers Enciclopedic, 2008. P. 478.

² Arhivele Naționale Istorice Centrale (ANIC). Fond CC al PCR. Cancelarie. Dosar nr. 6/1963. Vol. I. F. 79.

³ Ibidem. Dosar nr. 18/1963. F. 16–17.

⁴ Ibidem. Dosar nr. 22/1963. F. 4.

⁵ Ibidem. Dosar nr. 25/1963. F. 29–30.

⁶ Ibidem. F. 55.

⁷ Ibidem. F. 60.

⁸ Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. Черновые протокольные записи заседаний. Стенограммы. Постановления / Под ред. А.А. Фурсенко. М., 2015, 3-е изд., испр. Т. 1: Черновые протокольные записи заседаний. С. 1159.

⁹ *Stanciu C.* Frăția socialistă. Politica R.P.R. față de țările lagărului socialist, 1948–1964. Târgoviște, 2009. P. 261.

¹⁰ Ibidem. Dosar nr. 41/1963. F. 3–4.

¹¹ ANIC. Fond CC. al PCR. Cancelarie. Dosar nr. 45/1963. F. 33.

¹² Ibidem. Dosar nr. 44/1963. F. 2.

¹³ *Banu F., Țăranu L.* Aprilie 1964, «Primăvara de la București». Cum s-a adoptat «Declarația de independență» a României? București, 2004. P. LXV.

¹⁴ Scânteia. 26 aprilie 1964.

¹⁵ Ibidem.

¹⁶ *Constantini F.* Op. cit. P. 487.

¹⁷ ANIC. Fond CC. al PCR. Secția Relații Externe. Dosar nr. 36/1964. F. 3.

¹⁸ Ibid. Cancelarie. Dosar nr. 27/1964. F. 2.

¹⁹ Ibid. F. 28–29.

²⁰ Ibid. Secția Relații Externe. Dosar nr. 36/1964. F. 5.

²¹ Ibidem.

²² Стенограмму переговоров см.: *Buga V. O vară fierbinte în relațiile româno-sovietice. Convorbirile de la Moscova din iulie 1964.* București, 2012.

²³ ANIC. Fond CC. al PCR. Secția Relații Externe. Dosar nr. 36/1964. F. 4–5.

²⁴ Ibid. Dosar nr. 28/1965. F. 27.

²⁵ Ibidem.

²⁶ ANIC. Fond CC. al PCR. Cancelarie. Dosar nr. 124/1965. F. 6.

²⁷ Ibidem.

²⁸ Ibid. F. 42.

²⁹ Ibid. F. 50.

³⁰ Ibidem.

³¹ Ibid. F. 94.

³² Ibid. Dosar nr. 128/1965. F. 14.

³³ Ibid. Secția Relații Externe. Dosar nr. 72/1966. F. 43.

³⁴ Ibid. F. 182.

³⁵ Ibid. F. 183.

³⁶ Ibid. Dosar nr. 101/1967. F. 5.

³⁷ Ibid. F. 68.

³⁸ Ibid. F. 70.

³⁹ Ibid. Secția Relații Externe. Dosar nr. 25/1969. F. 18.

⁴⁰ Ibidem.

⁴¹ Ibid. F. 20.

⁴² Ibid. F. 51.

⁴³ Ibid. F. 55.

⁴⁴ Ibid. Dosar nr. 140/1969. F. 89.

⁴⁵ Ibid. F. 90.

⁴⁶ Ibid. F. 91.

⁴⁷ Ibidem.

⁴⁸ АВП РФ. Оп. 59. Папка 302. Д. 10. Л. 13.

⁴⁹ Там же. Л. 14.

⁵⁰ Румыния была первой страной в мире, в которой осуществили перевод всех произведений В.И. Ленина.

⁵¹ ANIC. Fond CC al PCR. Secția Relații Externe. Dosar nr. 102/1969. F. 51.

⁵² Ibid. F. 52.

⁵³ Ibid. F. 54.

⁵⁴ Ibid. F. 55.

НОВОСЕЛЬЦЕВ Б.С.*

ЮГОСЛАВИЯ И ФРГ В 1960-е ГОДЫ. ОТ РАЗРЫВА К ВОССТАНОВЛЕНИЮ ДИПЛОМАТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ

19 октября 1957 г. правительство ФРГ заявило о разрыве дипломатических отношений с Югославией. Причиной этому послужило установление отношений между ФНРЮ и ГДР 15 октября того же года. Согласно проводимой ФРГ так называемой доктрине Хальштейна, правительство Западной Германии считалось единственным легитимным представителем всего немецкого народа, в то время как Восточная Германия рассматривалась как территория, оккупированная Советским Союзом. Внешнеполитическая часть доктрины предполагала немедленный разрыв отношений с любым государством, заявившим о признании ГДР¹.

Так интересы югославской внешней политики вступили в противоречие с ее экономическими интересами. Решение о признании ГДР было продиктовано желанием сделать шаг навстречу Советскому Союзу, притом что ФРГ была одним из важнейших торговых партнеров Югославии. Признание Восточной Германии ухудшило отношения Югославии и с другими странами Запада. Так представители Государственного департамента США расценили этот ход как сигнал того, что ФНРЮ уступает советскому давлению и движется в направлении прекращения политики неприсоединения².

В течение 1958 г. правительство Югославии несколько раз ставило вопрос о восстановлении дипломатических отношений с ФРГ. Эти инициативы были продиктованы стремлением добиться права принять участие в предстоящем саммите, пос-

* Новосельцев Борис Сергеевич — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института славяноведения РАН.

вященном спорным вопросам международных отношений, в качестве представителя от неприсоединившихся стран³. Ближе к середине 1958 г. стало ясно, что единственной темой на переговорах станет германский вопрос. В конце 1950-х — начале 1960-х годов он представлял собой комплекс проблем, по которым СССР и США не могли достичь компромисса. Во-первых, споры велись вокруг признания существования двух германских государств. По мнению Москвы, отрицать это — значило бы закрывать глаза на политическую реальность. Вашингтон поддерживал правительство Западной Германии и его «доктрину Хальштейна». Вторым моментом было заключение мирного договора между западными странами и ГДР, что де-факто означало бы признание с их стороны существования восточногерманского государства. В-третьих, актуальным являлся вопрос, связанный с милитаризацией Западной Германии, и с возможностью передачи вооруженным силам ФРГ американского атомного оружия. В странах советского лагеря это именовалось «поощрением немецкого реваншизма». И, наконец, в-четвертых, СССР и Соединенные Штаты не могли найти компромисса относительно статуса Западного Берлина. Советский Союз предлагал превратить его в демилитаризованный вольный город, в противном случае угрожая передать контроль над доступом к коммуникациям властям ГДР. США считали Западный Берлин анклавом ФРГ, что, по мнению советских лидеров, ставило под сомнение государственную самостоятельность ГДР и тормозило ее вхождение в международное правовое пространство. В марте 1959 г. были достигнуты договоренности о проведении четырехстороннего саммита на уровне министров иностранных дел с участием представителей СССР, США, Англии и Франции. Югославскую делегацию единодушно было решено не приглашать: Н.С. Хрущев и его соратники в условиях разворачивавшегося второго советско-югославского конфликта (1958–1961) не хотели увеличения международного авторитета и влияния ФНРЮ, а западные страны опасались, что Югославия поддержит позицию СССР⁴. Переговоры четырех держав не привели к разрешению берлинского вопроса. После визита Хрущева в США в сентябре 1959 г. была достигнута принципиальная договоренность о созыве еще одной конференции в Париже, однако она была

сорвана из-за скандала в связи с инцидентом со сбитым 1 мая 1960 г. над СССР американским самолетом-шпионом U-2.

С началом нового сближения между Белградом и Москвой в 1961–1962 гг. единство или близость позиций двух стран по германскому вопросу стали залогом нормализации отношений. Поворотным в этом смысле событием стала Белградская конференция неприсоединившихся стран (1–6 сентября 1961 г.). Югославский президент Й. Броз Тито нарушил обещания, данные дипломатам западных стран, и неожиданно резко выступил по всем спорным вопросам солидарно с позицией Москвы. В частности, он заявил, что «существование двух германских государств является реальностью, которую нельзя отрицать <...>, в Восточной Германии общественное развитие пошло по пути социализма. В Западной Германии восстановлена типично капиталистическая общественная система, переплетающаяся с остатками фашистских и реваншистских концепций и тенденций, которые вызывают глубокую озабоченность <...>. Сейчас мы стоим на грани опасной военной ситуации <...>, прежде всего из-за близорукой и непонятной политики некоторых держав, которые, не знаю на каком основании, считают, что вооруженная милитаристская Германия является фактором безопасности в Европе»⁵. Основную ставку Белград теперь делал на сотрудничество со странами «третьего мира» и с СССР. А это означало, что в ближайшее время восстановление дипломатических отношений с ФРГ не представлялось возможным.

Важными проблемами во взаимоотношениях двух стран в 1960-е годы стали выплата компенсаций жертвам нацистского террора и урегулирование правового положения югославских гастарбайтеров в ФРГ.

По первому вопросу Белград указывал на моральную и юридическую обязанность западногерманского правительства произвести выплаты, в то время как Бонн в своих нотах трактовал компенсации как «добрую волю» и подчеркивал, что они не могут быть предоставлены тем странам, которые не признают ФРГ единственным легитимным представителем немецкого народа⁶. Югославы расценивали это как дискриминацию и требовали от Западной Германии выплатить 30 млрд долларов⁷.

Что касается гастарбайтеров, то проблема эмиграции рабочей силы впервые была поднята в 1962 г. на заседании Исполнительного комитета Социалистического союза трудового народа Югославии. Было принято решение, согласно которому за границу могли временно выезжать неквалифицированные рабочие, в то время как отъезд квалифицированной рабочей силы было решено ограничивать, «так как она необходима нашей экономике»⁸. В конце 1963 г. Союзное исполнительное вече разработало «Руководство по трудоустройству работников за рубежом» — первый правовой акт, юридически регулировавший трудовую миграцию. Главной его целью было прекращение неорганизованного оттока югославской рабочей силы в Западную Европу. Особенно массовой временная эмиграция стала после экономической реформы в СФРЮ в 1965 г., в результате которой часть взрослого населения оказалась безработными. Всего до 1969 г. за границу уехали около 800 тыс. человек или 22% всей рабочей силы страны⁹. С рядом европейских государств были подписаны договоры, регламентирующие положение югославских наемных работников. В 1965 г. подобные соглашения были заключены с Францией, в 1966 г. — с Австрией и Швецией. С ФРГ, в которой работали около 350–400 тыс. гастарбайтеров из Югославии, что составляло 20% иностранной рабочей силы, задействованной в Западной Германии¹⁰, соответствующих документов подписано не было.

Еще одним вопросом, заметно осложнявшим отношения между Белградом и Бонном была деятельность политических эмигрантов, в том числе бывших участников хорватской организации «ушастей», которые бежали из Югославии после окончания Второй мировой войны и устраивали провокации и диверсии против представителей СФРЮ. Так, например, в 1962 г. было совершено нападение на здание торговой миссии Югославии в Бад-Годесберге. Жертвой нападения стал сотрудник миссии М. Попович. В 1964 г. в Мюнхене был убит югославский консул Кларич, а в 1965 г. в Штутгарте — сотрудник консульства С. Милованович.

8–13 июля 1965 г. Тито побывал с визитом в Восточной Германии и провел переговоры с первым секретарем ЦК СЕПГ, председателем Государственного совета ГДР В. Ульбрихтом. На них в частности обсуждался вопрос перевода дипломатичес-

ких представительств двух стран в ранг посольств¹¹, что вызвало «острую антиюгославскую кампанию» в ФРГ¹². Этот вопрос был окончательно решен во время ответного визита Ульбрихта в Югославию (26 сентября — 2 октября 1966 г.).

Несмотря на существующие противоречия и разорванные дипломатические отношения экономическое сотрудничество двух стран развивалось солидными темпами. Так, например, торговый оборот в период с 1960 по 1969 г. вырос в 4 раза. Кроме того, Югославия несколько раз получала кредиты от ФРГ, например, в 1961 г. на сумму в 35 млн долларов и в 1964 г. — 550 млн марок¹³. По общему товарообороту с СФРЮ Западная Германия занимала третье место, уступая лишь Италии и СССР. Так в 1966 г. он составил 269,6 млн долларов. А по количеству иностранных туристов, посещающих Югославию, ФРГ и вовсе уверенно лидировала¹⁴.

Сложившаяся в политических отношениях Белграда и Бонна ситуация изменилась во второй половине 1966 г. К власти в ФРГ пришла так называемая большая коалиция — правительство, объединившее две крупнейшие партии в стране — ХДС/ХСС¹⁵ и СДПГ¹⁶. Важной составляющей внешнеполитического курса ее лидеров — канцлера К. Кизингера¹⁷ и министра иностранных дел В. Брандта¹⁸ стала «новая восточная политика», представлявшая собой попытку наладить отношения с социалистическими странами. Мощная экономика ФРГ переросла те возможности, которые предоставлял западноевропейский рынок. Все более актуальным становилось развитие экономического сотрудничества с социалистическими государствами. Далекоидущей целью было объединение двух частей разделенной страны — существовавшая тогда ситуация накладывала определенные ограничения на немцев и снижала их потенциал. 13 декабря 1966 г. выступая в Рейхстаге Кизингер заявил о «воле к примирению» с социалистическими странами и о «поддержке человеческих, экономических и духовных отношений с земляками из другой части Германии»¹⁹. При этом о дипломатическом признании ГДР речи не шло.

Еще в начале 1966 г. западногерманские политики предприняли попытки установить контакты и обменяться мнениями с руководителями социалистических государств. Особые надежды они возлагали на Румынию и Югославию, ставивших во

главу угла свои национальные интересы и выступавших за суверенитет и взаимовыгодное сотрудничество всех государств, вне зависимости от их общественно-политического устройства, против блоковых подходов к вопросу о европейской безопасности и навязывания сверхдержавами своих позиций малым и средним странам. Так весной 1966 г. с визитом в Бухарест прибыл министр экономики ФРГ К. Шмюкер²⁰, который высказывался за установление дипломатических отношений с Румынией и с Югославией. Однако, в отличие от румын, указанные выше противоречия не позволяли югославам уже в тот момент пойти на предметные переговоры. Вместе с тем 21 июля 1966 г. Югославия предъявила ноту боннскому правительству, в которой подчеркивалось, что она выступает за нормальные отношения с обоими германскими государствами, но никогда не пойдет на улучшение отношений с ФРГ в ущерб интересам ГДР²¹.

С другой стороны, по ряду причин в середине 1960-х годов. Движение неприсоединения переживало серьезный кризис, а политический курс США и СССР после смены их руководителей перестал быть настолько благоприятным по отношению к СФРЮ как в предыдущий период²². Югославскому руководству требовалось срочно найти выход из сложившейся ситуации. По сути дела, произошедшие изменения в международных отношениях ставили под вопрос его политику равноудаленности от сверхдержав. Югославии требовалась какая-то альтернатива Движению неприсоединения в качестве «третьей точки опоры», которая должна была помочь сопротивляться давлению Вашингтона и Москвы. Изменения, происходившие в тот момент в Европе (ослабление блоковой напряженности, выход из военных структур НАТО Франции, попытки Румынии проводить более независимый курс, всеобщая заинтересованность в развитии экономического сотрудничества), диктовали дипломатическое «возвращение» Югославии к европейской политике. Налаживание отношений с ФРГ укладывалось в эту тенденцию.

«Новая восточная политика» Бонна вызывала большое недоверие в Москве. Там считали, что это не более чем попытка облечь в новую форму старую политику игнорирования реального положения дел в Европе, установившихся там после

Второй мировой войны границ и факта существования двух германских государств. 28 января и 8 декабря 1967 г. советское правительство выступило с заявлениями об «активизации неонацистских сил в Германии»²³. Судя по всему, они были призваны предупредить страны советского лагеря от восстановления отношений с ФРГ. Так готовность к налаживанию диалога с Бонном проявляли Венгрия и Болгария, но натолкнулись на жесткий запрет Москвы²⁴.

Однако Румыния в очередной раз проявила свою «еретическую» позицию в советском лагере. 31 января 1967 г. в ходе визита в Бонн К. Мэнеску²⁵ были достигнуты договоренности об установлении дипломатических отношений с ФРГ. Румынский лидер Н. Чаушеску еще на переговорах с Тито в городе Тимишоара (1–3 декабря 1966 г.) подчеркивал, что Румыния не разделяет мнения, что вопрос об отношениях с ФРГ необходимо решать в рамках блока. Тито согласился, добавив, что Югославия и не может, так как она не в рамках блока²⁶.

Подобная позиция румынского руководства вызвала серьезное недовольство в Москве и Берлине. Так дипломаты из Восточной Германии подвергли критике румынских товарищей за то, что они «даже не сочли необходимым предварительно посоветоваться с представителями ГДР»²⁷. Румыны резко возражали против обвинений в свой адрес. В прессе двух стран вспыхнула полемика. В Бухаресте объясняли подписание договора Мэнеску–Брандт, во-первых, стремлением «нанести удар по «доктрине Хальштейна», а, во-вторых, тем обстоятельством, что ФРГ предварительно не консультировалась ни с США, ни с Великобританией, ни с партнерами по НАТО, поэтому и Румыния решила этот вопрос самостоятельно²⁸. Также в румынском руководстве сетовали на то, что на Бухарестском совещании стран Организации Варшавского договора (1966) были достигнуты договоренности о возможности нормализации отношений с ФРГ, а спустя полгода на Варшавском совещании министров иностранных дел стран ОВД (февраль 1967 г.) «это положение без изменения обстановки было признано неверным»²⁹. Итогом совещания в Варшаве стало появление так называемой доктрины Ульбрихта, согласно которой ни одна страна-участница Варшавского договора не имела права устанавливать дипломатические отношения с ФРГ пока этого не

сделает ГДР. Для Бонна это означало, что его «восточная политика» невозможна без формального признания существования двух германских государств.

Что касается реакции Югославии, то белградская пресса высоко оценила подписанное между ФРГ и Румынией соглашение, назвав его «шагом, способствовавшим нормализации отношений в Европе» и констатируя, что западные немцы тем самым «пробили брешь в своей до недавнего времени неприкосновенной доктрине Хальштейна»³⁰. Вместе с тем, Тито на переговорах с Л.И. Брежневым в январе 1967 г. подчеркнул: «Мы считаем мирное выступление правительства Кизингера политическим маневром, направленным на то, чтобы разъединить социалистические страны». При этом он призвал не рубить с плеча и «посмотреть, куда идет Германия»³¹.

Личный вклад в нормализацию отношений между Югославией и ФРГ³² внес государственный секретарь иностранных дел и большой сторонник развития сотрудничества с западными странами М. Никезич³³. 22 декабря 1966 г. в выступлении по югославскому телевидению он заявил: «С нашей стороны не имеется препятствий для того, чтобы реалистично и конструктивно приступить к поискам путей улучшения отношений между Югославией и ФРГ, включая и восстановление дипломатических отношений. Но, разумеется, для такого развития событий необходимы усилия обеих сторон»³⁴. Буквально сразу же, в середине января 1967 г. в интервью белградской газете «*Политика*» Кизингер заявил, что ФРГ желает нормализовать отношения с Югославией. 26 января Никезич, выступая на заседании Союзной скупщины, еще раз выразил готовность СФРЮ перейти к обсуждению этого вопроса, заметив, что Бонну неплохо бы подтвердить свои намерения конкретными шагами³⁵. Речь, судя по всему, шла о проблемах, осложнявших диалог двух правительств — выплате компенсаций югославским жертвам нацистских лагерей и запрещении деятельности в ФРГ антиюгославской эмиграции. Кроме того, югославы, также как СССР, важнейшим условием развития отношений с Западной Германией называли признание с ее стороны неизменности границ в Европе и факта существования двух германских государств, а также отказ от обладания ядерным оружием.

Советские аналитики полагали, что СФРЮ готова к восстановлению отношений с ФРГ и безо всяких предварительных условий, находя подтверждение этому в интервью Никезича австрийской газете «*Die Presse*» в феврале 1967 г.³⁶ Это, очевидно, противоречило позиции Советского руководства. 20 февраля министр иностранных дел СССР А.А. Громыко³⁷ встретился в Москве с югославским послом Д. Видичем³⁸. В ходе разговора Громыко подчеркнул, что югославское правительство должно принять во внимание позицию других социалистических стран Европы. Это продемонстрировало бы, что они «не разменивают принципы на материальные выгоды»³⁹.

С другой стороны, и западногерманские дипломаты выражали сомнения, что восстановление отношений возможно в ближайшее время, так как в ФРГ опасаются, что в этом случае неприсоединившиеся страны могут массово признать ГДР⁴⁰. Впрочем, варшавское заседание министров иностранных дел стран ОВД и сформулированная на нем «доктрина Ульбрихта» развеивали опасения югославы в том, что Бонн восстановит отношения с другими социалистическими странами, но не с СФРЮ.

Теперь уже в ФРГ были заинтересованы в продолжение диалога с Югославией, так как не могли достичь прогресса в переговорах с другими социалистическими странами. 26–28 ноября 1967 г. в Югославию прибыл член президиума СДПГ Барсиг, который выразил мнение Брандта и Кизингера о том, что «созрели условия для полной нормализации, то есть восстановления дипломатических отношений»⁴¹.

31 января 1968 г. в ходе переговоров в Париже стороны достигли договоренности и вновь открыли в Бонне и Белграде свои дипломатические представительства в ранге посольств. Теперь уже не оставалась никаких сомнений в том, что «доктрина Хальштейна» фактически прекратила свое существование. В Москве отреагировали на восстановление отношений между Югославией и Западной Германией значительно более позитивно, чем годом ранее, когда то же самое сделали румыны. Не случилось и массового признания ГДР со стороны стран «третьего мира», так как в этом случае они теряли бы возможность получать экономическую помощь и кредиты на выгодных условиях от ФРГ.

Окончательно проблема развития отношений двух германских государств была снята в 1972 г. с подписанием договора об основах межгосударственных отношений между ФРГ и ГДР. 18 сентября 1973 г. они были приняты в ООН.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Единственным исключением стал Советский Союз. В сентябре 1955 г. на переговорах в Москве с федеральным канцлером ФРГ К. Аденауэром были достигнуты договоренности, согласно которым СССР признавал западногерманское государство и устанавливал с ним дипломатические отношения, при этом не отказываясь от признания ГДР.

² Foreign Relations of the United States (FRUS). 1955–1957. Central and Southeastern Europe. Volume XXVI. Jugoslavija. Document 310. Memorandum From the Assistant Secretary of State for European Affairs (Elbrick) to the Secretary of State. 18.10.1957.— URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1955-57v26/d310> (дата обращения: 15.08.2017).

³ *Bogetić D.* Nova strategija spoljne politike Jugoslavije 1956–1961. Beograd, 2006. S. 261–262.

⁴ *Ibid.* S. 272.

⁵ Правда. 1961. 4 сентября. С. 5.

⁶ *Bogetić D.* Nova strategija spoljne politike Jugoslavije. S. 264–265.

⁷ Российский государственный архив новейшей истории (РГА-НИ). Ф. 80. Оп. 1. Д. 926. Л. 174–175. Запись третьей беседы Л.И. Брежнева с И. Броз Тито во время визита Л.И. Брежнева в Югославию 22–25 сентября 1966. 24.09.1966.

⁸ Arhiv Jugoslavije (AJ). Fond Saveznog izvršnog veća. Br. 130. F. b30. Nezaveden dokument // цит. по. *Ivanović V.* Brantova istočna politika i jugoslovenska ekonomska emigracija u SR Nemačkoj // 1968 – četrdeset godina posle. Zbornik radova. Beograd. 2008. S. 276.

⁹ *Ivanović V.* Brantova Istočna politika. S. 275.

¹⁰ *Janjetović Z.* Poluslužbeno partnerstvo: Jugoslavija i Savezna Republika Nemačka šezdesetih godina XX veka // 1968 — četrdeset godina posle. Beograd, 2008. S. 270.

¹¹ РГАНИ. Ф. 80. Оп. 1. Д. 926. Л. 28–29. Советско-югославские переговоры, состоявшиеся во время визита И. Броз Тито в Советский Союз 18–30 июня 1965 г. 19.06.1965.

¹² Там же. Л. 11. Запись беседы Л.И. Брежнева с Д. Видичем, назначенным послом СФРЮ в СССР о советско-югославских отношениях. 16.06.1965.

¹³ *Janjetović Z.* Poluslužbeno partnerstvo — Jugoslavija i Savezna Republika Nemačka. S. 266, 268.

¹⁴ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 59. Д. 285. Л. 153. Об отношении СФРЮ к политике нового правительства ФРГ (информация).

¹⁵ Объединение политических партий Христианско-демократической союз Германии и Христианско-социальный союз Баварии.

¹⁶ Социал-демократическая партия Германии.

¹⁷ Курт Георг Кизингер (1904–1988). Немецкий политик. Председатель Христианско-демократического союза (1967–1971). Федеральный канцлер ФРГ (1966–1969).

¹⁸ Вилли Брандт (настоящее имя Герберт Эрнст Карл Фрам) (1913–1992). Немецкий политик, председатель Социал-демократической партии Германии (1964–1987). Федеральный канцлер ФРГ (1969–1974).

¹⁹ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 59. Д. 291. Р. 9620. Л. 23. Реакция польской печати на правительственный кризис в ФРГ и заявление канцлера Кизингера. 14.01.1967.

²⁰ Курт Шмюкер (1919–1996). Германский политический деятель, экономист. Министр экономики ФРГ (1963–1966 г.).

²¹ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 59. Д. 285. Л. 29. Запись беседы с помощником Государственного секретаря по иностранным делам СФРЮ П. Пешичем. 23.01.1967.

²² См. подробнее *Новосельцев Б.С.* Кризис в политике неприсоединения и активизация Югославии на европейской арене в середине 1960-х годов // *Славяноведение*. 2013. № 4. С. 40–48.

²³ См., например, *Правда*. 1967. 9 декабря.

²⁴ *Ivanović V.* Jugoslavija i SR Nemačka 1967–1973. Između ideologije i pragmatizma. Beograd, 2009. S. 43.

²⁵ Корнелиу Мэнеску (1916–2000). Румынский политический деятель, дипломат. Министр иностранных дел Румынии (1961–1972).

²⁶ АЈ. Kabinet Predsednika Republike (Далее — КРР). I-2/30. Put J.V. Tita u Rumuniju. 01–03.12.1966 // *Zabeleška o razgovorima druga Predsednika prilikom nezvanične posete SR Rumunije* 01–03.12.1966.

²⁷ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 59. Д. 309. Р. 9627. Л. 56. Запись беседы со вторым секретарем посольства ГДР в Бухаресте тов. Альбрехт Э. 27.01.1967.

²⁸ Там же. Д. 285. Л. 72. Запись беседы с советником болгарского посольства Стефаном Стефановым. 14.02.1967.

²⁹ Там же. Д. 309. Р. 9627. Л. 215, 221. Запись беседы с послом НРБ в Бухаресте т. Г. Богдановым. 24.04.1967.

³⁰ *Vorba*. 1967. 17. mart.

³¹ РГАНИ. Ф. 80. Оп. 1. Д. 927. Л. 7. Запись беседы между советскими и югославскими руководителями во время визита И.Б. Тито в Советский Союз 27–31 января 1967 г. 30 января 1967 г.

³² *Ivanović V.* Jugoslavija i SR Nemačka. S. 25.

³³ Марко Никезич (1921–1991). Югославский общественно-политический деятель, дипломат. Посол в Египте (1953–1956), Чехословакии (1956–1958) и США (1958–1962). Заместитель секретаря иностранных дел Югославии (1963–1965). Секретарь иностранных дел Югославии (1965–1968). Председатель Центрального комитета Союза коммунистов Сербии (1968–1972).

³⁴ АЈ. КРР. I-5-a/7. TV intervjui Marka Nikezića, državnog sekretara za inostrane poslove o spoljnoj politici Jugoslavije i aktuelnim međunarodnim problemima // «Aktuelni razgovori» TV intervju državnog sekretara za inostrane poslove Marka Nikezića. 22.12.1967.

³⁵ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 59. Д. 285. Л. 139–140. Запись беседы с государственным секретарем по иностранным делам СФРЮ М. Никезичем. 24.02.1967.

³⁶ Там же. Л. 152. Об отношении СФРЮ к политике нового правительства ФРГ (информация).

³⁷ Андрей Андреевич Громько (1909–1989). Советский дипломат и государственный деятель. Министр иностранных дел СССР (1957–1985). Председатель Президиума Верховного совета СССР (1985–1988).

³⁸ Добривое Видич (1918–1992). Югославский дипломат и политический деятель. Посол Югославии в Бирме (1952–1953), СССР (1953–1956 и 1965–1969), Великобритании (1970–1973). Председатель Президиума СР Сербии (1978–1982).

³⁹ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 59. Д. 285. Л. 151. Об отношении СФРЮ к политике нового правительства ФРГ (информация).

⁴⁰ Там же. Л. 166–167. Запись беседы с исполняющим обязанности государственного секретаря по иностранным делам СФРЮ М. Павичичем. 04.04.1967.

⁴¹ *Ivanović V.* Jugoslavija i SR Nemačka. S. 76.

ЛОПАТИНА Е.Б.*

**К ВОПРОСУ ОБ АВТОНОМИИ
СИЛЕЗИИ В СОСТАВЕ ПОЛЬШИ
ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XX —
НАЧАЛЕ XXI В.**

Силезия в составе исторических регионов Верхней и Нижней Силезии охватывает пять польских воеводств — Великопольское, Нижнесилезское, Любушское, Опольское и Силезское — ключевой в экономическом плане регион Польши. Об этом говорят следующие цифры: в 2012 г. валовой внутренний продукт Нижнесилезского воеводства составил 138,3 млрд злотых, что составило 8,2% от ВВП Польши. ВВП на одного жителя составил 47 400 злотых (113,1% от среднего по стране). По этому показателю воеводство заняло второе место среди всех регионов страны. По данным Евростата, в 2009 году ВВП на 1 жителя Силезии по паритету покупательной способности составил 61,9% от среднего ВВП в странах Евросоюза. В то время как ВВП силезского воеводства без добавленной стоимости в 2009 г. составил 37,9% от среднего ВВП ЕС (8900 евро на душу населения по сравнению с 23 500 евро в среднем по ЕС)¹.

Вопрос автономии для Силезии все острее звучит в современной польской политике. Каких успехов добились силезцы в борьбе за признание своей национальной идентичности, а вслед за этим и региональной автономии за последние полвека?

Еще на Крымской конференции, где среди прочего был поставлен вопрос о послевоенной границе Польши, обсуждали статус и государственную принадлежность Силезии. Особенно остро спорили о западной границе Польши, в том чис-

* Лопатина Елена Борисовна — кандидат исторических наук, научный сотрудник Института славяноведения РАН.

ле о принадлежности Нижней Силезии, то есть территории от правобережья Одера вплоть до правобережья Западной Нейсе².

На заседании глав правительств Рузвельт отметил, что «делегация США согласна с предоставлением Польше компенсации за счет Германии, а именно Восточной Пруссии к югу от Кенигсберга и Верхней Силезии вплоть до Одера». Однако Рузвельт уточнил, что перенесение польской границы на Западную Нейсе мало оправданно, с его точки зрения³.

Вопрос «компенсации территориальных потерь» Польши за счёт Германии вызвал резкий протест британского премьера. Черчилль с жаром доказывал, что, отрывая от немцев огромный кусок земли, союзники спровоцируют рост реваншистских настроений даже в разделённой послевоенной Германии. Он напомнил, как после окончания Первой мировой войны в 1919 г. страны Антанты отняли у немцев колониальные владения, отдали Франции Эльзас и Лотарингию и не позволили немцам Австрии и Чехословакии воссоединиться с этнической родиной. Кончилось всё приходом к власти радикальных реваншистов в лице А. Гитлера.

Подробно рассказал Черчилль союзникам и о неблагоприятном поведении Польши, которая вместе с Германией в 1938 г. поучаствовала в отторжении от Чехословакии части территории. По словам Черчилля, Польша, «как голодная гиена, набросилась на маленькую соседнюю страну, оторвав от неё Тешинскую Силезию».

Сталин предлагал отдать Польше Нижнюю Силезию и балтийское побережье — часть Восточной Пруссии и Поморье с городом Гданьск (Данциг). Черчилль не согласился с этими предложениями.

В феврале 1945 г. стороны так и не сумели прийти к общему знаменателю по поводу послевоенных размеров польского государства. И пока «бесспорная» территория Польши составила 212 тыс. кв. км. (современная площадь Польши — 312 кв. км.)

21 апреля 1945 года СССР подписал с временным правительством Польши договор о дружбе. СССР не стал ждать «благословения» Лондона и Вашингтона и, воспользовавшись тем, что эти территории и так были под его контролем, отдал полякам в управление принадлежащие Германии территории в По-

морье и Силезии площадью в 100 тыс. кв. км. Так, благодаря Советскому Союзу, территория Польши «явочным порядком» выросла на треть⁴.

На Потсдамской конференции (с 17 июля по 2 августа 1945 г.) предложения Сталина по Польше были утверждены. Это было для Германии большим ударом: по оценкам немецких экономистов, за послевоенный период польский бюджет получил только от залежей полезных ископаемых в этих областях более 130 млрд долларов, что примерно вдвое больше всех выплаченных Германией в пользу Польши репараций и компенсаций⁵. Польша получила месторождения каменного и бурого угля, медных руд, цинка и олова, которые поставили её в один ряд с крупными мировыми добытчиками этих природных ресурсов. А по запасам свинцовых и цинковых руд, которые сконцентрированы в Верхней Силезии, Польша входит в первую десятку стран мира.

После войны судьба силезцев складывалась непросто: уже в мае 1945 года была ликвидирована автономия Верхней Силезии, при том, что Силезское воеводство было автономным регионом Польши с 1921 по 1939 г. Ликвидация воеводства была оформлена 6 мая 1945 г. решением Крайовой рады народной, которая также подтвердила отмену автономии Силезии. Воевода А. Завадский на заседании Воеводской рады народной в Катовицах отметил, что «навсегда закончился тот славный период, когда силезцы считались отдельным народом, связующим звеном между поляками и немцами»⁶.

Сразу после войны в Нижней и Верхней Силезии началась политика реполонизации, то есть восстановление польских традиций и культуры на фоне очищения региона от немецкого присутствия. Автохтонным населением признавали тех, кто прошел проверки этнического плана и были признаны поляками⁷. По воспоминаниям одного из современников подобных проверок, силезца по происхождению, режиссера и драматурга С. Беняша, «немец мог стать поляком, а поляк — немцем, и это никогда не было враньем или притворством: большинство силезцев были и поляками, и немцами одновременно или в зависимости от ситуации — готовы были назваться кем угодно, чтобы дать возможность выжить себе и своим близким»⁸.

Во времена ПНР действовал запрет на использование силезского языка в школах и в администрации, было ограничено изучение языка немецкого. Подобные действия вели к противоположному результату: росту пронемецких и сепаратистских настроений⁹.

С началом либерализации политической жизни в 1989 г. в Верхней Силезии стали оформляться общественно-политические организации, в программах которых были и пункты сепаратистского характера. Подобные организации можно разделить на две категории: этнические и региональные.

К первой группе относится «Социокультурное общество германцев Катовицкого воеводства», ко второй — «Союз Верхней Силезии» и «Движение за автономию Силезии»¹⁰. «Движение за автономию Силезии» стремилось к созданию территории с особым политическим статусом, которая выступала бы своеобразным «мостом» между Германией и Польшей. «Союз Верхней Силезии», признавая унитарный характер польского государства, стремился к большей самостоятельности в вопросах евроинтеграции, в частности, к созданию еврорегиона «Силезия», что означало бы сотрудничество нескольких приграничных территорий в составе Польши, Чехии и Словакии. Наконец, обе организации были солидарны в том, что Верхней Силезии должна принадлежать особая роль в процессе вступления Польши в ЕС. И определенные основания для подобных заявлений были. Верхняя Силезия по уровню индустриализации и урбанизации занимала первое место в Польше, а по ВВП на душу населения конкурировала с самым мощным в стране Мазовецким воеводством. Кроме того, кризис, вызванный «шоковыми методами» либерализации экономики, ударил по воеводствам Верхней Силезии в меньшей степени, чем по остальным территориям Польши, благодаря чему уровень жизни был выше, чем в среднем по стране. В то же время Верхняя Силезия была ориентирована на западные рынки сбыта и поддерживала активные культурные связи с Германией и Австрией.

В 1992 г., когда вступил в силу Маастрихтский договор, силезские организации активизировали свою деятельность. В марте на заседании польского Сейма депутат Катовицкого воеводства Д. Вержбицкая говорила о росте сепаратистских

настроений в регионе. Она отмечала, что председатель сеймика Катовицкого воеводства Ю. Бузман, который был и одним из основателей «Союза Верхней Силезии», заявил, что Верхняя Силезия первой из польских регионов готова вступить в Евросоюз¹¹. Масло в огонь подливала и активность «Союза немецкой молодежи Силезии», члены которого распространяли листовки, утверждавшие, что только немцы могут привести Верхнюю Силезию в ЕС. Эти события стали отражением политической обстановки внутри региона, при том что большая часть населения оставалась лояльной по отношению к центральным властям. Уже в 1995–1996 гг. сепаратистские движения пошли на спад. Из-за кризиса в угледобывающей отрасли стала резко ухудшаться экономическая ситуация в регионе, и социально-политическая активность сменилась активностью производственной.

Следующий активный шаг члены движения за автономию Силезии предприняли в 1997 г. Они пытались зарегистрировать «Ассоциацию людей силезской национальности» в воеводском суде в Катовицах, что означало бы признание силезского этноса. Но суд регистрацию запретил. А в декабре 2001 г. правомерность такого решения подтвердил Европейский суд по правам человека. В дальнейшем самоуправление в Верхней и Нижней Силезии шло в соответствии с требованиями, выдвигаемыми ЕС. Главным шагом на этом пути стала территориально-административная реформа 1998–1999 г., существенно расширившая полномочия регионов и муниципалитетов, которые получили и представительские права на международном уровне, что позволило снизить градус напряженности. Также в результате укрупнения польских регионов в 1998 г. было образовано единое Нижнесилезское воеводство с центром во Вроцлаве¹².

Однако вопрос о предоставлении автономии Силезии так и остается открытым. В августе 2011 г. в городе Пщина Силезского воеводства состоялся пробный референдум, в котором приняли участие 1700 человек. 96,4% высказались за автономию¹³. Во время всепольской переписи населения 2011 г. силезцами себя признали более 817 тыс. человек, в то время как в 2002 году силезцами назвали себя только 173 тыс. человек. Число носителей силезского диалекта в Польше, соглас-

но переписи 2002 года, составляло 56,6 тыс. человек; по переписи 2011 года родным силезский назвали 509 тыс. человек. Даже некоторые жители Варшавы записывались силезцами, выражая солидарность с регионом. Главная причина — экономическая. Избиратели надеются, что автономный статус Силезского воеводства позволит оставлять в местной казне больше денег. Идея голосования принадлежит «Движению за автономию Силезии», руководитель которой, Е. Гожелик, уже известен публичными заявлениями о том, что чувствует себя силезцем, а не поляком. Его сторонники отстаивают идею существования силезской национальной идентичности, которая объединяет уроженцев польской Силезии и тех, кто проживает здесь долгие годы. Основные задачи, которые обозначены в уставных документах «Движения за автономию», звучат так:

- добиться формального признания силезцев как национального меньшинства со стороны государственных органов Польши;
- признание силезского диалекта региональным языком;
- добиться введения силезского регионоведения как обязательного предмета в польских общеобразовательных школах и гимназиях.

Вызывает недовольство у автономистов также официальная польская историография, которая умалчивает о том, что польская Силезия в течение семисот лет существовала вне границ Польши. Автономисты настаивают на том, что антигерманские силезские восстания 1919–1921 гг. были гражданской войной с целью обретения силезцами независимости и от Польши, и от Германии¹⁴. Силезская культура, по их мнению, нуждается в охране от насильственных влияний культуры польской. Силезские политики идут в своих требованиях так далеко, что призывают признать силезский диалект региональным языком. При этом силезский язык зарегистрирован в Международной организации по стандартизации. В 2007 г. Библиотека Конгресса США внесла силезский язык в реестр языков мира¹⁵. 6 сентября 2007 г. 23 депутата Сейма внесли законопроект о придании силезскому языку статуса регионального. Однако официальная Польша по-прежнему не признаёт силезцев особым народом, а язык считает диалектом польского или пере-

ходным диалектом между польским и чешским языками с заимствованиями из немецкого.

В наиболее крупных городах Силезии сторонниками независимости устраиваются марши за автономию Силезии. Последний из них проходил в Катовице в 2016 году. Возглавлял марш, уже не первый раз, сенатор польского парламента 1997–2007 гг., депутат Сейма с 2007 по 2015 г. К. Кутц — польский кинорежиссёр, который в опросе «*Gazety Wyborczej*» был назван самым выдающимся гражданином Силезии. Ключевой лозунг — «Автономия 2020» — неизменен за последние десять лет. Члены «Движения за автономию Силезии» выступают за развитие полномасштабного регионального движения по всей Польше. Автономистов Польши поддерживают единомышленники из немецкой части Силезии, в том числе Г. Дауэн, глава местной ячейки Европейского свободного альянса — партии, выступающей за признание широких прав за национальными меньшинствами Европы и придание им максимального политического суверенитета. Автономисты понимают, в прежней форме восстановить автономию Силезии невозможно. Однако необходимо довести автономию до той степени, когда она будет представлять собой реальное местное самоуправление, что станет эффективным ответом на вызовы развития страны. Ключевой вопрос — разделение полномочий между национальным и региональным правительствами и справедливое финансирование воеводств. Автономисты стремятся вернуть право воеводству иметь региональный парламент и силезский бюджет, куда бы поступали налоги из региона¹⁶.

Примечательно, что в Польше и Чехии силезцы не имеют статуса национального меньшинства, а в Словакии этим статусом они наделены. В Силезии проживает 67,8% всех граждан Польши, которым свойственно непольское самосознание, в том числе 92% всех немцев Польши, и немецкое культурно-экономическое влияние довольно внушительно. Учитывая нарастающую активность движения автономистов, действующих по программе «Автономия 2020», силезский вопрос в Польше может еще более обостриться. Всё зависит от того, куда удастся направить протестный потенциал местных жителей.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См. подробнее: Voivodship of Silesia. Investor's guidebook. Katowice, 2000; Voivodship of Silesia. Investor's guidebook. Katowice, 2010. S. 29; Voivodship of Silesia. Investor's guidebook. Katowice, 2013. P. 12–15.

² Крымская конференция руководителей трех союзных держав — СССР, США и Великобритании (4–11 февраля 1945 г.) // СССР на международных конференциях периода Великой отечественной войны, 1941–1945 гг. Сборник документов. Т. 4. М., 1984. С. 245.

³ Там же. С. 250–251.

⁴ По сути СССР признал западную границу Польши еще раньше, 20 февраля 1945 г., когда ГКО составил распоряжении о том, где начинаются западные польские территории. См: Документы и материалы по истории советско-польских отношений. М., 1963. Т. 8. С. 235–236.

⁵ *Dembuk A.* The Lost German East: Forced Migration and the Politics of Memory. Cambridge University Press, 2012. P. 40–42.

⁶ *Wanatowicz M.W.* Od indyferentnej ludności do śląskiej narodowości? // Postawy narodowe ludności autochtonicznej Górnego Śląska w latach 1945–2003 w świadomości społecznej. Katowice, 2004. S. 77.

⁷ Подробнее о проверках национальной принадлежности силезцев см: *Misztal J.* Weryfikacja narodowościowa na Śląsku. Opole, 1984. S. 159; *Gawrecki D.* Zagadnienia identyfikacji etnicznej, narodowej i kulturowej — przykład Pawłowiczek // Specyfika tożsamości regionalnej pogranicza Śląska na przykładzie historii lokalnej / Pod red. H. Karczyńskiej. Opole. 2002. S. 95–98.

⁸ *Bieniasz S.* Losy Górnoszlązaków w dwudziestym wieku. Gliwice, 2000. S. 13–14.

Partia i aparat bezpieczeństwa województwa katowickiego wobec proniemieckich postaw ludności rodzimej od lat pięćdziesiątych do siedemdziesiątych XX w. // Aparat bezpieczeństwa Polski Ludowej wobec mniejszości narodowych i etnicznych oraz cudzoziemców. Studia nad zagadnieniem. Warszawa, 2009. S. 50–55.

¹⁰ Подробнее о региональных союзах в Силезии см: *Lis M.* Ludność rodzima na Śląsku Opolskim po II wojnie światowej (1945–1993). Opole, 1998. S. 100–102; *Wódcz K., Wódcz J., Łęcki K.* Śląskie doświadczenia wielokulturowości // U progu wielokulturowości. Nowe oblicza społeczeństwa polskiego / Pod red. M. Kempnego, A. Kapciaki, S. Łodzińskiego. Warszawa, 1997. S. 175–176.

¹¹ <http://orka2.sejm.gov.pl/Debata1.nsf>

¹² <http://isap.sejm.gov.pl/DetailsServlet?id=WDU19980960603>

¹³ Данные о результатах референдума: http://insilesia.pl/aktualnosci/artukul/8770/7/Prareferendum_RAS_w_Pszczynie_96_za_autonomia

¹⁴ Подробнее о силезских восстаниях: Śląsk, Polska, Niemcy / Red. W. Korta. Wrocław, 1990. T. 1. S. 45–49; Zieliński H. Rola powstania wielkopolskiego oraz powstań śląskich w walce o zjednoczenie ziem zachodnich z Polską (1918–1921) // Droga przez Półwiecze. Warszawa, 1969; Goniewicz A. Powstania Śląskie (1919–1920–1921). Katowice, 2001.

¹⁵ Информацию о силезском языке см: *Kamusella T.* 2009. Codziennosc komunikacyjno-językowa na obszarze historycznego Górnego Śląska // Akulturacja/asymilacja na pograniczach kulturowych Europy Środkowo-Wschodniej XIX i XX wieku. Warszawa, 2009. S. 126–156; *Kamusella T.* Czy śląszczyzna jest językiem? Spojrzenie socjolingwistyczne // Śląsko godka — jeszcze gwara czy jednak już język? Katowice, 2009. S. 27–35; Śląski wśród języków świata. Dziennik Zachodni. 2008.

¹⁶ <http://www.rp.pl/artukul/575947-Gorzelik-Slaczacy-sa-narodem.html#ap-3>

ИСАЕВА О.Н.*

БАЛКАНО-МАКЕДОНСКИЕ СЮЖЕТЫ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Балканская тематика традиционно занимает значительное место в исследованиях российских историков. Во многом это связано со значением Балканского региона во внешней политике России, особенно в ее имперский период, когда она выступала как одна из ведущих держав мира. Тогда Балканы рассматривались Россией как зона ее важнейших интересов, связанных с обеспечением собственной безопасности и поддержанием великодержавного престижа. Неслучайно все войны, которые империя вела в течение второго и последнего века своего существования, за исключением русско-японской войны 1904–1905 гг., были связаны с достижением контроля над этим регионом. Но Балканы, как известно, так и остались для Российской империи недостижимой целью, став для нее, в конечном счете, капканом, ловушкой, выбраться из которой она не смогла.

В ушедшем столетии внимание отечественных исследователей, скованных марксистскими схемами, уделялось в основном социально-экономическим вопросам, национально-освободительной борьбе балканских народов и той помощи, которые эти народы получали от России (СССР). В постсоветский период, когда более доступными стали архивные материалы и появилась возможность их объективной трактовки, тематика балканских исследований заметно расширилась, начался пересмотр многих традиционных взглядов. Наметился

* Исаева Ольга Николаевна — кандидат исторических наук, доцент Саратовского госуниверситета им. Н.Г. Чернышевского.

переход от конкретно-исторических работ к обобщающим исследованиям, работам концептуального плана.

В работах по внешнеполитической проблематике началось определение подлинных национально-государственных интересов России (СССР) и степени их соответствия реальной политике в балканском регионе, выяснение соотношения в ней геостратегических, идейно-политических и этических соображений. Следует отметить, что в это время российские исследователи, по сути, впервые обратились к ключевой проблеме Балкан конца XIX — начала XX в.— македонской. Эта проблема, в силу ряда причин политического характера, относилась в СССР к числу табуированных.

Автор данной статьи не ставит целью анализ всех работ последнего времени по балканской тематике, да это и невозможно сделать в рамках одной статьи. Цель куда более скромная — обзор проблематики и синтез некоторых ключевых идей современной историографии, связанной как с внешней политикой Российской империи на Балканах, так и с наиболее важными моментами развития этого региона на рубеже XIX–XX в., периода отличающегося динамизмом исторического процесса и радикальными переменами.

Хорошо известно, что претензии России на ведущую роль в регионе обосновывались религиозной и этнической общностью русских с большинством населения полуострова, находящегося под властью Османской империи. Эта общность способствовала трансформации традиционной имперской идеи верховного покровительства в освободительную миссию царизма по отношению к балканским христианам. Необходимо особо подчеркнуть, что российские дипломаты неустанно заявляли об отсутствии у России территориальных претензий на Балканах, и это положение стало постоянной константой ее политики. Реализовать свои геополитические интересы, то есть обеспечить свободу мореплавания своему флоту через Босфор и Дарданеллы, Россия стремилась в первую очередь путем политического доминирования на Балканах, через систему протекторатов и зон влияния.

В литературе широко распространено представление о непреходящем намерении русских царей захватить Константинополь и Проливы. Однако следует отметить, что откры-

то правящие круги России никогда об этом не говорили, хотя и именовали контроль над ними «прекрасной мечтой», «национальным идеалом»¹. К тому же, с точки зрения экономики, связанной с функционированием торговых путей, проблема Проливов фактически была решена Россией в XIX веке.

Первоначально главной духовной и культурной связью России и Балкан была религия, но во второй половине XIX в. значение православия в качестве связующего звена между Россией и балканским населением заметно ослабло. С этого времени и в политике, и в общественной мысли стал набирать силу фактор этнического единства, осознание славянской общности. Все идейно-политические течения, развивавшиеся на этой основе (панславизм, славянофильство, неославизм), отличали патернализм, убеждение в особой провиденциальной роли России.

Помимо идеологии, важную роль в политике России на Балканах играл моральный фактор. Уникальное чувство родства с православно-славянскими народами Балкан заставляло российское общество с искренним сочувствием и интересом относиться к положению и судьбам местного населения, защита которого воспринималась как нравственный долг, как дело чести. Причем, если в XIX в. значительная часть общества, охваченная славянофильством, была увлечена мессианской идеей освобождения «единоверных и единокровных братьев» из-под турецкого ига, то к началу XX в. исторической миссией России стала считаться защита балканского славянства от германизма. Подобные настроения в обществе способствовали формированию во внешнеполитической деятельности царской дипломатии весьма характерного приема, состоявшего в придании почти абсолютного значения фактору этноправославного славянского единства.

Современные исследователи, обратившиеся к теме этнического и конфессионального родства южных славян и основного населения России, уже не ограничиваются традиционным подходом к его изучению в виде обстоятельного описания всенародного сочувствия и поддержки, с максимальной силой проявлявшихся в России в период международных балканских кризисов. Они пытаются найти новые подходы к пониманию сути этого уникального явления, природы его возникновения.

Ряд исследователей приходит к выводу, что этнорелигиозное славянское братство было фактически фантомом, мифом, причем мифом, востребованным властью и государственной идеологией, а затем и общественным мнением. Так, рассматривая конкретную ситуацию времен Балканских войн 1912–1913 гг., молодой исследователь из Саратова Н.А. Учаева выявила значительный разрыв между пожеланиями российской дипломатии и результатами, полученными в действительности. Автор поставила ряд важных вопросов: почему такой разрыв имел место, что подпитывало мифологические образы, делая их не только жизнеспособными, но и востребованными². В этой, да и в других статьях сборника, изданного в Саратове, авторами проявляется неудовлетворенность тем, что над «действительными национально-государственными интересами России» преобладали идеологические: об освободительной миссии старшего брата, о провиденциализме и мессианстве³.

Исследователь С.А. Романенко отметил, что не только Россия, но и балканские славяне для достижения своих целей часто апеллировали к славянской солидарности, при этом вкладывая в это понятие свой смысл. Так, если на берегах Невы панславистские идеи воспринимались в качестве инструмента осуществления мессианской роли России на Западе, то сами славянские народы, настроенные весьма прагматично, считали их средством обеспечения своих национальных интересов при содействии могущественной Российской империи⁴.

Общепризнанным в историографии является тот факт, что Россия самым непосредственным образом участвовала в восстановлении государственности балканских народов. Не жалея крови своих солдат и финансов, Россия под знаменем защиты православия и славянства сыграла решающую роль в деле обретения греками, сербами, черногорцами, румынами и болгарам независимости. Вполне естественно, что Россия рассчитывала приобрести в лице освобожденных ею балканских народов благожелательных союзников и укрепить свои позиции на Балканах. Между тем хорошо известно, что Россия, вопреки своим ожиданиям, не обрела опоры в молодых балканских государствах, обязанных ей достижением независимости. Балканцы, охотно принимая русскую помощь для освобождения от османского ига, не проявляли склонности

следовать в дальнейшем в фарватере российской политики. Поэтому по мере роста самостоятельности молодых балканских стран в российско-балканских отношениях наступало охлаждение, а то и отчуждение.

Конкретные исследования истории взаимоотношений России с Грецией, Болгарией, Румынией, Сербией в XIX в., проведенные отечественными историками, выявляют следующую закономерность: когда помощь России имела облик благотворительности, отношения оставались на достаточно хорошем уровне, но как только Россия пыталась перевести ее в плоскость политического влияния, да еще сделать это влияние прочным и постоянным, элита этих стран вспоминала об альтернативности внешнеполитических отношений и всячески пыталась избавиться от навязчивого покровителя.

Анализируя причины такого неблагоприятного для России положения многие современные исследователи, в первую очередь стали отмечать слабость экономических позиций России на Балканах. Россия, уповавшая главным образом на идеологические и военные рычаги, явно недооценивала финансово-экономические, к использованию которых интенсивно прибегал более рационально мыслящий Запад. Но не только экономические перспективы влекли балканскую элиту на Запад, ее, несомненно, привлекали и европейские порядки: конституционный строй, парламентский режим, гласность, набор гражданских свобод. И чем дальше, тем больше царская Россия проигрывала своим конкурентам на почве экономического, политического и даже отчасти идеологического противостояния. Росту популярности западных либеральных взглядов России в конце XIX в. нечего было противопоставить, кроме панславистских идей⁵.

После тяжелой русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Россия уже не находила в себе сил, чтобы активно и решительно влиять на судьбу балканских народов и была вынуждена ограничиться политикой сохранения статус-кво, которую балканские славяне не понимали и не принимали. Расхождение национально-государственных интересов молодых балканских монархий и их освободительницы — Российской империи — воспринималось в русском обществе, в основном, на эмоциональном уровне, как проявление «неблагодарности»

славян и как следствие враждебных происков иностранных держав. После русско-турецкой войны 1877–1878 гг., которая явилась и вершиной силовой балканской политики России, и ее самым горьким дипломатическим поражением, в русском обществе началось четкое размежевание на тех, кто призывал к прагматизму и рационализму, и тех, кто оставался сторонником традиционной, безоговорочной поддержки балканских славян.

Следует отметить, что попытки найти баланс между геополитическими, практическими соображениями и идеалистическими устремлениями, в которых на первое место выдвигалась идея защиты братьев по крови и вере, имели место на протяжении всего внешнеполитического курса России на Балканах. И в разные периоды времени соотношение между этими двумя факторами (прагматизмом и этноконфессиональными иллюзиями) было различным, доминировал то один, то другой, что придавало российской политике на Балканах двойственность, отмечаемую всеми исследователями. Противоречия между интересами Российской империи и балканских стран, анахронизм доктрины славянской взаимности в начале XX в. стали уже вполне очевидными. Но все попытки последних царских министров иностранных дел отойти от православно-славянофильской основы балканской политики России, заменив ее прагматическими, геополитическими видениями интересов Российской империи, на фоне усиления конфронтации между великими державами потерпели провал⁶. События на Балканах летом 1914 г. вновь побудили правителей России вспомнить о своей «исторической миссии» в отношении славянства. Выполнение этой миссии, ставшей для России непомерным бременем, свидетельствовало о притуплении у правящей элиты инстинкта самосохранения.

История сложилась так, что к концу XIX в. все балканские страны (за исключением Черногории) оказались в сфере влияния Запада и основным соперником России на балканском пространстве стала Австро-Венгрия. Ухудшение русско-австрийских отношений приобрело столь необратимый характер, что его не могли изменить даже периоды вынужденного сотрудничества на почве тех же балканских конфликтов. С усилением противоречий между этими двумя «наиболее за-

интересованными в балканских делах державами» появились и первые признаки раскола Европы на два противоположных блока, начали формироваться «ментальные планы» войны⁷. Неудачная попытка России договориться с Австро-Венгрией о разделе Балкан на сферы влияния и обеспечить режим Проливов в 1908 г., приведшая к Боснийскому кризису, только ухудшила ситуацию и спровоцировала рост appetites среди политиков германо-австрийского блока⁸.

Попытка России объединить под своим началом балканские страны для создания «пояса безопасности» на Юго-Востоке Европы закончилась не менее печально. Российскую дипломатию, задумывавшую Балканский союз как систему «коллективной безопасности» для сдерживания Австро-Венгрии, для блокировки военно-максималистского решения македонской проблемы, вновь подвели неизжитые иллюзии XIX в. Участники союза опрокинули все расчеты Петербурга и взяли курс на войну с Турцией. Россия, несмотря на все предпринятые усилия, не смогла предотвратить кровопролитие на Балканах: балканские монархи, действуя зачастую вопреки воле России, продемонстрировали самостоятельность и тем самым похоронили иллюзию о ведущей роли России в славяно-балканском мире. В огне братоубийственной межсоюзнической войны 1913 г., ставшей апогеем соперничества балканских стран за Македонию, окончательно сгорел миф о «славяно-православном братстве». Эта война стала и своеобразным эпилогом этапа самостоятельного существования молодых балканских стран, начало которому положила русско-турецкая война 1877–1878 гг.

Эта последняя война с Османской империей, вошедшая в историю как «освободительная», традиционно пользуется особым вниманием российских исследователей. Для нынешнего этапа изучения русско-турецкой войны 1877–1878 гг. характерны не только выявление ее малоизвестных реалий, но и поиски новых, дополнительных ее характеристик. Стали писать о том, что во многих отношениях эта война была парадоксальной. Например, это была первая в российской истории война, которая началась вопреки воле императора и большинства министров, под мощным давлением общественного мнения. В первый раз в истории России общество втянуло са-

модержавие в войну, во всяком случае, выступило решающим фактором втягивания⁹.

Для отечественных историков стало уже традицией противопоставлять прелиминарный мирный Сан-Стефанский договор, подписанный весной 1878 г., Берлинскому трактату, подведшему окончательную черту под войной три месяца спустя. При этом первому документу давалась высокая оценка, а второму — резко критическая. Берлинский трактат представлялся как крупное дипломатическое поражение России и вынужденное подчинение Западу. Всегда отмечалось, что Берлинский трактат также грубо пограл и национальные интересы балканских народов. Хотя эта характеристика сохранилась в ряде новейших работ¹⁰, все же в большинстве современных исследований по данной теме присутствует более взвешенная оценка названных договоров. Теперь признается, что Берлинское урегулирование при всех его недостатках можно считать оптимальной развязкой Восточного кризиса в сложившихся условиях того времени. Сан-Стефанский же договор в случае его реализации был способен лишь обострить напряженность на Балканах, так как против него выступили не только все западные державы, но и все балканские страны¹¹. В.В. Дегоев написал: «Каким бы триумфальным ни казался Сан-Стефанский договор для России, он слишком явно нарушал равновесие сил на Балканах и слишком явно закладывал основу для нового столкновения — в лучшем случае по сценарию Балканских войн начала XX века, в худшем — по сценарию Первой мировой войны»¹².

С решениями Берлинского конгресса, оставившими сердцевину Балкан — Македонию — под властью Османской империи, практически все исследователи связывают появление новой международной проблемы — македонской, ставшей частью Восточного вопроса. К началу XX в. эта проблема, связав интересы не только всех стран региона, но и практически всех великих держав, стала ключевой для судеб Балкан¹³. Осмысливая исторический феномен «македонского вопроса», отечественные исследователи совершенно справедливо отмечают, что он в разные исторические периоды имел различное содержание. Сложилось устойчивое представление, что после 1878 г. главным было политическое содержание, то есть поли-

тическое будущее трех македонских вилайетов, на обладание которыми претендовали все соседние государства. Политическая составляющая неизбежно вызывала актуализацию и другого аспекта македонского вопроса — этнического, связанного с определением национальной принадлежности местного славянского населения. В ряде работ убедительно показывается, что неопределенность национального самосознания, присущая преобладающей части македонских крестьян, создавала благоприятную почву для болгарской, греческой и сербской пропаганды, что, в свою очередь, способствовало развертыванию в Македонии этномотивированного терроризма¹⁴.

Исследователи много внимания уделяют изучению путей разрешения македонской проблемы, предлагавшихся в конце XIX — начале XX в. как внешними, так и внутренними силами. При этом они отмечают, что если в европейских столицах, в первую очередь в Петербурге, преобладало стремление к постепенному ее решению с использованием традиционных политико-дипломатических средств, то на Балканах предпочитали быстрое и окончательное разрешение этой проблемы насильственными средствами. Магистральная линия великих держав в отношении Турции и ее христианского населения заключалась в требованиях проведения реформ с целью улучшения положения православных. Таким путем великие державы, включая Россию, надеялись сохранить статус-кво на Балканах. Исследователи при этом подчеркивают, что его поддержание не было целью политики Петербурга, последний выступал сторонником охранительной и выжидательной политики, чтобы в будущем при более благоприятном положении как внутри страны, так и на международной арене иметь полную свободу действий в этом регионе¹⁵.

Рассмотрение подходов российской дипломатии к решению македонского вопроса показывает, что на протяжении нескольких десятилетий, отделявших рождение македонской проблемы в 1878 г. до ее разрешения в 1913 г., они значительно менялись, сохраняя при этом такие существенные элементы как реформирование края с перспективой его автономии. История того времени наглядно показала, что наиболее радикальные варианты решения македонского вопроса (будь то объединение с Болгарией, задуманное в 1878 г. или представление

Македонии широкой автономии, планировавшееся в 1908 г.) имели минимальные шансы на успех. Поэтому российская дипломатия стремилась держать македонский вопрос в подвешенном состоянии в лоне постепенных мирных преобразований, осуществляемых под ее контролем совместно с другими заинтересованными державами. Акцент делался на постепенном реформировании всех сторон жизни края с перспективой придания ему автономного статуса и возможной кантонизации. Понимая, что развязать этот «гордиев узел» Балкан невозможно из-за недостижимости удовлетворения каждой заинтересованной стороны, российская дипломатия в начале XX в. пыталась чуть его ослабить и отложить на отдаленное будущее «окончательное» разрешение проблемы. Таким образом, расчет делался на длительное и постепенное решение македонской проблемы, важным считался сам процесс (урегулирование), а не результат (разрешение). Однако предлагавшийся Россией промежуточный вариант не имел шансов на реализацию в силу тогдашних политических реалий, хотя именно он на тот момент представлялся наиболее гибким вариантом решения македонского вопроса¹⁶.

Исследователи, занимающиеся историей национально-освободительного движения на Балканах, всегда подчеркивали, что русская дипломатия, традиционно проявлявшая готовность оказывать национально-освободительному движению братьев-славян моральную поддержку, этим и ограничивалась; ее отношение к любым революционным действиям на полуострове столь же традиционно было резко отрицательным. Один из исследователей революционного движения в Македонии Д.О. Лабаури не скрывает своей неудовлетворенности из-за нежелания царского правительства оказывать этому движению поддержку. Подобные действия, по мнению этого уральского историка, вели к утрате влияния России на Балканах и переориентировали революционеров на другие великие державы, от которых они ждали, так же впрочем безуспешно, помощи в освобождении Македонии¹⁷.

Анализируя отмеченные статьи О.Н. Исаевой и Д.О. Лабаури, Р.П. Гришина пришла к выводу, что тупиковыми оказались оба пути решения македонской проблемы — и революционный и эволюционный (мирный). В первом случае у балкан-

ских революционеров не хватало собственных сил, а решению вопроса дипломатическими и политическими способами мешало недоверие великих держав друг к другу и их соперничество в регионе. В результате была открыта дорога к военному решению проблемы силами самих балканских государств. Взяв инициативу в свои руки и объединившись против Турции в 1912 г., они освободили Македонию, но затем передрались между собой из-за добычи. Истребительная война на Балканах очень быстро приобрела мировой характер. Анализируя подобное развитие событий, Гришина задалась вопросом: а стоило ли дипломатии великих держав затягивать кризисную ситуацию на полуострове и испытывать долготерпение балканцев? Может быть, ей следовало бы серьезнее отнестись к желаниям и требованиям молодых балканских государств и не упускать инициативы из своих рук?¹⁸.

Детально разобраться в сложнейшей ситуации в Македонии рубежа веков вознамерился молодой самарский историк А.Н. Сквозников¹⁹. Автор задался целью показать жесточайшую идеологическую, политическую и вооруженную борьбу балканских народов за македонские земли и раскрыть, таким образом, корни современных этнических и межконфессиональных конфликтов на Балканах. Это важно потому, что события тех лет в Македонии во многом сформировали тот образ Балкан как земли «огня и меча», который сохранился и в наши дни. Отмечая важность македонской проблемы в системе международных отношений начала XX в., автор пришел к выводу, что «именно македонские земли явились первым полем для эксперимента по деятельности своеобразного «ограниченного контингента» вооруженных сил европейских держав, контролирующих ход проведения реформ в Османской империи». Так, более ста лет на Балканах используется эта форма международного урегулирования балканских кризисов.

Правда, оценка акции великих держав под руководством России и Австро-Венгрии в Македонии в период с 1894–1908 гг., вызвала у Сквозникова определенное затруднение. В начале своей работы он написал о «громоздкости и неэффективности этого варианта урегулирования конфликта». В заключении же делается вывод, что в сложившейся международной обстановке начала XX в. подобная политика была на-

ибо более оптимальным вариантом внешнеполитического курса, реализуемого Россией как на Балканах в целом, так и в Македонии в частности²⁰. Подобная противоречивость выводов относительно акции великих держав в Македонии свидетельствует о необходимости продолжения исследования и дальнейшего осмысления проблемы.

Главной исследовательской установкой коллектива ученых Института славяноведения РАН в последнее десятилетие стал феномен «человека на Балканах» в ходе процесса модернизации. Актуальность обращения к теме «*Homo balkanicus*» в плане проявления его социальных и психологических особенностей, мироощущения и ментальности в изменяющихся исторических условиях определяется необходимостью объективного осмысления ключевых моментов истории балканских народов на основе современного уровня научных знаний. В рамках этого крупномасштабного коллективного проекта была издана серия книг, посвященных различным аспектам балканского феномена модернизации. Многообразие сюжетов, отражение позиций разных слоев внутри общества отдельных балканских стран, а также показ внешнеполитических факторов — все это предопределяет ценность работы, сделанной авторским коллективом, содействует углубленному раскрытию сложнейших процессов модернизации на Балканах.

Особое внимание исследователи уделили проблеме политической модернизации, строительству и функционированию национального государства на Балканах, что было главной задачей балканских народов после 1878 г., когда большинство из них получили полную самостоятельность или автономию. Авторы убедительно показали, что внедрение на балканской почве западной политической модели с ее важнейшими конструктивными элементами, превратившееся в своего рода «институциональную революцию», стало для каждого балканского народа сложнейшей и крайне трудоемкой задачей. Они отметили, что синдром отягощенной социально-культурной наследственности и степени цивилизационно-культурного развития самого «балканского человека» непосредственным образом отразился на том, какого рода государства могли появиться в этом регионе Европы в рассматриваемый период вре-

мени. Иначе говоря, результаты «европеизации Балкан» оказались далеко не адекватными тем образцам, к воплощению которых стремились ее инициаторы²¹.

Много внимания авторы коллективных трудов указанной серии уделили дилемме, вставшей перед балканскими странами в начале XX в.: война или модернизация. Элита балканских стран, поставленная перед подобным выбором, высказалась при значительной поддержке общества в пользу первого варианта, что и привело к череде кровопролитных войн на Балканах в период 1912–1918 гг. Этот выбор, уводящий балканские народы в сторону от важнейших действительно национальных задач экономического и социокультурного строительства, способствовал консервации традиционного состояния балканского общества и затормозил его движение по пути модернизации²².

Авторы пришли к заключению, что новым балканским государствам следовало бы сосредоточить усилия правящих кругов не на внешних целях, а на проблемах внутреннего развития своих стран, ибо поиски путей решения задачи «освобождения и объединения» отвлекали слишком много средств и внимания. Особо выделяется то обстоятельство, что в силу ряда причин ни одно государство на Балканах не сумело сформировать четкой государственной цели до начала Балканских войн, изменивших вместе с Первой мировой войной ход модернизации в регионе²³. Правящие круги балканских стран ни до этих войн, ни после них так и не овладели способностью выдвигать назревшие, настоятельные и адекватные уровню развития страны и ее населения национальные проекты. Скорее они были склонны к поспешным, волюнтаристским действиям эмоционального характера.

Исследуя модернизационный процесс на примере Болгарии, Гришина в монографии объясняет, в силу каких причин единственной целью, которую балканским государствам удалось четко сформулировать, оказалась военная. В этих государствах в течение нескольких десятилетий после их освобождения культивировался великодержавный «национальный идеал» в виде объединения целостного народа. В числе других причин автор отметила милитаризованность сознания балканцев, связанную с необходимостью постоянно обороняться

от османских завоевателей, а также влияние первичной матрицы, впитавшей в себя особенности жизни горцев. Поэтому этничность на Балканах превратилось почти в повседневную практику, а террор и насилие стали широко использоваться в политических целях²⁴. Анализируя детали политической модернизации Княжества Болгария, Гришина выделила особую роль армии и школы в модернизирующемся обществе, а также роль нелегитимных органов и организаций, обладавших немалым политическим влиянием, в том числе различные македонские организации от ВМОРО до ВМОК.

Особую ценность работе Гришиной придают не только обращение автора к дискуссионным вопросам, но и её манера высказывать собственное мнение в осторожной и предположительной форме, что побуждает читателя к размышлениям. Осмысливая достижения болгарской и российской историографии, исследовательница вернулась к обсуждению важной темы, связанной с процессом образования наций на Балканах, руководствуясь целью привлечь внимание к сложным и требующих углубленного изучения вопросам. Автор очень точно заметила, что «в условиях Балкан с их этнической чересполощицей, с частой вынужденной миграцией населения с места на место, из страны в страну особенно трудно определить, когда “начинается” собственно нация, а также затруднительно сказать, когда строительство ее более или менее состоялось»²⁵.

Стремясь привлечь внимание читателя к некоторым аспектам образования болгарской нации, формирования болгарского национального самосознания, понимания собственной идентичности, Гришина привела интересные данные о значительной фрагментарности болгарского общества в территориальном смысле, о большом этническом его разнообразии, о сохранении регионального характера этнического самосознания в соответствии с административным делением Османской империи и так называемыми историческими областями²⁶. Она сделала вывод о том, что некорректно говорить о консолидации болгар в нацию в период не только предшествовавший Освобождению, но и в последующие два десятилетия, что было характерно для болгарской историографии конца 1970-х годов и некоторых отечественных исследователей.

Р.П. Гришина коснулась и «очень деликатной и даже щепетильной проблемы» — о действительной глубине национальных чувств широких болгарских масс, поколения которых, как пишется во всех болгарских учебниках, мечтали об объединении и с надеждой ждали «часа икс». В историографии с давних пор утвердилось мнение о «взрыве национальных чувств», о всеобщей народной поддержке грядущей войны за освобождение поработанных болгарских братьев. Эта версия, отстаивавшаяся в болгарской и в российской литературе, представляется автору верной лишь отчасти, поскольку крестьянство, составлявшее большинство населения страны и недовольное набиравшим силу милитаризмом, сдержанно относилось к военному способу решения македонского вопроса. Решающую роль в развязывании войны, по мнению исследовательницы, сыграли «македонствующие» военные круги и некоторые партии, слывшие патриотическими²⁷.

Следуя антропологическому принципу, отечественные ученые проявили в последнее время особый интерес к личности и ее роли в истории. Этот интерес вполне оправдан, поскольку уравнивает прежний крен в сторону абстрактных изысканий из истории классов, социальных групп и их борьбе за смену общественных формаций. Усилиями коллектива авторов была создана галерея наиболее ярких лидеров стран Центральной и Юго-Восточной Европы, приверженцев идеи объединения нации и создания единого государства²⁸. Герои этой книги, вошедшие в пантеон национальной истории, выступили на ее авансцену в переломную для всего континента эпоху, центральным событием которой стала Первая мировая война. Именно с ней они связывали окончательное решение «своего» национального вопроса, реализацию «национального идеала». На конкретных жизненных примерах рассмотрено значение субъективного фактора в ситуации, когда история поставила страны региона перед судьбоносным выбором: война или модернизация.

В названном издании впервые в отечественной литературе создан портрет знаковой фигуры для Болгарии и Македонии — Т. Александрова, профессионального революционера-террориста, принимавшего самое непосредственное участие во всех перипетиях македонского вопроса²⁹. Еще до

недавнего времени в исторической и мемуарной литературе (главным образом, болгарской) его либо превозносили и хвалили, либо ругали. Он побывал и героем национально-освободительной борьбы, и военным преступником. Основываясь на недавно введенных в научный оборот болгарскими специалистами документальных материалов, автор соответствующей статьи Р.П. Гришина попыталась воссоздать объективный образ этого крайне неоднозначного политического деятеля, воинствующего революционера, с помощью циничных провокаций с массовыми жертвами в Македонии проложившего путь к войне на Балканах. Развенчивая «миф о легендарном болгарском патриоте», Гришина задалась вопросом: чего же хотел в действительности Александров — свободы Македонии или власти над ней? Чем была для него Болгария? Дать прямые ответы на эти вопросы, по мнению автора, не получилось ни у современников, ни ныне — притом ни в Республике Македония, ни в Республике Болгария.

Беглый контент-анализ рассмотренных работ позволяет уловить критическое отношение авторов к предшествующей во многом идеологизированной литературе, стремление взглянуть на историю региона и российско-балканских отношений под иным, чем прежде, углом зрения, обратиться к дискуссионным вопросам. Конечно, далеко не все выдвигаемые авторами вопросы получили окончательное разрешение на страницах современных изданий, но сама их постановка имеет, несомненно, позитивное значение для дальнейших научных исследований. Отрадное впечатление производит и тот факт, что помимо центра в России стали складываться самостоятельные научные центры по изучению балканских проблем, расположенные в Поволжье (Самара, Саратов) и на Урале (Екатеринбург).

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Орешкова С.Ф., Ульченко Н.Ю.* Россия и Турция: проблема формирования границ, М., 2006. С. 174–175.

² *Учаева Н.А.* Мифы и реалии Балканских войн 1912–1913 гг. на страницах русской периодической печати // Славянский сборник. Саратов, 2009. С. 118.

³ *Исаева О.Н.* Балканская ловушка для Российской империи; *Кочуков С.А.* К вопросу о военной помощи России странам Балканского полуострова в середине 70-х гг. XIX в.; *Ланник Л.В.* Первая мировая война и исторические судьбы зарубежных славянских народов // Славянский сборник. Саратов, 2009.

⁴ *Романенко С.А.* Югославия, Россия и «славянская идея». Вторая половина XIX — начало XXI века. М., 2002. С. 59–62.

⁵ См. *Виноградов В.Н.* Балканская эпопея князя А.М. Горчакова. М., 2005.

⁶ *Романенко С.А.* Югославия, Россия и «славянская идея». С. 68.

⁷ *Улуян Ар.А.* Мировая война могла начаться на Балканах в 1902 г.? // Средняя Европа. Проблема международных и межнациональных отношений XII–XX вв. Памяти Т.М. Исламова. СПб., 2009. С. 256.

⁸ *Айрапетов О.А.* Внешняя политика Российской империи (1801–1914) М., 2006. С. 623.

⁹ *Виноградов В.Н.* Русско-турецкая война 1877–1878 гг.: власть и общество // Славяноведение. 2008. № 5.

¹⁰ Балканский узел, или Россия и «югославский фактор» в контексте политики великих держав на Балканах в веке. М., 2005. С. 11.

¹¹ Очерки истории Министерства иностранных дел России. М., 2002. Т. 1. С. 386; История внешней политики России. Вторая половина XIX века. М., С. 217; *Виноградов В.Н.* Балканская эпопея князя А.М. Горчакова. С. 270.

¹² *Дегоев В.В.* Внешняя политика России и международные системы: 1700–1918 гг. М., 2004. С. 350.

¹³ См.: В «пороховом погребе Европы». 1878–1914 гг. М., 2003.

¹⁴ *Исаева О.Н.* Национальное самосознание славянского населения Македонии в начале XX века (по свидетельствам российских консулов) // Славяноведение. 2002. № 3; *Ямбаев М.Л.* Сербская политика в Македонии на рубеже XIX–XX вв. глазами русских консулов // Двести лет новой сербской государственности: к юбилею начала Первого сербского восстания 1804–1813 гг. СПб., 2005; *Он же.* Четы Внутренней македонской организации на начальном этапе деятельности // Славяноведение. 2006. № 1.

¹⁵ *Рыбаченок И.С.* Россия и Австро-Венгрия на Балканах: соперничество и сотрудничество на рубеже XIX–XX вв. // Европейский альманах. История, традиции, культура. М., 2006.

¹⁶ *Исаева О.Н.* От войны к войне: проблема Македонии в русско-болгарских отношениях (1878–1913) // България и Русия: между признательността и прагматизма, 2008. С. 251, 261.

¹⁷ *Лабзаур Д.О.* Образ России в представлениях македонских болгар во второй половине 90-х гг. XIX в.— начале XX в. // България и Русия: между признательността и прагматизма.. С. 207–217.

¹⁸ *Гришина Р.П.* Заметки об изданиях, посвященных 130-летию русско-турецкой войны 1877–1878 гг. и Освобождению Болгарии // *Славяноведение*. 2010. № 3.

¹⁹ *Сквозников А.Н.* Македония в конце XIX — начале XX века — яблоко раздора на Балканах. Самара, 2010.

²⁰ Там же. С. 3, 155.

²¹ Человек на Балканах и процессы модернизации. Синдром отягощенной наследственности (последняя треть XIX — первая половина XX в.). СПб., 2004.

²² Человек на Балканах. Социокультурные измерения модернизации на Балканах (середина XIX — середина XX в.). СПб., 2007. С. 11.

²³ Человек на Балканах. Государство и его институты: гримасы политической модернизации (последняя четверть XIX — начало XX в.). СПб., 2006.

²⁴ *Гришина Р.П.* Лики модернизации Болгарии (бег трусцой по пересеченной местности). М., 2008.

²⁵ Там же. С. 101.

²⁶ Там же. С. 119.

²⁷ Там же. С. 183–187, 196–198.

²⁸ До и после Версаля. Политические лидеры и идеи национально-государства в Центральной и Юго-Восточной Европе. М., 2009.

²⁹ *Гришина Р.П.* Между Болгарией и Македонией: идеи и практика Тодора Александрова (миф о легендарном болгарском патриоте) // До и после Версаля. Политические лидеры и идея национального государства в Центральной и Юго-Восточной Европе. М., 2009.

БИБЛИОГРАФИЯ РАБОТ Т.В. ВОЛОКИТИНОЙ

1976

Борьба демократических сил против оппозиционной группировки Н. Петкова в БЗНС за осуществление социально-экономических преобразований в Болгарии в первые годы народной власти / Игнатъева Т.В. // Советское славяноведение. 1976. № 2. С. 16–31.

Мелкобуржуазные концепции общественно-экономического устройства Болгарии, Польши и Румынии после Второй мировой войны / Игнатъева Т.В. // «Общие закономерности Великого Октября и революций 40-х годов в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. Всесоюзная научная конференция (Рига, 14–16 XII 1976). Тезисы докладов и выступлений / Под ред. Л.С. Гапоненко В.И. Миллера. Вып. 1–2. М., 1976. Вып. 1. С. 52–54.

1979

Борьба БРП(к) против оппозиции по вопросам социально-экономических преобразований в Болгарии. 1944–1947 / Игнатъева Т.В. // Из истории социалистического строительства в странах Центральной и Юго-Восточной Европы / Редкол.: Л.Б. Валев, В.К. Волков, М.Б. Епич, Б.Й. Желицки А.И. Недорезов (отв. ред.), А.И. Пушкаш. М.: Наука, 1979. С. 70–75.

З історії боротьби демократичних сил Болгарії проти «крайньої лівої опозиції» після 9 вересня 1944 р. / Игнатъева Т.В. // Проблеми слов'язнознавства. Львів, 1979. Вип. 20. С. 23–30.

Эволюция мелкобуржуазных представлений об общественно-экономическом развитии Болгарии / Игнатъева Т.В. // Советское славяноведение. 1979. № 4. С. 16–31.

1980

Рец.: Исусов М. Политические партии в България. 1944–1948. София, 1978. 448 с. / Игнатъева Т.В. // Советское славяноведение. 1980. № 6. С. 108–110.

1981

Организационно-политическое развитие Отечественного фронта в период становления и укрепления народно-демократической власти в Болгарии (9 сентября 1944 – октябрь 1946 гг.) / Волокитина Т.В. // Советское славяноведение. 1981. № 6. С. 25–36.

1982

Георгий Димитров и некоторые вопросы развития Отечественного фронта в Болгарии (1944–1948) // Советское славяноведение. 1982. № 4. С. 14–21.

Программа правительства Отечественного фронта от 17 сентября 1944 г. и ее роль в развитии народно-демократической революции в Болгарии. Автореф. дис. канд. ист. наук. М.: ИСБ АН СССР, 1982.

1984

Из истории разработки экономической политики Отечественного фронта в Болгарии после 9 сентября 1944 г. // Балканские исследования / Редколл.: Г.Л. Арш, Ю.Д. Беляева, В.Н. Виноградов, Л.Я. Гибианский, Ю.В. Иванова, Е.П. Львова, Е.П. Наумов, Д.Ф. Поплыко. М.: Наука, 1984. Вып. 9. С. 254–266.

Рец.: История и культура Болгарии. К 1300-летию образования Болгарского государства. М., 1981. 351 с. // Советское славяноведение. 1984. № 3. С. 102–105.

Советско-болгарские отношения на современном этапе: курс на всестороннее сближение // Советское славяноведение. 1984. № 4. С. 32–37.

1985

Развитие Отечественного фронта в Болгарии (9 сентября 1944 – август 1945 г.). Раскол ОФ и образование «Лояль-

ной оппозиции» // Народные и национальные фронты в антифашистской освободительной борьбе и революциях 40-х годов / Под ред. А.Я. Манусевича. М.: Наука, 1985. С. 349–369.

Отечественный фронт Болгарии в период борьбы за осуществление программы от 17 сентября 1944 г. // Народные и национальные фронты в антифашистской освободительной борьбе и революциях 40-х годов / Под ред. А.Я. Манусевича. М.: Наука, 1985. С. 471–479.

Отечественный фронт и развитие революционного процесса в Болгарии. Преобразование ОФ в единую общественно-политическую организацию (февраль 1948 г.) // Народные и национальные фронты в антифашистской освободительной борьбе и революциях 40-х годов / Под ред. А.Я. Манусевича. М.: Наука, 1985. С. 479–487.

1988

Некоторые методологические вопросы изучения политической системы социализма в советской и болгарской историографии // *Dějiny socialistického Československa. Studie a materiály*. Praha: Ústav československých a světových dějin ČSAN, 1988. Svazek 9. S. 209–228.

1989

Разработка коммунистическими и рабочими партиями стран Центральной и Юго-Восточной Европы программ построения основ социализма // Строительство основ социализма в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. Очерки истории / Под ред. Г.П. Мурашко. М.: Наука, 1989. С. 101–137.

Рец.: А.Ф. Носкова. Крестьянское политическое движение в Польше. Сентябрь 1939 — весна 1948 г. М., 1987. 316 с. // Советское славяноведение. 1989. № 4. С. 109–111.

1990

Программа революции. У истоков народной демократии в Болгарии. 1944–1946 гг. М.: Наука, 1990. 240 с.

1991

Государство в политической системе СССР и стран Восточной Европы // Политические системы СССР и стран Восточной Европы. 20–60-е гг. / Под ред. А.Ф. Носковой. М.: Наука, 1991. С. 18–33.

Болгария: «нежная революция» или поиски «новой модели социализма»? // Восточная Европа на историческом переломе (Очерки революционных преобразований 1989–1990 гг.) М.: ИСБ РАН; ИНИОН РАН, 1991. С. 39–69.

1992

«Национальный путь» к социализму в концепциях социал-демократических партий Восточной Европы после Второй мировой войны // «Восточноевропейский социализм»: становление режима, попытки его модификации, причины краха. Сб. статей. / Под ред. В.В. Марьиной, Ю.С. Новопашина. М.: ИСБ РАН, 1992. С. 48–57.

1993

Народная демократия: миф или реальность? Ответственно-политические процессы в Восточной Европе. 1944–1948 гг. М.: Наука, 1993. 344 с. (в соавторстве с Г.П. Мурашко и А.Ф. Носковой).

1994

НКВД и польское подполье. 1944–1945. (По «Особым папкам» И.В. Сталина). Сборник документов. М.: ИСБ РАН, 1994. 308 с. (составление, археографическая обработка: в соавторстве с Г.П. Мурашко, А.Ф. Носковой и Д.А. Ермаковой).

Das Zentralkomitee der WKP(B) und das Ende der «nationalen Wege zum Sozialismus» [ЦК ВКП(б) и демонтаж концепции «национальных путей к социализму»] // Jahrbuch für Historische Kommunismusforschung 1994 / Hrsg. von Hermann Weber u.a. Berlin: Akademie Verlag, 1994. S. 9–37 (в соавторстве с Г.П. Мурашко, А.Ф. Носковой).

1995

Из истории ликвидации Болгарской социал-демократической партии. (1947–1948 гг.) // Тоталитаризм и антитоталитарные движения в Болгарии, СССР и других странах Восточной Европы (20–80-е годы XX века). Материалы междунар. науч. конф., Харьков, 21–23 сент. 1993 г.: В 2 т. / Редкол.: Г.И. Чернявский (отв. ред.) и др. Харьков: Межреспубликанская научная ассоциация болгаристов. 1995. Т. 2. С. 139–147.

Народная демократия и перспективы сталинской модели социализма в Болгарии. 1944–1948 // У истоков «социалистического содружества»: СССР и восточноевропейские страны в 1944–1949 гг. / Отв. ред. Л.Я. Гибианский. М.: Наука, 1995. С. 131–148.

Начало создания соцлагеря // СССР и холодная война / Под ред. В.С. Лельчука, Е.И. Пивовара. М.: Мосгорархив, 1995. С. 76–98. (Серия: Десять новых учебников по историческим дисциплинам) *(в соавторстве с Г.П. Мурашко и А.Ф. Носковой)*.

1996

Рец.: А.А. Улуянн. Деятели болгарского национально-освободительного движения. XVIII–XIX вв. Биобиблиографический словарь в 2-х тт. М., 1996 // Новая и новейшая история. 1996. № 6. С. 203–204.

История Восточной Европы от начала Второй мировой войны до современности // Новая и новейшая история. 1996. № 6. С. 9–22 *(в соавторстве с В.В. Марьиной и Ю.С. Новопашиным)*.

Восточноевропейская история — от начала Второй мировой войны до современности // Институт славяноведения и балканистики. 50 лет / Редкол.: Е.П. Аксёнова, Ю.В. Богданов, М.А. Васильев, Г.К. Венедиктов, А.Н. Горяинов, Л.В. Заборовский, Л.С. Кишкин, Л.Г. Невская, М.А. Робинсон (отв. ред). М: ИСл РАН, Изд-во Индрик, 1996. С. 132–152 *(в соавторстве с В.В. Марьиной и Ю.С. Новопашиным)*.

1997

Встреча российских и болгарских историков // Славяноведение. 1997. № 1. С. 117–119.

A «nemzeti utak» elutasítása és a jugoszláv ügy [Отказ от «национального пути» развития и югославский вопрос] // *Múltunk. Politikátörténeti folyóirat*. Budapest, 1997. N3. 154–171.о.

Organizarea postbelica a României în proiectele sovietice [Советские планы послевоенного устройства Румынии] // *Arhivele totalitarismului*. București, 1997. Anul V. N15–16 (2–3/1997). P. 18–28.

Crearea Cominformului și perspectivele unei alternative social-democrate în Europa de Est [Создание Коминформа и перспективы социал-демократии в Восточной Европе] // *Anul 1947 — Căderea Cortinei — Romulus Rusan*. București, 1997 P. 735–768.

Создание соцлагеря // Советское общество: возникновение, развитие, исторический финал. В 2-х томах М.: Российск. гос. гуманит. ун-т, 1997. Т. 2. Апогей и крах сталинизма / Под общ. ред. Ю.Н. Афанасьева. С. 7–53. (Россия XX век).

Социалистические и социал-демократические партии в политической палитре Восточной Европы. 1944–1948. Автореф. дис. на соиск. учен. степ. д-ра ист. наук. М.: ИСЛ РАН, 1997.

1998

Восточная Европа в документах российских архивов. 1944–1953 гг. В 2 т. М.; Новосибирск: Изд-во «Сибирский хронограф», 1998. Т. 2: 1949–1953 гг. 1004 с. (*Ред., составление, комментирование*).

Povodom 50-godišnjice početka sovjetsko-jugoslovenskog konflikta 1948 godine [К 50-летию начала советско-югославского конфликта. 1948 год] // 1948. *Yugoslavija i Kominform: pedeset godina kasnije*. Beograd: Medunarodna politika, 1998. С. 151–180.

Москва и политические репрессии в Восточной Европе в конце 40-х годов (по документам российских архивов) // България в сферата на съветските интереси (Българо-руски научни дискусии). Кръгли маси «Съветският фактор в развитието на България след 9 септември 1944 година», «Коминтернът, Коминформбюро и България». София 21–23 април 1997 г. / Ред.кол.: В. Тошкова, Л. Ревякина, С. Пинев, Л. Стоянов. София: Академично изд-во «Проф. Марин Дринов», 1998. С. 53–63.

Польско-чехословацкий пограничный конфликт (1944–1947) // Вопросы истории. 1998. № 6. С. 118–128.

Три визита А.Я. Вышинского в Бухарест (1944–1946). Документы российских архивов / Редкол.: Т.В. Волокитина, Г.П. Мурашко, А.Ф. Носкова, Т.А. Покивайлова (отв. ред.). М.: РОССПЭН, 1998. 248 с. (*Член редколлегии, составитель, археографическая обработка документов*).

Февраль 1948 г. в Чехословакии и судьбы восточноевропейской социал-демократии // Февраль 1948. Москва и Прага: взгляд через полвека. Материалы второго заседания Комиссии историков и архивистов России и Чехии 26–30 апреля 1997 г. / Отв. ред. Г.Н. Севостьянов. М.: ИСБ РАН, Логос, 1998. С. 117–130.

«Холодная война» и социал-демократия в Восточной Европе. 1944–1948 гг. (Очерки истории). [Текст]: Т.В. Волокитина / Отв. ред. Г.П. Мурашко. М.: Издательский центр ООО «История-Сервис», 1998. (Архивно-информационный бюллетень № 3/1. Приложение к журналу «Исторический архив»). 224 с.

1999

Сталин и смена стратегического курса Кремля в конце 40-х годов: от компромиссов к конфронтации // Сталинское десятилетие «холодной войны». Факты и гипотезы / Отв. ред. А.О. Чубарьян. М.: Наука, 1999. С. 10–23.

Советский фактор в Восточной Европе. 1944–1953. В 2 т. Документы. / Отв. ред. Т.В. Волокитина М.: РОССПЭН, 1999. Т. 1: 1944–1948 гг. 687 с. (*составление, введение, научное комментирование*).

2000

Альтернатива социализму // Центрально-Восточная Европа во второй половине XX века. В 3 т. / Отв. ред. И.И. Орлик. М.: Наука, 2000. Т. 1: Становление «реального социализма». 1945–1965. С. 89–111 (*в соавторстве с Г.П. Мурашко*).

Болгария в послевоенном мире: размышления советских дипломатов, 1943–1944 // Славяноведение. 2000. № 1. С. 34–37.

Перспективы развития Болгарии после Второй мировой войны: взгляд из Москвы (новые документы российских архивов) // България и Русия през XX век: Българо-руски на-

учни дискусии. София: Академично изд-во «Проф. Марин Дринов», 2000. С. 238–246.

The Polish-Czechoslovak Conflict over Teschen: The Problem of Resettling Poles and the Position of the USSR [Польско-чехословацкий конфликт из-за Тешена. Проблема переселения поляков и позиция СССР] // East European Politics. London, 2000. Vol. 16. Issue 1-2: Forced Migration in Central and Eastern Europe, 1939–1950. S. 46–63.

Трансильванский вопрос. Венгеро-румынский территориальный спор и СССР. 1940–1946 / Отв. ред Т.М. Исламов. М.: Исл РАН, Федеральная архивная служба России, РОССПЭН, 2000. 456 с. (Ред.: совместно с Т.А. Покивайловой, Т.М. Исламовым). (На румынском яз. издано в 2014 г.: Problema transilvană: disputa teritorială româno-maghiară și URSS 1940–1946: documente din arhive rusești / O. Vințeler, D. Tetean. Cluj-Napoca: Eikon, 2014. 552 p.)

2001

Stalin — Biserica Rusă: o relație interesată [Сталин и Русская православная церковь] // Magazin istoric. București, 2001. N1. P. 15–20.

Из Варшавы. Москва, товарищу Берия... Документы НКВД СССР о польском подполье. 1944–1945 / Отв. ред. А.Ф. Носкова. М.; Новосибирск: Сибирский хронограф, 2001. 448 с. (Один из составителей, археографическая обработка (в соавторстве с Д.А. Ермаковой и Т.В. Царевской)).

2002

Советский фактор в Восточной Европе. 1944–1953. Документы: В 2 т. Документы. М.: РОССПЭН, 2002. Т. 2: 1949–1953 гг. 928 с. (Отв. ред., составление, введение, научное комментирование)

Конфессиональный фактор в геополитических планах Москвы после Второй мировой войны (к проблеме советского влияния в Восточной Европе) // Russian history / Histoire Russe. The Soviet Global Impact: 1945–1991. Idyllwild (California): Charles Schacks, Jr., Publisher, 2002. Vol. 29. N2–4. P. 175–196.

Москва и Восточная Европа. Становление политических режимов советского типа. 1949–1953: Очерки истории / Отв. ред. А.Ф. Носкова. М.: РОССПЭН, 2002. 686 с. (в соавторстве с Г.П. Мурашко, А.Ф. Носковой и Т.А. Покивайловой).

Русская церковь и православные автокефалии на Балканах после Второй мировой войны (За кулисами интеграции) // Человек на Балканах в эпоху кризисов и этнополитических столкновений XX в. / Редкол.: Г.Г. Литаврин, Р.П. Гришина (отв. редакторы), Т.В. Волокитина, Е.Л. Валева. СПб.: Изд-во «Алетейя», 2002. С. 244–259.

Советский фактор в Восточной Европе. 1944–1953. Документы / Отв. ред. Т.В. Волокитина. М.: РОССПЭН, 2002. Т. 2. 1949–1953 гг. 928 с. (составление, научное комментирование).

2003

Болгария на этапе народной демократии (1944–1948). На пути к социализму «по Сталину» (1949–1953) // Болгария в XX веке: Очерки политической истории (XX век в документах и исследованиях) / Отв. ред. Е.Л. Валева. М.: Наука, 2003. С. 302–392.

Москва и православные автокефалии Болгарии, Румынии и Югославии (К проблеме восприятия советской модели государственно-церковных отношений в 40-е годы XX в.) // Власть и церковь в СССР и странах Восточной Европы. 1939–1958 гг. Дискуссионные аспекты. М.: ИСл РАН, 2003. С. 99–125.

Советское руководство, Русская православная церковь и экуменическое движение (40–50-е гг. XX в.) // Власть и церковь в СССР и странах Восточной Европы. 1939–1958 гг. Дискуссионные аспекты. М.: ИСл РАН, 2003. С. 232–251.

«...Начинаю жалеть о моем беспредельном и всепреданном служении православию и славянству...» (Российские архивы о судьбе болгарского экзарха Стефана I) // Актуальные проблемы славянской истории XIX и XX веков: К 60-летию профессора Московского университета Г.Ф. Матвеева: Сборник статей / Под ред. З.С. Ненашевой М.: Мосгорархив, 2003. С. 338–363.

«Sovietizarea» Europei de Răsărit [О советизации Европы: дискуссия продолжается] // Magazin istoric. București, 2003. N 4. P. 54–56.

Съдбата на Екзарх Стефан в контекста на съветско-българските отношения (40–50-те години на XX век) // Исторически преглед, 2003. № 5–6. С. 212–231.

2004

Pătrășcanu: soarta unui lider [Судьба Л. Пэтрэшкану] // Magazin istoric. București, 2004. № 4. P. 38–44.

«Cadrele hotărăsc totul» [«Кадры решают все!»] // Magazin istoric. București, 2004. N10. P. 25–29.

Miza — Balcanii, eventual Mediterana [Красная армия на Балканах. Цель — Средиземноморье] // Magazin istoric. București, 2004. N12. P. 28–32.

Операции Красной армии на Черноморском побережье Румынии и Болгарии в контексте геостратегических интересов СССР // Comisia bilaterală a istoricilor din România și Federația Rusă. Constanța, 2004. P. 225–240.

Судьба экзарха Стефана в контексте советско-болгарских отношений (40–50-е гг. XX в.) // Профессор Сергей Александрович Никитин и его историческая школа. Материалы международной конференции (посвященной 100-летию со дня рождения выдающегося российского слависта, октябрь 2001 г.) / Редкол.: С.И. Данченко, А.В. Карасёв, И.В. Чуркина (отв.ред.) М.: Археодоксия, 2004. С. 373–394.

2005

Любомир Борисович Валев (1915–1981) // Новая и новейшая история, 2005. № 5. С. 211–223 (в соавторстве с Е.Л. Валева).

Русская православная церковь и политика Москвы в Восточной Европе: 1944–1956 гг. // Польша — СССР, 1945–1989: Избранные политические проблемы, наследие прошлого (материалы конференции, октябрь 2003 г.) / Отв. ред. Э. Дурачински, А.Н. Сахаров. М.: Наука, 2005. С. 328–342.

Смена стратегического курса Москвы в Восточной Европе в конце 40-х годов в контексте международной ситуации // Сталинизмът в Източна Европа: След края на Втората световна война. София: Парадигма, 2005. С. 77–113.

Сталинизм в Восточной Европе в 40-е годы XX века: к проблеме изучения (Дискуссионные аспекты) // Межрегиональная конференция славистов «Российское славяноведение в начале XXI века: задачи и перспективы развития»: Материалы Всероссийского совещания славистов (23–24 октября 2003 г.) / Редкол.: В.К. Волков (отв. ред.) и др. М.: ИСл РАН; ООО «Стратегия», 2005. С. 32–44.

Операции Красной армии на Черноморском побережье Румынии и Болгарии в контексте геостратегических интересов СССР // Comisia bilaterală a istoricilor din România și Federația Rusă. Sesiune a IX-a (материалы российско-румынской комиссии историков, 2004). Constanța, 2005. P. 225–240.

2006

Русская православная церковь в геополитических планах советского руководства. 1944–1948 // Koniec druhej szetovej vojny a problémy cirkevnej politiky v nasledujúcom období. Bratislava, 2006. S. 57–73.

Советская модель государственно-церковных отношений в славянских странах православной традиции после Второй мировой войны // Русская Православная Церковь в мировой и отечественной истории: материалы всероссийской научно-практической конференции, 17–19 мая 2006 г. Нижний Новгород: Нижегородский гос. педагогический университет, 2006. С. 427–432.

Convorbirile sovieto-române de la Moscova [Советско-румынские переговоры в Москве. Январь-февраль 1954] // Hegemoniile trecutului. Evolutii românești si europene. București, 2006. P. 359–374.

2007

К юбилею Галины Павловны Мурашко // Славяноведение. 2007. № 3. С. 122–123.

Мой учитель Любомир Борисович Валев // Как это было... Воспоминания сотрудников Института славяноведения / Сост. и отв. ред. Е.П. Аксенова. М.: ИСл РАН, 2007. С. 150–159.

Научный центр истории сталинизма в Восточной Европе // Российские и славянские исследования: Научный сборник. Минск: БГУ, 2007. Вып. II. С. 236–239.

Советская модель государственно-церковных отношений и ее внедрение в восточноевропейских странах православной традиции (Болгарии, Румынии и Югославии) после Второй мировой войны // Славянский мир: общность и многообразие. Материалы международной научно-практической конференции (Коломна, 22–24 мая 2007 г.). Коломна: Изд-во Коломенского государственного педагогического института, 2007. Часть III. История.

2008

Болгарская православная церковь в конфессиональной политике Москвы на рубеже войны и мира (1944–1945 гг.) // Бългaрия и Русия: между признателността и прагматизма. Международна научна конференция. Доклади. София: Евромедия ООД, 2008. С. 507–516.

Восприятие советской модели государственно-церковных отношений в восточноевропейских странах православной традиции после Второй мировой войны // Славянский альманах 2007 / Редкол.: М.А. Робинсон (отв. ред.) и др. М., 2008. С. 162–179.

Москва и Восточная Европа. Власть и церковь в период общественных трансформаций 40–50-х годов XX века. Очерки истории. М.: РОССПЭН; Фонд Первого Президента России Б.Н. Ельцина, 2008. (История сталинизма). С. 21–368. (в соавторстве с Г.П. Мурашко и А.Ф. Носковой).

Москва и Восточная Европа. Становление политических режимов советского типа (1948–1953): Очерки истории. М.: РОССПЭН, 2008. 686 с. (История сталинизма) (в соавторстве с Г.П. Мурашко, А.Ф. Носковой и Т.А. Покивайловой).

Ianuarie-februarie 1954. Negocieri sovieto-române la Moscova [«Москву интересуют золотые запасы Национального банка Румынии...» (Переговоры 1954 г. в Москве)] // Magazin istoric. București, 2008. N1. P. 48–52.

Православная церковь Албании в конфессиональной политике государства после Второй мировой войны

и «советский фактор» // Роль конфессий в развитии межнациональных отношений: Россия–Балканы–Поволжье, 11–13 сентября 2008 года: международная научная конференция / Редкол.: Ю.П. Аншаков и др. Самара: Поволжский фил. Ин-та российской истории РАН, 2008. С. 295–306.

Православная церковь в системе государственно-церковных отношений в Польше в первой половине XX в. // Российские и славянские исследования: Научный сборник. Минск: БГУ, 2008. Вып. III. С. 26–47.

Политическое насилие как инструмент утверждения и консолидации коммунистических режимов в Восточной Европе и «советский фактор» (1940–1950-е годы) // Власть и общество: непростые взаимоотношения (Страны Центральной и Юго-Восточной Европы в XX веке). Сб. статей / Отв. ред. Е.П. Серапионова. М.: ИСл РАН, 2008. С. 179–197.

Борьба за политическое лидерство в СССР и Болгарии. 1953–1956 годы (Исторические параллели) // 1956 год. Российско-болгарские научные дискуссии. Сб. статей / Редкол.: Г.Г. Литаврин, Т.В. Волокитина, Р.П. Гришина. М.: ИСл РАН, 2008. С. 109–146.

Советский фактор в Восточной Европе на начальном этапе холодной войны. 1944–1953 гг. // Славянский мир, Запад, Восток: Памяти профессора Д.Г. Песчаного. Материалы международной научно-практической конференции / Под редакцией Э.Г. Варганьян, О.В. Матвеева. Краснодар, Изд-во «Кубанькино», 2008. С. 144–152.

Советский фактор в судьбах политических деятелей Восточной Европы в 40–50-е гг. XX в. (Тр. Костов, Л. Райк, Л. Пэтрэшкану) // Историки-слависты. М.: Изд-во Моск. университета, 2008. Кн. 6. Б.Н. Билунов. Материалы конференции, посвященной 60-летию Б.Н. Билунова / Отв. ред. Г.Ф. Матвеев. С. 253–271.

Москва и Восточная Европа: Власть и Церковь в период общественных трансформаций 40–50-х годов XX века: Очерки истории. М.: РОССПЭН; Фонд Первого Президента России Б.Н. Ельцина, 2008. 807 с. (в соавторстве с Мурашко Г.П., Носковой А.Ф.)

2009

Власть и церковь в Восточной Европе. 1944–1953. Документы российских архивов: в 2-х томах. / Редкол.: Т.В. Волокитина (отв. ред.) и др. М.: РОССПЭН, 2009. Т 1: 1944–1948. 887 с.

Власть и церковь в Восточной Европе. 1944–1953. Документы российских архивов: в 2-х томах / Отв. ред. Т.В. Волокитина. М.: РОССПЭН, 2009. Т. 2: 1949–1953. 1223 с.

«Вопрос о предоставлении Румынии нового кредита требует серьезного изучения...» Советско-румынские переговоры в Москве. Январь–февраль 1954 г. // Славянский альманах. 2008 / Редкол.: Робинсон (отв. ред.) и др. М.: Индрик, 2009. С. 372–391.

Istoriografia rusă și istoria postbelică a Europei de Est-o abordare actuală [Политическое развитие Восточной Европы после Второй мировой войны в современной российской историографии // Arhivele totalitarismului. București, 2009. N 1. P. 101–112.

2010

Апрельский пленум ЦК БКП (1956 года) в контексте процесса либерализации политического режима в Болгарии // STUDIA BALKANICA. К юбилею Р.П. Гришиной / Отв. ред. А.Л. Шемякин. М.: ИСл РАН, 2010. С. 294–322.

Геополитические итоги Второй мировой войны и феномен народной демократии в Восточной Европе // Славянский мир в третьем тысячелетии. Славянские народы: векторы взаимодействия в Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европе / Отв. ред. Е.С. Узенёва. М.: ИСл РАН, 2010. С. 5–13.

«Друзья» и «враги» в советской пропаганде военных лет: балканское измерение // Россия — Болгария: векторы взаимопонимания. XVIII–XXI вв.: Российско-болгарские научные дискуссии / Отв. ред. Р.П. Гришина. М.: Изд-во «Пробел-2000», 2010. С. 275–303.

О некоторых дискуссионных аспектах истории сталинизма в Восточной Европе в 40-е — 50-е гг. XX в. // Восточный блок и советско-венгерские отношения: 1945–1989 годы / Под ред. А.С. Стыкалина и О.В. Хавановой. СПб.: Алетея, 2010. С. 4–19.

«Пражская весна» в осмыслении болгарских историков (Историографические заметки) // 1968 год. «Пражская весна». Историческая ретроспектива. Сб. статей / Отв. ред. Г.П. Мурашко. М.: РОССПЭН, 2010. С. 751–777.

Проблема освобождения и характера власти в Восточной Европе в контексте геополитических итогов Второй мировой войны // Великая война и Великая Победа: к 65-летию Победы в Великой Отечественной войне. В 2-х кн. М.: Академкнига, 2010. Кн. 2. / Редкол. А.Н. Сахаров (отв. ред.) и др. С. 370–380.

Stalinismul în Europa de Est. Dezbaterile continuă. [Сталинизм в Восточной Европе: дискуссии продолжаются...] // Magazin istoric. București, 2010. N 7. P. 33–37.

2011

Болгарская историография о роли советского фактора в истории страны // Историки-слависты МГУ. М.: ИСл РАН, 2011. Книга 8. Славянский мир: в поисках идентичности. В ознаменовании 70-летия кафедры и 175-летия учреждения славистических кафедр в университетах Российской империи / Редкол.: Ю.А. Борисёнок, Г.Ф. Матвеев, З.С. Ненашева. С. 977–991 (в соавторстве с Е.Л. Валевой).

Болгарская эпопея русского священника (деятельность В.Д. Шпиллера в Болгарии) // Les relations de la Russie avec les roumains et avec le sud-est de l'Europe du XVIII-e au XX-e siècle: actes du Colloque international: Bucarest, le 14 Septembre 2010 București, 2011. С. 177–185.

Восточная Европа после Второй мировой войны: некоторые актуальные вопросы российской историографии и интерпретации источников // Призвание и всеотдайность. В чест на 70-годишния юбилей и 40-годишната научна дейност на проф. д.и.н. Витка Тошкова. София: Академично изд-во «Проф. Марин Дринов», 2011. С. 242–254.

Геополитические итоги Второй мировой войны и феномен народной демократии в Восточной Европе // Дриновски сборник / Дриновський збірник. Т. IV. София; Харьков — Харьків; Софія: Академично изд-во «Проф. Марин Дринов», 2011. Т. IV. С. 270–276.

Государство и православные автокефальные церкви в Восточной Европе в период формирования советского блока: замыслы и реальность // Государство и церковь в XX веке. Эволюция взаимоотношений, политический и социокультурный аспекты. Опыт России и Европы / Отв. ред. А.И. Филимонова. М.: URSS; Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2011. С. 314–330.

Из истории одной провокации: отставка экзарха Стефана в контексте «демократизации» Болгарской православной церкви // България, Балканите и Русия. XVIII–XXI. Българо-руски научни дискусии. София: Институт за исторически изследвания, 2011. С. 84–95.

Красная армия в Болгарии осенью 1944: образ и реальность // Славянский мир в эпоху войн и конфликтов XX в. / Отв. ред. Е.П. Серапионова. СПб.: Алетейя, 2011. С. 462–484.

Москва и «дело» румынского коммуниста Л. Пэтрэшкану // Судебные политические процессы в СССР и коммунистических странах Европы. Сравнительный анализ механизмов и практик проведения. Сборник материалов французско-российского семинара (Париж, 29–30 ноября 2010 г.) / Ред.: С.А. Красильников, А. Блюм. Новосибирск: Наука, 2011. Вып. 2. С. 161–171.

Начало болгарской «оттепели» и общественные настроения в стране в 1950-е годы // В поисках новых путей. Власть и общество в СССР и странах Восточной Европы в 50–60-е гг. XX в. / Редкол.: Т.В. Волокитина, Н.М. Куренная (отв. ред.), Г.П. Мурашко. М.: ИСл РАН, 2011. С. 278–319.

Парадоксы историографии: Красная армия в Болгарии осенью 1944 года // Славянский мир в третьем тысячелетии. Межкультурный и межконфессиональный диалог славянских народов. Сборник статей / Отв. ред. Е.С. Узенёва. М.: ИСл РАН, Изд-во «Пробел-2000», 2011. С. 284–291.

România în propaganda sovietică de război (1941–1945) [Румыния в советской пропаганде военных лет (1941–1945)] // Lucrările celei de-a XV-a sesiuni a Comisiei bilaterale a istoricilor din România și Rusia (Cluj-Napoca, 6–11 septembrie 2010). Academia Română, Centrul de Studii Transilvane. Presa Universitară Clujeană, 2011. P. 85–105.

Советский фактор в годы Второй мировой войны в Болгарии: дискуссионные вопросы болгарской историо-

рафии // Славяноведение. 2011. № 3. С. 16–32 (в соавторстве с Е.Л. Валева).
С. 16–32

Сталинизм в Восточной Европе: специфика исторического опыта // История сталинизма: итоги и проблемы изучения. Материалы международной научной конференции. Москва, 5–7 декабря 2008 г.). М.: РОССПЭН, 2011. С. 197–206 (в соавторстве с Г.П. Мурашко).

Мурашко Галина Павловна. Избранное / Отв. ред. и составитель Т.В. Волокитина. М.: ИСл РАН; Изд-во «Тезаурус», 2011. 574 с.

2012

Болгария – «16-я республика СССР»: замыслы и действительность. 1960-е годы // Новая и новейшая история. 2012. № 6. С. 36–51.

Непростые 60-е... Экономика, политика, культура СССР и Восточной Европы. Обзор // Новая и новейшая история. 2012. № 5. С. 128–142.

О некоторых дискуссионных аспектах изучения проблемы сталинизма в Восточной Европе в 40–50-е гг. XX в. // Русия, Европа и светът. Сборник с материали от международна научна конференция. София, 28–29 септември 2009. София: Университетско изд-во «Св. Климент Охридски», 2012.

2013

Болгария и Коминформ в контексте генезиса и развития советско-югославского конфликта (1947–1953) // Славянский мир: общность и многообразие. (К 1150-летию славянской письменности). Тезисы международной научной конференции 20–21 мая 2013 г. / Отв. ред. К.В. Никифоров. М.: ИСл РАН, 2013. С. 36–37.

История двусторонних отношений России и Болгарии в XVIII–XXI веках // Новая и новейшая история. 2013. № 1. С. 243–247 (в соавторстве с Р.П. Гришиной).

Москва и Восточная Европа. Непростые 60-е... Экономика, политика, культура / Отв. ред. Т.В. Волокитина. М.: Изд-во «Тезаурус», 2013. 486 с.

Тодор Живков: «...НРБ станет единым целым с Советским Союзом...» (О планах превращения страны в «16-ю республику СССР» // Москва и Восточная Европа. Непростые 60-е... Экономика, политика, культура. Сб. статей. М.; Изд-во «Тезаурус», 2013. С. 239–272.

(На «дальних берегах» и на Родине (Из биографии В.Д. Шпиллера) // Межконфессиональные культурные и общественные связи России с зарубежными славянами. К 200-летию со дня рождения М.Ф. Раевского / Отв. ред. К.В. Никифоров. М.; СПб.: «Нестор-История», 2013. С. 341–366.

Particularitățile situației profesionale din România, la mijlocul anilor '50 (după materialele din arhivele rusești) [Особенности профессиональной ситуации в Румынии в середине 1950-х гг. (по материалам российских архивов)] // In memoriam Florin Constantiniu. Smerenie. Pasiune. Credință. București, 2013. P. 697–722.

Тодор Живков: «...Народна република България ще стане едино цяло със Съветския съюз...» (За плана на превръщане на страната в «16-та република на СССР») // Интеграционните процеси през 60-те години на XX век. София: Университетско изд-во «Св. Климент Охридски», 2013. С. 48–78.

2014

Болгария во внешней политике СССР в годы Второй мировой войны // Славянский альманах / Редкол.: К.В. Никифоров (отв. ред.) и др. М.: «Индрик», 2014. [Вып.] 1–2. С. 187–202.

Болгарские турки: проблема депортаций и переселения (конец 1940-х – начало 1950-х) // Миграционные последствия Второй мировой войны: депортации в СССР и странах Восточной Европы. Сборник научных статей / Отв. ред. Н.Н. Аблажей, А. Блюм. Новосибирский национальный исследовательский государственный университет; Новосибирск: «Наука», 2014. Вып. 3. С. 182–196.

Болгарское государство, мусульманское население и планы создания «коммунистической нации» (1960–1970-е гг.) // Российско-болгарские научные дискуссии. Российская и болгарская государственность: проблемы взаимодействия

твия. XIX–XXI вв. / Отв. ред. В.П. Козлов. Редкол.: Т.В. Волокитина, Е.Л. Валева, М.М. Фролова. М.: ИСл РАН, 2014. С. 209–230.

Великите сили и България 1944–1947 г. Том I. Примирието между СССР, Великобритания, САЩ и България (януари–октомври 1944 г.). Документи / Съставителство, преводи, научна редакция, бележки, и указатели: Луиза Ревякина, Витка Тошкова, Татьяна Волокитина. София: Академично изд-во «Проф. Марин Дринов», 2014. 444 с.

Великите сили и примирието с България // Великите сили и България 1944–1947 г. Том I. Примирието между СССР, Великобритания, САЩ и България (януари–октомври 1944 г.). Документи. София: Академично изд-во «Проф. Марин Дринов», 2014. С. 37–45 (*вступителна статия*).

Задолго до «возродителного процесса»... О политике болгарского государства по отношению к турецкому национальному меньшинству (1940-е – 1950-е гг. XX в.) // Национальные меньшинства в странах Центральной и Юго-Восточной Европы: исторический опыт и современное положение. Сб. статей / Отв. ред. Е.П. Серапионова. М.: ИСл РАН, 2014. С. 106–129.

Конференция «Советско-югославский конфликт и страны народной демократии» // Славянский альманах / Редкол.: К.В. Никифоров (отв. ред.) и др. 2013. М.: ИСл РАН; Индрик, 2014. С. 580–583.

О проектах конфедерации европейских социалистических стран (1960-е годы) // Балканы в европейских политических проектах XIX–XX вв. Сборник статей / Отв. ред. Р.П. Гришина. М.: ИСл РАН, Изд-во «Тезаурус», 2014. С. 405–424.

Оппозиция или конформизм? Болгарская православная церковь и коммунистический режим (1940-е – 1980-е гг.) // Государство и Церковь в СССР и странах Восточной Европы в период политических кризисов второй половины XX века / Редкол.: Т.В. Волокитина, Г.П. Мурашко (отв. ред.), М.И. Одинцов, А.И. Филимонова. М.; СПб.: Нестор-История, 2014. С. 102–138.

«Перо приравнено к штыку!» Советская печатная пропаганда в годы Великой Отечественной войны // Славяне и Россия. Славянские и балканские народы в периодической печати. К 90-летию со дня рождения А.А. Улуняна / Отв. ред. С.И. Данченко. М.: ИСл РАН, 2014. С. 328–360.

Славянская идея в годы Второй мировой войны // Шлях да ўзаемнасці. Матэрыялы XVIII міжнароднай навуковай канферэнцыі (Гродна, 15–16 лістапада 2012 года) // Droga ku wzajemności. Materiały XVIII międzynarodowej konferencji naukowej (Grodno, 15–16 listopada 2012 roku). Ліда, 2014. С. 11–16.

2015

Coaliția antihitleristă și România: Pregătirea și încheierea Convenției de armistițiu din septembrie 1944 [Антигитлеровская коалиция и Румыния. Подготовка и подписание Соглашения о перемирии в сентябре 1944 г.] // Arhivele totalitarismului. București, 2015. N1–2. P. 58–79.

Красная армия в Восточной Европе: образы, реальность, интерпретации // Великая Победа. В 15 т. / Под общ. ред. С.Е. Нарышкина, А.В. Торкунова; Моск. гос. ин-т междунар. отношений (ун-т) МИД России, Центр военно-политических исследований Т. XII. Освобождение. Кн. 37. Освобождение Восточной Европы / Редкол.: Н.Ф. Азяский, В.О. Дайнес, В.Б. Маковский, В.В. Марьина, С.М. Монин, А.А. Недашковский, А.Ф. Носкова, А.В. Ревякин, Л.В. Ревякина. М.: МГИМО-Университет, 2015. С. 373–412 (в соавторстве с А.Ф. Носковой, В.В. Марьиной, А.С. Стыкалинным).

Антигитлеровская коалиция и страны-сателлиты Германии: подготовка и заключение соглашений о перемирии // Великая Победа. В 15 т. / Под общ. ред. С.Е. Нарышкина, А.В. Торкунова; Моск. гос. ин-т междунар. отношений (ун-т) МИД России, Центр военно-политических исследований. Т. XIII. Военная дипломатия. Кн. 38. Дипломатия освобождения / Редкол.: Т.В. Волокитина, И.Э. Магадеев, В.Б. Маковский, А.А. Недашковский, А.Ф. Носкова, Е.О. Обичкина, Т.А. Покивайлова, А.В. Ревякин, С.А. Романенко. М.: МГИМО — Университет, 2015. С. 110–144 (в соавторстве с Л. Ревякиной).

Болгария во внешней политике СССР в годы Второй мировой войны // Великая Победа. В 15 т. / Под общ. ред. С.Е. Нарышкина, А.В. Торкунова; Моск. гос. ин-т междунар. отношений (ун-т) МИД России, Центр военно-политических исследований. Т. XIII: Военная дипломатия. Кн. 38. Дипломатия освобождения /

Редкол.: Т.В. Волокитина, И.Э. Магадеев, В.Б. Маковский, А.А. Недашковский, А.Ф. Носкова, Е.О. Обичкина, Т.А. Покивайлова, А.В. Ревякин, С.А. Романенко. М.: МГИМО — Университет, 2015. С. 159–178.

Союзная советская контрольная комиссия в Болгарии (ноябрь 1944 — декабрь 1947 г.) // Великая Победа. В 15 т. / Под общ. ред. С.Е. Нарышкина, А.В. Торкунова; Моск. гос. ин-т междунар. отношений (ун-т) МИД России, Центр военно-политических исследований. Т. XIII. Военная дипломатия. Кн. 38. Дипломатия освобождения / Редкол.: Т.В. Волокитина, И.Э. Магадеев, В.Б. Маковский, А.А. Недашковский, А.Ф. Носкова, Е.О. Обичкина, Т.А. Покивайлова, А.В. Ревякин, С.А. Романенко. М.: МГИМО — Университет, 2015. С. 179–200 *(в соавторстве с Л.Ревякиной)*.

К истории формирования советской стратегии безопасности в годы Второй мировой войны: сражение за Болгарию // Актуальные проблемы истории Второй мировой и Великой Отечественной войн. По материалам работы «круглого стола» (г. Воронеж, 10–11 марта 2015 г.). Военный Учебно-Научный Центр ВВС «Военно-воздушная академия им. проф. Н.Е. Жуковского и Ю.А. Гагарина»; Институт социологии РАН. Воронеж, 2015. С. 115–132.

На рубеже войны и мира: Советский Союз и подготовка Соглашения о перемирии с Болгарией // Славянский альманах 2015 / Редкол.: К.В. Никифоров (отв. ред.) и др. М.: Индрик, 2015. Вып. 1–2. С. 81–94.

Советский фактор в литературной жизни Восточной Европа в 40-е гг. XX в // Славянский альманах. М.: Индрик, 2015. Вып. 3–4. С. 295–310.

У истоков советской исторической болгаристики (к 100-летию со дня рождения проф. Любомира Б. Валева (1915–1981)) // Bulgarian Historical Review / Institute for Historical Studies at the BAS. София, 2015. Т. 43. N 3–4. С. 218–234 *(в соавторстве с Е.Л.Валевои)*.

Холодная война и советизация Восточной Европы: исторический феномен в зеркале российских историографических дискуссий // Славяне и Россия: исторический контекст и проблемы историографии. Сб. статей / Отв. ред. С.И. Данченко. М.: ИСЛ РАН, 2015. С. 336–353.

В память на Рита Петровна Гришина (1930–2015) // Исторически преглед. 2015. Т. 71. № 1–2. С. 352–361.

2016

В лабиринте национальной политики. Советский фактор и проблема мусульманского населения в Болгарии (40–60-е годы XX века) // Известия на Института за исторически изследвания. София, 2016. Том XXXIII. Русия между Запада и Истока. Политика и дипломатия. С. 336–371.

В поисках выхода. Болгария и антигитлеровская коалиция осенью 1944 года // Историческая болгаристика. К 100-летию со дня рождения профессора Л.Б. Валева. Сб. статей. Ин-т славяноведения РАН, Комиссия историков России и Болгарии / Редкол.: Е.Л. Валева (отв. ред.), Т.В. Волокитина. М.: ИСл РАН, 2016. С. 307–322.

Государство и мусульманская общность в контексте модернизационных процессов в Болгарии (межвоенный период) // История: научно-образовательный журнал. 2016. Вып. 5(49). Электронный ресурс URL <https://history.jes.ru/s207987840001545-8-1>

Destalinizarea «în stil bulgăresc». Cervenkov – Jivkov: lupta pentru putere, 1953–1956, I [Десталинизация «по-болгарски». Червенков — Живков: борьба за власть (Часть 1)] // Arhivele totalitarismului. București, 2016. Anul XXIV. N 92–93 (3–4/2016). P. 108–125.

К проблеме смены «носителей власти» в послевоенной Восточной Европе // История, язык, культура Центральной и Юго-Восточной Европы в национальном и региональном контексте. К 60-летию К.В. Никифорова. Сб. статей / Редкол.: С.И. Данченко, К.А. Кочегаров, Б.С. Новосельцев (отв. секретарь), О.В. Хаванова (отв. редактор), Е.С. Узенёва. М.: ИСл РАН, 2016. С. 210–229.

«К 70-летию Великой Победы. Документ в истории и культуре». Материалы «круглого стола» в Институте славяноведения РАН. Обзор // Славяноведение. 2016. № 3. С. 107–118 (в соавторстве с Н.М. Куренной).

Поворот в государственно-церковных отношениях в контексте «большой политики» Москвы (1943–1945 годы) // Актуальные проблемы истории Второй мировой и Великой Отечественной войн (По материалам работы «круглого стола». ВУНЦ ВВС «Военно-воздушная академия им. проф. Н.Е. Жуковского и Ю.А. Гагарина»; ФГБУН «Институт социологии Российской

академии наук» г. Воронеж, 20–22 апреля 2016 г.). Воронеж, 2016. С. 162–177.

Жизнь не по правилам... Дети революций. Дневник одной питерской семьи. 1921–1939. Предисловие, комментирование / Сост. Н.М. Куренная, Т.В. Волокитина. М.; СПб.: «Нестор-История», 2016. 167 с. *(совместно с Н.М. Куренной)*.

У истоков советской исторической болгаристики: К 100-летию Любомира Борисовича Валева (1915–1981) // Славяноведение. 2016. № 1. С. 57–69 *(совместно с Е.Л. Валевой)*.

2017

От конфронтации до нормализации. Болгария и советско-югославский конфликт. 1948–1956 гг. // Москва и Восточная Европа. Советско-югославский конфликт и страны советского блока. 1948–1953. Очерки истории / Редкол.: А.С. Аникеев (отв. ред.) и др. М.; СПб.: Нестор История, 2017. С. 105–213. *(член редколлегии)*.

«Румынские товарищи хотели бы получить совет...» (Советский фактор в «деле» румынского коммуниста Л. Пэтрэшкану. 1948–1954 гг.) // Славяне и Россия: славяне и Россия в системе международных отношений: Сб. статей / Отв. ред. С.И. Данченко. М.: ИСл РАН, 2017. С. 296–318.

Болгария в контексте «новой славянской политики» в СССР в годы Второй мировой войны // Дриновски сборник/Дриновський збірник. Софія; Харков — Харьков; Софія, 2017 [в печати].

СОДЕРЖАНИЕ

К юбилею Татьяны Викторовны Волокитиной..... 3

РАЗДЕЛ I

Фролова М.М. Религиозная жизнь Болгарии
в восприятии военных священников,
участников русско-турецкой войны 1877–1878 гг. 8

Гусев Н.С. Патриарх отечественной военной
журналистики Вас. И. Немирович-Данченко
и его корреспонденция с Первой балканской войны 31

Косик В.И. Между прошлым и будущим...
(о русской эмиграции в Софии)..... 45

Пейковска П. Болгария и болгары
в венгерской науке
(в XIX — середине XX в.)..... 60

Ревякина Л. СССР и подписание перемирия
между СССР, Великобританией,
США и Болгарией (январь — октябрь 1944 г.)..... 75

Марчева И. Болгарское общество
в 60-е годы XX века и особенности социалистической
модели потребления 92

Калинова Е. Москва и болгаро-турецкий
кризис лета 1989 г.....106

Валева Е.Л. Желю Желев:
философ, диссидент, президент117

Баева И. Болгария в 1985–1991 гг. –
от самого верного советского
сателлита при Тодоре Живкове
к повороту на Запад и началу демократии.....139

РАЗДЕЛ II

- Носкова А.Ф.* Сталин — Сикорский: от восстановления к разрыву дипломатических отношений (лето 1941 — весна 1943 г.)166
- Покивайлова Т.А.* Из истории советско-румынских отношений 1943–1944 гг.: румынский король Михай и советское руководство192
- Аникеев А.С.* Внешняя политика Югославии в годы конфликта с СССР. 1948–1953 гг.202
- Васильева Н.В.* Некоторые проблемы безопасности социалистического содружества на начальном этапе блокообразования (конец 40-х — 50-е годы XX в.)219
- Слоистов С.М.* К вопросу об идентичности поляков, чехов и словаков на Восточном фронте (1941–1945 гг.)233
- Барат М.* К вопросу о ликвидации советской системы советников в странах Восточной Европы254
- Стыкалин А.С.* Венгрия после смерти Сталина: между ожиданиями советского руководства и реальным ходом внутривнутриполитических изменений.267
- Улунян Ар.А.* Венгерская революция 1956 г. в оценках и анализе службы безопасности и разведки Нидерландов.294
- Мурашко Г.П.* На пути к «сталинской модели» социализма: Резолюция Информбюро от июня 1948 г. «О положении в Коммунистической партии Югославии» и реакция чехословацкого общества (по материалам российских архивов)317
- Гладышева А.С.* XX съезд КПСС в оценках румынской политической элиты.338

<i>Буга В.</i> Румыно-советские отношения в 1960-е годы.....	355
<i>Новосельцев Б.С.</i> Югославия и ФРГ в 1960-е годы. От разрыва к восстановлению дипломатических отношений.....	374
<i>Лопатина Е.Б.</i> К вопросу об автономии Силезии в составе Польши во второй половине XX — начале XXI в.	386
<i>Исаева О.Н.</i> Балкано-македонские сюжеты в современной российской историографии.....	395
Библиография работ <i>Т.В. Волокитиной</i>	413

Научное издание

Коллектив авторов

STUDIA HISTORIAE BULGARIAE
ET EUROPAE ORIENTALIS
К юбилею Т.В. Волокитиной

Художественный редактор *Л.Г. Ордынская*
Редактор *Л.А. Авакова*
Технический редактор *М.И. Леньшина*
Верстка *Л.Х. Матвеевой*

Подписано в печать 25.12.2017 г.
Формат 60 × 90/16
Печать офсетная. Усл. печ. л. 27,5. Тираж 500 экз.

Институт славяноведения РАН
119334 Москва, Ленинский проспект, д. 32-А
Тел.: +7 (495) 938-17-80; факс + 7 (495) 938-00-96

ISBN 978-5-7576-0407-7

9

785757

604077